

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
СССР

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1957 ГОДУ

ВЫХОДИТ
РАЗ В ГОД

6 · 1984

НОЯБРЬ · ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАУКА
МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО (*главный редактор*),
В. А. ГЕОРГИЕВ, К. В. ГУСЕВ, С. С. ДМИТРИЕВ,
И. Е. ЗЕЛЕНИН (*зам. главного редактора*),
Г. Д. КОМКОВ,
В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ, И. И. МИНЦ,
В. П. НАУМОВ, М. В. НЕЧКИНА,
А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ,
А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
И. В. РУСИНОВ

Адрес редакции:

103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 19, тел. 923-56-93

Ответственный секретарь Ю. В. Мочалова, тел. 924-29-31

EDITORIAL BOARD:

I. D. KOVALCHENKO (*Editor-in-chief*),
V. A. GEORGIEV, K. V. GUSEV, S. S. DMITRIEV,
I. Ye. ZELENIN (*Assistant editor-in-chief*),
G. D. KOMKOV,
V. Ya. LAVERYCHEV, I. I. MINTS,
V. P. NAUMOV, M. V. NECHKINA,
A. P. NOVOSELTSEV,
A. A. PREOBRAZHENSKY,
M. A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in-chief*),
I. V. RUSINOV

Address:

19, Kuznetsky Most Moscow, U. S. S. R. Tel. 923-56-93

Managing Editor Yu. V. Mochalova, tel. 924-29-31

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ
В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ
1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНО-
ПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ
ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРА-
ЩАЕТСЯ ОДИН ЭКЗЕМПЛЯР, ДРУГОЙ ОСТА-
ЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ.

К 40-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

А. В. БАСОВ

БОРЬБА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗА ИЗМЕНЕНИЕ СООТНОШЕНИЯ СИЛ В ХОДЕ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны советский народ и его Вооруженные Силы нанесли сокрушительное поражение гитлеровской Германии, отстаивали свободу и независимость социалистической Родины. Прошедшая война, отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», «показала превосходство советской военной науки и военного искусства, высокий уровень стратегического руководства и боевого мастерства наших военных кадров. Вооруженные Силы СССР в ходе боевых действий сорвали гитлеровский план „молниеносной войны“, а затем, перехватив инициативу, добились коренного перелома в войне и завершили разгром врага»¹.

За прошедшие четыре десятилетия по истории Великой Отечественной войны создана огромная литература — фундаментальные монографические исследования, научно-популярные очерки и статьи, большое количество художественных произведений. Однако интерес к проблеме минувшей войны не ослабевает. В научный оборот вводятся неизвестные ранее факты, на основе новейших данных рассматриваются процессы и явления этого крупнейшего военно-политического события. Одним из направлений, которое, на наш взгляд, еще недостаточно изучено в советской историографии, является анализ соотношения сил и средств сторон во время войны. А между тем исследование этих проблем позволяет более полно выявить причины и условия возникновения войны, закономерность ее исхода, глубже проникнуть в ход сражений. Наконец, актуальность этой темы обусловливается реальностями сегодняшнего дня, когда Советский Союз вместе с другими социалистическими государствами ведет последовательную борьбу за сохранение мира, за обуздание гонки вооружения, развязанной реакционными кругами империалистических стран, делает все возможное, чтобы предотвратить ядерную катастрофу, не допустить нарушения сложившегося военно-стратегического равновесия сил.

Отдельные аспекты рассматриваемой темы отражены в обобщающих трудах о минувшей войне, в Советской военной энциклопедии, а также в специальных исследованиях, посвященных развитию военного искусства в 1939—1945 гг.² Интересные сведения об изменении соотно-

¹ Правда, 1984, 17 июня.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг., т. I—VI. М., 1960—1965; История второй мировой войны. 1939—1945, т. 4—12. М., 1975—1982; Советская военная энциклопедия, т. I—VIII. М., 1974—1979; Военная стратегия, изд. 3. М., 1968; История войн и военного искусства. М., 1979; Военное искусство во второй мировой войне. М., 1973; Марксистско-ленинская методология военной истории. Изд. 2. М., 1978 и др.

шения сил противоборствующих сторон содержатся в воспоминаниях крупных советских военачальников. Особенно ценны размышления в связи с этим Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова и А. М. Василевского. В их мемуарах представлен также большой военно-статистический материал, который является важным источником при изучении данной проблемы.

В настоящей статье предпринята попытка комплексного анализа изменения стратегического соотношения сил и средств в ходе Великой Отечественной войны на основе опубликованных количественных показателей во взаимосвязи с качественными характеристиками явлений и процессов войны.

* * *

Успехи Советского Союза в строительстве социализма свидетельствовали о превосходстве его политического и экономического строя над капитализмом. Пришедшие в это время к власти в ряде стран фашистские режимы начали проводить агрессивную внешнюю политику, открыто заговорили о крестовом походе против СССР. Международный империализм помог вооружить в первую очередь наиболее агрессивный фашистский режим в Германии. Идеологи фашизма проповедовали исключительность арийской расы, призванной руководить всем человечеством. Им удалось убедить большую часть нации в необходимости войны «за жизненное пространство».

С 1 сентября по 5 октября 1939 г. гитлеровская Германия разгромила вооруженные силы буржуазной Польши. Через полгода вермахт в течение двух с половиной месяцев (9 апреля — 22 июня 1940 г.) заставил капитулировать Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию, Францию. Весной 1941 г. фашистские Германия и Италия менее чем за два месяца оккупировали Югославию, Грецию и захватили остров Крит, изгнав оттуда британские вооруженные силы.

Усиленно готовясь к войне против Советского Союза, Германия использовала экономические и военные ресурсы союзных и оккупированных ею стран. В ее распоряжении находились людские резервы, сырье и промышленность почти всей Европы. В результате к середине 1941 г. она значительно превосходила СССР по количеству вооруженных сил, оснащению их боевой техникой, имела большой опыт ведения современной войны.

Руководители фашистской Германии считали, что достигнутого превосходства достаточно для уничтожения Советского Союза. Однако, понимая, что в ходе военных действий соотношение в силах может измениться, они избрали стратегию «молниеносной войны», в соответствии с которой победа должна была быть достигнута в течение одной кратковременной кампании. До конца 1941 г. Гитлер и его окружение собирались «решить все континентальные проблемы в Европе»³.

Как известно, Коммунистическая партия и Советское правительство видели нарастание угрозы военного нападения. Были осуществлены важные мероприятия по развитию военно-промышленной базы страны, по перестройке работы оборонной промышленности, по повышению боеготовности Советских Вооруженных Сил. Однако некоторые вопросы, связанные с обороной страны, решить не удалось⁴. Война началась при неблагоприятном для нас соотношении сил — общая численность вооруженных сил Германии составляла 7,3 млн. человек, СССР — 5,4 млн.⁵

³ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2. М., 1973, с. 90.

⁴ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1. М., 1970, с. 136.

⁵ Всего вооруженные силы агрессивного блока в Европе насчитывали 10,4 млн. человек. — История второй мировой войны. 1939—1945, т. 4. М., 1975, с. 13, 18.

В то же время следует подчеркнуть, что экономическое и военное могущество Советского Союза, достигнутое за годы социалистического строительства, социальное и морально-политическое единство советского народа, патриотизм, руководство Коммунистической партии явились теми важными факторами, которые обеспечили будущую Победу.

К моменту нападения на СССР в первом эшелоне немецко-фашистских войск было развернуто 103 дивизии, в том числе 12 танковых, в то время как в первом эшелоне советских армий прикрытия находилось 56 дивизий. Вступившие 22 июня в сражение советские войска отражали вдвое превосходящие силы врага. На ряде направлений гитлеровцы имели четырехкратное преимущество. В результате неблагоприятного исхода приграничных сражений советские войска были вынуждены отступить в глубь страны. В середине июля из 170 дивизий Советской Армии 28 вышли из строя, а свыше 70 лишились половины состава. На оккупированной территории осталось около 200 складов с горючим, боеприпасами и вооружением. Все это привело к тому, что соотношение сил на советско-германском фронте еще более изменилось в пользу противника⁶.

Вынужденный отход войск потребовал организовать эвакуацию из западных республик и областей промышленных предприятий, государственных запасов, имущества колхозов и совхозов, населения. Все это замедлило перевод экономики на военный лад, снизило темпы роста военного производства, сократило возможности формирования новых соединений и армий, создания резерва оружия и материальных средств. Необходимо было остановить противника и выиграть время для перестройки народного хозяйства.

В крайне трудных условиях проявились лучшие качества советского народа: стойкость, мужество, самоотверженность. Народ видел в Коммунистической партии надежную руководящую силу и поддержал все ее действия, направленные на мобилизацию сил на отпор врагу. Инициативу рабочего класса Ленинграда и Москвы по формированию дивизий народного ополчения, коммунистических и истребительных батальонов, местной противовоздушной обороны поддержала вся страна. Трудящиеся возводили оборонительные рубежи. На оккупированной территории развертывалась всенародная борьба с врагом.

Вначале гитлеровские войска были остановлены у стен Ленинграда, где они впервые в ходе второй мировой войны не смогли преодолеть оказанного сопротивления. На западном направлении в двухмесячном Смоленском сражении было остановлено продвижение противника к Москве. Героическая оборона Одессы, Крыма и Донбасса сорвала замыслы гитлеровцев на беспрепятственное продвижение на юге. К концу сентября потери врага составили 552 тыс. человек и 1603 самолета⁷. Но потери Советских Вооруженных Сил тоже были велики. Военная промышленность не могла пока восполнить понесенный урон в оружии и боевой технике.

К началу наступления на Москву (операция «Тайфун») противник превосходил советские войска в людях в 1,3 раза, в орудиях и минометах — в 1,9, в самолетах — в 2,1 раза⁸. В полосе наступления это превосходство было еще более значительным. Октябрь и ноябрь были самыми критическими месяцами первой оборонительной кампании. Весь советский народ напряг силы, чтобы отстоять Москву. С 1 по 15 ноября Западный фронт получил пополнение — 100 тыс. воинов, 300 танков, 2 тыс. орудий. Кроме того, Государственный Комитет Обороны принял постановление о формировании десяти резервных армий. Во всех

⁶ Там же, с. 27, 57, 58.

⁷ Там же, с. 88.

⁸ Там же, с. 91.

армиях под Москвой увеличилось число коммунистов — в декабре оно достигло почти 200 тыс. человек⁹.

В ходе ноябрьского наступления на Москву противник потерял более 155 тыс. человек, около 800 танков, 300 орудий и большое количество самолетов. 27—29 ноября, введя в дело свежие резервы, советские войска стали теснить противника. Гитлеровцы уже не выдерживали контрударов и инициатива переходила к советскому командованию. «К началу декабря, — отмечал А. М. Василевский, — изменилось соотношение сил воюющих сторон. В составе нашей Действующей армии было около 4,2 млн. человек, до 22,6 тыс. орудий и минометов, 583 установки реактивной артиллерии, 1954 танка и 2238 боевых самолетов. (Правда, почти две трети наших танков и до половины самолетов были старых типов). Вражеская армия (без ВМФ), включая союзников Германии, имела в то время около 4 млн. человек, 26,8 тыс. орудий и минометов, 1940 танков и штурмовых орудий и 3280 боевых самолетов.

Превосходство противника сохранялось в артиллерии и самолетах, но он уже уступал нам по количеству танков. Гораздо важнее то, что в начале декабря наше Верховное Главнокомандование располагало крупными стратегическими резервами, которые Ставка могла использовать для усиления Действующей армии. Наличные резервы врага на советско-германском фронте были в основном израсходованы»¹⁰.

На направлениях намеченных ударов быстро и скрытно было создано небольшое превосходство в силах и средствах. 5—6 декабря войска Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов перешли в решительное контрнаступление, оказавшееся неожиданным для врага. В результате его были разгромлены ударные группировки вермахта под Москвой. План «молниеносной войны» окончательно провалился. Западногерманский историк К. Рейнгардт пишет: «Момент для проведения контрнаступления был выбран очень удачно. Армии и танковые группы, входившие в состав группы армий „Центр“, только что прекратили свои наступательные действия и не успели еще занять позиции для обороны... То, что немецкое командование было застигнуто врасплох, свидетельствует о хорошо удавшемся русском развертывании своих сил и правильно выбранном моменте контрнаступления»¹¹. Не ставя целью подробный разбор всех причин первого стратегического поражения вермахта во второй мировой войне, укажем лишь на некоторые просчеты Гитлера и его генералов. Они допускали, что наша страна может мобилизовать 11—12 млн. человек, но были уверены, что из-за нехватки техники и командного состава будет мобилизовано не свыше 6,2 млн. человек. По их расчетам, в распоряжении советского командования могло быть не более 209 резервных дивизий. В действительности же до декабря 1941 г. в Действующую армию влились 291 дивизия и 94 стрелковые бригады, или 338 расчетных дивизий, в том числе 241 была сформирована вновь¹².

Генералы вермахта считали, что Советская Армия вооружена устаревшим оружием и боевой техникой, и были удивлены, встретив на поле боя танки Т-34 и КВ, новые типы истребителей, штурмовики Ил-2 и реактивную артиллерию («катюши»).

Недооценила гитлеровская клика и сопротивление советских людей, оставшихся в тылу врага. К концу 1941 г. там вели боевые действия около 2 тыс. партизанских отрядов. И хотя их действия еще не коорди-

⁹ Там же, с. 104; История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 240.

¹⁰ Василевский А. М. Дело всей жизни. Изд. 4. М., 1983, с. 144—145.

¹¹ Рейнгардт К. Поворот под Москвой. М., 1980, с. 242, 243.

¹² Советская стрелковая дивизия по штату имела меньше, чем немецкая пехотная дивизия, людей — в 1,5 раза, стрелкового оружия — в 1,4, орудий и минометов — в 2,1 раза. (50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, с. 273.)

нировались с действиями фронтов, они наносили фашистским захватчикам чувствительные удары. Жители городов и сел срывали экономические и политические мероприятия оккупантов. На захваченной врагом территории вели работу 18 обкомов, более 260 окружкомов и других подпольных партийных органов¹³. Оккупанты рассчитывали встретить сопротивление армии, а встретили сопротивление всего народа. С первых дней войны проявилась глубокая преданность советских людей своему Отечеству, верность идеалам социализма и способность выдерживать самые тяжелые испытания.

Пять с половиной месяцев 1941 г. длилась оборонительная кампания Советской Армии, в ходе которой немецко-фашистские войска были обескровлены и разгромлены под Москвой.

На 1 января 1942 г. соотношение сил воюющих сторон расценивалось как примерно равное¹⁴. Это обстоятельство, а также то, что в военных округах продолжалось формирование новых соединений, давало Ставке ВГК основание на переход к активным наступательным действиям и на других участках советско-германского фронта. Однако большой план общего наступления, как оказалось, не был обеспечен достаточными силами и материальными средствами. Многие из эвакуированных заводов находились еще на колесах или в стадии строительства. Текущее производство только наполовину удовлетворяло потребности фронта и новых резервных формирований. К середине февраля 1942 г. верховному командованию Германии в результате переброски свежих дивизий из Западной Европы удалось стабилизировать обстановку на фронте, и вермахт, прекратив отступление, избежал нависшей над ним катастрофы.

В ходе первой наступательной кампании Советских Вооруженных Сил зимой 1941/42 г. было разгромлено 50 дивизий противника, его общие потери составили около 833 тыс. человек¹⁵.

К весне 1942 г. на советско-германском фронте сохранялось примерное равновесие сил, и руководители третьего рейха задумались о дальнейшем ведении войны. Гитлер говорил своим приближенным, что «если ни одна из сторон не может решить спора вооруженной борьбой, то надо его решать иными средствами»¹⁶. Но для агрессора мирного выхода из войны уже не существовало. Логика событий диктовала гитлеровцам создание нового подавляющего превосходства над Советской Армией в силах и средствах для достижения прежних политических целей. При этом этого превосходства нужно было добиться до того, как Советский Союз сумеет значительно увеличить ударную мощь своей армии.

Принимая решение о повторном наступлении на советско-германском фронте, фашистское руководство учитывало сокращение военно-экономических возможностей СССР в связи с оккупацией его западных областей и незавершенностью перестройки народного хозяйства, неготовность США и Великобритании к вооруженной борьбе в Европе. Гитлеровцы надеялись во второй наступательной кампании вывести Советский Союз из борьбы, пока «война на два фронта не стала реальностью». В отличие от 1941 г. они рассчитывали не только привести нашу страну к «военному краху», но и к ее «экономической катастрофе»¹⁷.

Почему Германии удалось к лету 1942 г. снова изменить соотношение сил в свою пользу и захватить стратегическую инициативу? Это стало возможным в связи с благоприятными условиями мобилизации экономических и военных ресурсов фашистского государства; способностью

¹³ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 260, 264.

¹⁴ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 4, с. 305.

¹⁵ Там же, с. 323; Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 2. М., 1971, с. 233.

¹⁶ Военно-исторический журнал, 1961, № 9, с. 83.

¹⁷ Гальдер Ф. Указ. соч., с. 282.

его выжать максимальное количество сырья, военной продукции и войск из стран-сателлитов, а также оккупированных и зависимых государств. Короткие, не подверженные вооруженному воздействию внутриевропейские коммуникации обеспечивали экономические перевозки, быструю доставку резервов к месту назначения. В Советском же Союзе весной 1942 г. еще продолжалась перестройка народного хозяйства. Из-за недостатка вооружения и технических средств формирование резервных армий задерживалось. Помощь Советскому Союзу со стороны Англии и США была незначительной и не шла в сравнение с вкладом в борьбу стран — союзниц фашистской Германии.

Соотношение сил весной 1942 г. для СССР ухудшилось также вследствие затянувшегося до марта-апреля наступления советских войск, когда были израсходованы ресурсы без значительного поражения врага. А. М. Василевский в связи с этим отмечал: «В ходе общего наступления зимой 1942 г. советские войска истратили все с таким трудом созданные осенью и в начале зимы резервы. Поставленные задачи не удалось решить»¹⁸. Не оправдались надежды на истощение резервов Германии. С конца февраля немецко-фашистская оборона стабилизировалась и противник расходовал ресурсов значительно меньше, чем наступавшие советские армии.

К маю 1942 г. в нашей Действующей армии (без войск ПВО страны и ВМФ) имелось 5,1 млн. человек, 49 900 орудий и минометов, 3900 танков и 2200 боевых самолетов. Немецко-фашистские войска на советско-германском фронте имели свыше 6 млн. человек, около 57 тыс. орудий и минометов, 3230 танков и штурмовых орудий и 3400 боевых самолетов. Противник превосходил Советскую Армию в численности личного состава, артиллерии, авиации. Советские войска имели несколько больше танков, часть из которых была устаревших конструкций. Германия производила больше снарядов и мин (в 1942 г. — на 15,2 млн. шт.)¹⁹. Такое соотношение сил позволяло Советской Армии вести успешную оборону при условии использования выгодных естественных рубежей и оборонительных сооружений. Однако в мае—июне развернулись встречные сражения под Любанью, Харьковом и в Крыму с неудачным для нас исходом.

В советской историографии эти сражения исследованы. В данном случае отметим, что советские войска лишились ряда важных плацдармов и девять армий понесли крупные потери. Соотношение сил резко изменилось в пользу противника, особенно на южном крыле фронта, где он сосредоточил свыше 90 дивизий. Советские же войска не успели получить пополнение и закрепиться на новых рубежах. Вновь формируемые одиннадцать армий не были готовы к боевым действиям²⁰.

К июлю 1942 г. на советско-германском фронте Германия вместе со своими союзниками имела наибольшее за все время войны количество дивизий — около 270, т. е. в 1,4 раза больше, чем в момент нападения на СССР. Численность вооруженных сил противника возросла на 700 тыс. человек — с 5,5 до 6,2 млн. человек. Повысилось и качество вооружения²¹. Но созданное противником превосходство уже не было таким значительным, как в начале войны. Поэтому если летом 1941 г. активные наступательные действия врага охватывали три четверти общей протяженности фронта, то в 1942 г. — менее чем одну треть (см. табл. 1).

Накануне своего главного наступления (конец июня 1942 г.) на южном крыле враг развернул 97 дивизий (900 тыс. человек, 1,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 17 тыс. орудий и минометов и 1640 боевых

¹⁸ Василевский А. М. Указ. соч., с. 181.

¹⁹ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 5. М., 1975, с. 48, 121, 122.

²⁰ 50 лет Вооруженных Сил СССР, с. 316.

²¹ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 4, с. 21; т. 5, с. 121.

Оборонительные кампании Советских Вооруженных Сил *

Время проведения кампаний	Протяженность фронта (тыс. км)		Продолжительность оборонительных действий	Наибольшее продвижение вражеских войск (км)
	общая	оборонительных операций		
Летне-осенняя кампания 1941 г. (22 июня — нач. декабря 1941 г.)	3000—4000	3000 (на трех стратегических направлениях)	5,5 мес.	850—1200 (до Ленинграда, Москвы, Ростова)
Летне-осенняя кампания 1942 г. (кон. июня — сер. ноября 1942 г.)	4000—6000	1200—2000 (на южном крыле фронта)	4,5 мес.	550—700 (до Сталинграда и Моздока)

* Военное искусство во второй мировой войне. М., 1973, с. 186.

самолетов)²². Этим силам противостояли советские войска примерно такой же численности личного состава и танков, но уступавшие противнику в орудиях и самолетах. На направлениях главных ударов группировки врага в 1,5—3 раза превосходили оборонявшиеся войска. Этим группировкам удалось продвинуться к Сталинграду и на Северный Кавказ. Однако военно-политические цели наступления все же не были достигнуты. Германия не получила кавказской нефти, не прорвалась на Средний Восток, не смогла изолировать Советский Союз от внешней связи с союзниками. Врагу не удалось также захватить Ленинград и повторить свое генеральное наступление на Москву.

В ходе оборонительной кампании 1942 г. Вооруженные Силы СССР истощили врага, потери которого составили более 1 млн. солдат и офицеров, свыше 20 тыс. орудий, 1,5 тыс. танков, 4 тыс. самолетов²³. В течение лета и осени 1942 г. противник перебросил на советско-германский фронт еще 70 дивизий²⁴. Но и такое наращивание сил не смогло изменить ухудшавшегося для него соотношения сил. Армии фашистской Германии и ее союзников, израсходовав выделенные на кампанию ресурсы, в октябре 1942 г. снова (как и в декабре 1941 г.) были вынуждены перейти к стратегической обороне.

В это время отчетливо проявились постоянно действующие факторы нашей победы. «Экономическое чудо» — перебазирование на восток страны за первые полгода войны 2593 промышленных предприятий (в том числе 1523 крупных) и свыше 10 млн. трудящихся — помогло восстановить материальную основу достижения победы²⁵. Если в начале 1942 г. военное производство СССР еще уступало военному производству Германии, то во втором полугодии это соотношение изменилось. Всего за год СССР выпустил больше, чем Германия, самолетов — на 10 273, танков — на 18 257, артиллерийских орудий — на 18 795 шт.²⁶

Как произошло, что СССР, произведя меньше Германии электроэнергии в 2 раза (за 1940—1944 гг. в Советском Союзе было выработано 195,9 млрд. кВт·ч, а в Германии — 352,7 млрд. кВт·ч), угля и металла — в четыре с лишним раза, мог изготовить оружия и боевой техники в 2—4 раза больше? (см. табл. 2). Причина этого феноменального явления — в преимуществах социалистической экономической системы. Об-

²² Там же, т. 5, с. 145, 146.

²³ Там же, с. 318.

²⁴ Там же, с. 317.

²⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. X. М., 1973, с. 91.

²⁶ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 5, с. 48, 92.

Производство промышленной продукции в СССР и Германии в 1942 г. *

Вид продукции	СССР	Германия	Соотношение
Уголь (млн. т)	73,5	336,0	1:4,4
Нефть »	22,0	8,0**	1:0,4
Чугун »	4,8	22,2	1:4,6
Сталь »	8,1	28,7	1:3,5
Самолеты (тыс.)	21,7	11,7	1:0,5
Танки »	24,4	6,2	1:0,25
Орудия »	33,1	14,3	1:0,4

* История второй мировой войны, 1939—1945, т. 5, с. 48, 92; т. 12, с. 159, 161, 168.

** В том числе 6,3 млн. т — искусственное топливо.

ладая высокой концентрацией промышленности, Советский Союз эффективно использовал ресурсы для обеспечения фронта. В военной промышленности резко возросла производительность труда. «Великий подвиг в годы войны совершили труженики тыла,— отмечается в постановлении ЦК КПСС „О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов“.— Рабочие, колхозники, ученые, инженеры, конструкторы своим самоотверженным трудом выиграли небывалую битву за металл и хлеб, топливо и сырье, за создание могучего советского оружия»²⁷.

Успехи руководимого партией советского народа позволили не только улучшить обеспечение армии оружием, техникой, боеприпасами, но и реорганизовать ее в соответствии с требованиями войны. С весны 1942 г. начали формироваться воздушные и танковые армии. Появилась авиация дальнего действия, инженерно-саперные бригады, противотанковые артиллерийские полки и артиллерийские дивизии прорыва, чего не было у противника. Дивизии переводились на новые штаты, в соответствии с которыми увеличилась их огневая мощь и ударная сила²⁸. Было воссоздано корпусное звено управления. Большое значение имела реорганизация войскового тыла. В увеличении стойкости и боеспособности войск определенной роль сыграл приказ НКО № 227 от 28 июля 1942 г., широко известный как приказ «Ни шагу назад!». Возросло мастерство бойцов и всех звеньев командного состава. По всем показателям — технической оснащенности, организации, опыту — Советская Армия перестала уступать вермахту, а во многом и превзошла его. Однако борьба за военно-техническое превосходство продолжалась в ходе всей войны.

Таким образом, соотношение сил между противоборствующими сторонами изменялось в результате уничтожения войск и боевой техники, а также формирования новых воинских соединений, насыщения Действующей армии более совершенным оружием. Оно могло бы измениться также вследствие открытия союзниками второго фронта или поставки в СССР крупных партий вооружения. Но, как известно, второй фронт в Европе был открыт только в июне 1944 г., а поставки оружия и материалов в 1941—1942 гг. были настолько незначительны, что даже американский генерал Дж. Маршалл впоследствии отмечал: «Ради спра-

²⁷ Правда, 1984, 17 июня.

²⁸ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, с. 308. (В течение года было сформировано 50 новых и переформировано 67 стрелковых дивизий. Начали формироваться 3 гвардейские армии, которые отличались от обычных общевойсковых более сильным составом. Для прорыва обороны врага и развития наступления появились 4 танковые армии. Авиация фронтов была сведена в 13 воздушных армий.)

ведливости следует сказать, что наша роль в предотвращении катастрофы в те дни не делает нам чести»²⁹.

В течение лета и осени 1942 г. Советский Союз добился количественного и качественного изменения соотношения сил в свою пользу. Было в основном ликвидировано превосходство противника в военной технике и боевом опыте; профессиональное мастерство командных кадров повысилось до уровня эффективного использования и массового применения новейшего оружия, боевых технических средств. В октябре был упразднен институт военных комиссаров и установлено полное единоначалие. В новый этап вступила борьба партизан и подпольщиков, которая после образования в мае Центрального штаба партизанского движения стала более организованной, целенаправленной, больше способствовала действиям фронтов и армий³⁰.

В целом вторая наступательная кампания противника была сорвана во многом благодаря экономическим достижениям советского народа. Г. К. Жуков писал: «Не предполагали гитлеровцы, что советский народ, сплотившийся вокруг партии, найдет в себе такие силы и в короткий срок перестроит экономику страны, быстро организует массовое производство танков, самолетов, артиллерии, боеприпасов. Всего того, что необходимо было Советским Вооруженным Силам для создания превосходства над противником, для коренного перелома в ходе войны, начала изгнания немецко-фашистских войск с территории нашей Родины и создания условия для окончательного разгрома фашистской Германии»³¹.

Наличие оружия и средств борьбы определяло и численность Вооруженных Сил. Если к началу первой наступательной кампании в декабре 1941 г. в Действующей армии СССР находилось 4200 тыс. человек, а в армиях фашистской Германии и ее союзников — 5093 тыс. человек (соотношение 0,8 : 1), то к началу зимней кампании 1942/43 г. в нашей Действующей армии было 6590 тыс. человек, а у противника — на советско-германском фронте — 6200 тыс. человек (соотношение 1,1 : 1)³². Существовало примерное равенство и по основным видам вооружения и боевой техники. (Незначительное превосходство мы имели в артиллерии и танках.) ГКО и Ставка ВГК большое внимание уделяли созданию и использованию резервов как средства решающего влияния на ход вооруженной борьбы, в то время как командование вермахта по-прежнему возлагало надежды на тщательность планирования первоначального удара и старалось обходиться незначительными резервами³³.

К октябрю 1942 г. немецко-фашистские войска понесли огромные потери и утратили наступательные возможности. Ставка ВГК высокими темпами накапливала средства борьбы, чтобы использовать момент израсходования противником ресурсов. К началу контрнаступления соотношение сил на сталинградском направлении по личному составу было 1,1 : 1, орудиям и минометам — 1,5 : 1, танкам — 2,2 : 1, боевым самолетам — 1,1 : 1 в нашу пользу³⁴. Это позволило советскому командованию поставить перед войсками более масштабные задачи и применить более активные формы наступления, чем в декабре 1941 г. под Москвой. Особое внимание уделялось уничтожению наиболее мощных

²⁹ Цит. по: Яковлев Н. Н. Франклин Рузвельт — человек и политик. М., 1969, с. 449.

³⁰ В 1943 г. против партизан в общей сложности действовало до 50 вражеских дивизий. — Пономаренко П. К. Непокоренные. (Всенародная борьба в тылу фашистских захватчиков в Великую Отечественную войну). М., 1975, с. 57.

³¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2. М., 1974, с. 99.

³² История второй мировой войны. 1939—1945, т. 6. М., 1976, с. 20.

³³ Военное искусство во второй мировой войне, с. 217. (В начале ноября 1942 г. советское командование в стратегическом резерве имело 5 общевойсковых и 1 танковую армию; 10 танковых, 3 механизированных и 1 артиллерийский корпус; 25 стрелковых и 24 авиационных дивизий.)

³⁴ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 6, с. 35.

группировок врага, что должно было привести к дальнейшему изменению соотношения сил в пользу Советской Армии.

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом стал исходным пунктом для нанесения новых мощных ударов. В течение января 1943 г. контрнаступление переросло в общее стратегическое наступление, которое продолжалось до конца марта. Советские войска разгромили 100 вражеских дивизий, отбросили противника от Сталинграда и Орджоникидзе на 600—700 км. Враг потерял около 1,7 млн. человек, 24 тыс. орудий, свыше 3,5 тыс. танков, 4,3 тыс. самолетов³⁵. В это же время была прорвана блокада Ленинграда, что улучшило стратегическое положение на всем северо-западном направлении, так как Ленинград превращался в плацдарм для наступления. Чтобы закрыть бреши, немецко-фашистское командование до конца марта перебросило на Восток 33 дивизии и 3 бригады, большое количество маршевого пополнения³⁶.

Победы Советских Вооруженных Сил зимой 1942/43 г. явились решающим вкладом в создание коренного перелома в ходе всей второй мировой войны. Советско-германский фронт покатился на запад безостановочно, то замедляя, то ускоряя свое движение. В этом отношении примечательно выступление в конце февраля 1943 г. в английской палате лордов члена британского правительства Бивербрука: «...Мы не чувствуем страха в настоящий момент — страха, вызванного угрозой вторжения противника в Египет или подводной угрозой, которой мы так боялись в 1941 году, или возможностью присоединения французского военного флота к германскому, или ситуацией в Австралии, на Цейлоне и в Индии. Где причина нашего оптимизма? Мы знаем это. Этой причиной является успех второго русского наступления, которое превзошло все наши ожидания»³⁷. Президент США Ф. Рузвельт также отмечал, что победа под Сталинградом «остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии»³⁸.

Весной 1943 г. на советско-германском фронте наступила стратегическая пауза. Ожесточенные зимние сражения сменились затишьем, которое продолжалось в течение трех месяцев (апрель — июнь). Государственный Комитет Оборона и Ставка ВГК ставили перед войсками задачу закрепить успехи зимних сражений, удержать в своих руках стратегическую инициативу. Предстояло развернуть новое крупное наступление, очистить от врага богатую хлебом Левобережную Украину и угольно-металлургическую базу — Донбасс, а также восточные районы Белоруссии и Кубань.

К новому наступлению готовился и гитлеровский вермахт. Жажда реванша за крупные поражения зимой 1942/43 г., особенно под Сталинградом, стремление во что бы то ни стало поддержать пошатнувшийся среди союзников престиж толкали руководителей третьего рейха на очередные авантюры. Нацистское руководство жаждало крупной победы, чтобы доказать, что война не проиграна, что еще можно вернуть утраченные позиции. Но для этого нужно было еще раз изменить соотношение сил в свою пользу, создать превосходство в силах и средствах над Советской Армией.

К этому времени гитлеровцы продолжали удерживать в своих руках Западную Европу, промышленность которой оставалась почти вне вооруженного воздействия. На основе жестокой эксплуатации рабочих, согнанных из оккупированных стран, Германия увеличила выпуск военной продукции. Производство основных видов вооружения в 1943 г. по срав-

³⁵ 50 лет Вооруженных Сил СССР, с. 360.

³⁶ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 6, с. 147.

³⁷ Times, 24.II 1943.

³⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 2. М., 1976, с. 288.

нению с 1942 г. возросло в 2 раза. Путем чрезвычайных мер, в том числе проведения тотальной мобилизации, фашистам удалось собрать крупные силы для нового летнего наступления. С учетом полумиллиона войск стран-сателлитов летом 1943 г. враг имел на фронте 5,2 млн. человек, 232 дивизии, 49 тыс. орудий и минометов, около 3,4 тыс. танков и штурмовых орудий, 3 тыс. боевых самолетов. Но общее соотношение сил было в пользу Советской Армии: по личному составу — в 1,1 раза, по орудиям и минометам — в 1,7, по танкам и САУ — в 1,4 и по боевым самолетам — в 2 раза³⁹.

Планы врага были своевременно раскрыты советским командованием. Учитывая тяжелый опыт лета 1942 г., Ставка ВГК решила упорной обороной на заранее подготовленных рубежах обескровить ударные группировки противника и затем перейти в контрнаступление. Таким образом, обе стороны готовили наступательные кампании. Однако с советской стороны в ней был элемент преднамеренной обороны.

Общий ход Курской битвы и ее результаты общеизвестны. Наступательная кампания врага была сорвана в самом ее начале и тем самым опровергнута германская доктрина сосредоточения всех танковых сил для нанесения первого решающего удара. Надежды фашистского руководства на использование новых танков «тигр», «пантера», штурмовых орудий «фердинанд», самолетов «Хеншель-129», «Фокке-Вульф 190-А» не оправдались. Как отмечал Мюллер-Гиллебранд, «для Гитлера была характерна переоценка нового оружия вопреки историческому опыту. То же, что здесь было с новыми типами танков, произошло позже с Фау-1 и Фау-2»⁴⁰.

12 июля войска Западного и Брянского фронтов перешли в контрнаступление против орловской группировки противника. 15 июля в него включился и Центральный фронт. 3 августа началось наступление войск Воронежского и Степного фронтов на белгородском и харьковском направлениях. В сражение вступили шесть армий, до этого не участвовавшие в боях. Всего с обеих сторон в операцию было вовлечено около 4 млн. человек, свыше 13 тыс. танков, 69 тыс. орудий и минометов, до 12 тыс. самолетов⁴¹. Характерно, что если раньше в начале контрнаступления удары наносились по наиболее слабым группировкам, то теперь разгрому подверглись наиболее мощные группировки врага. Советское командование организовало эффективное авиационное наступление, уверенно удерживало господство в воздухе.

Мюллер-Гиллебранд пишет: «Операция „Цитадель“, стоившая до сих пор больших потерь, но не имевшая решающего успеха, должна была быть прекращена. Наступивший осенью 1942 г. перелом в войне нашел теперь свое явное подтверждение на поле боя»⁴². И действительно, стратегическая инициатива уже ни на один день не выходила из рук советского командования.

Победу под Курском обеспечили более высокая боеспособность Советской Армии, массовый героизм солдат. С точки зрения военного искусства здесь было все: правильная оценка обстановки, целесообразное решение на кампанию, тщательная подготовка к ней, твердое и гибкое руководство войсками в ходе сражения. К высокому моральному состоянию советских войск добавилась их хорошая воинская выучка в использовании новых образцов оружия и военной техники. За 50 дней кровопролитных боев 30 немецких дивизий были разгромлены, в том числе семь танковых; гитлеровцы потеряли более 500 тыс. солдат и

³⁹ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 7. М., 1976, с. 34.

⁴⁰ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945, т. III. М., 1976, с. 138.

⁴¹ Советская военная энциклопедия, т. 4. М., 1977, с. 539.

⁴² Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч., с. 169.

Наступательные кампании Советских Вооруженных Сил, начавшиеся контраступлением *

Время проведения кампаний	Протяженность фронта (км)		Продолжительность наступательных действий	Наибольшее продвижение советских войск (км) (разгромлено дивизий противника)
	общая	наступательных операций		
Зимняя 1941/42 г. (5 декабря 1941 — 20 апреля 1942)	4000	1200	4,5 мес.	200—400 (50 дивизий)
Зимняя 1942/43 г. (19 ноября 1942 — 27 марта 1943)	6100	3200	4,5 мес.	200—700 (32 уничтожены полностью, 68 разгромлены)
Летне-осенняя 1943 г. (июль — декабрь 1943)	4300	2000	5,5 мес.	200—600 (24 уничтожены полностью, 94 разгромлены)

* Военное искусство во второй мировой войне. М., 1973, с. 188.

офицеров, 1,5 тыс. танков, 3 тыс. орудий, 3,7 тыс. самолетов⁴³. После поражения под Курском нацистская Германия больше не помышляла о наступлении.

Американский буржуазный журналист и историк Г. Солсбери, говоря о Курской битве, признает: «Поражение немцев было столь страшным, что они больше не могли вернуть стратегической инициативы на Восточном фронте... Результаты были уничтожающими. Немцы покатились назад с огромными потерями. Через несколько дней стало ясно, что им был нанесен удар такой страшной силы, что они никогда не смогут полностью прийти в себя»⁴⁴.

Контрнаступление советских войск переросло в общее наступление, которое длилось более пяти месяцев. Как видно из таблицы 3, в ходе наступательных операций уничтожались стратегические группировки вражеских войск и выводилось из строя огромное количество боевой техники.

Почему провалилась попытка врага осуществить крупное наступление на советско-германском фронте и вернуть утраченную стратегическую инициативу? Одной из причин этого было то, что политические и военные руководители фашистской Германии игнорировали рост военного могущества Советского государства, пренебрегли учетом изменившегося соотношения сил. Примечательно, что военное превосходство над гитлеровской Германией и ее союзниками было достигнуто, когда экономика фашистского блока еще не исчерпала своих возможностей к увеличению военного производства. До середины 1944 г. Германия продолжала наращивать выпуск вооружения и боевой техники.

Несмотря на тяжелое поражение в Курской битве, враг располагал еще значительными силами для обороны. Руководители фашистской Германии особенно рекламировали неприступность «Восточного вала» по Днепру, на котором они собирались продолжать долгую позиционную войну.

Перед советскими войсками стояла задача нанести мощные удары по наиболее сильным группировкам врага с тем, чтобы он не успел разрушить Донбасс (и всю Левобережную Украину). Необходимо было форсировать Днепр, захватить плацдармы на его правом берегу для последующего наступления. Эта задача была выполнена. Оборонитель-

⁴³ Советская военная энциклопедия, т. 4, с. 539.

⁴⁴ Цит. по: Коммунист. 1970, № 1, с. 89.

ная стратегия командования немецко-фашистских войск оказалась несостоятельной.

До полного разгрома вермахта и капитуляции гитлеровской Германии Советские Вооруженные Силы провели еще три наступательные кампании в условиях неуклонного нарастания превосходства в силах над противником. Вместе с этим увеличивалась и степень инициативы советского командования. К началу 1944 г. оно сосредоточило на фронте 6 млн. солдат и офицеров, 91 тыс. орудий и минометов, 4,9 тыс. танков и САУ, 8,5 тыс. самолетов⁴⁵. Тщательный анализ соотношения сил и перспектив войны позволил Советскому Верховному Командованию переносить удары с одного направления на другое. В двух кампаниях 1944 г. стратегические операции (десять ударов) проводились последовательно, с целью поочередного разгрома наиболее боеспособных группировок вооруженных сил противника, освобождения западных областей нашей Родины, а также народов Европы от фашистского ига.

Первоначально был нанесен мощный совместный удар силами Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского фронтов и Балтийского флота. Была разгромлена группа немецких армий «Север», полностью снята блокада Ленинграда, созданы условия для освобождения Прибалтики. Затем в ходе девяти связанных между собой операций была освобождена Правобережная Украина, в апреле — мае — Крым, в июне — июле — Южная Карелия. В ходе Белорусской операции были нанесены удары по самой сильной группировке противника, действовавшей в центре и прикрывавшей основные пути в Германию. К этому времени чрезвычайно окрепли и выросли командные кадры, которые стремились бить врага с наименьшими потерями, применяя при этом различные формы ведения боевых действий. Окружение вражеских войск в ближайшей глубине обороны противника в районе Витебска, Могилева, Бобруйска, прорыв обороны на других участках привели к дроблению более чем тысячекилометрового фронта от Витебска до Жлобина. Стремительность и большая глубина фронтовых и армейских ударов дали возможность окружить вражеские войска не на оборонительных рубежах, а на марше, в лесах, восточнее Минска. Наступление в операции «Багратион» характеризовалось четкостью взаимодействия фронтов и армий между собою, а также с авиацией и партизанами. Высокий наступательный порыв и мастерство советских войск привели к полному уничтожению 17 дивизий и 3 бригад. Еще 50 вражеских дивизий потеряли более половины своего состава. Чтобы стабилизировать фронт, противник перебросил на это направление 46 дивизий и 4 бригады⁴⁶. Одним из решающих факторов победы было высокое морально-политическое состояние личного состава наших войск.

В 1944 г. было проведено наибольшее количество операций на окружение и уничтожение вражеских войск. Значительные группировки противника были окружены и уничтожены также в районах Корсунь-Шевченковского, в Крыму, в ходе Яско-Кишиневской и Прибалтийской операций. Свыше 30 вражеских дивизий группы армий «Север» были прижаты к Балтийскому морю на северо-западе Латвии и изолированы с суши (так называемая Курляндская группировка)⁴⁷.

В завершающей кампании 1945 г. в Европе Советская Армия (без резерва Ставки) имела 6,7 млн. человек, 107,3 тыс. орудий и минометов, 12,1 тыс. танков и САУ, 14,7 тыс. самолетов⁴⁸. Превосходство Советской Армии было настолько значительным, что позволило ей вести наступление на всем фронте одновременно: в Восточной Пруссии, Польше, Чехо-

⁴⁵ 50 лет Вооруженных Сил СССР, с. 397.

⁴⁶ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 9. М., 1978, с. 64.

⁴⁷ Там же, с. 146.

⁴⁸ Там же, т. 10. М., 1979, с. 38.

словакии, а затем в Померании, Венгрии, Австрии. Формы операций носили более прямолинейный характер с целью дробления фронта и быстрее продвижения к важным районам фашистской Германии и к ее столице — Берлину.

* * *

Таким образом, в ходе всей войны шла упорная борьба за военнотехническое превосходство. Соотношение в силах определялось по двум основным показателям: количеству вооруженных сил сторон (число дивизий), количеству и качеству вооружения и боевой техники. Наибольшее влияние на изменение соотношения сил оказывали: мобилизация и развертывание новых соединений (дивизий, корпусов, армий); потери сторон в живой силе и технике, способность их к восстановлению; привлечение сил и средств союзников; размах партизанского движения. Важное значение придавалось политико-моральному состоянию войск, профессиональному мастерству командиров и бойцов. Соотношение сил определяло стратегию противоборствующих сторон и оказывало влияние на политику государств.

Изложенные выше аспекты имеют значение для более глубокого понимания борьбы за мир, которую ведут Советский Союз и все прогрессивное человечество в настоящее время. Один из уроков войны говорит о необходимости сохранения равенства сил между СССР и США, странами Варшавского Договора и НАТО. Как отмечал К. У. Черненко, «нам не требуется военное превосходство, мы не намерены диктовать другим свою волю, но сломать достигнутое военное равновесие мы не позволим. И пусть ни у кого не остается ни малейших сомнений: мы и впредь будем заботиться о том, чтобы крепить обороноспособность нашей страны, чтобы у нас было достаточно средств, с помощью которых можно охладить горячие головы воинствующих авантюристов. Это... очень существенная предпосылка сохранения мира»⁴⁹.

⁴⁹ Черненко К. У. Народ и партия едины. Избранные речи и статьи. М., 1984, с. 420.

Н. А. КИРСАНОВ

ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА [1941—1945 гг.]

Победа советского народа в Великой Отечественной войне убедительно доказала преимущества социализма, его огромные экономические, социально-политические и духовные возможности. «Это была Победа созданного великим Лениным Советского государства, самого передового общественного строя, социалистической экономической системы,— отмечается в постановлении ЦК КПСС „О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов“.— Великая Отечественная война убедительно продемонстрировала монолитное единство партии и народа, нерушимость союза рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции, дружбы и братства народов СССР»¹.

¹ Правда, 1984, 17 июня.

Навязанная нашему народу война стала бескомпромиссной борьбой двух противоположных социальных систем. Готовясь к нападению на СССР, гитлеровцы создали армию, небывалую по численности и технической оснащенности. Фашистские войска были идеологически обработаны в духе нацизма, психологически подготовлены к выполнению захватнических планов. Ко времени вероломного нападения на Советский Союз они имели почти двухлетний опыт боевых действий. В распоряжении гитлеровской Германии находились военно-экономические ресурсы почти всех европейских стран.

Борьба с фашистскими захватчиками потребовала от Советского государства огромного напряжения сил. Уже в самом начале войны ЦК ВКП(б) и СНК СССР разработали всеобъемлющую программу мер по мобилизации сил страны для защиты социалистического Отечества. Формирование боевых резервов, своевременное восполнение потерь фронта в живой силе и технике составляли сердцевину всей деятельности партии и государства по укреплению Советской Армии, наращиванию ее боевой мощи. Решение этих задач осуществлялось на основе невиданных по масштабам военных мобилизаций, которые проводились в крайне сжатые сроки при огромном напряжении в работе тыла.

Советскими историками проделана определенная работа по изучению военно-мобилизационной деятельности Советского государства в 1941—1945 гг. Отдельные аспекты этой многоплановой проблемы рассматриваются как в обобщающих трудах по истории второй мировой войны и Великой Отечественной войны², так и в ряде специальных работ. В настоящее время имеются статьи, монографии и диссертации о партийных и комсомольских мобилизациях³, истребительных батальонах⁴, народном ополчении⁵, добровольческих воинских частях и соединениях⁶, национальных формированиях Советской Армии⁷. Однако обобщающих работ на эту тему нет. В данной статье предпринимается попытка в какой-то мере восполнить этот пробел, проанализировав основные направления военно-мобилизационной деятельности в 1941—1945 гг.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945, т. 1—6. М., 1960—1965; Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история. М., 1970; История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1. М., 1970; История второй мировой войны. 1939—1945, т. 4—12. М., 1975—1982 и др.

³ Спирин Л. М. Партийные и комсомольские мобилизации в Красную Армию в годы Великой Отечественной войны.— Вопросы истории КПСС, 1963, № 3; Кирсанов Н. А. Партийные мобилизации на фронт в годы Великой Отечественной войны. М., 1972; его же. Место назначения — фронт. М., 1978 и др.

⁴ Биленко С. В. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. М., 1969; Минасян Э. Г. Истребительные батальоны Абхазии в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). Сухуми, 1980 и др.

⁵ Беляев С., Кузнецов П. Народное ополчение Ленинграда. Л., 1959; Балковой П. Н. Народное ополчение Советской Украины. Киев, 1961; Парфенов И. И. Народное ополчение Белоруссии в Великой Отечественной войне (22 июня — август 1941 г.). М., 1967; Московское ополчение. Краткий исторический очерк. М., 1969; Колесник А. Д. Народное ополчение городов-героев. М., 1974 и др.

⁶ Синицын А. М. Из истории создания добровольческих частей и соединений Советской Армии.— Военно-исторический журнал, 1973, № 1; его же. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. М., 1975; Кирсанов Н. А. По зову Родины. Добровольческие формирования Красной Армии в период Великой Отечественной войны. М., 1974 и др.

⁷ Ларин П. А. Боевой путь 8-го Эстонского стрелкового корпуса Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Канд. дис. Таллин, 1959; Бурная Г. С. Участие национальных соединений Закавказских республик в битве за Кавказ и в последующих операциях Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Ростов н/Д, 1967; Савченко В. И. Латышские формирования Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны. Рига, 1975; Кирсанов Н. А. В боевом строю народов-братьев. М., 1984 и др.

С первых дней Великой Отечественной войны одной из центральных задач в деятельности Коммунистической партии и Советского государства по укреплению Вооруженных Сил стало формирование воинских частей и соединений, подготовка и накапливание боевых резервов. Для этого требовалось провести широкую мобилизацию людских и материальных ресурсов, всех сил и средств страны. Неотложные меры по ее осуществлению были предусмотрены уже в первых программных документах партии и правительства, ярко воплотивших ленинские идеи о защите социалистического Отечества «Побеждает на войне тот,— писал В. И. Ленин,— у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще»⁸.

На борьбу с фашистскими полчищами поднялся весь советский народ. По призыву партии и правительства миллионы людей вступали в Вооруженные Силы. 23 июня 1941 г. в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР началась мобилизация военнообязанных 1905—1918 гг. рождения. К 1 июля было призвано 5,3 млн. человек. Для восполнения боевых потерь, комплектования большого количества вновь формирувавшихся частей и соединений, создания резервов в августе была объявлена мобилизация военнообязанных 1890—1904 гг. и призванных до 1923 г. рождения⁹. Всего за время войны в армию и на флот было мобилизовано свыше 20 млн. человек. В результате общая численность Вооруженных Сил с начала 1941 г. к концу войны возросла почти в 3 раза и достигла 11 365 тыс. человек¹⁰. Соответственно уменьшилось количество рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве. Если в 1940 г. они составляли 31,2 млн. человек, то в 1942 г.—18,4 млн. В составе рабочей силы в промышленности удельный вес женщин увеличился с 38% в 1940 г. до 53% в 1942 г., а молодежи в возрасте до 18 лет — с 6 до 15%¹¹.

Чтобы полнее оценить результаты военно-мобилизационной деятельности Коммунистической партии и Советского государства, следует учитывать и другие условия, в которых она осуществлялась. Одно из важнейших — это временные потери ввиду вынужденного отхода Советской Армии в глубь страны. К осени 1942 г. противник захватил 1795 тыс. кв. км советской территории, на которой до войны проживало около 80 млн. человек (42% всего населения), располагались крупные заводы тяжелого машиностроения и других отраслей промышленности СССР, производилось около 71% чугуна и 60% стали, находилось 47% всех посевных площадей¹². Это создавало огромные трудности в снабжении армии всем необходимым для успешной борьбы с врагом. Кроме того, наши войска (особенно в 1941 г.) потеряли большое количество танков, самолетов и других средств ведения военных действий, которые требовалось восполнять в предельно короткие сроки.

Для войны против Советского Союза фашистская Германия использовала людские и материальные ресурсы своих союзников и оккупированных стран. В распоряжении гитлеровцев оказалось оружие, боеприпасы, снаряжение, транспорт, захваченные у 12 английских, 22 бельгийских, 18 голландских, 6 норвежских, 92 французских и 30 чехосло-

⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 237.

⁹ 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, с. 257; История второй мировой войны. 1939—1945, т. 4. М., 1975, с. 61.

¹⁰ Великая Победа советского народа. 1941—1945. М., 1976, с. 115; Партия и армия. М., 1977, с. 180.

¹¹ Вознесенский Н. А. Избранные произведения. 1931—1947. М., 1979, с. 549, 550; Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971, с. 194, 195, 201, 203.

¹² История второй мировой войны. 1939—1945, т. 5. М., 1975, с. 318.

вацких дивизий, а также оружие, накопленное в этих странах, и текущее производство их оборонных предприятий. В результате грабежа оккупированных территорий до 1941 г. фашистам досталось различных материалов и имущества на сумму 9 млрд. фунтов стерлингов, что вдвое превышало довоенный национальный доход их страны¹³. Как отмечал Н. А. Вознесенский, «гитлеровская Германия в широких масштабах эксплуатировала иностранных рабочих...»¹⁴. В конце сентября 1944 г. в германской промышленности насчитывалось 7,5 млн. иностранных рабочих и военнопленных¹⁵.

Наличные людские ресурсы позволяли гитлеровцам увеличивать численность своих войск, которая в 1943 г. достигла наибольшей величины — около 10 млн. человек (без учета военно-вспомогательных частей). Всего же за 1939—1945 гг. в свои вооруженные силы они призвали почти 17,9 млн. человек. Нападая на Советский Союз, фашистская Германия имела почти двойной перевес по количеству войск. Через год это преимущество она утратила. Германия оказалась неспособной превзойти СССР в решении проблемы мобилизации резервов. Этому не помогли ни тотальные мобилизации, ни формирование фольксштурма из подростков и мужчин старших возрастов¹⁶.

Условия жестокого противоборства требовали от Советского государства мобилизации таких людских и материальных ресурсов, которые бы обеспечили Вооруженным Силам СССР решающее превосходство над врагом. Эта задача находилась в центре внимания партии и правительства. В ходе ее решения осуществлялись колоссальные по масштабам военно-мобилизационные мероприятия. Уже в самом начале войны удалось развернуть армию, вдвое превышавшую по численности довоенные Вооруженные Силы¹⁷. До конца 1941 г. было вновь сформировано 286 стрелковых дивизий, 159 стрелковых бригад. Создавались соединения и части различных родов войск — танковые, артиллерийские, авиационные и т. д. С 22 июня по 1 декабря 1941 г. Действующая армия получила 291 дивизию и 94 бригады, из которых 194 дивизии и все бригады являлись вновь сформированными. За это же время 124 дивизии, понесшие большие потери, были расформированы¹⁸.

Для укомплектования новых соединений и частей из народного хозяйства были мобилизованы огромные материальные ресурсы. Уже в первые дни войны армия получила, например, 234 тыс. автомашин и 31,5 тыс. тракторов. Из сельского хозяйства за четыре военных года было мобилизовано свыше 40% тракторов и около 80% автомашин¹⁹. Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственный Комитет Обороны уделяли исключительно большое внимание оснащению войск боевой техникой и вооружением, совершенствованию их организационной структуры, подготовке резервов. Был установлен строгий контроль за поступлением на фронт новых образцов самолетов, танков, орудий, минометов, автоматов.

Результаты военно-мобилизационной деятельности находятся в тесной зависимости от возможностей системы хозяйствования, господствующей в той или иной стране. Общественная собственность на орудия

¹³ Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история, с. 34; История второй мировой войны. 1939—1945, т. 3. М., 1974, с. 282.

¹⁴ Вознесенский Н. А. Указ. соч., с. 590.

¹⁵ Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. Пер. с нем. М., 1956, с. 189.

¹⁶ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 12. М., 1982, с. 269; Всемирно-историческая победа советского народа. 1941—1945 гг., с. 446.

¹⁷ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 4, с. 358.

¹⁸ 50 лет Вооруженных Сил СССР, с. 269, 270, 273.

¹⁹ Там же, с. 257; История второй мировой войны. 1939—1945, т. 12, с. 162.

и средства производства позволила Советскому государству создать совершенную экономическую организацию, сосредоточить все усилия на решении первоочередных задач, эффективно использовать материальные ресурсы и производственные мощности для обеспечения нужд фронта. Несмотря на снижение уровня производства в СССР металла, станков, электроэнергии и других видов тяжелой индустрии по сравнению с США, Англией и Германией, наша страна выпускала танков больше, чем каждая из этих стран, а самолетов больше, чем Германия и Англия. Преимущества экономической системы социализма выглядят еще разительнее, если производство боевой техники исчислять на единицу важнейших видов промышленной продукции. Так, в 1942 г. Советский Союз производил больше, чем Германия: на 1 млн т выплавленной стали: самолетов — в 4,4 раза, танков — 6,8 раза; на 1 млрд кВт·ч выработанной электроэнергии: самолетов — в 4,3 раза, танков — в 6,6 раза; на 1 тыс. металлорежущих станков: самолетов — в 8,1 раза и танков в 12,3 раза²⁰. Советское государство использовало все имевшиеся в стране материальные возможности для непрерывного увеличения выпуска оружия, боевой техники, снаряжения для армии. Среднегодовое производство танков и самоходно-артиллерийских орудий в СССР было больше, чем в Германии, почти в 2 раза, а самолетов — в 1,7 раза²¹.

Военно-мобилизационные ресурсы страны зависели и от эффективности социалистической системы хозяйства, одним из показателей которой является производительность труда. Это важно учитывать особенно ввиду того, что в годы войны, как уже отмечалось, произошло резкое снижение численности работающих в наиболее трудоспособном возрасте. Затраты труда в человеко-часах на производство, например, самолетов Ил-4 и Пе-2, танков Т-34 и КВ, 76-мм пушек снизились в 1943 г. в полтора-два раза по сравнению с 1941 г.²²

Рост количества и улучшение качества боевой техники способствовали совершенствованию организационной структуры Вооруженных Сил СССР. В их составе увеличивался удельный вес танковых и механизированных, артиллерийских и авиационных частей и соединений, что намного повысило ударную мощь, маневренность и наступательные возможности войск, предопределило успех важнейших стратегических операций. Если в декабре 1941 г. в Действующей армии насчитывалось около 2 тыс. танков, то в ноябре 1942 г. — 7,4 тыс., в июле 1943 г. — 10,2 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, а в январе 1945 г. — более 12 тыс. По своим боевым качествам они значительно превосходили однотипные машины противника. В начале 1945 г. в действующих фронтах имелось 6 танковых армий, 21 отдельный танковый и механизированный корпус, значительное число отдельных танковых и самоходно-артиллерийских бригад и полков. За годы войны было сформировано 17 воздушных армий фронтовой авиации и 1 воздушная армия авиации дальнего действия. Соответственно этому рос самолетный парк. Если в конце 1942 г. в Действующей армии имелось свыше 4,5 тыс. самолетов, то летом 1943 г. — более 10 тыс., а в январе 1945 г. — около 15 тыс.²³ О жизнеспособности и могуществе военной организации социалистического государства говорит и такой, например, факт: к январю 1945 г. Советская Армия имела больше, чем противник, солдат и офицеров в 1,9 раза, орудий и минометов — в 3,2 раза,

²⁰ Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М., 1970, с. 208, 209.

²¹ Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1970, с. 35.

²² История второй мировой войны. 1939—1945, т. 12, с. 170.

²³ Там же, с. 245, 247, 250.

танков и самоходно-артиллерийских установок — в 2,8 раза, самолетов — в 7,4 раза²⁴.

В успешном осуществлении огромной по размаху военно-мобилизационной работы, позволявшей направлять в Действующую армию крупные резервы, важную роль играла созданная в стране система всеобщего обучения военному делу широких масс трудящихся. Организованная повсеместно, она помогала советским гражданам, способным носить оружие (прежде всего допризывной молодежи и военно-обязанным запаса до 45-летнего возраста), в свободное от работы время проходить военную подготовку по 110-часовой программе. За годы войны в этой системе овладели военным делом 9862 тыс. человек²⁵. Ни в одной стране массовая подготовка боевых резервов не велась в таких масштабах.

Защита Родины от немецко-фашистских захватчиков стала в дни Великой Отечественной войны главным делом советского народа. Миллионы граждан, многие партийные и комсомольские организации, коллективы трудящихся и учащейся молодежи в полном составе просили соответствующие органы послать их на фронт. «Наиболее яркое проявление советского патриотизма, — отмечал М. И. Калинин осенью 1941 г., — это добровольное вступление в ряды Красной Армии»²⁶. По данным А. М. Сеницына, которые он считает неполными, за время войны в военные, партийные и советские организации и учреждения от граждан СССР поступило более 20 млн. заявлений с просьбой о добровольном зачислении в армию²⁷. Однако по ряду причин (возраст, состояние здоровья, работа на оборонных предприятиях) далеко не все просьбы удовлетворялись. Так, в первые же дни войны сотни тысяч коммунистов изъявили желание немедленно пойти на фронт добровольцами. Однако ЦК ВКП(б), стремясь придать плановость распределению партийных сил, обязал военные органы направлять коммунистов в армию и на флот в основном по общегражданским мобилизациям²⁸.

Интересы борьбы с гитлеровскими захватчиками требовали не только изменения форм и методов деятельности партии, но и решительного перераспределения коммунистов из территориальных (местных) партийных организаций в военные. Эта работа, для которой были характерны невиданные прежде масштабы, велась по трем основным направлениям. Самым мощным каналом, по которому армия и флот получали партийное пополнение, была общая мобилизация военнообязанных. По персональным партийным мобилизациям в армию были направлены преимущественно кадровые работники, состоявшие в аппарате руководящих партийных органов. В ходе осуществления массовых мобилизаций коммунистов ЦК ВКП(б) посылал в войска главным образом низовой партийный актив.

Перераспределение партийных сил явилось важным средством укрепления партийных организаций Действующей армии, повышения боеспособности войск. По решениям ЦК ВКП(б) за время войны из местных организаций в Вооруженные Силы прибыло 13 850 кадровых партийных работников, в том числе 8800 — в первое военное полугодие. Среди них находилось 500 секретарей ЦК компартий республик,

²⁴ Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945. Краткая история, с. 580.

²⁵ Партия и армия, с. 181; КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы. 1917—1981, с. 311, 312.

²⁶ Калинин М. И. О коммунистическом воспитании. Избранные речи и статьи. М., 1956, с. 246.

²⁷ Сеницын А. М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны. М., 1975, с. 26.

²⁸ Петров Ю. П. Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота (1918—1968). М., 1968, с. 279.

областных, краевых, городских и районных комитетов партии, 270 ответственных работников аппарата ЦК ВКП(б), 1265 работников областного и районного звена²⁹.

С 27 июня и до конца 1941 г. в соответствии с решениями ЦК ВКП(б) по массовым партийным мобилизациям войска получили более 132 тыс. коммунистов и комсомольцев³⁰. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 июня 1941 г. указывалось, что мобилизация проводится «в целях усиления партийно-политического влияния в полках»³¹. Мобилизованных посылали в войска в составе коммунистических рот (так назывались маршевые формирования) и в качестве политбойцов распределяли группами в 10, 15, 20 человек по подразделениям главным образом тех стрелковых частей, которые вели бои на наиболее важных участках фронта. «...Политбоец,— говорилось в передовой „Правды“,— это цемент, скрепляющий воинов Красной Армии единой волей, единым устремлением победить врага»³².

Всего за время войны в армию и на флот было мобилизовано свыше 1640 тыс. коммунистов (половина всего состава территориальных организаций к лету 1941 г.), из них более 1100 тыс.— за первые шесть военных месяцев³³. «Коммунистическая партия была подлинно сражающейся партией,— отмечается в постановлении ЦК КПСС „О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов“.— Коммунисты находились на самых трудных и решающих участках борьбы с врагом. Личным примером, страстным партийным словом они вдохновляли и вели советских людей к Победе»³⁴.

Боевым помощником партии в укреплении Вооруженных Сил, формировании боевых резервов был Ленинский комсомол. Объявив себя мобилизованным на защиту Родины, он всю свою деятельность подчинил делу разгрома врага. По призыву партии и правительства на фронт ушло 3,5 млн. комсомольцев, в том числе 900 тыс.— в начальный период войны³⁵. Комсомол с честью выполнил военно-мобилизационные задания ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Оборона. Так, во второй половине 1941 г. и в сентябре 1942 г. по решениям ЦК ВЛКСМ комсомольские организации мобилизовали около 150 тыс. юношей во вновь сформировавшиеся соединения воздушно-десантных войск³⁶. Они вступили в сражение с врагом на Северо-Западном фронте, Северном Кавказе, под Сталинградом³⁷.

С января по август 1942 г. по решениям ЦК ВЛКСМ комсомольские организации мобилизовали в гвардейские минометные части свыше 31 тыс. юношей, получивших военную подготовку в системе всеобщего военного обучения³⁸. В результате этих и многих других мероприятий крепили и численно росли гвардейские минометные части. К началу 1945 г. в боях участвовало 30 отдельных дивизионов, 101 отдельный полк, 15 отдельных бригад и 7 дивизий знаменитых «катюш». За 10—13 секунд одновременного залпа они обрушивали на врага более 60 тыс. снарядов различного калибра. Для одного такого залпа потре-

²⁹ Там же, с. 276—278.

³⁰ Вопросы истории, 1963, № 3, с. 41; Центральный архив Министерства обороны СССР (далее — ЦАМО СССР), ф. 32, оп. 11296, д. 264, л. 73, 113, 114.

³¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 6. М., 1971, с. 15.

³² Правда, 1941, 2 августа.

³³ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 172, 374.

³⁴ Правда, 1984, 17 июня.

³⁵ Петров Ю. П. Указ. соч., с. 366.

³⁶ Центральный архив ВЛКСМ (далее — ЦА ВЛКСМ), ф. 1, оп. 3, д. 275, л. 140; д. 279, л. 123; д. 281, л. 206; д. 287, л. 83, 136; д. 290, л. 114, 115; оп. 4, д. 407, л. 15; ЦАМО СССР, ф. 32, оп. 11310, д. 52, л. 44.

³⁷ Лисов И. И. Десантники (Воздушные десанты). М., 1968, с. 39, 200.

³⁸ ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 3, д. 279, л. 1; д. 283, л. 148; д. 286, л. 71; оп. 4, д. 406, л. 194.

бывалось бы около 5 тыс. полков ствольной артиллерии среднего калибра³⁹.

В марте 1942 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление, в котором обязал обкомы, крайкомы и ЦК комсомола союзных республик призвать в Войска противовоздушной обороны страны 100 тыс. девушек-комсомолок, способных достойно нести ратную службу и надежно защищать охраняемые объекты от воздушных налетов врага⁴⁰. С июня по октябрь 1942 г. были сформированы и направлены на фронт 144 части ПВО⁴¹. Девушки хорошо зарекомендовали себя на защите воздушных рубежей Отчизны. Осенью 1942 г. началась вторая крупная мобилизация женской молодежи. Всего в войска ПВО страны было призвано около 200 тыс. девушек. Это позволило высвободить большое количество воинов-мужчин и направить их в гвардейские минометные части, танковые, артиллерийские, стрелковые и кавалерийские соединения⁴².

Каждая территориальная комсомольская организация, выполняя решение ЦК ВЛКСМ, многократно проводила мобилизации своих членов. Они направлялись на ответственные участки вооруженной борьбы с врагом. За время войны Кировский обком ВЛКСМ провел, например, 46 комсомольских мобилизаций, Марийский — 32, Ивановский (за 1,5 года с начала войны) — 39⁴³.

Формирование боевых резервов велось повсеместно. Партийные и комсомольские организации, трудовые коллективы участвовали в создании истребительных батальонов, народного ополчения. Немало воинских частей и соединений формировалось на добровольческой основе, сверх мобилизационных планов Наркомата обороны, и обеспечивалось материальными ресурсами (полностью или частично) за счет местных возможностей. Истребительные батальоны стали первыми массовыми вооруженными формированиями трудящихся. В соответствии с постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. они создавались для охраны советского тыла от диверсионных действий врага и для борьбы с воздушными десантами противника в прифронтовой полосе⁴⁴. ЦК компартий республик, обкомы, горкомы и райкомы партии направляли в истребительные батальоны добровольцев из партийного и советского актива. Это были люди различных профессий, не подлежавшие мобилизации в Действующую армию. В свободное от работы время они учились владеть оружием, воевать с хитрым и коварным врагом в полевых условиях, населенных пунктах, за линией фронта, действовать в рукопашном бою, истреблять вражеские танки. Их боевой деятельностью руководил Центральный штаб, организованный при НКВД СССР. Соответствующие штабы имелись также при НКВД союзных республик, управлениях внутренних дел краев и областей. В районах истребительные батальоны находились в ведении райотделов НКВД, представители которых назначались командирами батальонов. Их заместители по политчасти подбирались и утверждались райкомами и горкомами партии. Истребители были обеспечены транспортом, им предоставлялось право в необходимых случаях использовать все виды местной связи. Истребительные батальоны численностью от 100 до 200 человек (в ряде случаев — от 30 до 500 чело-

³⁹ Военно-исторический журнал, 1973, № 12, с. 111, 112.

⁴⁰ ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 3, д. 282, л. 9.

⁴¹ Никитин Е. Ф., Глазачев В. А. КПСС — организатор Победы советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1970, с. 27.

⁴² История СССР, 1975, № 3, с. 68, 71, 72.

⁴³ Кировская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Сб. док. Киров, 1961, с. 353; ЦА ВЛКСМ, ф. 7, оп. 2, д. 60, л. 7; Партийный архив Ивановского обкома КПСС (далее — ПАИО), ф. 327, оп. 15, д. 1, л. 78.

⁴⁴ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 179; Синицын А. М. Всенародная помощь фронту, с. 28.

век) бдительно несли боевое дежурство, были готовы во всеоружии встретить врага⁴⁵.

В начале июля 1941 г. формирование истребительных батальонов в основном закончилось. Они имелись во всех районах прифронтовой полосы и прежде всего — в индустриальных центрах страны. К концу июля в стране насчитывалось 1755 истребительных батальонов. 657 батальонов численностью 159 тыс. человек активно действовали на территории Украинской ССР, свыше 1000 батальонов численностью 186 тыс. человек — в РСФСР. Многие истребительные батальоны формировались по нескольку раз, так как за счет ранее созданных пополнялись ряды Действующей армии. Всего же в годы войны в эти народные формирования вступило свыше 400 тыс. рабочих, колхозников, служащих. Кроме того, более 300 тыс. человек состояло в группах содействия батальонам. Своей решительной борьбой истребители помогли обезопасить советский тыл от диверсионных действий противника. С приближением линии фронта они смело вступали в бой с полевыми войсками врага. В 1941 г. около 1350 истребительных батальонов в составе более 250 тыс. человек влились в Действующую армию⁴⁶. Часть батальонов была преобразована в партизанские отряды и сражалась в тылу врага.

По инициативе Ленинградской партийной организации родилась еще одна форма массового участия советских людей в вооруженной борьбе с врагом — народное ополчение. Его развертывание расширило возможности страны в обеспечении фронта боевыми резервами за счет той части населения, которая по возрасту или по другим причинам не призывалась в Вооруженные Силы. Было создано 60 дивизий, 200 отдельных полков, большое число отдельных батальонов, рот, взводов и отрядов общей численностью около 2 млн. человек. Еще больше оказалось тех, кто изъявил желание встать в его ряды, но по каким-либо причинам не был принят⁴⁷.

Ополченцы героически защищали боевые рубежи. Они участвовали в обороне Ленинграда, Москвы, Киева, Одессы, Курска, Севастополя, Сталинграда и многих других крупных городов. Так, с июля 1941 г. по январь 1942 г. в войска Ленинградского фронта влились 10 ополченских дивизий, 1 рабочая бригада, 2 рабочих и 16 артиллерийско-пулеметных батальонов, маршевое ополчение — всего 133,5 тыс. человек⁴⁸. 13 истребительных батальонов и 19 отрядов народного ополчения в составе 32 800 человек участвовало в обороне Киева⁴⁹. 12 ополченских дивизий, сформированных из москвичей летом 1941 г., осенью сражались с врагом на дальних подступах к столице. В ноябре того же года москвичи дали фронту еще 4 дивизии, укомплектованные личным составом истребительных и коммунистических (рабочих) батальонов и отрядов⁵⁰. 35 тыс. ополченцев и бойцов истребительных батальонов, пополнив войска Приморской армии и Одесской военно-морской базы, героически защищали Одессу⁵¹.

Наряду с ополчением в годы войны формировалось на добровольческой основе значительное число частей и соединений кадровой армии. Первые из них создавались летом 1941 г., последние — в 1943—1944 гг. Осуществлявшиеся при этом военно-мобилизационные мероприятия

⁴⁵ Биленко С. В. Указ. соч., с. 11—26.

⁴⁶ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, с. 180.

⁴⁷ Там же, с. 183.

⁴⁸ См.: Кирсанов Н. А. Партийные мобилизации на фронт в годы Великой Отечественной войны. М., 1972, с. 101, 103—105.

⁴⁹ Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. В 3-х томах. Т. 1. Киев, 1975, с. 158, 159.

⁵⁰ Выстояли и победили. Документы и материалы. М., 1966, с. 177, 366; Москва — фронту. Сб. документов и материалов. М., 1966, с. 132—142.

⁵¹ Колесник А. Д. Указ. соч., с. 270.

проводились при самом активном участии широких трудящихся масс. Нередко базой формирования новых соединений являлось ополчение. Так было, например, в Ивановской области. К концу июля 1941 г. в его ряды здесь записалось свыше 114 тыс. человек, среди которых, по мнению обкома партии, имелось не менее 50 тыс. человек, способных нести строевую службу⁵². Учитывая пожелания трудящихся, Ивановский обком ВКП(б) обратился в ГКО за разрешением провести формирование кадровой стрелковой дивизии и присвоить ей имя М. В. Фрунзе. Когда просьба была удовлетворена, Наркомат обороны и штаб Московского военного округа издали директивы о формировании 332-й Ивановской стрелковой дивизии им М. В. Фрунзе. Решение по этому вопросу принял и обком партии. В дивизию были отобраны лучшие представители трудящихся области. Две трети из них составляли рабочие, 24,4% — коммунисты и 8,5% — комсомольцы⁵³. Во второй половине октября дивизия заняла боевые рубежи на юго-западных подступах к Москве. Сражаться ей здесь не довелось, но пребывание ее в Подмоскovie ознаменовалось примечательным событием: 7 ноября 1941 г. 1115-й стрелковый полк и сводная рота автоматчиков 332-й стрелковой дивизии участвовали в историческом параде войск на Красной площади в Москве⁵⁴.

В августе 1941 г. Наркомат обороны удовлетворил просьбу Брянского обкома ВКП(б) о формировании добровольческого соединения, укомплектованного преимущественно рабочими, присвоив ему наименование 331-я Брянская пролетарская стрелковая дивизия. Однако ввиду оккупации противником территории Брянщины дивизия создавалась в Тамбовской области⁵⁵.

Многочисленное народное ополчение Донбасса в августе — сентябре 1941 г. стало базой формирования трех стрелковых дивизий — 383, 393-й и 395-й, укомплектованных в основном шахтерами. После оставления советскими войсками Киева эти соединения были переданы в Действующую армию⁵⁶.

Ярким патриотическим свершением рабочих Ленинградского завода им. С. М. Кирова, Московского и Горьковского автозаводов, Харьковского завода № 183 явилось создание двух танковых бригад. Желая помочь Советской Армии, они решили для произведенных сверх плана танков и бронемашин сформировать экипажи из добровольцев — тех, кто сам создавал эту боевую технику. Партком Наркомата среднего машиностроения (НКСМ) поддержал идею и обратился с соответствующим предложением в ГКО. В результате появился приказ о формировании 63-й отдельной особой танковой бригады. Вместе с заводскими рабочими в нее включили и воинов вышедшей из окружения 14-й танковой дивизии⁵⁷.

Бригада была сформирована под Москвой 24 августа 1941 г. А на следующий день при участии представителей НКО ее разделили на 121-ю и 122-ю танковые бригады, присвоив обем имя НКСМ. В каждой из них имелся танковый полк, мотострелковый батальон, зенитно-артиллерийский дивизион, разведывательная, ремонтно-восстановительная, автотранспортная роты и рота управления. В 121-й бригаде

⁵² ПАИО, ф. 327, оп. 13, д. 143, л. 42; д. 145, л. 49; д. 146, л. 294.

⁵³ Трудящиеся Ивановской и Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Иваново, 1959, с. 100, 127, 509; ЦАМО СССР, ф. 332 сд, оп. 182675, д. 8, л. 3—6; оп. 155101, д. 4, л. 3.

⁵⁴ ЦАМО СССР, ф. 332 сд, оп. 155101, д. 4, л. 14.

⁵⁵ Там же, ф. 1645, оп. 1, д. 1, л. 1, 2, 63.

⁵⁶ Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг., т. 1, с. 96; ЦАМО СССР, ф. 1704, оп. 1, д. 1, л. 2; д. 97, л. 1; ф. 1721, оп. 1, д. 1, л. 1; д. 2, 29.

⁵⁷ ЦАМО СССР, ф. 3108, оп. 1, д. 1, л. 2; д. 6, л. 5.

числилось 2019 воинов, 7 тяжелых, 22 средних, 65 легких танков и 15 бронемашин. Примерно столько же боевой техники было и в 122-й бригаде, 15,4% ее воинов являлись коммунистами и 27,6% — комсомольцами. 26 августа 121-я танковая бригада по железной дороге отбыла на Брянский фронт, а вечером следующего дня стала сосредотачиваться севернее Брянска для выполнения задания. 2 сентября погрузилась в железнодорожные эшелоны и 122-я танковая бригада. Через четверо суток она достигла полосы боевых действий 48-й армии Ленинградского фронта⁵⁸.

Героически защищали Советское Заполярье трудящиеся Мурманской области. Под руководством областной партийной организации они создали истребительные батальоны и отряды народного ополчения. В августе 1941 г., когда противник попытался перерезать Кировскую железную дорогу, обком ВКП(б) совместно с Военным советом 14-й армии сформировал полк мурманских рабочих, а в сентябре для усиления обороны Мурманска — 1-ю Полярную стрелковую дивизию. В нее вступили рабочие, инженерно-технические работники, партийный, советский и комсомольский актив, состоявший в истребительных батальонах и отрядах народного ополчения. 22 октября 1941 г. это соединение, включенное в кадровую армию, получило общевойсковое наименование «186-я стрелковая дивизия»⁵⁹.

Большая работа по формированию добровольческих частей и соединений развернулась в октябре 1941 г. в связи с нарастанием военной опасности, особенно под Москвой. В столице, например, из истребительных и коммунистических (рабочих) батальонов и отрядов началось формирование 2, 3, 4-й, и 5-й (впоследствии — 129, 130, 155-я и 158-я) стрелковых дивизий⁶⁰. Ярославский обком ВКП(б), получив разрешение ГКО, приступил к формированию 234-й стрелковой дивизии, которая по праву называлась Коммунистической: 45,5% ее воинов являлись коммунистами и 21,3% — комсомольцами⁶¹. В то же время в Ставропольском и Краснодарском краях, Оренбургской, Ростовской и Сталинградской областях создавалось восемь добровольческих кавалерийских дивизий. Колхозы и совхозы дали им хороших лошадей, обеспечили необходимым снаряжением. Неувядаемой славой покрыли свои боевые знамена воины 17-го Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, преобразованного в 4-й гвардейский. Партийные организации Краснодарского края отобрали и направили в его дивизии добровольцев преимущественно в возрасте старше 40 лет, три четверти которых участвовали в гражданской войне⁶².

Значительное количество добровольческих частей и соединений формировалось в 1942 г. В этот период в боевом строю Военно-воздушных Сил впервые появились женские полки. Их рождение связано с именем прославленной летчицы Героя Советского Союза М. М. Расковой. В ответ на ее обращение в ЦК ВКП(б) Наркомат обороны решил формирование женской авиачасти. Отбор добровольцев проходил в аэроклубах, на авиапредприятиях, в вузах. Большую работу провел ЦК ВЛКСМ. Когда завершили отбор, добровольцев оказалось больше, чем требовалось. Поэтому было решено создать не один, а три авиационных полка: 586-й истребительный, 587-й (впоследствии он

⁵⁸ Там же, д. 1, л. 1, 2; д. 2, л. 1; д. 5, л. 5; д. 6, л. 5; ф. 3313, оп. 1, д. 1, л. 2, 16; д. 27, л. 30.

⁵⁹ Очерки истории Мурманской организации КПСС. Мурманск, 1969, с. 231; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 321, л. 4; ЦАМО СССР, ф. 1468, оп. 1, д. 1, л. 1, 2, 5; д. 32, л. 12.

⁶⁰ Б у к о в К. И. Все мы были солдатами, с. 68—70, 248.

⁶¹ От Волги до Эльбы. Воспоминания ветеранов Ярославской коммунистической дивизии. Ярославль, 1963, с. 9.

⁶² Документы отваги и героизма. Кубань в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Сб. документов и материалов. Краснодар, 1965, с. 48; ЦАМО СССР, ф. 645, оп. 35829, д. 1, л. 2.

стал 125-м гвардейским) бомбардировочный и 588-й (впоследствии — 46-й гвардейский) ночной легкомбомбардировочный. Летчицы с честью выполнили боевые задачи по разгрому врага. 28 из них были удостоены звания Героя Советского Союза⁶³.

В 1942 г. в Действующую армию поступили и другие комсомольские формирования: 930-й ночной легкомбомбардировочный авиаполк и 96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола, в сентябре — 85-й гвардейский минометный полк и 174-й отдельный истребительный противотанковый артиллерийский дивизион имени Комсомола Удмуртии.

Местные партийные организации продолжали искать возможности для пополнения резервов Советской Армии за счет сверхплановых ресурсов. Результаты этой работы были немалые. Так, в начале сентября 1942 г. севернее Сталинграда вступила в бой 49-я стрелковая дивизия, сформированная из добровольцев Ивановской области⁶⁴. К 25-й годовщине Советской Армии из добровольцев Оренбургской области были сформированы две, а Куйбышевской, Пензенской и Саратовской областей — по одной стрелковой бригаде⁶⁵. К этому юбилею во многих областях и республиках создавались отдельные батальоны автоматчиков. Особенно много их формировалось весной и летом 1943 г. Инициатором данного мероприятия был ЦК КП(б) Казахстана. В течение мая из разбронированных военнообязанных республики было сформировано 7 батальонов⁶⁶.

Самым значительным добровольческим формированием 1942 г. был 6-й (впоследствии — 19-й гвардейский) Сибирский добровольческий стрелковый корпус. Трудящиеся Новосибирской и Омской областей, Алтайского и Красноярского краев создали для него одну стрелковую дивизию, четыре стрелковые бригады, отдельный саперный батальон, батальон связи и другие части. Для успешной борьбы с врагом сибиряки обеспечили воинов всем необходимым. Накануне вступления в бой 15,4% личного состава корпуса являлись коммунистами и 23,3% — комсомольцами⁶⁷.

Большой вклад в укрепление боевой мощи Советских Вооруженных Сил внесли танкостроители Урала, находившиеся на передовых рубежах экономического противоборства с врагом. Свообразным продолжением их трудового подвига стало создание 30-го (впоследствии — 10-го гвардейского) Уральского добровольческого танкового корпуса. В начале 1943 г. среди танкостроителей зародилась идея: произвести сверхплановые танки и самоходно-артиллерийские установки и самим повести их в бой. Свердловский, Пермский и Челябинский обкомы ВКП(б) сообщили ГКО о патриотических желаниях трудящихся и получили необходимое разрешение. Когда началось формирование, на каждое место в частях и соединениях корпуса претендовало не менее 12 добровольцев. Всю его боевую технику, вооружение и снаряжение трудящиеся Урала изготовили во внеурочное время, в счет сверхплановых заданий. В результате такой работы 30-й Уральский доброволь-

⁶³ В небе фронтовом. Сб. воспоминаний советских летчиков — участников Великой Отечественной войны. М., 1971, с. 9, 24, 160, 276.

⁶⁴ ЦАМО СССР, ф. 1157, оп. 1, д. 68, л. 164; д. 70, л. 31; д. 2, л. 1; ПАИО, ф. 327, оп. 14, д. 128, л. 10.

⁶⁵ Пензенская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Сб. документов и материалов. Саратов, 1964, с. 275; Подвиг оренбуржцев. Документы и материалы об участии трудящихся Оренбургской области в Великой Отечественной войне (1941—1945). Челябинск, 1969, с. 46, 47; Саратовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы 1941—1945 гг. Саратов, 1969, с. 131; ЦАМО СССР, ф. 1944, оп. 2, д. 4, л. 37.

⁶⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 184, л. 41; Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Казахстана, ф. 708, оп. 1, д. 73, л. 42; оп. 7, д. 2766, л. 22, 31; оп. 9, д. 1486-а, л. 3.

⁶⁷ ЦАМО СССР, ф. 860, оп. 20225, д. 1, л. 1.

ческий корпус получил 202 танка Т-34, 7 танков Т-70, 8 установок М-13 («катюши»), 16 самоходно-артиллерийских установок СУ-122, 68 бронемашин БА-64, 16 орудий калибром 85 мм, 42 миномета калибром 120 мм, 52 миномета калибром 82 мм, 32 орудия калибром 45 мм, 24 орудия калибром 76 мм, 1028 автомашин, а также другое вооружение и снаряжение согласно штатной потребности⁶⁸.

Перед началом боевых действий более половины воинов Уральского добровольческого танкового корпуса (51,5%) составляли коммунисты и комсомольцы. В танковых бригадах их было 65,7%, а в танковых батальонах — свыше 75% личного состава⁶⁹.

Боевой путь 30-го (10-го гвардейского) Уральского добровольческого танкового корпуса начался в конце июля 1943 г. на северном участке Орловско-Курской дуги, а закончился в столице Чехословакии Праге. За время сражений уральцы захватили и уничтожили 1110 танков и самоходных установок, 1100 орудий разного калибра, 589 минометов, 2125 пулеметов, 2100 бронемашин и бронетранспортеров, 649 самолетов. От огня танкистов погибло более 94 тыс. вражеских солдат и офицеров, 44 752 гитлеровца было взято в плен⁷⁰.

За отличия в боях, героизм, мужество и отвагу уральцев Верховный Главнокомандующий 27 раз объявлял корпусу благодарность, 27 раз Москва салютовала героям. На знамени корпуса — 3 боевых ордена — Красного Знамени, Суворова и Кутузова II степени, на знаменах его частей и соединений — 51 боевой орден. Воинам 10-го гвардейского Уральского-Львовского добровольческого танкового корпуса за отличия в боях было вручено 42 368 орденов и медалей, 27 солдат и сержантов стали полными кавалерами орденов Славы, а 38 лучшим из лучших присвоено звание Героя Советского Союза⁷¹.

Как известно, Гитлер и его окружение считали СССР нежизнеспособным государственным образованием, «искусственным и рыхлым объединением огромного числа наций», которое развалится под ударами германской армии. Однако враг просчитался. Многонациональный состав Страны Советов превратился в один из источников ее силы. В царской России более 45 народов — узбеки, казахи, таджики, туркмены, киргизы и др. — по политическим мотивам не допускались к службе в армии⁷². Советская власть предоставила трудящимся всех национальностей равное право с оружием в руках защищать социалистическое Отечество. Ленинская дружба народов СССР помогла еще более раскрыть огромные военно-мобилизационные возможности Советского государства. В первые же месяцы войны в Действующую армию были призваны миллионы граждан разных национальностей, сотни и тысячи трудящихся союзных и автономных республик обращались с просьбами послать их на фронт добровольцами. Это было одно из ярких проявлений нерушимого единства многонационального советского народа, сплоченного вокруг Коммунистической партии.

Стремясь сократить сроки создания боевых резервов, партийные организации ряда союзных и автономных республик предложили в отдельных случаях создавать национальные воинские части и соединения. Это позволило шире вовлекать в вооруженную борьбу с врагом ту массу населения, которая слабо владела русским языком⁷³. Первым национальным формированием стала 201-я (впоследствии — 43-я гвар-

⁶⁸ ЦАМО СССР, ф. 674, оп. 21871, д. 2, л. 10; оп. 25029, д. 8, л. 3; оп. 492485, д. 1, л. 37, 102.

⁶⁹ Там же, оп. 25029, д. 8, л. 2; оп. 67584, д. 1, л. 10, 38; оп. 242072, д. 2, л. 185.

⁷⁰ Добровольцы Урала. Воспоминания, очерки. Свердловск, 1972, с. 198.

⁷¹ Там же, с. 198, 199.

⁷² Военно-исторический журнал, 1974, № 6, с. 3.

⁷³ См.: Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР 1918—1973 гг. Исторический очерк. М., 1974, с. 228, 229.

дейская) Латышская стрелковая дивизия. Она создавалась по предложению ЦК КП(б) Латвии и СНК Латвийской ССР из граждан республики, эвакуированных в РСФСР. Ее героический боевой путь, начавшийся под Москвой в январе 1942 г., символизировал негибаемость латышского народа в борьбе с фашизмом. В июне 1944 г., накануне вступления советских воинов на территорию Латвии, был создан 130-й Латышский стрелковый корпус, в который с 43-й гвардейской вошла и вновь сформированная 308-я Латышская стрелковая дивизия⁷⁴.

Исходя из предложений партийных организаций союзных и автономных республик, 13 ноября 1941 г. ГКО принял решение о создании 20 национальных кавалерийских дивизий и 15 отдельных стрелковых бригад в республиках Средней Азии, Казахской ССР, Башкирской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой и Чечено-Ингушской автономных республиках, возложив осуществление этого решения на военные округа, центральные комитеты компартий союзных республик, обкомы ВКП(б) и совнаркомы автономных республик⁷⁵. 18 декабря было принято решение о формировании 16-й Литовской и 7-й Эстонской стрелковых дивизий⁷⁶, 10 февраля 1942 г. — 249-й Эстонской стрелковой дивизии, а 25 сентября 1942 г. — о создании управления 8-го Эстонского стрелкового корпуса⁷⁷. 14 национальных стрелковых дивизий было сформировано в Закавказье — 4 азербайджанские, 4 армянские и 6 грузинских. Как отмечалось в приказе Военного совета Закавказского военного округа, данное мероприятие имело цель «в кратчайший срок отдельные части и дивизии в целом сделать в военном отношении обученными, политически воспитанными, образцово дисциплинированными и высокобоевыми». В приказе подчеркивалось: «Учебу и воспитание личного состава вести на русском и соответствующем национальном языке»⁷⁸. Последнее национальное соединение Советской Армии — 50-я Литовская запасная стрелковая дивизия — была создана в августе 1944 г.⁷⁹

Обращая внимание центральных комитетов и совнаркомов союзных республик на задачи их деятельности в связи с постановлением ГКО от 13 ноября 1941 г., Военный совет Среднеазиатского военного округа отметил, что национальные воинские формирования «должны обеспечиваться предметами вооружения и снаряжения... путем дополнительной мобилизации ресурсов республики»⁸⁰. По нашим подсчетам, в составе национальных формирований Советская Армия получила 350 тыс. воинов. Это были героические защитники Советской Родины — отечества свободных и равноправных народов.

Успешное решение военно-мобилизационных задач стало возможным благодаря таким высоким морально-политическим качествам советского народа, как его беспредельная любовь к социалистическому Отечеству, коммунистическая идейность и убежденность, ненависть к врагу, непоколебимая стойкость и готовность к подвигу во имя Родины. «Нанеся сокрушительное поражение врагу, — отмечается в постановлении ЦК КПСС „О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов“, — советский народ и

⁷⁴ Савченко В. И. Латышские формирования Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны. Рига, 1975, с. 109, 110, 340, 342.

⁷⁵ Шуктомов П. И. Дружба, скрепленная в боях. М., 1972, с. 47, 48; Ока Годовиков. Воспоминания, исследования, документы. Элиста, 1976, с. 295, 296.

⁷⁶ Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941—1945. В трех книгах. Кн. 1. Рига, 1966, с. 191.

⁷⁷ Ларин П. А. Эстонский народ в Великой Отечественной войне 1941—1945. Таллин, 1964, с. 127.

⁷⁸ ЦАМО СССР, ф. 209, оп. 999, д. 107, л. 101.

⁷⁹ Паледкис Ю. В двух мирах. М., 1974, с. 441, 442.

⁸⁰ Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Узбекистана, ф. 58, оп. 17, д. 463, л. 137.

его Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии отстаивали свободу и независимость социалистической Родины, защитили дело Октября. Они внесли решающий вклад в победу над фашистской Германией и ее союзниками, в освобождение народов Европы от фашистского рабства, в спасение мировой цивилизации, с честью выполнили свой патриотический и интернациональный долг. В этом их величайшая заслуга перед человечеством»⁸¹.

⁸¹ Правда, 1984, 17 июня.

Ф. Д. СВЕРДЛОВ

БОЕВОЙ ПУТЬ ЛИТОВСКОЙ ДИВИЗИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Участие Литовской дивизии в сражениях Великой Отечественной войны нашло достаточное отражение преимущественно в популярной литературе, вышедшей в Литовской ССР. Оно показано в журнальных и газетных статьях, в ряде книг, изданных на литовском языке. Из работ на русском языке следует в первую очередь отметить труды Й. Мацияускаса, А. Ликаса, В. Карвялиса¹. Но в общесоюзных изданиях боевой путь Литовской дивизии освещен очень скромно. Цель настоящего сообщения — на основе архивных материалов, многие из которых публикуются впервые, дать для широкого круга читателей нашей страны развернутую картину участия Литовской дивизии в боях в годы Великой Отечественной войны.

18 декабря 1941 г. по ходатайству Центрального Комитета Коммунистической партии Литвы и Совнаркома республики Государственный Комитет Обороны СССР принял решение о создании национальной Литовской стрелковой дивизии². Формировалась дивизия в Московском военном округе, на берегах Волги, под городом Горьким. В ее ряды влились воины-литовцы 29-го территориального стрелкового корпуса, отошедшего с упорными боями из Литвы на Восток, молодые офицеры, окончившие переведенное в Новокузнецк Вильнюсское военное училище, воины-литовцы из других частей Советской Армии, партийные и советские работники, рабочие, крестьяне, интеллигенция, которые эвакуировались из Литвы в начале войны. Кроме того, в дивизию пришли литовцы, давно уже проживавшие в других советских республиках. Многие командиры и бойцы были коммунистами и комсомольцами. Значительная часть воинов уже участвовала в боях с гитлеровцами в первые месяцы войны.

В формировании дивизии активно участвовали закаленные коммунисты, ветераны гражданской войны. Среди них — командир дивизии генерал-майор Ф. Жемайтис и ее комиссар Й. Мацияускас. В дивизию прибыла большая группа старших офицеров бывшей Литовской народной армии, переформированной осенью 1940 г. в 29-й территориальный стрелковый корпус.

Началась усиленная подготовка дивизии к выступлению на фронт. Прибывало пополнение, оружие, снаряжение, транспорт. ЦК КП Литвы

¹ Мацияускас Й. Родина зовет. М., 1960; Ликас А. Братья сражаются вместе. М., 1973; Карвялис В. А. Освобождение Литовской ССР от гитлеровской оккупации (1944—1945). Вильнюс, 1975.

² ЦАМО СССР, ф. 803, оп. 41842, д. 1, л. 1.

уделял много внимания подбору и распределению командных кадров и политработников. На командные и политические должности в дивизии он направил свыше 300 руководящих партийных, советских и комсомольских работников Литвы, в том числе: 11 членов и кандидатов ЦК КП Литвы (К. Прейкшас, М. Шумаускас, Ф. Беляускас, А. Кондратас, П. Олека и др.), ряд секретарей уездных и городских партийных комитетов³.

Всю весну 1942 г. части дивизии проводили формирование и обучение. Дивизию часто посещали руководители Компартии и правительства Литвы А. Снечкус, М. Гедвилас, Ю. Палецкис и другие.

В период формирования во всех частях и подразделениях дивизии были созданы первичные партийные и комсомольские организации, насчитывавшие накануне первых боев в феврале 1943 г. 1378 членов и кандидатов партии и 1718 комсомольцев⁴.

К концу лета 1942 г. 16-я Литовская стрелковая дивизия закончила формирование. Она была полностью вооружена и обучена. Дивизия являла собой яркий пример интернационального братства народов нашей страны: в нее входили представители 30 национальностей Советского Союза. Вначале дивизия была переброшена под Тулу, в район Ясной Поляны. Здесь в день 25-й годовщины Великого Октября Тульский обком партии вручил ей воинское знамя⁵.

Новый 1943 год был ознаменован Сталинградской победой. На Волге завершилось уничтожение окруженной 330-тысячной группировки гитлеровцев. Началось успешное наступление наших войск на ряде участков советско-германского фронта. Настроение у бойцов Литовской дивизии было приподнятое, все рвались в бой. Вскоре был получен приказ сосредоточиться в 50 км юго-восточнее Орла, войти в состав 48-й армии Брянского фронта. Армия готовилась к наступлению на орловском направлении⁶. Переброску дивизия совершала походным порядком, в трудных зимних условиях.

24 февраля 1943 г. вместе со 143-й стрелковой и 6-й гвардейской стрелковой дивизиями первого эшелона 48-й армии 16-я Литовская дивизия начала свой первый бой, перейдя в наступление в направлении станции Змиевка. Стояли морозы. Оборона гитлеровцев была весьма сильно укреплена, а наши войска ощущали недостаток артиллерии, которая отставала, так как дороги были занесены снегом. Это зимнее наступление войск 48-й армии не увенчалось значительным успехом, было осуществлено лишь сравнительно небольшое продвижение, однако цель его — сковать резервы врага, не допустить их переброски на юг — была достигнута. После ряда наступательных боев 16-я Литовская дивизия, как и другие дивизии армии, 18 марта перешла к обороне⁷.

В боях войны дивизии проявили массовый героизм. Ефрейтор 156-го стрелкового полка Р. Искайтис с началом атаки 24 февраля огнем своего пулемета умело поддержал пехоту, уничтожил 10 гитлеровцев. В бою он был ранен, но остался в строю и продолжал вести огонь по врагу⁸. В ходе атаки погиб боец А. Жалис, каунасский комсомолец. В кармане его гимнастерки нашли записную книжку, в ней было написано: «Мы идем в атаку. Я хочу вырваться первым. Может, товарищи, не вернусь. Пусть те, которые найдут эту книжечку, хорошенько поймут, что для Родины никакая жертва не тяжела»⁹. В ходе атаки

³ Мацияускас И. Указ. соч., с. 17—18.

⁴ Бернатовичус П. Н. Работа Компартии Литвы по созданию литовских частей. Л., 1967, с. 10.

⁵ ЦАМО СССР, ф. 807, оп. 41842, д. 1, л. 71, 94.

⁶ Там же, оп. 203330, д. 1, л. 30.

⁷ Там же.

⁸ Там же, ф. 48а, оп. 9677, д. 41, л. 100.

⁹ Там же, л. 103.

26 февраля 1943 г. заместитель командира 156-го стрелкового полка по политчасти капитан П. Гужаускас, находившийся в боевом порядке в одной из рот, поднял ее в атаку и первым с гранатой ворвался во вражескую траншею¹⁰. Подвиг в этих боях совершил и рабочий-текстильщик из Каунаса И. Даунис. В первые дни войны гитлеровцы убили его жену и двух дочерей. Со спасенным сыном он успел уйти в тыл. Вскоре вступил в ряды Литовской дивизии. В первом же бою он повел за собой товарищей. Рота подошла к проволочным заграждениям, и в это время фашисты открыли по ней ураганный огонь. Даунис бросил гранату, поднялся во весь рост и с криком «За Родину! За свободу!» увлек за собой бойцов. Вражеская пуля сразила героя. Выронив автомат, он упал. К нему бросилась санитарка З. Денинайте. За два дня боев она вынесла 62 раненых. Под огнем она перевязала И. Дауниса, но сама погибла¹¹.

18 апреля 1943 г. командиром дивизии вместо получившего новое назначение генерала Ф. Жемайтиса был назначен генерал-майор В. А. Карвялис, начальником штаба — подполковник А. Урбшас¹². 5 июня 1943 г., накануне больших летних сражений, 16-я Литовская дивизия была введена в первый эшелон 48-й армии Центрального фронта¹³.

С 9 по 17 июня в дивизии побывали первый секретарь ЦК КП(б) Литвы А. Снечкус и председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР Ю. Палецкис, а 18 июня — командующий войсками Центрального фронта генерал армии К. К. Рокоссовский, давший высокую оценку ее боеспособности.

25 июня дивизия провела разведку боем. Для этого были выделены две стрелковые роты 156-го стрелкового полка и взвод разведчиков. Рано утром после сильного огневого налета они ворвались в окопы противника и уничтожили до 200 гитлеровцев¹⁴.

В этом бою исключительный героизм проявили командир взвода пешей разведки 156-го стрелкового полка лейтенант В. Бернотенас и политрук А. Кудла. Будучи тяжело ранеными, они не оставили поле боя, обеспечили захват пленных и прикрывали огнем доставку их в расположение полка. А. Кудла погиб смертью храбрых, а В. Бернотенас, раненный в ноги и грудь, в течение семи суток через нейтральную зону ползком пробирался к своим, пока, наконец, у самого переднего края его не подобрали красноармейцы. Всех участников разведки за мужество и отвагу наградили орденами и медалями, а лейтенанту В. Бернотенасу, первому среди воинов Литовской стрелковой дивизии, было присвоено звание Героя Советского Союза¹⁵.

5 июля началась Курская битва — одно из крупнейших сражений войны. 16-я Литовская стрелковая дивизия в составе 42-го стрелкового корпуса генерал-майора К. С. Колганова (заместитель по политчасти — полковник А. П. Лазарев) 48-й армии участвовала сначала в оборонительных боях, а затем в контрнаступлении. В течение 5 и 6 июля в оборонительных боях Литовская дивизия совместно с соседними соединениями отразила ожесточенные атаки гитлеровцев и сорвала попытки врага прорваться в стык 48-й и соседней 13-й армий.

5 июля особенно отличились воины 167-го стрелкового полка под командованием подполковника В. Мотеки. Они подпускали вражескую

¹⁰ Там же, ф. 48а, оп. 9677, д. 41, л. 101.

¹¹ Там же, д. 42, л. 104.

¹² Там же, л. 174.

¹³ Там же, ф. 807, оп. 554390, д. 1, л. 13.

¹⁴ Там же, ф. 16 лсд, оп. 203339, д. 1, л. 128.

¹⁵ Там же, оп. 41841, д. 4, л. 26. После Великой Отечественной войны до самой своей кончины в 1982 г. В. В. Бернотенас работал заведующим отделом в Государственной библиотеке Литовской ССР.

пехоту к своим траншеям буквально на 20 метров, а затем залповым огнем в упор уничтожали ее. Поле перед их траншеями было усеяно убитыми гитлеровцами. Но враг продолжал атаки. Бои носили ожесточенный характер, переходя в рукопашные схватки. На одном из участков противнику удалось потеснить часть литовских подразделений и захватить деревню Семидворики. Отдельные вражеские танки прорвались в глубину, но были уничтожены батареями 224-го артиллерийского полка под командованием майора П. Петрониса. Поддерживая артиллеристов, по приказу генерал-майора В. Карвялиса перешли в решительную контратаку подразделения 249-го стрелкового полка. Гитлеровцы были отброшены¹⁶. За умелое руководство боем и личную храбрость подполковник В. Мотека был награжден орденом Красного Знамени, а его заместитель по политчасти подполковник В. Дильман, возглавивший контратаку, — орденом Красной Звезды.

6 июля батальон 167-го стрелкового полка под командованием капитана К. Ситникова отбил шесть яростных атак фашистов, но удержал свои позиции, поджег и подбил 16 вражеских танков¹⁷. В этом бою были ранены командир батальона и его заместитель по политчасти старший лейтенант А. Йонушас. Командование батальоном принял заместитель командира батальона старший лейтенант Ю. Гарнис. Фашисты опять перешли в атаку. Им удалось вклиниться в расположение наших войск на стыке батальона с соседями. Ю. Гарнис повел бойцов в контратаку, в результате которой гитлеровцы были отброшены на исходные позиции. Отважный командир за свой подвиг был награжден орденом Красного Знамени. После боя он вступил в ряды Коммунистической партии¹⁸.

7 июля на участке обороны 167-го стрелкового полка фашисты после продолжительной артиллерийской подготовки вновь перешли в атаку. На позицию одной из рот двинулись вражеская пехота и танки. Скошенный пулей, упал командир роты. Видя перед собой немецкие танки, некоторые солдаты пришли в замешательство и начали отходить. В этой сложной обстановке храбрость и находчивость проявил парторг роты рядовой Карейва. Он принял на себя командование ротой, организовал оборону, умело направляя огонь по танкам противника. Часть из них была подбита, остальные отошли. Тогда Карейва поднял роту в контратаку. Гитлеровская пехота была отброшена на исходные рубежи¹⁹.

В этих боях десятки воинов-литовцев показали себя настоящими героями. Комсомолец-связист В. Яценявичус, раненный в бою 5 июля, в бессознательном состоянии попал в плен к гитлеровцам. Они считали, что связист, слышавший разговоры командиров о построении обороны, о расположении частей, — настоящая находка. Пленного привезли в офицерскую землянку. Начался допрос. Фашистские бандиты истязали его, но раненый не произносил ни слова. Палачи отрубили ему руки, но он молчал. Тогда они повесили его головой вниз и сожгли²⁰. В. Яценявичусу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В этих боях войны Литовской дивизии уничтожили до 2300 фашистских солдат и офицеров, подбили 20 танков, сбили 12 самолетов, уничтожили 5 станковых и несколько десятков ручных пулеметов, 6 автомашин. Части дивизии захватили 16 пленных, три 75-миллимет-

¹⁶ ЦАМО СССР, ф. 807, оп. 41841, д. 4, л. 40.

¹⁷ Там же, оп. 203334, д. 1, л. 160.

¹⁸ Там же, л. 169.

¹⁹ Там же, ф. 48а, оп. 9637, д. 73, л. 39.

²⁰ Там же, ф. 807, оп. 41841, д. 3, л. 56.

ровых и три 37-миллиметровых орудия, несколько десятков пулеметов, 24 автомашины и много пехотного оружия²¹.

Дивизия была отмечена благодарностями Верховного Главнокомандующего, командующего войсками Центрального фронта генерала армии К. К. Рокоссовского и командующего 48-й армией генерал-лейтенанта П. Л. Романенко. Свыше двухсот командиров и бойцов были награждены орденами и медалями²².

23 июля после короткого артиллерийского налета Литовская дивизия, как и другие соединения 48-й армии, перешла в контрнаступление. Преодолевая упорное сопротивление врага, она форсировала р. Нарочь, отразила несколько сильных контратак и 27 июля подошла к сильному узлу обороны гитлеровцев — с. Никольское, прикрывавшему переправу через р. Ока²³. После упорных боев, обойдя Никольское с севера и юга и уничтожив гитлеровцев²⁴, 1 августа дивизия форсировала реки Оку, Кромю²⁵. Продвинувшись вперед более чем на 120 км, она освободила 60 населенных пунктов, уничтожила тысячи гитлеровских солдат и офицеров, 10 танков, 32 артиллерийских орудия, 16 минометов, 62 пулемета, много транспортных средств. Было захвачено 10 крупных складов с боеприпасами, 2 — с химическим имуществом, несколько складов с продуктами и горюче-смазочными материалами, много пехотного оружия²⁶.

За героизм и мужество в этих боях 1484 солдата и офицера 16-й Литовской стрелковой дивизии были награждены орденами и медалями Союза ССР²⁷.

Во время летнего наступления от солдат, сержантов и офицеров дивизии поступило 163 заявления о приеме в члены КПСС и 469 заявлений о приеме в кандидаты партии²⁸.

В конце сентября 1943 г. дивизия была переведена в состав 4-й ударной армии Калининского фронта и вошла во 2-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора А. П. Белобородова (заместитель по политчасти полковник Т. П. Лученко). Эта армия готовилась вместе с 3-й ударной армией наступать на невельском направлении. Началось наступление 6 октября²⁹. 3-я ударная армия в этих боях продвинулась вперед на 50 км и в начале октября овладела г. Невель³⁰. Войска 4-й ударной армии развивали успех южнее, ведя бои в трудных условиях озерного района³¹. Во второй половине октября обе армии, предприняв новое наступление, успешно продвигались на запад в направлении Полоцка и Пустошки. Войска шли через огромный лесисто-болотистый район, которым фактически владели партизанские отряды, уничтожая занимавших отдельные населенные пункты гитлеровцев. Соединения обеих армий вышли на подступы к Пустошке и дальние подступы к Полоцку, продвинувшись вперед на 70—80 км³². Однако, несмотря на успешное наступление, наши две армии оказались в очень трудном положении. Немецкая оборона южнее Невеля была прорвана на узком фронте. Советские войска ушли далеко на запад, а горловина прорыва севернее г. Езерище так и осталась небольшой. По ширине она не превышала 8—9 км, причем больше половины ее проходило по озе-

²¹ Там же, ф. 16 лсд, оп. 203339, д. 1, л. 159, 164.

²² Там же, л. 159, 164, 209.

²³ Там же, оп. 41841, д. 4, л. 145.

²⁴ Там же, ф. 807, оп. 554390, д. 1, л. 18.

²⁵ Там же, ф. 42 ск, оп. 92103, д. 4, л. 2.

²⁶ Там же, ф. 16, лсд, оп. 41841, д. 4, л. 145.

²⁷ Там же, л. 209.

²⁸ Там же, ф. 807, оп. 41841, д. 4, л. 312.

²⁹ Там же, ф. 317, оп. 4230, д. 17, л. 161.

³⁰ Там же, ф. 213, оп. 2074, д. 51, л. 82.

³¹ Там же, ф. 317, оп. 4306, д. 202, л. 45.

³² Там же, ф. 239, оп. 2224, д. 18, л. 112.

рам Невель, Емонец и Орлово. Идущая через эту горловину единственная грунтовая дорога насквозь простреливалась минометным огнем, а на ряде участков и пулеметным огнем гитлеровцев, затрудняя подвоз боеприпасов, продовольствия, горючего для наших войск³³.

Рано утром 8 ноября 1943 г. значительные силы гитлеровцев из района Езерище предприняли наступление, пытаясь прорваться к Невелю, перерезать горловину, соединявшую продвинувшиеся далеко на запад советские армии с тылом, и окружить их. В атаку двинулись крупные силы танков и пехоты. Литовская дивизия находилась в это время в резерве командарма, но ее артиллерийский полк был выдвинут вперед в полосу обороны 156-й стрелковой дивизии. Прорвав передний край этой дивизии, вражеские танки и штурмовые орудия «фердинанд» начали продвигаться на север и северо-восток, пытаясь расширить свой прорыв³⁴.

Командующий 4-й ударной армией генерал-лейтенант П. Ф. Малышев дал приказ Литовской дивизии остановить гитлеровцев, а затем отбросить их на исходные позиции. Навстречу противнику были выдвинуты 167-й и 156-й стрелковые полки³⁵. В это время артиллерийский полк дивизии под командованием подполковника П. Симонайтиса уже вел бой. Первым открыло огонь по вражеским танкам орудие сержанта И. Станисловайтиса, подбив головную машину. За ним начали стрелять другие орудия. Было уничтожено 5 фашистских танков. Часть батарей вела огонь по вражеской пехоте, нанося ей большие потери³⁶. При поддержке артиллерии заняли оборону подошедшие стрелковые полки.

В течение последующих четырех суток неоднократные атаки танков и пехоты противника против частей Литовской дивизии были отражены. Бои носили ожесточенный характер. 10 ноября два фашистских танка и штурмовое орудие «фердинанд» сумели прорваться в глубину обороны почти к самому наблюдательному пункту командира дивизии. Подполковник П. Симонайтис быстро перебросил сюда одну из батарей, воины которой сумели подбить один танк и штурмовое орудие. Вторым танк отошел. Гитлеровцы не смогли прорваться на север и понесли большие потери³⁷.

«Хорошо помню, — писал в мае 1960 г. об этих боях Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, — как в сражении под Невелем и Езерище глубокой осенью 1943 г. отважные воины Литовской дивизии успешно отразили атаки частей двух танковых дивизий гитлеровцев, пытавшихся перерезать пути подвоза к войскам 4-й ударной армии»³⁸. Литовская дивизия с честью выполнила возложенную на нее ответственную боевую задачу. 175 воинов дивизии были награждены орденами и медалями за мужество, проявленное в этих трудных боях³⁹.

В декабре 1943 г. 16-я Литовская стрелковая дивизия участвовала в окружении врага севернее г. Городок (недалеко от Витебска). С востока по противнику нанесла удар 11-я гвардейская армия⁴⁰. Решительно наступали ей навстречу соединения 4-й ударной армии, в том числе и Литовская дивизия. Это была успешная операция, закончившаяся разгромом крупной группировки немецко-фашистских войск⁴¹. В ходе боев соединения двух армий в трудных условиях лесисто-болотистой и

³³ Там же, ф. 317, оп. 4306, д. 202, л. 44.

³⁴ Там же, ф. 1389, оп. 1, д. 38, л. 81.

³⁵ Там же, ф. 807, оп. 554390, д. 4, л. 7.

³⁶ Там же, оп. 41841, д. 4, л. 186.

³⁷ Там же, л. 208, 209.

³⁸ См.: М а ц и я у с к а с И. Указ. соч., с. 3.

³⁹ ЦАМО СССР, ф. 807, оп. 203334, д. 1, л. 374.

⁴⁰ Там же, ф. 358, оп. 5916, д. 424, л. 1.

⁴¹ Там же, л. 57.

озерной местности зимой, в морозы, умело преодолевали сильно укрепленную вражескую оборону, громили гитлеровцев и с честью выполняли свои боевые задачи.

22 июня 1944 г. началась одна из крупнейших в ходе войны Белорусская операция «Багратион». 4-я ударная армия наносила удар на Полоцк, прикрывавший подступы к Литве и Латвии. Наступая на правом фланге армии по труднопроходимой местности, 16-я Литовская стрелковая дивизия не только продвигалась вперед, но и прикрывала от фланговых ударов врага основные силы армии, наступавшие в центре, успешно преследовала гитлеровцев. Так, часть 156-го стрелкового полка с минометной батареей капитана В. Релшиса проникла в тыл противника, открыла внезапный огонь по одной из его отходящих колонн и разгромила ее.

4 июля Полоцк был освобожден от гитлеровских захватчиков, и войска 4-й ударной армии продолжали наступление дальше на запад. За две недели непрерывного наступления в составе войск этой армии Литовская дивизия продвинулась с боями на 100 км, освободила от врага 148 населенных пунктов, в том числе три железнодорожные станции, уничтожила до 2 тыс. гитлеровцев, много вражеского оружия и боевой техники⁴². Дивизия получила благодарность командующего фронтом генерала армии И. Х. Баграмяна и командующего 4-й ударной армией генерал-лейтенанта П. Ф. Малышева. Несколько сот бойцов и офицеров за храбрость и мужество, проявленные в этих боях, были награждены орденами и медалями⁴³.

После боев под Полоцком 16-я Литовская стрелковая дивизия была переброшена в Литву и после почти 500-километрового марша 2 августа сосредоточилась в районе г. Шяуляй.

Гитлеровцы готовили на этом направлении мощный контрудар с целью овладеть Шяуляем и отрезать советские войска, прорвавшиеся севернее него к Рижскому заливу. Они сосредоточили западнее Шяуляя несколько сот танков, штурмовых орудий, ряд пехотных дивизий, перебросили сюда крупные силы авиации. 17–18 августа после упорных боев фашистским танковым частям удалось на узком фронте прорвать оборону 54-го стрелкового корпуса в районе северо-восточнее г. Кельме. Враг двигался к Шяуляю. Литовская дивизия оборонялась западнее города совместно с танковыми частями 5-й гвардейской танковой армии. Для подготовки личного состава к предстоящим боям был мобилизован весь партийно-политический аппарат дивизии, коммунисты и комсомольцы. К этому времени в дивизию пришло большое число молодых воинов из освобожденных районов Литвы. Со всеми бойцами были проведены беседы, в которых разъяснялось значение обороны Шяуляя, необходимость отличного оборудования позиций, стойкой обороны⁴⁴.

18 августа после артиллерийской подготовки и бомбардировки с воздуха пехотный полк противника с 20 танками атаковал 1-й батальон 156-го стрелкового полка. Воины-литовцы во главе с заместителем командира батальона капитаном В. Стяпенавичусом стойко дрались с превосходящими силами гитлеровцев. Так, например, парторг 2-й роты сержант Ягелло подбил гранатой вражеский танк⁴⁵. Исключительную храбрость и мужество проявили воины 4-й батареи артиллерийского полка дивизии. Под ураганным вражеским огнем, неся большие потери, они стойко обороняли свои позиции, подбили 4 фашистских танка и заставили остальные повернуть назад. Командир 156-го стрелкового

⁴² Там же, ф. 807, оп. 554390, д. 11, л. 28.

⁴³ Там же, оп. 41841, д. 4, л. 192.

⁴⁴ Там же, ф. 16 лсд, оп. 530541, д. 6, л. 158.

⁴⁵ Там же, оп. 1, д. 40, л. 103.

полка полковник В. Луня, его заместитель по политчасти майор Й. Ядогалвис находились на самых опасных участках обороны, организуя отражение вражеских атак. В течение четырех часов противник с нарастающей силой, вводя в бой новые подразделения, еще три раза атаковал батальоны полка. Но все атаки были отбиты, враг понес большие потери и к вечеру 18 августа был вынужден отойти на исходные позиции.

На следующий день на участке дивизии противник бросил в бой около 90 танков, штурмовых орудий и бронетранспортеров, из которых 50 обрушилось на оборону 156-го стрелкового полка, а остальные — на 167-й стрелковый полк. Весь день длился упорный бой. Литовская дивизия, взаимодействуя с танковыми и артиллерийскими частями, выстояла. Десятки фашистских танков и сотни фашистов были уничтожены⁴⁶.

Героями показали себя воины 224-го артиллерийского полка дивизии под командованием подполковника П. Симонайтиса. В этом бою 2-я батарея полка прикрывала стык 156-го и 167-го стрелковых полков. На батарее двигалось 11 вражеских танков и мотолехота. Командир батареи капитан Б. Робинзон умело управлял огнем своих орудий. Орудийный расчет старшего сержанта коммуниста С. Шамблиса подбил два фашистских танка, но затем почти весь был выведен из строя. Остался невредимым один наводчик рядовой комсомолец Калмановичус. Он продолжал вести огонь по врагу и подбил еще один танк⁴⁷. Расчеты сержанта М. Каганиса и старшего сержанта Хармацаса храбро вели огонь по приближающимся танкам и штурмовым орудиям врага. Проявив огромную выдержку и мужество, они с близкого расстояния подбили два фашистских танка, два штурмовых орудия и четыре бронетранспортера⁴⁸.

Исключительную храбрость проявила в этих боях славная дочь литовского народа пулеметчица Д. Станелене. Она участвовала в отражении 30 атак врага на Шяуляй. За отвагу и мужество Д. Станелене была награждена орденом Славы II степени, а впоследствии стала кавалером ордена Славы всех трех степеней⁴⁹.

Отличились в этих упорных боях многие командиры и политработники. В боевых порядках своих подразделений постоянно находились командир 167-го стрелкового полка подполковник В. Мотека и его заместитель по политчасти подполковник А. Мичуда. Они не только умело управляли боем, но и личным примером воодушевляли воинов на уничтожение врага. В самой гуще боя находился в эти дни и помощник начальника политотдела дивизии по комсомолу майор А. Рандакявичус.

Личное мужество и храбрость проявили командир 249-го стрелкового полка подполковник Ф. К. Лысенко и его заместитель по политчасти подполковник В. Толкявичус. Полк отличился не только в оборонительных боях, но и в ходе успешных контратак, в результате которых враг был отброшен от Шяуляя. «В боях под Шяуляем личный состав Литовской дивизии вписал немало новых героических страниц в свою боевую летопись»⁵⁰.

За храбрость и мужество, проявленные в ожесточенных боях под Шяуляем, около 400 воинов дивизии были награждены орденами и медалями СССР. В сентябре 1944 г. в командование Литовской дивизией

⁴⁶ Там же, ф. 16 лсд, оп. 1, д. 114, л. 242 об.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, д. 40, л. 103.

⁴⁹ В настоящее время Д. Станелене — на заслуженном отдыхе, живет в Вильнюсе, активно участвует в военно-патриотической работе.

⁵⁰ История КПСС, т. 5, кн. 1. М., 1970, с. 531.

вступил полковник А. Урбшас (с ноября — генерал-майор), который возглавлял ее до конца войны.

В октябре 1944 года. Литовская дивизия в составе 2-й гвардейской армии участвовала в крупном наступлении от Шяуляя к Клайпеде, цель которого состояла в том, чтобы выйти к Балтийскому морю и отрезать находившуюся в Латвии вражескую группу армий «Север» в составе 30 дивизий от Восточной Пруссии. Дивизия вела боевые действия весьма успешно. Этому во многом способствовали как постоянная партийно-политическая работа в частях, так и крепкие связи воинов дивизии с трудящимися Литвы, которые вдохновляли их на новые подвиги.

5 октября части Литовской дивизии совместно с другими соединениями армии прорвали вражескую оборону и во взаимодействии с частями 1-го танкового корпуса освободили г. Кельме. На следующий день они выбили гитлеровцев из г. Кражай, где разгромили штаб вражеской 5-й танковой дивизии. Перейдя затем к преследованию противника, Литовская дивизия освободила города Кальтиненай, Шилале, Паурис, Вайнутас, Жемайчю-Науместис, Дегучай. 10 октября войска фронта, действовавшие севернее Клайпеды, вышли к берегу моря. Цель операции была достигнута. Через день полки литовской дивизии южнее Клайпеды перерезали железную и шоссейную дороги, идущие в Тильзит, лишив противника возможности осуществлять маневр на этом участке и перебрасывать резервы из Восточной Пруссии.

Фашистское командование, пытаясь отбросить дивизию и сохранить в своих руках шоссе на Клайпеду, подняло сюда для контрудара значительную группировку войск: танковую дивизию СС «Герман Геринг», офицерскую школу 3-й танковой армии, 551-ю пехотную дивизию⁵¹.

Первую контратаку фашисты предприняли 12 октября. Против 2-го батальона 249-го стрелкового полка в районе Пагегай при поддержке сильного артиллерийского огня они двинули с двух направлений 16 танков и полтора батальона пехоты⁵². В упорном бою батальон Ф. К. Лысенко при поддержке остальных подразделений полка и артиллерии дивизии сумел отразить вражескую атаку. В последующие пять дней гитлеровцы крупными силами танков и пехоты предпринимали непрерывные контратаки, но все они отражались упорной обороной частей Литовской дивизии.

13 октября два полка пехоты и 50 танков гитлеровцев после мощной артиллерийской подготовки при поддержке авиации контратаковали 249-й стрелковый полк⁵³. Только его 3-й батальон был атакован силами до полка пехоты СС с 20 танками и штурмовыми орудиями. Здесь вместе с пехотой стояло полковое орудие ефрейтора Г. С. Ушполиса. В течение дня в упорных боях отважный артиллерист подбил три вражеских танка и бронетранспортер с пехотой⁵⁴.

В тяжелых боях воины 249-го стрелкового полка проявили мужество и отвагу. Командиры всех частей хорошо организовывали взаимодействие пехоты, артиллерии и саперов, умело руководили ходом боя. Бойцы сражались храбро, упорно отстаивая родную землю. В тяжелую минуту, когда гитлеровцы стремились окружить полк, Ф. К. Лысенко лично повел воинов в контратаку. После нескольких часов упорного боя фашисты в конце концов вынуждены были отступить⁵⁵. Все последующие атаки врага были отбиты с большими для него потерями.

⁵¹ ЦАМО СССР, ф. 942, оп. 127004, д. 22, л. 126.

⁵² Там же, ф. 16 лсд, оп. 203333, д. 1, л. 139.

⁵³ Там же, л. 140.

⁵⁴ Там же, д. 2, л. 18. Все послевоенные годы и поныне Г. С. Ушполис работает инструктором одного из отделов ЦК КП Литвы.

⁵⁵ ЦАМО СССР, ф. 16 лсд, оп. 530541, д. 1, л. 96.

Противник силой до полка пехоты и 40 танков атаковал также 167-й стрелковый полк майора И. В. Баранова. После упорного 4-часового боя несколькими танками гитлеровцев удалось прорваться через передний край обороны полка, но в глубине они были уничтожены хорошо организованным огнем воинов 224-го артиллерийского полка подполковника И. Симонойтиса⁵⁶.

В районе обороны одной из рот действовало 45-миллиметровое орудие под командованием сержанта Г. Г. Терентьева. После того, как вражеским огнем были выведены из строя все бойцы его расчета, Терентьев сам и заряжал орудие, и стрелял. Когда наши подразделения отбросили гитлеровцев, они увидели разбитое орудие, а рядом убитых командира и двух его боевых товарищей. Поблизости от орудия находились 3 подбитых фашистских танка, два бронетранспортера, лежало 15 трупов вражеских солдат⁵⁷. Именем героя-артиллериста Г. Г. Терентьева после войны названа одна из улиц г. Горького, где он родился и работал, и одно из судов Волжского речного пароходства.

В боях 13 октября противнику были нанесены большие потери: он оставил на поле боя до 900 солдат и офицеров, 19 танков и штурмовых орудий, 25 пулеметов, 8 орудий, 4 бронетранспортера и много другой боевой техники⁵⁸.

На следующий день основная тяжесть боя легла на плечи дивизионных артиллеристов. Особо отличились в нем наводчики орудий младший сержант Б. И. Цинделис и рядовой С. К. Шейнаукас. Они отразили атаку 12 вражеских танков, уничтожив половину из них. Оба погибли на огневой позиции, но не пропустили врага⁵⁹.

В этот день батареи 224-го артиллерийского полка сожгли и подбили 20 танков противника⁶⁰.

Воины Литовской дивизии удержали занятый рубеж, а затем вместе с соседними соединениями возобновили наступление и вышли на Неман, к границе Литвы с Восточной Пруссией. Литовская дивизия с честью выполнила ряд трудных и сложных задач в проведенной наступательной операции.

Во время наступления в северо-западной части Литвы она прошла с боями около 190 км, освободила 419 населенных пунктов, в том числе 11 городов.

Советское правительство высоко оценило боевые успехи Литовской дивизии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 декабря 1944 г. она была награждена орденом Красного Знамени. Сотни воинов получили ордена и медали, а особенно отличившиеся бойцы и офицеры, проявившие в боях южнее Клайпеды героизм и мужество, — подполковник Ф. К. Лысенко, старший сержант Н. В. Федотов, сержант Г. Г. Терентьев, младшие сержанты Ф. П. Зацепилов и С. К. Шейнаукас, ефрейтор Г. С. Ушполис, рядовой Б. И. Цинделис — были удостоены звания Героя Советского Союза.

В конце января 1945 г. Литовская дивизия в составе войск 4-й ударной армии принимала участие в освобождении Клайпеды, последнего литовского города, еще находившегося в руках гитлеровцев. А через три дня она уже начала марш в Курляндию, где на территории братской Латвии вместе с другими соединениями участвовала в боях с блокированной вражеской группой армий «Север» вплоть до ее капитуляции 9 мая 1945 г.

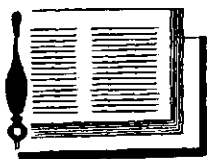
⁵⁶ Там же, оп. 203333, д. 1, л. 140, 141.

⁵⁷ Там же, оп. 1, д. 2, л. 19.

⁵⁸ Там же, оп. 203333, д. 1, л. 141.

⁵⁹ Там же, л. 143.

⁶⁰ Там же, оп. 530541, д. 1, л. 70.

СТАТЬИ

Академик Ю. В. БРОМЛЕЙ

К ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ*

Июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС поставил перед советскими обществоведами в качестве первоочередной задачу глубокого изучения общества, в котором мы живем и трудимся. В этой связи особое значение приобретает осуществление наукой во всем объеме ее познавательной, точнее сказать, объяснительной функции. Поскольку в нашей многонациональной стране, «естественно, не могут быть сняты с повестки дня задачи совершенствования межнациональных отношений»¹, сохраняется и возрастает значимость всестороннего исследования происходящих в обществе зрелого социализма национальных процессов, раскрытия их сути и механизмов.

При этом важен системный подход к анализу национальных явлений. В частности, существенно учитывать, что они не только многогранны в структурном отношении, охватывая в той или иной мере все основные сферы жизнедеятельности людей и их взаимоотношений, но и в известном смысле многоярусны, иерархичны. Они как бы пронизывают все основные уровни общественной структуры. Если идти от общего к единичному, имея в виду нашу страну, то это будут — весь Советский Союз, союзные и автономные республики, классы и другие социальные группы и, наконец, отдельные люди.

Конечно, важно изучение проявления национального и интернационального на всех этих уровнях в их органической взаимосвязи. Однако для более глубокого анализа правомерно сосредоточить внимание на одном из этих уровней — личном.

Хорошо известно, что осуществление задачи совершенствования развитого социализма во многом зависит от того, насколько мы сумеем мобилизовать духовную энергию, поднять трудовую и социальную активность людей. Формирование нового человека не только важнейшая цель, но и условие успешного совершенствования развитого социалистического общества. Не случайно поэтому на июньском Пленуме ЦК КПСС особое место заняли проблемы духовной жизни советского человека, ориентированные прежде всего на то, чтобы научиться целе-

* В основу статьи положен доклад на Всесоюзной научно-практической конференции «Диалектика национального и интернационального в духовном мире советского человека» (декабрь 1983 г., Баку).

¹ Речь Генерального секретаря ЦК КПСС Черненко К. У. — Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 10 апреля 1984 г. М., 1984, с. 14.

направленно формировать интересы и потребности личности. А эти проблемы имеют свой национальный, этнический аспект. Именно конкретные люди являются непосредственными носителями национального.

Между тем долгое время в работах наших обществоведов главное внимание сосредоточивалось на проявлении национального и интернационального на республиканском и межреспубликанском уровнях, тогда как национальная, этническая специфика личности оставалась в тени.

При рассмотрении этой проблематики, на наш взгляд, следует не упускать из виду и то, что нации, представляя собой сложные, весьма устойчивые этносоциальные системы, в то же время — явление динамичное. И эта динамика обусловлена не только взаимодействием наций (при всей его значимости), но и самим развитием основных сфер их жизнедеятельности — экономики, социальной структуры, культуры. Следовательно, изучение наций не может быть сведено лишь к характеристике их взаимоотношений. Необходимо рассмотрение национальных явлений как процесса. И это полностью относится к изучению личности, в первую очередь процесса ее формирования.

Личность человека, как известно, формируется прижизненно — в ходе социализации, осуществляющейся внебиологическими средствами, т. е. независимо от генетической наследственности; причем важнейшая роль в «механизме» социокультурного наследования принадлежит психике людей, в том числе их сознанию. И хотя личность человека в конечном счете проявляется в его деятельности и опредмеченной культуре, тем не менее именно сфера психического является конкретным носителем тех свойств человека, которые им приобретены в процессе социализации. Не случайно именно эта сфера обычно находится в центре внимания при изучении проблем личности, в том числе ее национальной вариабельности.

Касаясь «механизма» формирования национальных черт в сознании людей, их психике не следует, разумеется, забывать, что человек лишь носитель соответствующих представлений, а генератором их является нация в целом. Она же детерминирует и изменения в данной сфере. И это одно из проявлений известного тезиса К. Маркса, согласно которому сущность человека «есть совокупность всех общественных отношений»².

Выдвинутая партией задача углубленного изучения национальных явлений в жизни нашей страны требует вместе с тем проникновения в суть их диалектики в целом. В частности, нуждается в обстоятельном рассмотрении противоречие между усиливающейся интернационализацией нашего общества и ростом национального самосознания. Противоречие, разумеется, неантагонистическое, обусловленное, с одной стороны, главным образом НТР, с другой — экономическим, социальным и культурным прогрессом советских наций, вызывающим у каждой из них законную национальную гордость. Эта гордость ничего общего не имеет с национализмом, для которого характерно стремление обеспечить предпочтение одной нации другой, разжигание национальной розни. Рост национального самосознания у представителей всех наций и национальностей нашей страны, как известно, гармонично сочетается с чувством общесоветской гордости, общесоветским самосознанием. И, говоря об успехах любой нации, советские люди прекрасно сознают, что источник этих успехов — нерушимая дружба братских народов, результат нашего общего труда, наше общее советское достояние.

Но, разумеется, при всем этом не приходится забывать, что общественное сознание, общественная психология может подчас и не вполне

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 3.

адекватно отражать объективные социальные процессы, в том числе и процессы расцвета и сближения наций. Именно поэтому КПСС придает столь большое значение воспитанию трудящихся в духе идей социалистического патриотизма и интернационализма, непримиримости к любым формам проявления национализма. Важно, отмечал Ю. В. Андропов, чтобы «естественная гордость за достигнутые успехи не превращалась в национальную кичливость или зазнайство, не порожидала тенденции к обособленности, неуважительного отношения к другим нациям и народностям. А такого рода негативные явления еще встречаются»³.

Каковы же источники этих негативных явлений? Обычно, отвечая на этот вопрос, ссылаются прежде всего на пережитки в сознании людей и влияние буржуазной пропаганды. Эти факторы бесспорно играют немалую роль. Однако дело ими не исчерпывается. Источник указанных явлений нередко следует искать в некоторых недостатках развития современного общества, притом в значительной мере в факторах, относящихся к сфере общественного сознания.

Причины национальной ограниченности у разных слоев населения различны. Узкий кругозор, недостаточные знания о прошлом и настоящем других народов питают, например, предрассудки менее образованных кругов общества, людей старших возрастов. Широкая просветительная деятельность, разъяснительная идеологическая работа средств массовой информации существенно способствуют в таком случае изживанию национальной узости.

В некоторых случаях на национальную почву может переноситься ощущение каких-то нереализованных ожиданий в конкретных жизненных ситуациях, чаще всего связанных с трудовой карьерой. В таких случаях предупреждение нежелательных явлений в межнациональном общении зависит от регулирования социальных проблем, актуальных для современного этапа развития общества — соотношения спроса и предложения на конкретные виды труда, профессиональной ориентации молодежи, в ряде районов — дальнейшего расширения жилищного строительства, улучшения бытового обслуживания.

Как известно, совместный труд, длительное благоприятное общение рождает дружественные межнациональные контакты. Но вместе с тем именно многонациональные города, особенно молодые, многонациональные стройки должны привлекать внимание с точки зрения регулирования межнациональных отношений. Именно здесь более всего люди замечают специфику культуры и бытового поведения, сопоставляют занятия и образ жизни свой и других национальностей. Здесь требуется и большая разъяснительная работа, и чуткая кадровая политика, и особая забота об удовлетворении культурных запросов людей всех контактирующих национальностей⁴.

Источником негативных явлений в сфере национальных отношений может стать также неудовлетворенность в языковых, культурных, бытовых и тому подобных запросах лиц некоренной национальности той или иной республики. Не случайно XXVI съезд партии выдвинул задачу изучения такого рода запросов с целью их оптимального удовлетворения⁵. При этом не приходится забывать, что речь идет примерно об 1/3 части населения нашей страны, ибо за пределами национальных республик ныне проживает около 55 млн. представителей, образующих эти республики народов. Важно и обеспечение относительно пропорционального участия лиц некоренной национальности в представительных

³ Андропов Ю. В. Избр. речи и статьи. М., 1983, с. 11.

⁴ См.: Дробнижева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981, с. 243.

⁵ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 50—57.

органах, хотя, разумеется, в данном отношении недопустим чисто арифметический подход, ибо не национальная принадлежность, а деловые качества людей должны служить основным критерием в решении вопросов кадровой политики.

Представляется необходимым специальное регулирование национальных аспектов миграционных процессов. При этом соответствующие мероприятия должны охватывать самые различные области социальной жизни, в том числе подготовку и распределение кадров. Необходимо обеспечить такую подготовку специалистов в республиканских вузах и техникумах, которая позволила бы удовлетворить потребности в них различных регионов нашей страны. Вообще, очевидно, следует при социальном планировании уделять особое внимание межреспубликанскому обмену кадрами. Для этого, в частности, необходимо обеспечить свободное знание русского языка специалистами во всех республиках. Важно провести также исследование условий, способствующих приживаемости мигрантов из южных районов страны в городах и селах РСФСР.

И еще один момент. Как известно, рост уровня жизни подчас реализуется в деформации социалистических норм: пышных свадьбах, поминках, юбилеях и т. п. При этом как бы оправданием мешанской сущности такого рода обычаев служит их маскировка под национальные традиции. Раскрытие несостоятельности такой маскировки — одна из важных задач обществоведов.

Одним словом, нужен решительный поворот наших общественных наук в сторону более глубокого изучения реального содержания национальных процессов во всей их сложности и противоречивости. Именно на такой подход нацеливает нас наша партия. В осуществлении национальной политики КПСС, в реализации незыблемых ленинских принципов нет и не может быть мелочей. «Здесь важно все — и отношение к языку, и к памятникам прошлого, и трактовка исторических событий, и то, как мы преобразуем села и города, воздействуем на условия труда и жизни людей»⁶.

Отсюда, в свою очередь, следует, что при изучении национальных процессов наряду с работами обобщающего характера чрезвычайно важно проводить конкретные исследования на уровне личности. Кое-что в этом плане уже сделано: имею в виду прежде всего этносоциологические исследования, проведенные по единой программе в ряде республик⁷. Но необходимо проведение подобных исследований во всех республиках. Только при этом условии можно полностью выполнить стоящую перед нами важную задачу управленческого характера. Наука, как известно, тогда дает очевидный эффект, когда она имеет выход в практику. Для нас практика — не только сфера народного хозяйства, но и идеология. Мы еще раз должны продумать, какое значение наши исследования могут иметь для того, чтобы национальные особенности в каждом регионе и в каждой отрасли хозяйства, культуры, в формировании общественной психологии учитывались с точки зрения использования их в целях общего прогресса.

Исходя из задач внедрения научных знаний в практику наиболее важно сейчас найти механизмы для такого внедрения. Здесь чрезвычайно важно тесное взаимодействие научных и практических работников. Это тем более существенно, что, как известно, «проводниками, исполнителями национальной политики все больше становятся партий-

⁶ Андропов Ю. В. Избр. речи и статьи, с. 11.

⁷ См., напр.: Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973; Социологические очерки о Советской Эстонии. Таллин, 1979; Опыт этносоциологического исследования образа жизни: По материалам Молдавской ССР. М., 1980 и др.

ные и советские органы, все наши кадры на местах. Притом воплощать высокие принципы этой политики в жизнь им приходится каждодневно, обеспечивая гармоничные, братские отношения представителей всех — и больших и малых наций и народностей и в труде и в быту»⁸.

Что касается обществоведов, работающих по национальной проблематике, то выполнение ими соответствующих функций, в частности подготовка рекомендаций, настоятельно требует не только развертывания репрезентативных исследований, но и применения новых методов, в том числе использования математических методов и ЭВМ.

Совершенствование методики исследований национальных процессов, разумеется, не исключает, а наоборот, предполагает дальнейшее углубление методологических основ этих исследований. В этой связи существенное значение приобретает совершенствование такого важнейшего для общественных наук исследовательского инструментария, как понятийный аппарат. «...Понятия,— подчеркивал В. И. Ленин,— не неподвижны, а вечно движутся...»⁹. Поэтому вполне закономерным представляется расширение понятийно-терминологического арсенала в области национальной проблематики. Такова, в частности, этническая терминология.

Эта терминология, как известно, в последнее время все шире входит в научный обиход, получив распространение не только в исторических исследованиях (в первую очередь в трудах по этнографии и региональной истории), но и в нашей философско-социологической литературе, а также на страницах общественно-политических изданий (в том числе таких, как газета «Правда» и журнал «Коммунист»).

Остановлюсь несколько подробнее на этой терминологии прежде всего потому, что она позволяет рассмотреть современные национальные процессы в общем континууме с процессами, происходящими в досоциалистических обществах. А это — важнейшее условие рассмотрения национальных явлений во всемирно-исторической перспективе.

Введение в научную литературу термина «этнос» (от греч. *этнос* «народ») обусловлено прежде всего многозначностью слова *народ*, которое употребляется для обозначения различных социальных групп (наций, народностей, трудящихся масс и т. д.). Применение термина «этнос», позволяя избежать многозначности слова *народ*, дает возможность для выражения того значения этого слова, которое оно имеет, когда речь идет о различных народах мира.

Что же понимается при этом под этническими явлениями? Отвечая на вопрос в самой общей форме, можно отметить, что под ними подразумевается национально-специфическое, проявляющееся прежде всего в языке, повседневно-бытовой культуре, в том числе обрядах, устном творчестве, нормах поведения, а также в особенностях психического склада, в частности в характерных чертах ценностных ориентаций. Одну из неизменных сфер проявления этнического представляет соответствующее самосознание¹⁰.

Этнические явления теснейшим образом связаны с социально-экономическими, образуя так называемые этносоциальные общности (эсо). Их основные исторические типы: племя, народность, нация. В этих общностях, в том числе в нациях, могут быть выделены две основные стороны: этническая и социально-экономическая, причем определяющая роль принадлежит социально-экономическому базису, а также тесно сопряженным с ним социально-политическим факторам.

⁸ Андропов Ю. В. Избр. речи и статьи, с. 11.

⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 29, с. 226.

¹⁰ Подробнее см.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.

В чем же смысл выделения собственно этнических аспектов (так называемого этникоса) в жизни общества? Дело в том, что фиксация внимания исследователей на такого рода аспектах дает возможность глубже проникнуть в суть этносоциальных, в том числе национальных процессов, в частности путем раскрытия культурно-бытовой специфики жизни народов, отличающейся, как известно, большой устойчивостью. Разграничение в национальных явлениях двух основных сторон вместе с тем позволило выдвинуть задачу изучения взаимосвязи, взаимодействия этнического и социально-экономического в ходе национальных процессов. Именно такая задача и была поставлена перед возникшей полтора десятилетия тому назад на стыке этнографии и социологии новой пограничной дисциплиной — этносоциологией.

Следует иметь в виду и многозначность прилагательного *национальный*. Во-первых, оно употребляется как производное от слова *нация* и, стало быть, в этом случае включает как этнический, так и собственно социальный аспект; во-вторых, как производное от слова *национальность*, т. е. имеющее только этническое содержание; наконец, в значении «государственный», т. е. вообще не несущем этнической «нагрузки» (например, «национальный доход», «национальные вооруженные силы»). Особенно трудно различить два первых значения прилагательного *национальный*; в результате, когда употребляются, например, такие словосочетания, как «национальные отношения», «национальные процессы», «национальное самосознание», мы никогда точно не знаем, об узком или широком их значении идет речь. Между тем термин «этнический» не имеет подобной многозначности, что дает ему несомненные преимущества в познавательном отношении¹¹.

Важно, как уже отчасти отмечалось, познавательное значение выделения этнических аспектов и при рассмотрении всемирно-исторического процесса. Это позволяет наряду с общими закономерностями этнической истории человечества выявить характерные особенности ее отдельных этапов. Более того, как показали исследования последних лет, есть основания утверждать, что в далеком прошлом, на ранних стадиях истории первобытного общества был безэтнический период, притом весьма длительный, когда отсутствовали этнические общности. А это, в свою очередь, значит, что, подобно классам, частной собственности и государству, этнические явления отнюдь не вечны.

Возникновение этнических общностей относится лишь к периоду развитого первобытного (бесклассового) общества. Притом первоначально это были всего лишь этнические общности в узком значении слова. И только на подступах к формированию классовых обществ появляются этносоциальные образования, для которых характерны не только общие черты культуры, но и общие органы власти. Эта трансформация на рубеже бесклассового и классового обществ собственно этнических общностей в этносоциальные — закономерность, несомненно заслуживающая внимания¹². Ведь, как будет показано в дальнейшем,

¹¹ Вопрос о соотношении национальной и этнической терминологии является далеко не простым, прежде всего в силу своей многоаспектности. Представляется, в частности, что в стадильном плане понятие «этническое» шире, чем «национальное»: оно простирается не только на такие донациональные общности людей, как народности, но и на племена. Оно шире и в том смысле, что если «национальное» относится лишь к этническим подразделениям основного уровня (этникосам, эсо и этническим группам), то «этническое» в целом имеет несколько таксономических уровней (помимо основного также субэтнический и метаэтнический). Что касается «структурно-содержательного» плана, то в этом случае следует учитывать, что термины «этническое» и «национальное» употребляются и в широком, и в узком значениях. Но, если при использовании термина «национальное», особенно когда речь идет о национальных процессах, ему обычно придается широкое этносоциальное значение, то термин «этническое», напротив, имеет, как правило, узкий (собственно этнический) смысл.

¹² Подробнее см.: Б р о м л е й Ю. В. Указ. соч., с. 245—273.

при переходе от классового общества к бесклассовому мы имеем сходный процесс, лишь с противоположным вектором.

На разных этапах всемирной истории этническая специфика проявляется далеко не одинаково. Так, в первобытном обществе эта специфика пронизывала почти все сферы характерной для него традиционно-бытовой культуры. И все же внешне она не всегда была достаточно отчетлива. Даже, как правило, не было, видимо, существенных различий между соседними племенами в языковом отношении. Определенные основания для такого заключения дает теория так называемой лингвистической непрерывности, согласно которой соседние племена обычно хорошо понимали друг друга. Следует иметь в виду и то, что в первобытном обществе этнодифференцирующие черты культуры, общий объем которой к тому же был сравнительно невелик, проявлялись далеко не сразу, а лишь после сравнительно длительного общения. Между тем у первобытных людей нередко имелась потребность установить племенную принадлежность человека за короткий срок или на расстоянии. Поэтому существенная этномаркирующая роль в первобытном обществе принадлежала внешне наглядным, подчас специально созданным отличительным чертам культуры: одежде, украшениям, татуировке, прическе и т. п. Показательна в этом отношении, например, характеристика, данная Геродотом одному из современных ему племен Северной Африки — макам. Для него достойные внимания особенности этого племени сводятся к тому, что «они стригут волосы на голове, оставляя чубы; на макушке они отращивают волосы, а по сторонам сбривают до самой кожи. На войне они носят для защиты страусовую кожу». В том же ряду стоит и его характеристика ливийцев-пахарей, известных под именем максии. Отметив, что у них «есть уже постоянные жилища», Геродот пишет: «Они отращивают волосы на правой стороне головы и стригут их на левой, а свое тело окрашивают суриком»¹³.

О том, насколько типично было подобное восприятие племенных общностей представителями классовых обществ, свидетельствует и китайский трактат «Лици». В нем варвары, окружающие китайцев, характеризуются так: «Живущие на востоке называются И, они не расчесывают волосы и татуируют тело; некоторые не пользуются огнем для приготовления пищи... Живущих на западе называют Жун. Они ходят с распушенными волосами и одеваются в шкуры; некоторые из них не употребляют в пищу зерно»¹⁴.

Основные этносоциальные общности докапиталистических классовых обществ отличаются от этносов-племен не только своими социально-экономическими параметрами, но и этническими свойствами. С одной стороны, наличие антагонистических классов влечет за собой определенное ослабление культурного единообразия в рамках народности по сравнению с тем, что имеет место у племени. Если же рассматривать вопрос в пространственном отношении, то окажется, что в пределах территории, занимаемой народностью-эсо, культурная однородность выше, чем на той же территории в первобытнообщинной формации даже в случае расселения на этой территории одной семьи племен. Словом, происходит либо увеличение культурных информационных связей внутри этнической общности (при превращении семьи племен или ее части в народность), либо даже расширение пространственных рамок однородной культуры (при образовании народности-эсо на базе нескольких неродственных племен). Большую роль в этом процессе играют сборы значительных масс людей на общественные работы или в военных целях, создание внутригосударственных коммуникаций всех

¹³ Геродот. История. В 9-ти кн. Л., 1972, с. 131, 235.

¹⁴ Крюков М. В. Первобытнообщинный строй и зарождение классов и государства. В кн.: История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974, с. 5—16.

видов, передача информации приказного характера и особенно развитие письменности, которая при наличии чтеца (глашатая и т. п.) выполняет свои информационные функции даже в случае неграмотности большинства населения. В целом на стадии древних и средневековых народностей возрастает перепад между уровнями плотности внутриэтнических и межэтнических инфорсвязей¹⁵.

В то же время наряду с общим этническим самосознанием на протяжении существования народностей, как правило, остается еще сильным локальное самосознание, в том числе представление о принадлежности к субэтносу. И это не случайно. Даже для позднесредневековых народностей (особенно крупных) характерна определенная культурная гетерогенность, выражающаяся, в частности, в наличии этнографических групп и субэтносов. В этом одно из существенных отличий (в этническом плане) народностей от наций-эсо, типичных для капиталистических и социалистических обществ.

Как известно, культура буржуазной нации с ее классовым антагонизмом представляет собой фактически диалектическое единство противоположностей. При этом на ранней стадии развития капитализма в духовной жизни нации ведущую роль играет по преимуществу культура господствующих классов. Однако на современном этапе развития в капиталистических странах, хотя и доминирует буржуазное содержание в национальной культуре, все же в духовной жизни нации заметно усиливается роль демократических элементов культуры.

Не задерживая внимания читателей на достаточно хорошо известных характерных чертах этносоциальных, национальных процессов в рамках капиталистической формации, напомним лишь два момента. Во-первых, основные направления данных процессов определяются выявленными В. И. Лениным двумя тенденциями в национальном вопросе, присущими этой формации. Во-вторых, уже в условиях буржуазного общества, говоря ленинскими словами, всемирно-историческая тенденция «к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий... с каждым десятилетием проявляется все могущественнее...»¹⁶. Суть этой тенденции, по определению В. И. Ленина, интернационализация всей хозяйственной, политической и духовной жизни человечества¹⁷, а стало быть, и ослабление этнической специфики. Но в условиях капитализма данный процесс, как мы знаем, имеет остропротиворечивый характер, что особенно наглядно проявляется в межнациональных конфликтах.

В условиях социализма этносоциальные процессы, как известно, оказываются лишенными классово-антагонистического основания. Базисные (экономические) компоненты этносоциальных общностей — наций и народностей — все более утрачивают этнодифференцирующие черты. Интеграция в целом характерна и для материальной культуры, прежде всего для средств производства, а также и быта. При этом этническая специфика явно дольше удерживается в интерьере жилища, чем в самом жилище, в украшениях одежды, чем в самой одежде, и очень устойчива в пище, т. е. специфика сказывается в большей мере не в утилитарных свойствах вещей, а в сторонах, связанных с их чувственным восприятием. Что касается духовной культуры, то, хотя и здесь отчетливо дает о себе знать тенденция интеграции, все же многие из ее компонентов (особенно в сфере художественной культуры) не теряют своей способности сохранять этническую, национальную форму или воплощаться в более или менее выразительных этнических вариантах.

¹⁵ См.: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. В кн.: Расы и народы. М., 1972, с. 27.

¹⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 24, с. 125.

¹⁷ Там же, т. 23, с. 318.

В сохранении этнической самобытности существенная роль принадлежит творческой переработке традиционных компонентов народной культуры и возникновению ее «вторичных» форм¹⁸.

И в современных условиях, когда возрастает интерес к более интернациональной по форме эстрадной и симфонической музыке, все же довольно часто в часы отдыха, в праздники люди обращаются к народным песням. В ходе недавних этносоциологических опросов среди узбеков, например, не только свыше 90% сельских жителей, но и более 70% горожан (80% среди лиц в возрасте 60 лет и старше, 71% в группе 30—39 лет и 52% среди тех, кому по 20—24 года) ответили, что предпочитают национальную музыку. Среди молдаван предпочтение национальным танцам и музыке отдали более 60% не только из числа рабочих и служащих, но и среди интеллигенции; у эстонцев — около 10% молодежи и людей среднего возраста в городах и около 20% — в селах, а также свыше 30% лиц старших возрастов в городах и 70% — в селах¹⁹. Но предпочтение народных песен и исполнение их — разные понятия. Ведь можно больше любить симфоническую музыку, но в кругу семьи и друзей чаще петь народные песни. Даже среди тех, кто прежде предпочитал эстраду, в конце 70-х гг. возрос интерес к фольклорной музыке.

В целом же в духовной жизни советских людей, как показали специальные обследования, проведенные в разных концах нашей страны, можно выделить сферы относительно большего сохранения этнических, национальных особенностей и сферы наиболее активной интеграции. В первом случае — это нормы поведения в быту, свадебные и похоронные обряды, народное творчество и т. д. Во втором — идеология, мировоззренческие взгляды, основные жизненные ценности, общеобразовательные знания, массовые культурные навыки. Весьма устойчиво национальные черты сохраняются в семейном быту: различны у народов отношения в семье, степень участия женщин и младших членов в решении важных семейных вопросов, распределение домашних обязанностей²⁰. С этим, кстати сказать, связаны немаловажные особенности этнодемографических процессов в разных регионах страны. А особенности такого рода, как известно, весьма значительны.

Итак, проведенные исследования позволяют констатировать, что на протяжении всемирной истории сферы и формы проявления этнической специфики не остаются неизменными. При этом, если иметь в виду основную тенденцию данного процесса, то есть достаточные основания утверждать, что для него характерно все большее перемещение этнических свойств из сферы материальной культуры в сферу духовной жизни людей. По мере приближения к современности эта тенденция становится все отчетливее, чему немало способствует НТР.

Все это придает особую значимость вопросу об этнических, национальных особенностях психики.

Данная проблема требует тем большего внимания, что она во многом до сих пор остается дискуссионной. Здесь нет возможности подробно остановиться на всех ее аспектах. Но следует все же отметить, что некоторые расхождения в ее трактовке, на мой взгляд, носят главным образом терминологический характер. Представляется существенным и то, что в последнее время в ходе этносоциологических исследований у нас несколько продвинулось изучение проявления этнических особенностей в отдельных компонентах психики. В первую очередь это относится к такому компоненту национального (этнического) характера,

¹⁸ См.: Чистов К. В. Традиционные и «вторичные» формы культуры. В кн.: Расы и народы. М., 1975, с. 32—41.

¹⁹ См.: Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях культурного сближения народов СССР на этапе развитого социализма. — История СССР, 1978, № 4, с. 101.

²⁰ См.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, с. 256—258, 365—432.

весьма существенного для раскрытия его типичных черт, как ценностные ориентации²¹.

Значимость изучения этнической, национальной психологии еще раз подтвердила недавняя дискуссия по этому вопросу на страницах журнала «Советская этнография»²². Эта дискуссия, в частности, показала, что особенности психических черт этнических общностей в немалой мере обусловлены характерными особенностями их культуры. И в данной связи, перефразируя известное определение нации, можно сказать, что общность культуры нации проявляется в общности ее психического склада.

О степени влияния социокультурных факторов на психофизиологическую природу человека можно, в частности, судить по следующему примеру. Археологические данные и современные исследования позволяют с достаточной степенью вероятности утверждать, что на протяжении последних десяти тысячелетий число леворуких составляло в среднем 15% от всей популяции, что свидетельствует о доминантности левого полушария мозга. Однако в зависимости от условий социализации в той или иной социокультурной среде число леворуких может колебаться от 0 до 21%. В тех культурах, где процесс социализации характеризуется терпимостью, как, например, у эскимосов, число леворуких приближается к вышеуказанной средней цифре. И, наоборот, если процесс социализации носит жесткий и требовательный характер, как, например, у нигерийцев, процент леворуких сокращается до 0²³.

Один из наиболее дискуссионных аспектов рассматриваемой проблемы относится к вопросу о влиянии на этнические особенности психики таких теснейшим образом сопряженных с ней компонентов культуры, как язык и письменность. В данной связи привлекает, в частности, внимание известное наблюдение, свидетельствующее о том, что различные системы письма (например, иероглифическое и фонетическое) вовлекают в процесс их употребления разные зоны коры головного мозга. Специальные исследования дают основание полагать, что письменность, например, на русском и китайском языках основана на различных конstellляциях мозговых зон²⁴.

Интересные экспериментальные данные, касающиеся локализации в человеческом мозгу речевой деятельности, получены в последнее время японским ученым Т. Цунода²⁵. В ходе эксперимента были обследованы представители нескольких десятков этнических групп (европейских, азиатских и африканских). Полученные материалы показали, что у всех обследованных слог вызывали доминантность правого уха (соответственно левого полушария), чистые тона — левого уха (соответственно правого полушария). Однако относительно гласных обнаружилось межгрупповые различия. Если у представителей подавляющего большинства обследованных групп они вызывали доминантность левого уха (правого полушария), то у лиц, родным языком которых был японский и один из полинезийских (тонга, восточносамоеанский и маори), — правого уха (левого полушария). Было выяснено, что такого рода различия в характере доминантности вызваны не генетическими факторами, а лингвистической и слуховой средой. В частности, Т. Цунода пришел к выводу, что причина указанных выше различий заключается в общем для японского и полинезийского языков свойстве: присутствии в них

²¹ См., напр.: Дробнижева Л. М. Указ. соч., с. 138—188.

²² См.: Советская этнография, 1983, № 2 и № 3, 4.

²³ См.: Dawson G. L. Ecology. Cultural Pressures Towards Conformity and Left-Handedness. A Bio-Local Psychological Approach. In: Readings in Cross-Cultural Psychology. Hong Kong Univ. of M. K. Press, 1974, p. 124—149.

²⁴ Лурья А. Р. Высшие корковые функции человека. М., 1962, с. 64—65.

²⁵ См.: Баралин Г. Родной язык и мозг. Интересное открытие японского экспериментатора.— Курьер ЮНЕСКО, 1982, март, с. 10—13.

большого числа слов, состоящих только из гласных, и слов состоящих из двух или более гласных и согласных. В этих богатых гласными языках сами гласные столь же важны в узнавании слов и предложений, как согласные. В результате гласные звуки обрабатываются в левом, или речевом полушарии. Это, в свою очередь, позволило выдвинуть предположение, что у японского типа доминантности вместе с гласными в левом полушарии обрабатываются также звуки, связанные с эмоциями, и эта левая доминантность укореняется по мере развития речевой способности²⁶.

Если проблема влияния социокультурной среды на этнические особенности психики все же в принципе достаточно ясна, то более сложен и деликатен вопрос о связи данных особенностей с биопсихическими факторами. Не случайно он оказался в центре внимания уже упоминавшейся дискуссии по проблемам этнопсихологии, развернувшейся на страницах журнала «Советская этнография». Основной вывод из этой дискуссии: разработка проблем этнопсихологии действительно требует участия в ней не только этнографов и этносоциологов, но также психологов, в том числе специалистов как по социальной, так и по общей психологии.

Весьма существен в рассматриваемой связи, хотя и значительно более прост, вопрос о наличии этнической специфики в содержании обыденного сознания. Это прежде всего относится к так называемым значениям-стереотипам, фиксирующим типичные для членов этноса понятия, знания, умения, нормы поведения. Представляя пограничную зону общественного сознания (на его обыденном уровне) и бытовой культуры, эти стереотипы выполняют важную функцию в воссоздании характерных для каждого этноса свойств. Утрата (или приобретение) его членами какого-либо стереотипа-значения неизбежно влечет за собой определенное изменение этих свойств.

Следует также не забывать о социально-психологических явлениях, основным источником которых выступают общественные, групповые связи и отношения. В частности, этнические особенности таких социально-психологических механизмов, как внушение, подражание и взаимовлияние, не сводятся лишь к общим характерным чертам индивидуальной психики членов этноса.

Однако психика не существует вне людей и, стало быть, конкретными носителями всех ее этнических особенностей, в том числе и «надиндивидуальных», являются члены этнической общности. В силу этого особый круг проблем этнопсихологии связан с усвоением личностью в ходе социализации присущих соответствующей этнической общности традиционных форм психической деятельности. Именно такого рода формами в первую очередь и обусловлено внешнее различие в поведении, реакциях людей разной этнической принадлежности по одному и тому же поводу. Горе или страдание, радость или огорчение часто неотделимы от своеобразной формы выражения, в какой эти чувства переживаются представителями различных этнических групп. Эти формы кажутся самопроизвольными, ибо они стихийно воспринимаются от старших поколений как естественные образцы поведения и выражения эмоций, которым невольно следуют во всех соответствующих ситуациях²⁷. В действительности они приобретены прижизненно, и этот процесс требует изучения.

Наконец, характеризуя этнические особенности личности, следует напомнить, что непременным компонентом каждого этноса является этническое самосознание. При этом такое самосознание отнюдь не сводится, как это подчас полагают, к осознанию этнической (нацио-

²⁶ Там же, с. 10—12.

²⁷ Подробнее см.: Да ш да ми ров А. Ф. *Нация и личность*. Баку, 1976.

нальной) принадлежности. Ведь самосознание есть осознание человеком своих действий, чувств, мыслей, мотивов поведения. Соответственно этническое самосознание включает суждение членов этноса о характере действий своей общности, ее свойствах и достижениях, так называемые этнические автостереотипы. Эти суждения неразрывно связаны с представлениями о других этносах и формируются в дихотомии «мы» — «они».

Рассматривая в целом этническое самосознание личности, следует учитывать еще одну его весьма своеобразную особенность. Будучи разновидностью обыденного сознания, формируясь стихийно в ходе социализации личности, этническое самосознание включает представление об этнических свойствах как врожденных свойствах человека, унаследованных им от родителей, т. е. полученных в результате генетической наследственности. И такое представление широко распространено не только в архаических обществах, но и в современных высоко развитых странах. Эта aberrация обусловлена тем, что семья, выступающая обычно как основная (первичная) ячейка этнической социализации, представляет собой биосоциальное образование. Соответственно создается впечатление, что этническая принадлежность человека предопределяется от рождения, т. е. биологически. В том, что это далеко не так, легко убеждают случаи, когда социализация ребенка с раннего детства происходит не в его родной семье, а в кругу лиц иной этнической принадлежности, чем его родители. Ведь в этих случаях такой ребенок фактически приобретает этнические свойства своих социальных, а не биологических родителей. Для обыденного же сознания данное обстоятельство, однако, недостаточно очевидно. И, видимо, этим во многом объясняется довольно значительное распространение на уровне обыденного сознания представления об этносе и этнических свойствах как биологических явлениях. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что и среди некоторых наших ученых имеются сторонники представления об этносе как биологической популяции. К чему это может привести, весьма наглядно свидетельствует статья одного из сторонников такого рода представлений, опубликованная в № 9 журнала «Природа» за 1981 г. По мнению автора этой статьи, смешанные в этническом, национальном отношении семьи являются «химерами», соотношение которых с обычными этносами «такое же, как между здоровой тканью и раковой опухолью». Такая интерпретация межэтнических браков была в нашей научной литературе справедливо подвергнута критике, в ходе которой весьма убедительно показана ее несостоятельность²⁸. Особенно это относится к социокультурным аспектам проблемы. Что же касается ее биологической стороны, то напомним лишь о хорошо известных негативных последствиях инбридинга (близкородственного смешения) и соответственно о признанной позитивной роли экзогамии в истории человечества.

К сожалению, процесс становления этнического самосознания у граждан нашей страны остается еще недостаточно изученным. Между тем, как показали предварительные исследования, на его формирование влияет значительное число разнообразных факторов: от семьи до различных каналов идеологического воздействия, включая средства массовой информации²⁹. Проблема приобретает тем большую актуальность, что одновременно идет двуединый процесс: формирование этни-

²⁸ См.: Кедров Б. М., Григулевич И. Р., Кривелев И. А. По поводу статьи Ю. М. Бородея «Этнические контакты и окружающая среда». — Природа, 1982, № 3.

²⁹ См.: Снежкова И. А. К проблеме изучения этнического самосознания у детей и юношества (по материалам Киевской и Закарпатской областей). — Советская этнография, 1982, № 1, с. 80—88.

ческого и общесоветского самосознания; процесс, нуждающийся в определенном управлении, а стало быть, и всестороннем изучении.

И в этой связи представляется существенным один вывод прикладного характера. Поскольку этническое самосознание формируется прежде всего в детстве, важно именно в эту пору становления личности уделять особое внимание интернационалистскому воспитанию. Между тем современное школьное преподавание не дает необходимого минимума знаний об этнических, национальных особенностях культуры, образе жизни других народов, даже народов нашей страны. А незнание этого неизбежно способствует появлению этноцентризма, нередко порождая при соответствующих межэтнических контактах предубеждения. Но если в сознании подростка негармонично запечатлелось соотношение национального и интернационального, то в дальнейшем придется заниматься не столько интернационалистским воспитанием, сколько перевоспитанием. Стало быть, школа должна давать не только элементарные географические, но и этнографические знания.

Словом, изучение этнических особенностей личности не только представляет определенный познавательный интерес, но и имеет немалое практическое значение.

Разумеется, такое изучение должно вестись в тесной связи с анализом происходящих в нашей стране этнических процессов: этнической консолидации, этнической ассимиляции и межэтнической интеграции³⁰. Особенно важно учитывать сближение наций в сфере культуры, т. е. межэтническую интеграцию. Этот процесс теснейшим образом сопряжен с возникновением и развитием новой исторической общности — советского народа, представляющего собой первое в истории человечества межнациональное (межэтническое) образование, сложившееся на базе социализма. Лежащее в основе формирования этой интернациональной общности сближение наций в экономической, социальной и политико-идеологической областях сопровождается сближением их культуры, составляющей основное содержание процессов межэтнической интеграции.

Как уже отмечалось, наряду с материальной культурой интеграционная тенденция охватывает и многие сферы духовной культуры, прежде всего связанные с идеологией. Отчетливо прослеживаются процессы межэтнической интеграции, в частности, в такой своеобразной сфере духовной культуры, как обряды. В наши дни обрядность бытует в двух вариантах: традиционном и новом. Новые обряды нередко включают некоторые элементы традиционной обрядности, а традиционные — сами претерпевают существенные изменения. Так, в свадебных обрядах, в обрядности деткого и похоронно-поминального циклов появились новые черты как за счет новых общественных элементов культуры, так и за счет интегрированных элементов культуры других народов Советского Союза. При этом в процессе модификации традиционной обрядности наблюдается тенденция к созданию обряда, сокращенного в числе своих основных звеньев до разумного минимума³¹.

Связь с этнической традицией в этих обрядах выражается в национальных песнях, музыке (которые исполняют наряду с общесоветскими), в танцах, национальных видах спорта, в национальных блюдах, а также в сохранении некоторых элементов старинных обрядовых действий, совершенно утративших свой прежний смысл и воспринимающихся как добрые пожелания или как игровой символический элемент³².

³⁰ Подробнее см.: Бромлей Ю. В. Этнографическое изучение современных национальных процессов в СССР.— Советская этнография, 1983, № 2, с. 5—14.

³¹ См.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981, с. 42—43.

³² Лобачев Н. П. О формировании новой обрядности у народов СССР (Опыт этнографического обобщения).— Советская этнография, 1973, № 4, с. 14—24; Арутю-

Весьма устойчивыми, хотя, к сожалению, еще недостаточно изученными являются этнические традиции в сфере различных обычаев повседневного поведения людей; за этими обычаями, как правило, стоят характерные для данного народа исторически сложившиеся нормы общения.

Процессы интеграции обнаруживаются и в такой сфере духовной жизни, как использование свободного времени. Этносоциологические исследования последних лет свидетельствуют, в частности, что примерно одинаковый круг людей среди эстонцев и русских, грузин, молдаван и узбеков использует свободное время на чтение газет (от 70 до 90% по разным социальным группам); практически в равной мере приобщаются люди разных национальностей к радио- и телеинформации. Примерно 70–80% людей в среде вышеперечисленных наций, среди которых проводились опросы, более или менее регулярно проводят время у телевизоров. Больше различий наблюдается в использовании досуга на чтение книг, посещение театра, но связаны эти различия преимущественно с возрастом и социально-профессиональной деятельностью людей, а не с их национальностью. К примеру, если взять полярные возрастные группы, то в возрасте 60 лет и старше более или менее регулярно читают художественную литературу среди эстонцев, грузин, русских (в своих республиках) около 30%, а среди молдаван и узбеков — 7–9%. В возрасте же 18–19 лет доля относительно регулярно читающих литературу составляла у этих наций не менее 50–70%. Не менее 1–2 раз в год бывали в театре представители старшей возрастной группы — 58% эстонцев, 44% грузин и 15–16% русских и молдаван; в молодежной же возрастной группе — 90–99% эстонцев, грузин и 73% русских и молдаван³³. Но общность культуры наблюдается, конечно, не только в сходстве использования свободного времени, но и в духовных интересах. Специальные исследования показывают, что и в этом отношении национальные различия отнюдь не играют первоочередной роли; показатели больше зависят от социально-профессиональной деятельности и возраста³⁴.

Большая роль в сближении народов нашей страны принадлежит двуязычию, связанному с выполнением русским языком функций языка межнационального общения. В результате проведенной переписи населения 1979 г. выяснилось, что общее число свободно владеющих русским языком или считающих его своим родным в СССР составляет 214,8 млн. человек (в 1970 г. — 183 млн. человек), или 81,9% всего населения (в 1970 г. — 76%). При этом родным он является для 137,2 млн. русских (в 1970 г. — для 126,8 млн.) и для 16,3 млн. лиц других национальностей (в 1970 г. — 13 млн.); вторым языком — для 61,3 млн. человек (в 1970 г. — 41,9 млн.). Наряду с русским в стране довольно широко распространены в качестве вторых и другие языки народов СССР. О свободном владении этими языками в 1979 г. сообщило 12,3 млн. человек — 4,7% населения страны (в 1970 г. — 6,2 млн.)³⁵. Наиболее распространенными среди вторых языков являются украинский, белорусский, узбекский, татарский, молдавский, азербайджанский, таджикский, грузинский и другие³⁶. Следует отметить, вместе с тем, что широ-

нян Ю. В., Дробижева Л. М. Советский образ жизни: общее и национально особенное. — Советская этнография, 1976, № 3.

³³ Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях культурного сближения народов СССР на этапе развитого социализма. — История СССР, 1978, № 4.

³⁴ См., напр.: Как Ю. Черты сходства. Таллин, 1974, с. 70–78; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Общее и особенное в социально-культурном облике советских наций. В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 28.

³⁵ Современные этнические процессы в СССР, с. 311–312; Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1980, с. 26–27.

³⁶ Как показали специальные обследования, двуязычие обычно находится в обратной пропорциональной связи с возрастом. Например, в Грузинской ССР русским язы-

кое использование языков межнационального общения сочетается в нашей стране с устойчивым сохранением представления о родном языке как языке своей национальности. За годы Советской власти соответствующий показатель почти не изменился: в 1926 г. он был равен 94,2% населения страны, в 1959 г. — 94,3%, в 1970 г. — 93,9, в 1979 г. — 93,1%³⁷.

Русский язык является важным средством обмена достижениями духовной культуры между всеми народами страны, а также помогает им приобщиться к лучшим ценностям мировой цивилизации. Весьма велика роль русского языка и в непосредственном общении представителей различных национальностей на производстве, во всех сферах общественно-политической и культурно-бытовой деятельности. Эти функции русского языка приобретают все большее значение по мере роста многонациональности республик и трудовых коллективов, расширения обмена культурной информацией, обогащения общесоветского культурного фонда.

Отмечая широкое распространение в нашей стране языка межнационального общения, представляется существенным подчеркнуть, что в результате этого процесса в культуре ее народов сложился значительный слой, функционирующий на русском языке. Разумеется, данный слой далеко не охватывает всей, так сказать, языковой сферы общесоветской культуры, поскольку ее обслуживает не только русский язык. В значительной своей части она функционирует на других языках народов СССР, и многоязычность — важная ее характерная черта. Следует иметь в виду также, что определенная часть общесоветской культуры вообще не имеет языковой формы. Иначе говоря, тот слой общесоветской культуры, что функционирует на русском языке, значительно уже ее в целом. Именно поэтому совершенно несостоятельны попытки западных советологов представить как «русификацию» тот факт, что в процессах культурной интеграции в СССР огромная роль принадлежит русскому языку.

Нельзя не учитывать также наличия у советских людей общих знаний, представлений и впечатлений, полученных в ходе обучения в школе, из художественной и научно-популярной литературы, кинофильмов, теле- и радиопередач, журналов, газет и т. п. Сходство не только задач, но и программ сети народного просвещения и высшего образования, принципиальное сходство методов работы и содержания деятельности культурно-просветительных учреждений, как и средств массовой информации, работающих на русском и других национальных языках, интернационалистская идеология, единство метода социалистического реализма в искусстве, сочетающееся с разнообразием национальных форм и стилистических вариантов, которые сложились в ходе строительства социализма, создали не только основу, но и активно функционирующий механизм сближения культур.

В ходе взаимовлияния и взаимообогащения духовных культур народов СССР и усвоения достижений мировой культуры складывается не просто межнациональная, но общесоветская культура. Она проявляется не только в сфере профессионального искусства и литературы, но и, что особенно показательное, в повседневной жизни, начиная от обще-

ком свободно владеют 20% грузин в возрасте 18—20 лет, а старше 50 лет — только 15%. Среди русских в возрасте 18—29 лет грузинским языком вполне свободно владеют 12% опрошенных, а старше 50 лет — только 5% (Грдзелидзе Р. К. Межнациональное общение в развитии социалистическом обществе/на примере Грузинской ССР/. Тбилиси, 1980, с. 161).

³⁷ См.: Губогло М. Н. Развитие языковой жизни советского общества в свете Конституции СССР. В кн.: Актуальные проблемы национальных отношений в свете Конституции СССР. М., 1981, с. 128—129.

советских революционных традиций, праздников, обрядов, обычаев и кончая правилами этикета, общей антропонимикой и т. п.³⁸

Характеризуя культуру советских людей, не следует забывать, что ныне она по своим масштабам многократно превосходит объем культуры, носителями которой в канун Октября были трудящиеся массы нашей страны. И это чрезвычайно существенно для понимания особенностей проявления в современной духовной культуре дифференцирующих и интегрирующих тенденций. В целом в ней, несомненно, возрастает удельный вес интернационального. Но это не исключает вместе с тем и увеличения в определенных размерах специфического.

В данной связи нельзя не напомнить ленинский тезис о том, что в будущем «дифференцирование» человечества в смысле богатства и разнообразия духовной жизни увеличится в миллионы раз³⁹. При рассмотрении этого тезиса, на наш взгляд, чрезвычайно важно учитывать особенности проявления интегративных и дифференцирующих тенденций в сфере культуры на разных уровнях общественной структуры. Думается, что указанный тезис имеет в виду прежде всего духовную жизнь личности.

Хотя и на этом уровне все более увеличивается интегрированный общесоветский слой культуры, однако в результате всестороннего развития личности при социализме растут возможности проявления ее своеобразия, ее культурная дифференцированность. И, судя по всему, в масштабах советского народа именно на этот «личностный» уровень все больше перемещается дифференцированность культуры, именно здесь заложены неограниченные перспективы роста богатства и разнообразия духовной жизни человечества. Как подчеркивается в ст. 20 новой Конституции СССР, наше «государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований для всестороннего развития личности». Словом, усиление единства советского народа отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает расцвет всех индивидуальных творческих возможностей каждой человеческой личности. С этой дифференцированностью культуры на личностном уровне, судя по всему, будет сопряжено ее социально-групповое многообразие (в рамках профессиональных, производственных, общественно-политических и других коллективов и групп).

Что касается соотношения общего и особенного на уровне наций, то при рассмотрении этого вопроса представляется существенным разграничивать в них как этносоциальных общностях собственно этническую и социально-экономическую стороны. В первом случае следует иметь в виду усиление в условиях социализма (особенно в первые годы после революции) внутринациональных этнокультурных процессов консолидационного характера, с одной стороны, и интенсификацию (особенно в последнее время) межнациональной этнокультурной интеграции — с другой⁴⁰. Во втором случае решающее значение имеет тот факт, что у всех этносоциальных общностей нашей страны сложилась однотипная социальная структура которая еще в рамках зрелого социализма станет в основном бесклассовой. Отсюда справедливо делается вывод, что, «очевидно, исторически новым рубежом их развития будет становление бесклассовых социалистических наций»⁴¹. Вместе с тем, как известно, национальные различия «будут существовать долго, много

³⁸ Подробнее см.: Современные этнические процессы в СССР, с. 430—432, 541—545.

³⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 281.

⁴⁰ См.: Бромлей Ю. В. Этнические процессы в СССР.— Коммунист, 1983, № 5, с. 58—64.

⁴¹ Пономарев Б. Н. Ленинская национальная политика КПСС на этапе развитого социализма и ее международное значение.— Советская Литва, 1982, 29 июля.

дольше, чем различия классовые»⁴². Иными словами, этническое в нациях значительно долговечнее классового. Конечно, и с переходом к бесклассовому обществу сохраняются социальные различия (между умственным и физическим трудом, между городом и деревней, между профессиональными группами и т. п.). Но при этом возрастет социальная однородность страны в целом и соответственно еще значительней уменьшатся различия в социальной структуре национальных общностей. И уже одно это дает основание полагать, что за возникновением бесклассовых наций можно ожидать их постепенное превращение из этносоциальных в собственно этнические общности. В пользу такого предположения говорит как тот факт, что растущая хозяйственная специализация и региональные экономические связи далеко не всегда совпадают с национально-республиканским делением, так — и это главное — общая тенденция все большего усиления экономического единства страны. Будущее наций, как отметил К. У. Черненко, «вырастает из объективного процесса интернационализации общественной жизни»⁴³. Из всего этого, в свою очередь, следует, что при разработке проблем, связанных с перспективами национальных процессов особое значение приобретает исследование изменений в собственно этнической сфере, и прежде всего процессов межэтнической интеграции.

Итак, изучение этнических явлений важно для понимания национальных процессов не только при анализе исторического прошлого народов, но и при обращении к их настоящему и даже будущему. Последнее обстоятельство, вероятно, не следует упускать из виду при осуществлении нашей наукой ее прогностических функций, касающихся перспектив национальных процессов. А прогнозирование общественного развития, в том числе его национальных аспектов, одна из важнейших задач нашего обществоведения, непосредственно вытекающая из материалов последних пленумов ЦК КПСС.

⁴² Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР.— Коммунист, 1983, № 1, с. 6.

⁴³ Правда, 1984, 26 апреля.

ДОГОВОР 1948 ГОДА — ХАРТИЯ ДОБРОСОСЕДСТВА СССР И ФИНЛЯДИИ: ИСТОРИЯ, ОСОБЕННОСТИ, ЗНАЧЕНИЕ

В июне 1983 г. был продлен на 20 лет и тем самым вышел за пределы XX в. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Советским Союзом и Финляндией, заключенный в 1948 г. До этого он уже продлевался дважды и тоже досрочно — в 1955 и 1970 гг. Столь высокая стабильность добрососедских отношений между странами, принадлежащими к разным общественным системам, вызывает повышенный интерес в условиях современной международной действительности¹. В чем причины такой стабильности? Этот актуальный вопрос требует обращения к истокам договора, к анализу содержания его жизнестойких формул.

Следует вспомнить, что договор был принят лишь несколько лет спустя после второй мировой войны, в которой Финляндия участвовала на стороне гитлеровской Германии. Разгром германского фашизма, коренные перемены в соотношении сил на международной арене существенно изменили ситуацию и в рассматриваемом регионе. Жизнь показала необходимость поиска новых путей общения между Финляндией и СССР. Страны-соседи могли при этом опираться на давние и глубокие традиции сотрудничества. Огромное значение имели разработанные В. И. Лениным принципы национальной политики. Само рождение независимой Финляндии явилось фактической реализацией этих принципов в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Независимость Финляндии была признана Советским правительством 18(31) декабря 1917 г.² и лишь после этого — другими странами. Преимущество этого акта и действующих с 1948 г. гарантий добрососедства ныне общепризнаны в обеих странах³. Но путь к взаимопониманию был долгим и трудным. Накопленный исторический опыт — драгоценное достояние народов. Он имеет огромное значение для решения актуальных проблем современности.

Идею оборонительного союза между двумя странами Советское правительство высказало еще накануне второй мировой войны — в 1938 г., в развитие советско-финляндского Пакта о ненападении, принятого по

¹ См.: Бартепьев Т., Комиссаров Ю. 30 лет добрососедства. М., 1976; Карвонен Т. Советский Союз и Финляндия: сотрудничество и добрососедство. М., 1977; Ingulskaja L. A., Raappanen A. YVA-sopimuksen historialliset juuret.— Communismi. Poliittinen ja teoreettinen aikakauslehti. Helsinki, 1982, № 9; Советско-финляндские отношения 1948—1983 гг. Договор 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в действии. Документы и материалы (далее — Советско-финляндские отношения). М., 1983 и др.

² Декреты Советской власти, т. 1. М., 1957, с. 250.

³ В совместно принятом документе по поводу первого визита в СССР президента Финляндии М. Койвисто подчеркивалось, что договор 1948 г. «надежно гарантирует развитие добрососедских отношений между Советским Союзом и Финляндией, основу которых заложил подписанный В. И. Лениным Декрет о признании государственной независимости Финляндии» (Советско-финляндские отношения, с. 424, 458).

инициативе СССР в 1932 г. Однако тогдашнее финляндское руководство отвергло эту идею, что, по признанию одного из крупнейших политических деятелей Финляндии Ю. К. Паасикиви, привело «к роковым политическим ошибкам, которые свидетельствуют об отсутствии дальновидности»⁴.

Следует отметить, что в народе Финляндии никогда не умирали традиционные чувства добрососедства, идеи финляндско-советского сотрудничества. За эти идеи шли в тюрьмы и концлагеря, отдавали свои жизни наиболее сознательные и самоотверженные представители народа⁵. Однако в политической структуре финляндского общества до войны лишь одна организованная сила последовательно выступала за установление и развитие добрососедских отношений с СССР — Коммунистическая партия. Но вплоть до 1944 г. она действовала в подполье. На основе лозунгов компартии, призывов левых социал-демократов и выводов, сделанных отдельными трезво мыслящими буржуазными политиками (Ю. К. Паасикиви, У. К. Кекконен и др.), в конце второй мировой войны стал постепенно формироваться новый подход к решению внешнеполитических проблем страны.

Осенью 1944 г., после выхода Финляндии из войны, Советское правительство вновь выдвинуло идею оборонительного договора между двумя странами⁶. В январе 1945 г. председатель Союзной контрольной комиссии в Финляндии А. А. Жданов беседовал по этому вопросу с тогдашним президентом страны Ю. К. Паасикиви⁷. Но до подписания Парижского мирного договора с Финляндией (февраль 1947 г.) этот дипломатический зондаж имел предварительный характер. Однако он способствовал адаптации финских политиков к идее оборонительного союза с СССР. Дело в том, что для многих из них восприятие этой цели было трудным, ибо она не совпадала с излюбленной ими традиционной моделью «скандинавского нейтралитета» (в частности, шведского), фактически ориентированного на Запад. Этой концепцией спекулировала и финская реакция, стремившаяся препятствовать развитию дружественных отношений с СССР.

Различие точек зрения правительств двух стран состояло в том, что декларируемое финской стороной нежелание участвовать в спорах между великими державами советская дипломатия до и после войны неразрывно связывала с обеспечением реальных гарантий такого неучастия (т. е. с принятием совместно с СССР оборонительных мер, препятствующих превращению финляндской территории в плацдарм агрессии). Многие же руководители Финляндии не только не видели связи между этими вопросами, но и рассматривали их как альтернативы⁸. Тем самым объявляемый ими нейтралитет Финляндии превращался в ширму, которую

⁴ Линия Паасикиви. Статьи и речи Ю. К. Паасикиви 1944—1956 гг. М., 1958, с. 73—74.

⁵ Подробнее см.: Парккари Н. Это было в Финляндии. 1940—1944 гг. Петрозаводск, 1959; Parkkari N. Suomalaisessa keskitysleirissä. Helsinki, 1962; Смирнов В. Антивоенное и антифашистское движение в Финляндии. В кн.: Антифашистское движение Спротивления в странах Европы в годы второй мировой войны. М., 1962, с. 646—660; Буолийоки Х. Нет, я не была узницей. Мозаика тюремной жизни. Петрозаводск, 1979 и др.

⁶ Кекконен У. К. Финляндия и Советский Союз. М., 1975, с. 171.

⁷ См. там же; Polvinen T. Jaltasta Pariisin rauhaan. Suomi kansainvälisessä politiikassa III. 1945—1947. Helsinki, 1981, s. 58—60; Heikkilä T. Paasikivi peräsimessä. Pääministerin sihteerin muistelmät 1944—1948. Helsinki, 1965, s. 300—301.

⁸ Сходную точку зрения высказывает известный финский специалист в области международных отношений проф. Осмо Апунен (Apuunen O. Kansallinen realismi ja puolueettomuus Suomen ulkopoliittisina valintoina. Tutkimus Suomen ulkopoliittisen toimintaohjelman rakenteesta ja finkitoista. I. Paasikiven linja. Tampere, 1972; idem. Geographical and Political Factors in Finland's Relations with the Soviet Union.— Yearbook of Finnish Foreign Policy 1977, p. 21).

правые пытались использовать, чтобы реставрировать довоенный политический курс.

Парадокс состоял в том, что идею оборонительного договора поддерживала группа профессиональных военных, осознавших на собственном опыте гибельность милитаристских притязаний в отношении СССР. Вместе с тем они не понимали бесполезности сохранения прежнего военного потенциала страны (маршал К. Г. Маннергейм, генералы А. Э. Хейнрикс, И. Карху, командующий оборонительными силами генерал А. Сихво и другие)⁹. Однако внешняя реалистичность их позиций чаще всего означала лишь признание своего военного поражения, а не искреннее стремление к добрососедству с СССР. Это была тактика, а не стратегия. Они не верили, ни в нейтралитет, ни, тем более, в возможность развития подлинно дружественных международных отношений на основе взаимного доверия народов, которое цементировало бы устойчивый мир — тот мир, за который ратовали добросовестные финляндские «нейтраллисты», не умея найти к нему практического подхода.

Постепенно, однако, и в этой среде формировалось понимание необходимости конкретизировать их абстрактную модель нейтралитета с учетом фактических условий безопасности финляндско-советской границы. Ю. К. Паасикиви еще до войны пришел к выводу о необходимости «найти не только *modus vivendi*, но и создать хорошие отношения, чтобы Россия могла не только терпеть особое положение Финляндии, но даже считать это лучшим для себя решением»¹⁰. Этот тезис настолько удачно выразил стратегическую суть внешнеполитической концепции трезво мыслящих кругов финляндской буржуазии, что впоследствии У. К. Кекконен назвал его «лучшей формулировкой целей нашей восточной политики»¹¹. В духе этой формулы 12 февраля 1947 г. (через 2 дня после подписания Парижского мирного договора) Ю. К. Паасикиви в интервью еженедельнику общества «Финляндия — Советский Союз» следующим образом охарактеризовал основные принципы добрососедских отношений с СССР: оставаться в стороне от соперничества великих держав и не допускать агрессии других стран против Советского Союза через территорию Финляндии, опираясь, если будет необходимо, на помощь СССР¹². Интервью привлекло внимание советских руководителей, поскольку оно впервые соединило обе идеи добрососедства: нейтралитет в отношении спорных международных проблем и взаимопомощь против возможного использования Финляндии в качестве плацдарма для нападения на СССР.

Ю. К. Паасикиви, однако, не довел свои рассуждения до вывода о целесообразности оборонительного пакта. Напротив, он полагал тогда, что в целом международные обязательства Финляндии определены Парижским мирным договором. Тем не менее, ознакомившись с интервью, советские руководители отметили сходство этих идей с упомянутыми выше предложениями СССР. В ноябре 1947 г. советские предложения со ссылкой на указанное интервью вновь были повторены во время визита в Москву правительственной делегации Финляндии во главе с премьер-министром М. Пеккала¹³. Казалось, открывается прямой путь к юридическому оформлению предварительных договоренностей. Но, как

⁹ Polvinen T. Op. cit., s. 59, 285; Voionmaa V. Kuriiripostia 1941—1946. Helsinki, 1971, s. 450—451; Lehmus K. Kolme kriisiä. Tapiola, 1971, s. 256—257.

¹⁰ Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—1941. Porvoo, 1958, s. 73.

¹¹ Кекконен У. К. Финляндия и Советский Союз. М., 1963, с. 53; его же. Финляндия и Советский Союз. М., 1975, с. 150—152.

¹² SNS-lehti, 1947, 12.02.

¹³ Кекконен У. К. Финляндия и Советский Союз. М., 1975, с. 172; Карвонен Т. Указ. соч., с. 90; Рипалппи [Петрозаводск], 1971, № 1, s. 17; Heikkilä T. Op. cit., s. 301.

заметил однажды Ю. К. Паасикиви, «история — это страшная драма, в которой господствуют страсти и, как кажется, нет места здравому мышлению»¹⁴. Империализм развернул «холодную войну» против СССР.

Меры Советского Союза по обеспечению безопасности своих границ и недопущению возможной агрессии были весьма актуальны. Обстановка в мире и в Европе накалялась. Напомним лишь некоторые факты из международной хроники того времени. 5 марта 1946 г. У. Черчилль провозгласил в Фултоне (США) силовую политику в отношении СССР, угрожая войной. Бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции взяли курс на ремилитаризацию Западной Германии. Усилилась антикоммунистическая и антисоветская кампания. В мае 1947 г. коммунисты были удалены из правительств Италии и Франции (в Финляндии это произошло летом 1948 г.). Началось экономическое и политическое закабаление Европы американским империализмом (план Маршалла). Осложняется положение и на Севере Европы: делаются попытки к оформлению контролируемого США военного союза Скандинавских стран¹⁵. Тогда же начинается активно разворачиваться подготовка к созданию НАТО.

В этой обстановке СССР сделал своевременный и необходимый шаг. 22 февраля 1948 г. президент Финляндии Ю. К. Паасикиви получил письмо Председателя Совета Министров СССР И. В. Сталина, в котором отмечалось, что «из трех стран, граничащих с СССР и воевавших против СССР на стороне Германии, две страны, Венгрия и Румыния, уже подписали договор с СССР о взаимопомощи против возможной германской агрессии». В связи с этим предлагалось «заключить советско-финляндский пакт о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, аналогичный венгеро-советскому и румыно-советскому пактам»¹⁶.

Предложение СССР привлекло огромное внимание. Реакция попыталась извратить его содержание. При публикации письма Сталина в финляндской печати слово *аналогичный*, хотя оно как иноязычное употребляется и в финском языке (*analoginen*), было переведено без пояснений, с искажением смысла — как «одинаковый» (*samankaltainen*), тогда как здесь точнее перевод «подобный» (*kaltainen*). Помещенное в качестве приставки неопределенное местоимение *sama* (такой же самый) имело здесь вполне определенный политический смысл: придало предложению СССР несвойственный ему директивный характер. Это позволило западной и правой финляндской прессе истолковывать советские предложения как ультиматум, который невозможно свободно обсуждать, а нужно просто отклонить.

Много писали в Финляндии и об идентичности договоров СССР с Румынией и Венгрией. На этом основании Советскому Союзу бездоказательно приписывалось стремление придать сложившейся на практике восточноевропейской модели сотрудничества универсальный характер. В действительности же СССР был готов к разным вариантам обеспечения безопасности.

¹⁴ Линия Паасикиви, с. 178.

¹⁵ Рысаков П. План Маршалла и Скандинавские страны.— Новое время, 1948, № 7; Седин Л. Норвежская политика на перекрестке.— Там же, 1949, № 8; Veugel E. van der. From Marshall Aid to Atlantic Partnership. European Integration as a Concern of American Foreign Policy. Amsterdam, 1966; Väyrynen R. Conflicts in Finnish-Soviet Relations: Three Comparative Case Studies.— Acta Universitatis Tamperensis, ser. A, vol. 47. Tampere, 1972; Nevala Y. Maanalaista diplomatiaa vu. 1944—1948 jolloin kylmä sota teki tuloaan Pohjoisla. Helsinki, 1983; idem. Scandinavian Talks on Military Cooperation 1946—1947: prelude 1948—1949.— International Conference «Ideas of Peace and Problems of Security in Europe: History and Present». М., 1984 etc.

¹⁶ Внешняя политика Советского Союза, 1948 год, ч. 1. М., 1950, с. 21; Советско-финляндские отношения, с. 5; Heikkilä T. Op. cit., s. 306.

Чем объяснялось сходство перечисленных пактов СССР с государствами Восточной Европы, и что отличало Финляндию от этих стран? Близость текстов упомянутых договоров определялась общностью не только международных, но и внутренних политических и социально-экономических условий в этом регионе. Выход указанных государств из фашистского блока происходил на волне антиимпериалистических революций, сопровождавшихся свержением прежних профашистских правительств. Характерно также, что патриоты этих стран, обратив оружие против гитлеровских войск, вели боевые действия на своей территории плечом к плечу с войсками Советской Армии. В этом отношении договоры 1948 г. между СССР и восточноевропейскими странами лишь конституировали отношения, складывавшиеся на практике (в том числе военную взаимопомощь).

Финляндия же вышла из войны без революции и свержения правительства. Более того, перемирие с СССР и Великобританией подписали в 1944 г. прежние ее правящие круги. Хотя их расчеты на сохранение своей власти не оправдались и к руководству страной пришли в конце концов сторонники иной внешней политики, основы социально-экономического и политического строя остались прежними. Финляндия приступила к самостоятельному изгнанию фашистских войск со своей территории. Таким образом, выход ее из войны произошел без такой, как в восточноевропейских странах, резкой поляризации внутренних сил, причем в течение значительного времени сторонники прежней антисоветской политики продолжали сохранять большое влияние. Это создавало обстановку неустойчивого баланса разнородных политических сил, не позволявшего ни одной из них уверенно взять государственное руководство в свои руки. Поиск компромиссов между ними — характерная черта политической жизни Финляндии после войны.

Все это в полной мере проявилось при обсуждении предложения СССР советниками президента и фракциями парламента. «Эта схема нам не подходит», — такова была первоначальная реакция Паасикиви на предложение Сталина¹⁷. Невольно вспоминается приведенное выше рассуждение самого Паасикиви о том, что политические страсти препятствуют здравому мышлению. Инерция прежних внешнеполитических представлений сказывалась на настроениях многих его советников (бывший президент Стольберг, генерал Хейнрикс и др.). Это усиливало колебания президента. Позиция многих политических деятелей Финляндии формировалась в то время под влиянием противоречивых фактов: развертывания «холодной войны», маршаллизации Западной Европы (Финляндия была единственной капиталистической страной, отвергшей в 1947 г. план Маршалла) и т. д. Сказывалась еще и психологическая инерция многолетней отчужденности, из которой вырастало подогреваемое правыми недоверие к политике великого соседа.

В парламенте только фракция Демократического союза народа Финляндии (ДСНФ), коллективным членом которого с момента его создания была коммунистическая партия, целиком одобрила идею переговоров. После острой внутренней борьбы поддержали ее (правда, с существенными оговорками) также фракции социал-демократов и Шведской народной партии. Фракции трех остальных партий (правой Национально-коалиционной и правоцентристской Национально-прогрессивной, а также центристского Аграрного союза) возражали на том этапе не только против предполагаемого договора, но и против переговоров вообще. Тем не менее большинство парламента (113 против 87) высказалось за переговоры.

¹⁷ Karjalainen A. Kotimaani omi Suomi. Mietteitä ja muistelmia. Espoo, 1981, s. 31.

Для их проведения была сформирована ответственная делегация во главе с премьер-министром М. Пеккала (ДСНФ). В ее состав вошли оба министра иностранных дел (так установлено было тогда по договоренности партий) — К. Энкель (беспартийный) и Р. Свенго (ДСНФ), министр внутренних дел Ю. Лейно (ДСНФ—КПФ), вице-председатель парламента У. К. Кекконен (Аграрный союз), председатель парламентской комиссии по внешнеполитическим вопросам О. Пелтонен (СДПФ) и депутат парламента Й. Седерельм (Шведская народная партия).

В советскую делегацию входили: заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел В. М. Молотов (глава делегации), заместители министра иностранных дел СССР — А. Я. Вышинский и В. А. Зорин, заведующий V Европейским отделом МИД СССР А. Н. Абрамов и посланник СССР в Финляндии Г. М. Савоненков¹⁸.

Финляндская делегация интенсивно готовилась к переговорам. Были тщательно изучены не только договоры СССР с Венгрией и Румынией, но и более ранние материалы, связанные с предложениями СССР об оборонительном пакте, вносившимися в 1938—1939 гг., а также после войны — в 1945—1947 гг.¹⁹ С учетом этих документов были выработаны соответствующие инструкции для делегации (директивы поведения и варианты статей будущего договора). Они были обсуждены комиссией парламента по иностранным делам, причем разногласия по некоторым вопросам не удалось преодолеть к моменту отъезда делегации.

25 марта 1948 г. в Москве начались переговоры. В первый же день были опрокинуты мрачные прогнозы правых в Финляндии и на Западе по поводу «диктата Москвы». В. М. Молотов предложил в качестве основы для переговоров упомянутые выше договоры с Венгрией и Румынией или, по желанию финнов, договор с Чехословакией, который фигурировал в качестве возможной модели в ходе упомянутых выше предварительных переговоров в 1945 г.²⁰ Однако СССР не настаивал на своем предложении. Когда глава финской делегации М. Пеккала, руководствуясь выработанными в Хельсинки инструкциями, заявил о желательности договора иного типа, четко выражающего намерение Финляндии остаться вне разногласий между великими державами, советская делегация попросила делегацию Финляндии представить свой проект²¹. Возражения финнов касались лишь характера военных обязательств, зафиксированных договорами СССР со странами народной демократии. Эти обязательства предусматривали безусловную военную взаимопомощь в случае вовлечения одной из сторон в военный конфликт. Это естественно для стран, имеющих идентичные цели социального развития.

СССР с пониманием отнесся к позиции финляндской делегации. В свою очередь и финны проявили добрую волю и желание сотрудничать. Договор стал результатом взаимного учета политических интересов обеих стран.

Финляндский проект был передан советской делегации для изучения на следующий день после начала переговоров, а 27 марта по-деловому и доброжелательно обсужден на втором совместном заседании. Советская делегация приняла этот проект за основу, согласившись с его общей направленностью, структурой и редакцией большинства статей.

Точную формулировку преамбулы договора стороны условились дать в конце переговоров, согласившись по поводу основного ее содержания, которое М. Пеккала изложил еще в первый день (нежелание Финляндии оказаться участницей разногласий между великими державами).

¹⁸ Известия, 1948, 12 марта.

¹⁹ Кекконен У. К. Финляндия и Советский Союз. М., 1975, с. 167—175.

²⁰ Карвонен Т. Указ. соч., с. 78. Позже договоры, подобные советско-чехословацкому, были заключены Советским Союзом с Югославией (11 апреля 1945 г.), Польшей (21 апреля 1945 г.) и другими странами народной демократии.

²¹ Svento R. Ystäväni Juho Kusti Paasikivi. Helsinki, s. 32.

Из восьми статей проекта две первые устанавливали принципы и нормы военно-политического сотрудничества в целях отпора и предотвращения агрессии. Пять следующих статей формулировали задачи и средства поддержания международного мира, развития экономических и культурных связей, уважения государственного суверенитета и соблюдения принципов ООН. Последняя статья определяла порядок ратификации и срок действия договора.

Рассмотрим формирование текста договора в том порядке, в каком он постепенно складывался в ходе переговоров.

Упомянутые пять статей договора (ст. 3—7) были сразу же, 27 марта, приняты советской стороной в редакции финнов без обсуждения. Они отражали общепринятые нормы международного права, частично уже закрепленные в предшествующих соглашениях, подписанных Финляндией и СССР²².

Ст. 3 трактовала взаимные обязательства сторон по обеспечению международного мира в соответствии с целями ООН. Подобные обязательства фигурировали также в советско-венгерском и советско-румынском договорах²³.

Следующая статья содержала распространенную формулу добрососедства и взаимного отказа от агрессии. Финская сторона сочла при этом необходимым отметить полную идентичность этой формулы Мирному договору с Финляндией (1947 г.). Ссылку на Парижский договор финны считали важной для того, чтобы подчеркнуть, что и в целом новое советско-финляндское соглашение является лишь конкретизацией международных обязательств Финляндии.

Помимо этой ссылки обращает на себя внимание более узкая сфера обязательств советско-финляндского договора в сравнении с советско-венгерским и советско-румынским. Он зафиксировал отказ от направленных против другой стороны коалиций и союзов (которые, как правило, требуют правового оформления), тогда как договоры СССР со странами народной демократии содержали гораздо более широкую формулу: недопущение любых мер, наносящих ущерб другой стороне.

Текст ст. 5 в редакции финнов полностью воспроизводил начало соответствующей статьи венгеро-советского и румыно-советского договоров. Речь здесь шла о создании фундамента сотрудничества — развитии взаимовыгодных отношений: «Ст. 5. Высокие Договаривающиеся Стороны подтверждают свою решимость действовать в духе сотрудничества и дружбы в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между Советским Союзом и Финляндией».

Непосредственно вслед за этим положением в той же статье договоров с Румынией и Венгрией формулировалось общепринятое обязательство взаимного соблюдения государственного суверенитета. Придавая этому обязательству особое значение, финны, не меняя текста, выделили его в отдельную статью: «Ст. 6. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются следовать принципам взаимного уважения их государственного суверенитета и независимости, а также невмешательства во внутренние дела другого государства».

Отдельной же статьей (и снова целиком в редакции румыно- и венгеро-советского договоров) финны сочли необходимым еще раз отметить приверженность задачам ООН: «Ст. 7. Осуществление настоящего Договора будет находиться в соответствии с принципами ООН». В договорах

²² В 1920, 1940 и 1947 г. заключены мирные договоры с Финляндией (последний был, кроме СССР, подписан еще девятью другими государствами-победителями во второй мировой войне), в 1932 г.— Пакт о ненападении, в 1944 г.— Соглашение о перемирии.

²³ Здесь и далее см.: Внешняя политика Советского Союза. 1948 год, ч. 1, с. 184—188; Советско-венгерские отношения 1945—1948 гг. Документы и материалы. М., 1969, с. 284—289; Советско-финляндские отношения, с. 6—8.

с Венгрией и Румынией этим положением завершилась ст. 2 о военных обязательствах. В редакции финнов подобным образом, как мы видели, формулировался конец ст. 3 о поддержании мира. Целесообразность же вторичного упоминания принципов ООН в предпоследней статье финская сторона видела в том, чтобы весь договор 1948 г. поставить в связь с этими принципами.

Советская делегация согласилась со всеми перечисленными соображениями финнов. Таким образом, значительная часть текста договора была принята на переговорах без дискуссии. Это свидетельствовало о высокой степени взаимопонимания и желания добросовестно сотрудничать.

Будущее показало, что перечисленные статьи, значение которых в момент принятия договора несколько недооценивалось в прессе и в ходе публичных дискуссий, на деле во многом определяют дух всего документа. Они стали правовой основой механизма добрососедских отношений между Финляндией и СССР, их совместных акций в защиту мира, роста взаимовыгодного экономического и культурного сотрудничества, которое не только оказалось полезным для обеих стран, но и явилось образцом мирного сосуществования государств, принадлежащих к разным социальным системам. Как подчеркивал президент Финляндии М. Койвисто, в договоре 1948 г. было закреплено «основополагающее стремление к постоянному развитию наших экономических отношений»²⁴.

На том же заседании 27 марта стороны обменялись мнениями и по поводу последней, восьмой статьи договора, определявшей сроки его действия. Представители СССР считали целесообразным заключить договор на 20 лет, финны — на 10. Советская делегация пошла и здесь навстречу: названный финнами срок был записан в окончательном тексте. На практике, однако, в 1955, 1970 и 1983 гг., как отмечалось, договор продлевался на 20 лет по обоюдному согласию сторон.

27 марта началось обсуждение и предложенных сторонами формулировок статей 1—2, где речь шла об обеспечении безопасности Финляндии и советско-финляндской границы. Ст. 1 предусматривала ситуацию противодействия агрессии против Финляндии или СССР через финляндскую территорию. При этом необходимо было предвидеть, что собственных оборонительных сил Финляндии может оказаться недостаточно. А это, в свою очередь, выдвигало сложную задачу четкой формулировки условий военной помощи Финляндии со стороны СССР. Работая над оптимальной редакцией этой статьи, представители обеих стран развивали формулы, уже сложившиеся в ходе их предшествующих контактов по этому вопросу. Так, 12 февраля 1947 г. президент Финляндии Паасикиви, обобщившая линию добрососедства с СССР и подчеркивая намерение своей страны остаться в стороне от противоречий между великими державами, заявил: «В случае военного нападения на Финляндию или через ее территорию на Советский Союз Финляндия будет обороняться всеми возможными средствами. Если все же ее сил на это не хватит, то помощь следует искать у Советского Союза». Президент подчеркнул и бескомпромиссность борьбы против возможного агрессора: «Если кто-либо в будущем захочет напасть на Советский Союз через нашу территорию, то мы должны вместе с Советским Союзом бороться против агрессора столь упорно и так долго, насколько мы способны»²⁵.

В договорах с Румынией и Венгрией, которые мы сравнивали с советско-финляндским договором, соответствующая статья формулировалась иначе. В одном отношении она была конкретнее: предусматривала взаимопомощь против агрессии со стороны Германии или другого государства, объединившегося с Германией в проведении агрессивной поли-

²⁴ Правда, 1982, 11 декабря.

²⁵ SNS-lehti, 1947, 12.II.

тики. В другом отношении ее рамки были шире: не ограничивалась территория, на которой, например, венгерская армия могла вести боевые действия.

Приняв предложение СССР начать переговоры и формулируя задачи финляндской делегации, Паасикиви 15 марта 1948 г. в докладе парламентской комиссии по иностранным делам вновь подчеркивал (снова не сводя опасность агрессии только к возможным действиям Германии), что «Финляндия будет защищать свою территорию». Если же собственных сил у Финляндии не хватит, «Советский Союз примет участие в ее защите».

В проекте ст. 1, предложенном финляндской делегацией в Москве, предусматривался максимум ограничений военной помощи СССР. Субъектом предполагаемой агрессии, как и в договорах с Румынией и Венгрией (и в других соглашениях того времени), была названа Германия и ее возможные союзники. Объектом защиты считалась только территория Финляндии. Лишь в случае очевидной нехватки сил у Финляндии и только с ее согласия СССР мог оказать ей помощь. Советская делегация, как мы увидим далее, предложила несколько иную редакцию. Таким же образом обсуждалась одновременно и статья 2-я финляндского проекта, где рассматривалась ситуация кануна агрессии.

Делегация Финляндии попросила временно прервать переговоры для совещаний и получения инструкций президента и правительства. Кекконен и Седерельм выехали в Хельсинки. Паасикиви провел новые консультации с представителями парламентских фракций. Редакция обеих статей была несколько изменена с учетом состоявшихся в Москве и в Хельсинки обсуждений.

5 апреля 1948 г. финляндская делегация представила советской стороне новые формулировки статей 1 и 2 и с понятным волнением ждала ответа. Он оказался неожиданным: советская делегация предложила принять новую финляндскую формулировку ст. 1, а ст. 2 дать в той редакции, которую финны предложили в первый раз (26 марта).

Чтобы понять суть этого предложения, сравним вначале все обсуждавшиеся на переговорах формулировки, последовательные редакции статьи 1 по ее элементам:

Первый финляндский проект 26 марта

Рекомендации СССР 27 марта

Второй финляндский проект 5 апреля, ставший окончательным

1. В случае, если Германия или ее союзник совершат нападение на Финляндию или через территорию Финляндии на Советский Союз, Финляндия в соответствии с обязательствами, налагаемыми ее независимостью, будет всеми силами защищать неприкосновенность своей территории и отражать агрессию на своей территории на суше, на море и в воздухе.

1. В случае, если Финляндия или Советский Союз, через территорию Финляндии станут объектом агрессии со стороны Германии или какого-либо союзного с ней государства, Финляндия в соответствии с обязательствами, налагаемыми ее самостоятельностью и обязательствами по настоящему Договору, будет вместе с Советским Союзом сражаться для отражения агрессии и направит все имеющиеся в распоряжении силы на защиту неприкосновенности своей территории на суше, на море и в воздухе.

Ст. 1 В случае, если Финляндия или Советский Союз, через территорию Финляндии, стали бы объектом военной агрессии со стороны Германии или любого союзного с ней государства, Финляндия, верная своему долгу самостоятельного государства, будет сражаться для отражения агрессии. Финляндия направит при этом все имеющиеся в ее распоряжении силы на защиту неприкосновенности своей территории на суше, на море и в воздухе, действуя в пределах своих границ, в соответствии со своими обязательствами по настоящему Договору, при помощи, в случае необходимости, Советского Союза и вместе с ним.

Если при этом собственных сил Финляндии явно не хватит для отражения агрессии, Советский Союз с согласия Финляндии окажет Финляндии необходимую помощь.

В указанных выше случаях Советский Союз окажет Финляндии необходимую помощь в соответствии с настоящим Договором.

В указанных выше случаях Советский Союз окажет Финляндии необходимую помощь, о предоставлении которой Стороны договорятся друг с другом.

Таким образом, все варианты, созданные обеими сторонами на советско-финляндских переговорах, во-первых, четко локализованы территорией Финляндии и, во-вторых, помощь СССР своему северному соседу должна была оказываться не автоматически, а предполагала (в окончательном тексте) предварительную конкретную договоренность между сторонами. Финны особенно стремились это подчеркнуть, приняв вместе с тем советскую формулу о том, что задача отражения агрессии вытекает и из необходимости защищать свою независимость, и из обязательств по данному договору.

Из этой статьи следовали весьма важные политические выводы. Прежде всего она имела оборонительный характер и не была направлена против третьих государств. Будущее показало, что изменения, происшедшие в мире после подписания договора, увеличили значение цитированной статьи. Как правильно отмечал участник переговоров, опытный дипломат Р. Свенто, в связи с вступлением ФРГ в НАТО текст «этой статьи приобрел в международном плане более широкое содержание»²⁶.

Необходимость защиты от агрессии как будто естественна для самостоятельного государства и без договора. Однако в данном случае речь шла о том, что защита неприкосновенности финляндской территории представляет собой дело не только Финляндии, но и СССР (в предусмотренных договором ситуациях). Статья предусматривала недопущение использования территории, вод и воздушного пространства Финляндии для нападения на СССР. Это отвечало интересам обоих государств. Советский Союз обеспечивал, таким образом, безопасность своих северо-западных границ. Для Финляндии же статья, как и договор в целом, являлась основой всей ее политики безопасности, гарантируя неприкосновенность ее территории.

В то же время первые две статьи наглядно характеризовали принципиальный сдвиг во внешней политике Финляндии, ибо устанавливали, что Финляндия в случае агрессии будет ее отражать с помощью СССР, если этого потребует обстановка.

Обязательства, взятые на себя Финляндией и Советским Союзом, могли быть реализованы, естественно, лишь при возникновении угрозы нападения на Финляндию или, через ее территорию, на Советский Союз. Констатация такой угрозы — сложный и ответственный международно-правовой акт. В связи с этим много комментариев в мировой печати вызвала ст. 2 договора, значительно более краткая и непосредственно связанная с предыдущей. Она предусматривала консультации сторон, если будет констатирована угроза нападения, предусмотренная ст. 1. Необходимость такой статьи очевидна, ибо предотвращение агрессии наиболее эффективно на той стадии, когда она еще не стала реальным фактом. Подобные статьи и положения являются типичными для договоров о взаимопомощи.

Так, в договорах с Румынией и Венгрией пункт о консультациях (ст. 4) был сформулирован максимально широко: они предусматривались по всем проблемам, затрагивающим интересы сторон. Что же касается предотвращения агрессии, то этими договорами определялось, что стороны будут принимать все меры для ее недопущения Германией и ее союзниками (ст. 1).

²⁶ Свенто Р. Советский Союз в центре мировой политики. М., 1961, с. 150.

В первом финляндском проекте пункт о консультациях был сформулирован, по мнению советской стороны, приемлемо, хотя и общо. С этим было связано цитируемое ниже советское редакционное предложение. Однако во втором, переработанном финляндском проекте исчезла сама суть этого пункта договора: консультироваться предлагалось не заблаговременно по поводу угрозы агрессии, а постфактум. Из второго проекта исчезло даже слово «угроза». К тому же в качестве места проведения консультации называлась только Финляндия. Вот тексты всех упомянутых редакций:

Первый финляндский проект, ставший окончательным

Рекомендации СССР

Второй финляндский проект

2. Договаривающиеся Стороны будут консультироваться друг с другом в случае констатирования угрозы военного нападения, предусмотренного в пункте 1.

2. Договаривающиеся Стороны будут консультироваться друг с другом о тех мерах, которые необходимо предпринять для отражения угрозы нападения, предусмотренного в пункте 1.

2. Договаривающиеся Стороны будут консультироваться друг с другом о тех военных мерах, которые необходимо предпринять для отражения нападения, предусмотренного в пункте 1, на территории Финляндии.

Чтобы не давать повода для бесплодных дискуссий, советская делегация приняла оптимальное решение: использовать полезный потенциал обеих редакций финского проекта, приняв, как отмечено выше, ст. 2 в первой, а ст. 1 во второй редакциях.

Статья 2, как и весь договор, исходит, как мы видим, из принципа равноправия сторон, их взаимного волеизъявления. Из нее следует, что консультации проводятся лишь тогда, когда оба государства или одно из них считают, что имеется угроза агрессии. Вместе с тем в комментариях ко второй статье в Финляндии и других странах отмечалась заключенная в ней возможность различных подходов, а следовательно, и определенных противоречий. «Эта статья может быть истолкована по-разному, — отмечал Свенто. — Она требует максимально точного определения понятия „угроза“, что на практике может оказаться очень трудным»²⁷.

Действительно, различные толкования возможны. Однако более четкой формулировки никто из зарубежных комментаторов предложить не мог. Что касается Советского Союза, то он принял и эту статью целиком в редакции финнов. Паасикиви в связи с этим отмечал: «Формулировка второй статьи была объектом самого тщательного изучения здесь, в Хельсинки. Нынешняя, одобренная формулировка полностью совпадает с той, которая была в первых инструкциях делегации. Такую формулировку, которая не оставляла бы места для разных толкований, вряд ли можно придумать. Если встать на реальную почву, то нельзя думать, что Советский Союз стал бы сидеть сложа руки при констатации угрозы нападения, направленного против территории Финляндии. Естественно, что в этом случае будут проведены переговоры о том, как следует отразить агрессию»²⁸.

Большое значение имела преамбула договора. Ее текст был подготовлен на заключительном этапе работы, после того, как все статьи были приняты делегациями. Оформление преамбулы было поручено делегациями У. К. Кекконену и А. Я. Вышинскому. Они закончили работу в тот же вечер, 5 апреля.

Преамбула этого договора, в отличие от большинства международных соглашений (в частности, от договоров СССР с Румынией, Венгрией и др.), несла специфическую смысловую нагрузку: декларировала

²⁷ Там же, с. 151.

²⁸ Линия Паасикиви, с. 151.

неоднократно заявленное руководителями Финляндии желание не быть больше втянутыми в противоборство великих держав. В преамбуле, помимо общей идеи укрепления добрососедства, подчеркивалось, что договор заключен, «принимая во внимание стремление Финляндии оставаться в стороне от противоречий между интересами великих держав».

Договор — органический, единый документ, правильное понимание отдельных положений которого невозможно без учета их взаимосвязи со всем остальным текстом. Неправомерно поэтому отрывать, например, преамбулу от военных обязательств, предусмотренных первыми статьями договора, что характерно для ряда буржуазных деятелей, в частности для М. Якобсона — известного правого деятеля²⁹. У. К. Кекконен отмечал в связи с этим, что зафиксированное преамбулой стремление Финляндии остаться в стороне от противоречий между великими державами не означает, что Финляндия будет нейтральной в отношении таких планов, как создание ядерных сил НАТО и т. п. «Этот вопрос, — продолжал он, — не может быть решен на основании одной лишь преамбулы нашего договора о дружбе, для этого необходимо прочесть весь договор». У. К. Кекконен напомнил об обязательствах Финляндии, вытекающих из первых статей договора³⁰. Характеризуя договор как «хорошо сбалансированный документ», нынешний президент Финляндии М. Койвисто также подчеркивает, что в договоре «ни одну из статей нельзя изъять или принижать ее значение»³¹.

История подготовки и заключения договора 1948 г. свидетельствует, что Советский Союз проявил максимум доброй воли и искреннего стремления к установлению добрососедских отношений с Финляндией. Огромный международный резонанс получило заявление, сделанное Председателем Совета Министров СССР И. В. Сталиным при подписании договора. На обеде в честь финской делегации он подчеркнул: «Советские люди считают, что каждая нация, все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее. В этом случае все нации — и малые, и большие — находятся в одинаковом положении, и каждая нация равнозначна любой другой нации»³².

28 апреля парламент значительным большинством голосов (157 против 11) утвердил Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и СССР. Он был также ратифицирован Верховным Советом СССР и с одобрением встречен советским народом. Договор 1948 г. регулирует отношения суверенных самостоятельных государств, взаимно заинтересованных в укреплении и развитии добрососедства. Он явился важной вехой нового политического курса Финляндии, его юридической основой, превратился в фундамент всестороннего и взаимовыгодного советско-финляндского сотрудничества.

Все это позволяет уверенно ответить на поставленный в начале данной статьи вопрос о причинах высокой стабильности установленных договором отношений и механизме этой устойчивости. Договор выразил и превратил в правовые нормы коренные, постоянные интересы двух соседних государств, т. е. наиболее существенное между ними: взаимное соблюдение независимости, государственного суверенитета (чему в Финляндии по причинам историческим и географическим придается особенно большое значение) и безопасность границ. Договор впервые создал действенный механизм гарантий этих интересов, ибо, во-первых, обеспе-

²⁹ Jakobson M. Finnlands Neutralitätspolitik zwischen Ost und West. Wien — Düsseldorf, 1969, s. 98.

³⁰ Кекконен У. К. Дружба и добрососедство. М., 1968, с. 61.

³¹ Правда, 1983, 8 апреля.

³² Внешняя политика Советского Союза. 1948 год, ч. 1, с. 24.

чил их взаимозависимость, во-вторых, предусмотрел эффективные меры недопущения агрессии против Финляндии и против СССР с территории Финляндии или через ее территорию (что в прошлом было причиной конфликтов и войн). Твердо обеспечив эти интересы, договор, таким образом, заложил прочную основу новых отношений и направил их по линии добрососедства. Тем самым были приведены в действие огромные внутренние резервы договора, превратившие его в уникальное явление международных отношений послевоенной эпохи. Неизменность коренных интересов СССР и Финляндии способствует раскрытию новых возможностей договора. Вот почему он обращен не только в прошлое, но и в будущее. На основе договора обе страны развивают сотрудничество вне конъюнктурных колебаний международной политики. Этот выдающийся документ «во всех его положениях и принципах был и остается прочной основой для развития плодотворных связей и многопланового сотрудничества между обеими странами на многие годы вперед,— отмечалось в советско-финляндском заявлении в июне 1983 г. в связи с продлением договора на очередное 20-летие.— Договор играет важную роль в обеспечении безопасности Финляндии и северо-западных границ СССР. Он является действенным фактором укрепления мира и стабильности на Севере Европы, отвечает целям безопасности и сотрудничества на Европейском континенте, служит делу международной разрядки»³³.

За прошедшие после принятия договора годы неизмеримо расширилась сфера сотрудничества СССР и Финляндии. Оно охватило все основные стороны жизни народов двух стран. Доброй традицией стали успешно развивающиеся политические связи, прежде всего встречи на высшем уровне. Так, во время встречи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко с Президентом Финляндской Республики М. Койвисто, в частности, отмечалось, что «в условиях роста напряженности в мире опыт плодотворного развития советско-финляндского сотрудничества особо наглядно подтверждает жизненность политики мирного сосуществования государств с различным общественным строем, важность последовательного осуществления положений Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе»³⁴.

Динамично развиваются и торгово-экономические связи, создающие солидную материальную базу добрососедства. В 80-е гг. среднегодовой объем взаимного товарооборота составляет 5 млрд. руб. Финляндия стоит на втором месте в общем объеме внешней торговли СССР с западными странами. Для Финляндии же СССР является крупнейшим торговым партнером, доля которого составляет четверть финляндской внешней торговли³⁵.

Рост товарооборота происходит на договорной основе. С 1947 г. осуществляется режим взаимного благоприятствования и установлена клиринговая система расчетов (безналичный зачет взаимных обязательств), которые создали условия для перехода практически к беспосредственной торговле промышленной продукцией. С 1951 г. торговля стала вестись на основе пятилетних соглашений, а в 1977 г. осуществлен переход к Долгосрочной программе экономического сотрудничества, которая в 1980 г. была уточнена, причем срок ее действия продлен до 1995 г. М. Койвисто отмечал, что Финляндии «удавалось с помощью равномерных поставок из Советского Союза смягчить отрицательные последствия различных международных кризисов»³⁶. Большой опыт накоплен и в области совместного строительства крупных промышленных и других

³³ Советско-финляндские отношения, с. 459.

³⁴ Правда, 1984, 27 апреля.

³⁵ Правда, 1982, 11 декабря.

³⁶ Там же; Helsingin Sanomat, 1982, 10.XII.

объектов на территории Финляндии и СССР. Так, в 1984 г. достигнута договоренность между Всесоюзным внешнеторговым объединением «Союзгазэкспорт» и финляндским государственным акционерным обществом «Несте» об увеличении поставок советского природного газа в Финляндию. Общее его количество к 2000 г. возрастет до 3 млрд. куб. м в год. В связи с этим, в частности, намечено строительство новой нити газопровода «Коувола — Хельсинки — Тампере»³⁷.

Таким образом, отличительными чертами торгово-экономических отношений двух стран стали масштабность, стабильность, плановость, учет национальных интересов обеих стран. То же следует сказать и о научно-техническом сотрудничестве, которое с 1955 г. осуществляется на плановой долгосрочной основе, причем для реализации планов создана постоянная межправительственная комиссия. Все более интенсивным становится и культурное сотрудничество, играющее большую роль в углублении взаимопонимания народов.

Граница между Финляндией и СССР превратилась в границу мира. Это является благотворным стабилизирующим фактором положения во всей Северной Европе. Наиболее существенным результатом договора является доказательство возможности и плодотворности мирного сосуществования государств, принадлежащих к разным социальным системам. Он стал хартией добрососедства, образцом международного сотрудничества.

Совершенно очевидно также всестороннее укрепление авторитета Финляндии в мире на основе договора 1948 г. Если в прошлом Финляндия не играла самостоятельной роли в международных делах и являлась лишь орудием крупных империалистических держав, то с конца 40-х гг., гарантировав свои интересы договором 1948 г., она стала проводить самостоятельную внешнюю политику, постепенно увеличивая свой позитивный вклад в обеспечение мира.

³⁷ Правда, 1984, 25 июля.

А. А. ОВСЯННИКОВ

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА
[Октябрь 1917—1923 гг.]***

Идейно-теоретическое наследие В. И. Ленина — многогранный и неисчерпаемый источник. Коммунистическая партия всегда придавала огромное значение тому, чтобы ленинские произведения были доступны всем советским людям, всему прогрессивному человечеству. Важность овладения марксистско-ленинским мировоззрением была особо подчеркнута в материалах июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, в решении которого записано, что необходимо «добиваться глубокого усвоения всеми коммунистами, трудящимися революционного учения Маркса, Энгельса, Ленина, дающего ключ к постижению и решению сложнейших проблем общественного развития»¹.

Изучение трудов В. И. Ленина постоянно находится в центре внимания исторической науки в СССР. Составной частью ее является источниковедческая Лениниана, охватывающая собственно произведения В. И. Ленина, его переписку и подготовительные материалы², дошедшие в виде авторской рукописи (автографы и подлинники составляют примерно 97% ленинских документов, хранящихся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 2. См.: Фонд документов В. И. Ленина. Изд. 2, М., 1984, с. 321—322), секретарской записи, машинописи, стенограммы и протокола (которые могут иметь авторскую правку). Многие ленинские работы были опубликованы в виде газетного отчета, с большей или меньшей полнотой и точностью передающего авторскую мысль. Кроме того, ряд документов сохранился в виде фотокопий, или присутствует как цитированный документ в тексте воспоминаний, секретарских записях (этот вид ленинских источников до настоящего времени практически не был изучен в литературе, однако он привлекался при подготовке Собраний

* Историкографический обзор.

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 71.

² Такая классификация ленинского идейно-теоретического наследия разработана и реализована при издании Полного собрания сочинений В. И. Ленина (См.: Сокровищница великих идей ленинизма. О Полном собрании сочинений В. И. Ленина. Изд. 2). М., 1968, с. 19; Варшавчик М. А. Важнейший источник изучения истории КПСС. М., 1970, с. 8; Источниковедение истории СССР. М., 1973, с. 25. См. также: Лениниана. Библиографический обзор русской литературы. В 5-ти т. М.—Л., 1926—1930; Лениниана. Библиография произведений В. И. Ленина и литературы о нем. 1956—1967. Т. 1—3. М., 1971—1974; т. 4—5 (то же за 1968—1971). М., 1980—1981; Ждановская З. В. Источниковедческая литература о трудах В. И. Ленина. Указатель литературы за 1917—1975 годы. Ч. 1—2. М., 1976.

сочинений В. И. Ленина и особенно «Биографической хроники») и т. п. Все эти особенности являются важным условием, определяющим специфику источниковедческой методики изучения произведений В. И. Ленина.

В данной статье рассматривается источниковедческая литература о послеоктябрьских произведениях В. И. Ленина за период со второй половины 50-х гг. до настоящего времени³. Эта литература до сих пор не была предметом специального исследования⁴, хотя общие оценки источниковедческой Ленинианы на определенных этапах развития историографии имеются в ряде статей, специальных сборников⁵, в изданиях по источниковедческой тематике⁶ и др.⁷

Между тем рассмотрение опыта изучения произведений В. И. Ленина послеоктябрьского периода дает возможность определить современный уровень историографии, показать основные тенденции ее развития. Исследование источниковедческой Ленинианы необходимо и с точки зрения выявления малоизученных проблем.

В конце 50-х гг. внимание исследователей привлекли ленинские документы самых первых дней Великого Октября⁸. Среди них — обращение «К гражданам России!»⁹. Первой была работа С. Н. Валка¹⁰, содержащая его источниковедческий анализ, сложность которого, по замечанию автора, состояла в отсутствии в тот период необходимых дополнительных источников, прежде всего документов и мемуаров¹¹. В распоряжении автора статьи были три редакции обращения «К гражданам России!»: собственно ленинский автограф, текст официальной редакции Военно-революционного комитета (в виде листовки-плаката) и тождественный текст ряда газет, а также редакция текста, опубликованного в газете «Рабочий и солдат»¹². С. Н. Валк реконструировал текст официального подлинника обращения, изготовленного ВРК, выявил ряд этапов в истории его создания¹³, уточнил и дополнил характеристику исторической обстановки, в которой В. И. Ленин написал обращение. При этом автор использовал критику автографа, основанную на знании характера внешнего вида ленинских рукописей, установил порядок написания отдельных абзацев¹⁴.

³ Выборка исследований проводилась по форме публикации материала. Анализируется литература, вышедшая в свет только в виде книг, брошюр и журнальных статей. Обзором не охвачены источниковедческие работы по проблемам издания и распространения произведений В. И. Ленина.

⁴ Краткий обзор источниковедческой Ленинианы 20-х гг. см.: Приймак Н. И. Советское источниковедение ленинского наследия. Л., 1981.

⁵ См., напр.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сб. статей. М., 1962; Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982 и др.

⁶ См., напр.: Журавлев В. В. Некоторые вопросы конкретного источниковедения истории советского общества в литературе 50—70-х годов. (Историографический обзор). В кн.: Источниковедение отечественной истории, 1975. М., 1976, с. 108—132.

⁷ См., напр.: Луцкий Е. А. Ленинский декрет «О земле» в советской литературе 1917—1920-х годов.— Труды Московского историко-архивного ин-та, т. 26, 1968, с. 250—284; Буганов В. И. Советская литература о приемах работы В. И. Ленина с источниками.— Вопросы истории, 1970, № 9, с. 129—136; Медушевская О. М. Методологические проблемы источниковедения в советской историографии.— Советские архивы, 1973, № 3, с. 17—25.

⁸ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 6. М., 1982, с. 212; Ленинские документы первого дня Великого Октября.— Проблемы мира и социализма, 1977, № 11, с. 3—5 и др.

⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 35, с. 1.

¹⁰ Валк С. Н. Документы 25 октября. В кн.: Проблемы источниковедения, вып. 6. М., 1958, с. 3—17.

¹¹ Валк С. Н. Указ. соч., с. 5.

¹² Там же, с. 9.

¹³ Там же, с. 9—10.

¹⁴ Там же, с. 3—4.

Изучение ленинского обращения «К гражданам России!» было продолжено Е. А. Луцким¹⁵. Особое внимание он уделил содержанию этого источника. Он выявил документы и мемуары, касающиеся истории создания ленинского обращения, вопросы организации правительства с помощью других работ Ленина этого периода, сопоставил их положения и выводы с фрагментами из воспоминаний Н. И. Подвойского, В. А. Антонова-Овсеенко и некоторых других, документами Второго Всероссийского съезда Советов.

В целом исследования С. Н. Валка и Е. А. Луцкого свидетельствуют о достаточно большом арсенале разнообразных средств и приемов анализа уникальных документов эпохи социализма в советском источниковедении 60-х гг.¹⁶ Еще в конце 40-х—начале 50-х гг.¹⁷ в советской историографии предпринимались попытки в источниковедческом плане рассмотреть одну из наиболее значительных работ В. И. Ленина — «Очередные задачи Советской власти»¹⁸ (история создания этого произведения кратко излагается в примечаниях к Собраниям сочинений В. И. Ленина). Однако комплексное источниковедческое исследование ее было осуществлено позже Р. М. Савицкой¹⁹.

В обобщающем труде, посвященном этому произведению²⁰, Р. М. Савицкая для решения источниковедческих проблем привлекает широкий круг источников. Среди них — сами ленинские произведения, рассматриваемые ею как исторический источник и как историческое исследование. Факты, положения, выводы, содержащиеся в них, берутся в совокупности с государственными (декреты) и партийными документами, периодической печатью (как большевистской и советской, так и фракционной). Р. М. Савицкая широко использует интересный и очень ценный источник — факсимильное издание работы «Очередные задачи Советской власти», воспоминания, данные «Биографической хроники» В. И. Ленина.

Для подтверждения ряда положений Р. М. Савицкая прибегает к текстологическому анализу работы В. И. Ленина. Сопоставляя его результаты со свидетельствами воспоминаний, она приходит к выводу, что В. И. Ленин работал над рукописью в несколько этапов: первоначально сам писал текст и лишь потом стал диктовать его²¹. Использование мемуарной литературы для подтверждения данного тезиса проводится в соответствии со сложившимся опытом работы над этим источником: берется несколько воспоминаний различного происхождения²².

При анализе частей рукописи Р. М. Савицкая, наряду с экспертизой почерка В. И. Ленина, обращает внимание на различие чернил по цвету. Изучение под таким ракурсом ленинской работы приводит ее к выводу, что В. И. Ленин прерывал записи; а несовпадение в проставленной на рукописи нумерации ее частей дает основание определить первоначальный замысел произведения как тезисов²³.

¹⁵ Луцкий Е. А. Обращение Петроградского Военно-революционного комитета «К гражданам России!» 25 октября 1917 года. В кн.: Проблемы источниковедения, вып. 10. М., 1962, с. 3—18.

¹⁶ Журавлев В. В. Указ. соч., с. 116—117.

¹⁷ Бромберг М. Я. К тридцатилетию работы В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти». Сталинград, 1948; Кошелев Ф. П. О работе В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти». М., 1951; Маркова Р. И. О произведении В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти». М., 1951 (Эта книга трижды переиздавалась, последнее издание — 1971 г.).

¹⁸ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 165—208.

¹⁹ См.: Савицкая Р. М. К вопросу о двух вариантах произведения В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти». — Вопросы истории КПСС, 1979, № 5, с. 56—67.

²⁰ Савицкая Р. М. Задачи победившего пролетариата: о работе В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти». М., 1981.

²¹ Там же, с. 57.

²² Там же, с. 57—58.

²³ Там же, с. 58—59.

Решая вопрос о существовании второго варианта произведения, Р. М. Савицкая вычленяет совокупность проблем, характерных для «Первоначального варианта»²⁴. Раскрывая причины различия в содержании этого и рукописного текстов работы, автор на основании различных источников учитывает изменения обстановки в стране, подчеркивая, таким образом, особую злободневность ленинского произведения²⁵.

Использование различных методик анализа в конечном итоге позволило Р. М. Савицкой выявить этапы и способы написания (от руки и под диктовку стенографисту) этого произведения, заключить, что, вероятно, и не существовало первых трех глав и начала четвертой главы «Первоначального варианта»²⁶.

Для источниковедческой Ленинианы чрезвычайно важна находка в конце 60-х годов рукописи работы В. И. Ленина «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности»²⁷. Этой находке была посвящена статья Ю. П. Шарапова «Рукопись Ильича»²⁸, которая носит, в целом, историко-публицистический характер, однако в ней раскрывается методика поиска новых ленинских документов. Ю. П. Шарапов показывает пути археографической обработки документа — обоснование авторства путем привлечения воспоминаний (Н. К. Крупской) и изучение текста публикаций работы. Анализ почерка приводит Ю. П. Шарапова к выводу, что В. И. Ленин работал над этим произведением в два-три этапа²⁹.

Значительное место в источниковедческой Лениниане занимают исследования декретов и других законодательных материалов, созданных В. И. Лениным или при его непосредственном участии. Побуждала к источниковедческой разработке этих материалов публикация их текстов³⁰.

В 1957 г. началось издание (продолжающееся до настоящего времени) «Декретов Советской власти». В нем нашел отражение весь опыт археографической работы, накопленный советскими архивистами, прежде всего опыт издания Собраний сочинений В. И. Ленина и сборников партийных документов, «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК».

Источниковедческие вопросы, связанные с уточнением дат создания тех или иных ленинских документов и фактов биографии, источники написания отдельных произведений рассматривались и в исторической литературе последних двух десятилетий, посвященной деятельности органов законодательной и исполнительной власти Советского государства, Ленину как Председателю Совнаркома³¹.

²⁴ Там же, с. 61.

²⁵ Там же, с. 61—67.

²⁶ Там же, с. 67.

²⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 283—314.

²⁸ Шарапов Ю. Рукопись Ильича. В кн.: Лениниана: поиски и находки. М., 1970, с. 24—29.

²⁹ Там же, с. 28.

³⁰ См.: Валк С. Н. Проект правил издания трудов В. И. Ленина. М.—Л., 1924; его же. О приемах издания историко-революционных документов.— Архивное дело, 1925, вып. 3—4, с. 60—81; Авдеев Н. О научной обработке источников по истории РКП и Октябрьской революции.— Пролетарская революция, 1925, № 1, с. 149—160; № 2, с. 213—220; Декреты Октябрьской революции (Правительственные акты, подлинные или утвержденные Лениным как Председателем Совнаркома). М., 1933.

³¹ Городецкй Е. Н. Рождение Советского государства. М., 1965; Кузнецов И. Н. Законодательная и исполнительная деятельность высших органов власти. М., 1965; Клопов Э. В. Ленин в Смольном. Государственная деятельность В. И. Ленина в первые месяцы Советской власти. Октябрь 1917 г.— март 1918 г. М., 1965; Гелкина Э. Б. Государственная деятельность В. И. Ленина, 1921—1923 гг. М., 1969; ее же. Протоколы Совнаркома РСФСР как исторический источник государственной деятельности В. И. Ленина. М., 1982; Буточникова С. Ф. В. И. Ленин и законодательная деятельность ВЦИК (1921—1922). Автореф. канд. дис. М., 1974; Ирошников М. П. Во главе Совнаркома. Государственная деятельность В. И. Ленина в 1917—

Значительная степень разработанности законодательной деятельности В. И. Ленина способствовала появлению в конце 60-х и 70-х годах нескольких работ, в которых подводились итоги по ее историографическому изучению³².

Внимание исследователей привлекли отдельные государственные акты, оказавшие большое влияние на жизнь страны, в частности, Декрет о земле. Его изучение было начато еще самим В. И. Лениным, который охарактеризовал обстановку принятия декрета³³. Советские историки продолжили рассмотрение этой темы³⁴.

На большом комплексе источников в том числе ленинских работ, написанных до принятия Декрета о земле, Е. А. Луцкому удалось показать, что в основе декрета лежали идеи, разработанные В. И. Лениным в статье «Новый обман крестьян партией эсеров»³⁵ и брошюре «Как обманули народ социал-революционеры и что дало народу новое правительство большевиков?»³⁶.

Анализируя отдельные ленинские декреты, советские исследователи уточнили некоторые факты деятельности В. И. Ленина на посту Председателя Совнаркома и СТО³⁷.

Используя декреты о регистрации акций, облигаций и других процентных бумаг, В. В. Журавлев охарактеризовал законодательную деятельность В. И. Ленина³⁸. Прием параллельного рассмотрения нескольких различных по происхождению источников позволил автору восстановить утраченные информативные материалы, телефонные разговоры и др.³⁹.

С помощью сравнительного текстологического анализа декрета о печати, декрета СНК о трибунале печати, постановления Комиссариата

1922 г. Л., 1976; Разгон А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977.

³² Журавлев В. В. Некоторые вопросы конкретного источниковедения истории советского общества в литературе 50—70-х годов. (Историографический обзор). В кн.: Источниковедение отечественной истории, 1975. М., 1976, с. 108—132; Трухан Г. А., Бокарев Ю. П. Источниковедение истории советского общества. В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Советский период. М., 1978, с. 320—331.

³³ О В. И. Ленине как историке декрета см.: Луцкий Е. А. Ленинский декрет «О земле» в советской литературе 1917 — начала 20-х годов.— Труды Московского историко-архивного ин-та, т. 26, 1968, с. 250—284.

³⁴ Луцкий Е. А. Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях. В кн.: Проблемы источниковедения, вып. 11. М., 1963, с. 3—45; его же. Анализ источников декрета о земле. В кн.: Источниковедение истории Великого Октября. М., 1977, с. 123—145; Ирошников М. П. О тексте ленинского декрета «О земле». В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 90—99; его же. Становление советского декрета. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. 6. Л., 1974, с. 58—78; его же. В. И. Ленин и советские декреты (октябрь 1917 г.—июль 1918 г.).— Там же, вып. 7. Л., 1976, с. 3—28.

³⁵ Луцкий Е. А. Статья В. И. Ленина «Новый обман крестьян партией эсеров». В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. 3. Л., 1970, с. 47—72.

³⁶ Эта брошюра В. И. Ленина являлась темой специальной статьи Е. А. Луцкого. В ней он охарактеризовал ее как первый советский сборник документов. (Луцкий Е. А. Первый советский сборник документов.— Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966, с. 153—161.)

³⁷ Выгодский С. Ю. Ленинский декрет о мире. Л., 1958; Загоскина И. В. В. И. Ленин и принятие Советом Народных Комиссаров «Железнодорожного декрета» (март 1918 г.). В кн.: Исследование по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 109—114; Курбанов Н. Т. Ленинский «Декрет о мире» и его всемирно-историческое значение.— Ученые записки Дагестанского ун-та, 1962, т. 9. Сер. обществ. наук, с. 3—16; Полисан А. А. Из истории разработки ленинского декрета «О централизации библиотечного дела в РСФСР».— Библиотеки СССР, вып. 32, 1966, с. 103—108; Фонарева М. Как рождался Декрет о земле.— Новый мир, 1960, № 4, с. 144—149; Фрайман А. Л. Ленинский декрет «Об организации Красной Армии». (К истории издания и публикации). В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 100—108 и др.

³⁸ Журавлев В. В. Малоизученная страница деятельности В. И. Ленина весной 1918 г.— Вопросы истории КПСС, 1979, № 10, с. 73—79.

³⁹ Там же, с. 78—79.

та юстиции о трибунале печати и ряда ленинских работ А. Л. Фрайман⁴⁰ заключил, что произведения В. И. Ленина являются первоисточником, в котором разработаны общие и конкретные принципы советского законодательства в области печати.

Комплексное рассмотрение нескольких типов источников используется для восстановления не дошедших целиком текстов. Так, сопоставление текста декрета «Социалистическое Отечество в опасности!» с текстом дополнения к нему позволило уточнить дату его написания⁴¹.

Источниковедческий опыт, накопленный исследователями при издании и анализе ленинских декретов, нашел отражение в обобщающей монографии В. В. Журавлева⁴². Опираясь на современные методы исследования, автор на богатом фактическом материале рассмотрел советский законодательный акт в процессе его эволюции, определил специфику его происхождения, формы и содержания.

Сравнительно небольшую группу произведений в ленинском наследии послеоктябрьского периода составляют интервью различным печатным органам⁴³. Для исследователей произведений Ленина интервью важны своим содержанием: в них в концентрированном виде давались оценки внутреннего положения страны, важнейших событий международной жизни. Как показывает работа Г. Е. Рейхберга и Б. С. Шапика, возможно, еще не все ленинские интервью в настоящее время известны⁴⁴.

Среди произведений В. И. Ленина, неоднократно использовавшихся исследователями, можно отметить «Наказ от СТО местным советским учреждениям»⁴⁵. Комплексный источниковедческий анализ его разработки и реализации позволил Л. М. Дробижевой охарактеризовать стиль руководства В. И. Ленина Советом Труда и Оборона, уточнить историческую обстановку, в которой «Наказ» составлялся⁴⁶.

Начиная со второй половины 60-х гг. исследователи обратились к кинофотодокументам о жизни и деятельности В. И. Ленина. Наряду с оценкой их как источников, разработкой критериев их отбора, систематизации и классификации⁴⁷ историки определяют и их место в ленинском идейно-теоретическом наследии, подчеркивая, что кинофотодокументы являются его составной частью. Специфика отраженной в них объективной реальности, характер содержащейся в них информации

⁴⁰ Фрайман А. Л. Декрет Совета Народных Комиссаров о революционном трибунале печати. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. 4. Л., 1972, с. 15—29.

⁴¹ См.: Фрайман А. Л. Дополнение В. И. Ленина к декрету «Социалистическое Отечество в опасности!» — Там же, вып. 3. Л., 1970, с. 80—81.

⁴² Журавлев В. В. Декреты Советской власти 1917—1920 гг. как исторический источник. Законодательные акты в сфере обобществления капиталистической собственности. М., 1979.

⁴³ В Полном собрании сочинений В. И. Ленина опубликовано 8 интервью, из них 6 — послеоктябрьских. Подсчитано нами по: Справочный том к Полному собранию сочинений В. И. Ленина. Ч. 2. М., 1978, с. 61.

⁴⁴ Рейхберг Г. Е., Шапик Б. С. Неизвестное интервью В. И. Ленина. — Вопросы истории КПСС, 1966, № 4, с. 81—82.

⁴⁵ См.: Петропавловский Е. С. Ленинский «Наказ СТО» (1921). — Известия АН СССР. Сер. истор. и филос., 1949, т. 6, № 1, с. 70—76; Шехватов Б. М. Ленин и Советское государство. Деятельность В. И. Ленина по совершенствованию государственного управления, 1921—1922. М., 1960.

⁴⁶ Дробижева Л. М. Разработка и реализация ленинского «Наказа от СТО местным советским учреждениям». — Вопросы истории, 1962, № 6, с. 17—31.

⁴⁷ Рошаль Л. М. Некоторые вопросы источниковедческого анализа кинодокументов. — Труды Московского историко-архивного ин-та, т. 17, 1963, с. 39—50; Никулеев Н. С. О некоторых критериях отбора кинофотодокументов. — Советские архивы, 1968, № 2, с. 92—95; Пушкарев Л. Н. Источниковедческие проблемы кинофотодокументов. — Советские архивы, 1968, № 2, с. 89—91. Обобщающий материал о фотодокументах о В. И. Ленине, хранящихся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, представлен в вышедшем к 100-летию со дня рождения вождя издании «Фонд документов В. И. Ленина» (М., 1970, с. 200—257; изд. 2, доп. М., 1984).

требуют специального источниковедческого рассмотрения этого источника. Основная масса работ по вопросам изучения фонодокументов о В. И. Ленине касается, в первую очередь, технического решения проблем их воссоздания⁴⁸. При анализе текстов публичных выступлений В. И. Ленина исследователи проанализировали небольшую группу речей, записанных на грамофонные пластинки⁴⁹. Эти речи публиковались первоначально в различных изданиях (часть из них была напечатана в журнале «Молодая гвардия» /1928, №2—3/, речь «Что такое Советская власть?»— в «Правде» /1928, 21 января/). Как единый комплекс они вошли во 2—4-е издания Сочинений В. И. Ленина под общим заголовком «Речи, записанные на грамофонных пластинках»⁵⁰. В 1968 и 1970 гг. были обнаружены грамофонные записи неизвестных ранее речей В. И. Ленина «Беспартийные и Советская власть» и «О продовольственном налоге или продналоге и свободном обмене хлебных излишков»⁵¹.

Первыми работами о фонодокументах В. И. Ленина стали статьи Б. Ф. Малкина⁵², бывшего заведующего «Центропечатью». Они носили характер воспоминаний, содержали интересный материал, в частности о количестве речей. Предметом специального рассмотрения речи стали со второй половины 60-х гг.⁵³ В это время был опубликован ряд статей, в которых авторы затрагивали как чисто технические проблемы (реставрация грампластинок), так и источниковедческие, связанные с установлением времени произнесения речей и историей работы В. И. Ленина над их текстами.

Анализ речей В. И. Ленина, записанных на грамофонных пластинках, требовал разработки специальных методов⁵⁴. Как подчеркивалось в ходе дискуссии по проблемам экспертизы и отбора кинофотофонодокументов, ведущейся несколько лет на страницах журнала «Советские архивы», именно работа над записями голоса В. И. Ленина показала большую ответственность источниковедов при использовании этих видов источников⁵⁵. До настоящего времени не выяснено точное количество произнесенных В. И. Лениным речей в период после Октября⁵⁶.

⁴⁸ Горон И. Е. Восстановление записей речей В. И. Ленина.— Радиотехника, т. 25, 1968, № 4, с. 6—9; Листов В. По следам «Киноальфы» (О поиске хроникальной киноленты о выступлении В. И. Ленина на митингах в Петрограде 18 апреля 1917 г.).— Молодой коммунист, 1970, № 1, с. 99—104; Фридман И. М., Петров А. И. Сохранение ленинских кинодокументов.— Техника кино и телевидения, 1970, № 3, с. 3—9; № 4, с. 19—26 и др.

⁴⁹ Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 227—243; т. 40, с. 230—232; т. 43, с. 246—251. Пластинки с записями отдельных речей В. И. Ленина выпускались в разные годы, по мере восстановления их звучания советскими специалистами. Первая долгоиграющая пластинка, на которой было записано 7 речей В. И. Ленина, вышла в 1955 г. В результате дальнейшей работы над ленинскими грамзаписями в 1966 г. была выпущена пластинка с 8 речами. В настоящее время на пластинках записаны 10 речей В. И. Ленина.— Аннотация ИМЛ при ЦК КПСС к речам В. И. Ленина, записанным на грамофонные пластинки в 1919—1921 годах («Мелодия» 3ЗМОО-40169-70). В сб.: Фонд документов В. И. Ленина.

⁵⁰ Ленин В. И. Соч. Изд. 2—3. Т. XXIV, с. 191—203.

⁵¹ См.: Фонд документов В. И. Ленина, с. 248—249.

⁵² Малкин Б. Ф. Голос Ильича.— Молодая гвардия, 1924, № 2—3, с. 159—169; его же. Из недавнего прошлого.— Издательское дело, 1927, № 11, с. 32—34; его же. Как мы записывали голос Ленина. В кн.: Ленин — мастер революционной пропаганды. М., 1965, с. 172—173.

⁵³ Волков-Ланит Л. Ф. Голос, сохраненный навеки. М., 1966; Вексман Р. Как мы записывали речи В. И. Ленина.— Наука и жизнь, 1968, № 1, с. 22—26; Беспалов Н. И., Ткачев Н. К. Фонодокументы ЦГАЗ СССР о В. И. Ленине.— Советские архивы, 1970, № 3, с. 16—18; Свердлов Б. Д., Виноградов Л. К. О записях речей В. И. Ленина на грамофонные пластинки.— Вопросы истории КПСС, 1979, № 10, с. 132—135 и др.

⁵⁴ См.: Советские архивы, 1968, № 2, с. 92.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Так, в примечаниях ко 2-му и 3-му изданиям Сочинений В. И. Ленина говорится о 15, в 4-м издании — о 13, а в Полном собрании сочинений — о 16 речах, записанных

В статье Б. Д. Свердлова и Л. К. Виноградова⁵⁷ — одной из последних работ, посвященных этому вопросу, — указывается, что было записано 16 грампластинок с 15 речами В. И. Ленина. Из них 13 были опубликованы в Полном собрании сочинений В. И. Ленина⁵⁸.

Две грамзаписи обнаружены в 1968—1970 гг. («Беспартийные и Советская власть» и «О продовольственном налоге или продналоге и свободном обмене хлебных излишков») (см.: Ленинский сборник, XXXVII, с. 289—290; «Правда», 1970, 29 апреля).

Б. Д. Свердлов и Л. К. Виноградов добавляют к упомянутому 15 речам еще одну — речь о продналоге (1921 г.), о которой сообщается в воспоминаниях Б. Ф. Малкина⁵⁹.

Главным принципом в подходе к изучению идейно-теоретического наследия В. И. Ленина является опора на диалектический метод изучения источника, метод, который «состоит прежде всего в том, чтобы учесть *объективное* содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение *какого* класса является главной пружиной возможного процесса в этой конкретной обстановке»⁶⁰.

Сушественной особенностью комплексного решения проблем источниковедческого анализа ленинских работ в последнее время становится качественно иной уровень теоретического осмысления материала. Он выразился, в частности, в рассмотрении и изучении глубинных связей и диалектического развития важнейших идей ленинских работ, созданных им в различные периоды деятельности.

Характерной чертой современного уровня изучения ленинского наследия является расширение источниковой базы исследований, привлечение новых данных, таких, например, как факсимильное издание.

С завершением выхода в свет «Биографической хроники» В. И. Ленина ученые получили в полном объеме новый богатый источниковый материал. Для развития источниковедения ленинских работ это издание ценно не только своей насыщенностью ранее неизвестными фактами и документами, но и уровнем археографической обработки материала. Он повышался в процессе подготовки издания⁶¹. В настоящее время «Биографическая хроника» стала неотъемлемой частью источниковедческой Ленинианы.

Одновременно с накоплением фонда документов В. И. Ленина и расширением источниковой базы его исследования шло развитие и совершенствование методов и приемов источниковедческого изучения ленинского идейно-теоретического наследия. Главное, что отличает конкретную методику советского источниковедения произведений

в период 1919—1921 гг. Столь же различные цифры приводятся и в литературе. См.: Ленин В. И. Соч. Изд. 2—3. Т. XXIV, с. 769, прим. 66; изд. 4. Т. 29, с. 537, прим. 41; ПСС, 38, с. 473, прим. 57.

⁵⁷ Свердлов Б. Д., Виноградов Л. К. Указ. соч., с. 132—135.

⁵⁸ «Памяти Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета товарища Якова Михайловича Свердлова», «III Коммунистической Интернационал», «Сообщение о переговорах по радио с Бела Куна», «Обращение к Красной Армии», «О крестьянах-середняках», «Что такое Советская власть?», «Как навсегда спасти трудящихся от гнета помещиков и капиталистов?», «О погромной травле евреев», «О работе для транспорта», «О трудовой дисциплине», «О продовольственном налоге или продналоге», «О концессиях и о развитии капитализма», «О потребительской и промышленной кооперации». См.: Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 242—243; т. 40, с. 230—232; т. 43, с. 246—251.

⁵⁹ Свердлов Б. Д., Виноградов Л. К. Указ. соч., с. 133—134.

⁶⁰ Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 139—140.

⁶¹ «Биографическая хроника» В. И. Ленина уже получила определенное историографическое осмысление в рецензиях (часть которых содержит интересные источниковедческие оценки) как на отдельные тома, так и на все издание в целом. В 1982—1983 гг. в журнале «Вопросы истории КПСС» был помещен ряд обзорных статей, раскрывающих значение «Биографической хроники», исследующих предысторию и методику ее составления.

В. И. Ленина,— опора в научном поиске на марксистско-ленинскую методологию.

Опыт источниковедческого изучения произведений В. И. Ленина в советской литературе подтверждает то положение, что исследовательские приемы находятся в непосредственной зависимости от целей и задач работы и от особенностей источника. Анализ ленинских работ показал, что наряду с учетом характера документа конкретная методика его изучения диктуется, например, внешними признаками, степенью сохранности автографа и т. д.

Методы изучения произведений В. И. Ленина послеоктябрьского периода зависят и от характерных черт ленинских работ советской эпохи.

Наиболее общим из приемов источниковедческого изучения ленинских произведений является анализ содержания документов В. И. Ленина, который в сочетании с другими приемами источниковедческого анализа, в том числе специальными, позволяет решать такие вопросы, как, например, уточнение авторства, времени и места издания, обстоятельств появления документа. Таким же образом в литературе проводится реконструкция содержания ленинских материалов, выявляющих утраченные или неразысканные источники их создания.

Важное средство изучения произведений В. И. Ленина — сопоставление их содержания с исторической обстановкой их создания. Такой метод позволяет не только изучить проблемы, возникающие в процессе анализа источника, но и уточнить детали обстановки и времени его появления. Общие и специальные методы анализа произведений В. И. Ленина широко используются при исследовании внешних признаков источника. Один из методов изучения внешних признаков ленинских работ — графологическая экспертиза.

В настоящее время в источниковедческой Лениниане остается и ряд вопросов, нуждающихся в дальнейшей разработке. Так, отдельные группы произведений В. И. Ленина, например, выступления, интервью, требуют более пристального внимания со стороны историков. Основным источником их публикации являются стенограммы, секретарские и репортерские записи, газетные отчеты. Причем многие тексты выступлений представлены несколькими вариантами отчетов, отдельные стенограммы дают возможность для их неоднозначной расшифровки.

В целом методы и приемы источниковедческого анализа произведений В. И. Ленина связаны в первую очередь, с дальнейшей специализацией и интегрированием исследований, а определяющей тенденцией развития советской источниковедческой Ленинианы становится создание обобщающих исследований. Это главная задача, которая стоит перед советскими учеными⁶². Опираясь на накопленный опыт, ленинское источниковедение становится сегодня особой отраслью советского источниковедения — лениноведением*, помогает глубоко и всесторонне раскрывать всепобеждающую сущность марксистско-ленинской теории.

⁶² Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982, с. 340—341.

* Этот термин все более широко входит в практику источниковедческих исследований. Так, ИМЛ при ЦК КПСС издал уже 2 выпуска сборников «Проблемы лениноведения».

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕМУАРОВ ОБ ОКТЯБРЬСКОМ ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ В ПЕТРОГРАДЕ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

С первых же лет Советской власти газеты и журналы стали публиковать воспоминания об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде. В центральных и местных изданиях с воспоминаниями о подготовке и победе восстания выступали члены ЦК и ПК РСДРП(б), Петроградского военно-революционного комитета и Военной организации при ЦК партии, рабочие-красногвардейцы, революционные солдаты и матросы. К настоящему времени опубликовано свыше 250 воспоминаний об Октябрьском восстании (в том числе около 20 книг) его участников. Помимо того, большое число рукописей воспоминаний хранится в различных архивах страны (особенно велик их фонд в Ленинградском партийном архиве).

Мемуары участников Октябрьского вооруженного восстания широко привлекаются советскими историками как ценный источник по истории Великого Октября. Вместе с тем далеко не все они используются в полной мере, с учетом современного уровня научной критики такого рода источников. В данной работе предпринята попытка рассмотреть процесс формирования всего корпуса воспоминаний участников восстания, выявить, в какой мере и как сообщенные мемуаристами сведения отражались в исследовательской литературе об Октябре, определить круг воспоминаний, крайне редко и фрагментарно привлекаемых исследователями. Все это, на наш взгляд, позволяет в ряде случаев уточнить имеющиеся в историографии точки зрения по конкретным вопросам истории подготовки и проведения восстания в Петрограде.

* * *

В издании советской мемуарной литературы об Октябрьском вооруженном восстании можно примерно выделить, исходя из интенсивности публикации воспоминаний, следующие периоды: ноябрь 1917—1922 г., 1923—1934, 1935—1955, 1956—1970 гг.¹

Первым воспоминания об Октябрьском восстании в Петрограде опубликовал Г. И. Чудновский в ноябре 1917 г.² Спустя год после Октября с воспоминаниями о восстании выступили многие известные

¹ Исчерпывающей библиографии мемуаров об Октябрьском восстании пока еще нет. По приблизительному подсчету, в периодических изданиях было опубликовано (учитывались первые публикации мемуаров и те повторные, которые содержали новую информацию): с ноября 1917 г. по 1922 г.— более 60 воспоминаний (половина из них — в 1922 г.); в 1923—1934 гг.— более 70 воспоминаний-статей (примерно по 20 в 1923 г. и 1927 г., в 1932 г.— около 10) и 10 книг-воспоминаний; в 1935—1955 гг.— 10—15 воспоминаний (из них 3 — в сборнике «В дни Великой пролетарской революции». М., 1937). С середины 50-х гг., когда вновь широко стали публиковаться мемуары участников революции, по настоящее время с воспоминаниями об Октябрьском восстании впервые выступило в печати до 80 участников восстания. Особенно много (примерно 35) воспоминаний появилось (преимущественно в журналах) в 1957 г. 25 были опубликованы в трех книгах: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957; Петроград в дни Великого Октября. Воспоминания участников революционных событий в Петрограде в 1917 году. Л., 1967; В огне революционных боев (Районы Петрограда в двух революциях). Сборник воспоминаний старых большевиков-питерцев. М., 1967, 1971. При анализе корпуса воспоминаний наибольшее внимание мы уделили воспоминаниям первого десятилетия Советской власти, особенно богатым важной информацией о подготовке и ходе восстания.

² Чудновский Г. И. В Зимнем дворце перед сдачей.— Правда, 1917, 8 ноября.

его руководители и участники: И. В. Сталин³, Г. И. Ломов-Оппоков, Н. И. Подвойский, В. А. Антонов-Овсеенко, М. Я. Лацис, В. П. Милютин, В. И. Невский⁴, А. В. Луначарский⁵, В. Я. Чубарь⁶, А. М. Любавич⁷. Из воспоминаний, напечатанных ко 2-й годовщине Октября, следует отметить воспоминания Н. И. Подвойского⁸, В. А. Антонова-Овсеенко, В. И. Невского, существенно пополнившие предыдущие их публикации о восстании (в частности, новыми сведениями о встречах с В. И. Лениным в середине октября 1917 г.⁹). Эти первые воспоминания об Октябре 1917 г. отразили некоторые наиболее важные аспекты подготовки и хода восстания.

С образованием в сентябре 1920 г. Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии (комиссия находилась в ведении Наркомпроса, а с декабря 1921 г. стала одним из отделов ЦК РКП(б) — Истпартом) началась целенаправленная работа по собиранию воспоминаний участников Октября. Один из руководителей, Истпарта — М. С. Ольминский, выступая на X съезде РКП(б), отметил, что «Истпарт придает очень большое значение воспоминаниям»¹⁰. Обращаясь к участникам революции, М. С. Ольминский говорил: «Архив Октябрьской революции находится в нашей памяти. Только этот архив очень скверный, очень быстро подробности сглаживаются из памяти... Вот почему является спешным и неотложным делом, чтобы участники событий 1917 года и последующих лет принялись за то, чтобы написать воспоминания»¹¹.

В помощь будущим авторам мемуаров Истпарт разработал анкету по истории Октябрьской революции. В журнале Истпарта «Пролетарская революция» (1921—1941 гг.) систематически публиковались воспоминания участников революции. Собрание и публикация воспоминаний по истории Октября являлись одной из задач Петроградского (Ленинградского) истпарта (он был создан в октябре 1920 г. как Бюро Центрального истпарта в Петрограде) и его органа «Красная летопись»¹².

В 1920—1921 гг. дополненные мемуары о подготовке и победе Октябрьского восстания опубликовали В. А. Антонов-Овсеенко, А. В. Луначарский. Важные фактические данные содержали воспоминания комиссара в гвардии Павловском резервном полку О. П. Дзениса¹³.

³ Сталин И. В. Октябрьский переворот (24 и 25 октября в Петрограде). — Правда, 1918, 6 ноября.

⁴ См. воспоминания Г. Ломова («В дни бури и натиска»), Н. И. Подвойского («Как произошла Октябрьская революция»), В. А. Антонова-Овсеенко («Октябрьская буря»), М. Лациса («Накануне Октябрьских дней»), В. Милютина («Как произошло название «Народный комиссар»»), В. И. Невского («Народные массы в Октябрьской революции»). — Известия, 1918, 6 ноября.

⁵ Луначарский А. Смольный в великую ночь. — Пламя, 1918, № 27.

⁶ Чубарь В. Октябрьские дни 1917 года. — Народное хозяйство, 1918, № 11.

⁷ Любавич А. М. Революционное занятие Петроградского телеграфа и создание управления почтово-телеграфным отделом. — Работник почты, телеграфа и телефона, 1918, № 12—13.

⁸ Подвойский Н. И. Канун Октября. — Всеобуч и спорт, 1919, № 1; его же. Ленин в Октябрьские дни. — Агит-Роста, 1919, 23 октября.

⁹ См.: В. А. Антонов («В Октябрьские дни»), В. Невский («Военная организация и Октябрьская революция»), А. Коллонтай («Рука истории»). — Красноармеец, 1919, № 10—15. См. здесь же воспоминания И. Смилги о шифрованной телеграмме Военно-революционного комитета, потребовавшего отправки из Гельсингфорса в Петроград боевых кораблей и отряда матросов.

¹⁰ Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963, с. 131.

¹¹ См.: История и историки. Исторический ежегодник. 1973. М., 1975, с. 259—260.

¹² В журнале «Красная летопись» в 1922—1937 гг. было опубликовано более 100 воспоминаний о событиях 1917 г. в Петрограде. См.: Яренгина В. П. Историко-партийный журнал «Красная летопись». — Вопросы истории КПСС, 1982, № 9, с. 115.

¹³ См. в журнале «Красноармеец» (1920, № 28—30): Повесть Октябрьских дней (Из воспоминаний тов. Антонова-Овсеенко), Подготовка переворота (Беседа с тов.

Особенно «урожайным» на воспоминания об Октябре был 1922 г.— год пятилетия революции. В «Пролетарской революции» появились воспоминания Г. И. Благодравова¹⁴, сразу же привлечшие к себе широкое внимание. Десятая книга журнала почти целиком состояла из воспоминаний активных участников революции¹⁵.

Богатую информацию о подготовке и проведении восстания содержали воспоминания, опубликованные в «Красной летописи»¹⁶ и юбилейном номере «Петроградской правды»¹⁷, а также в некоторых профсоюзных и местных изданиях¹⁸.

Воспоминания участников восстания, появившиеся в течение первого пятилетия Советской власти, представляют исключительную ценность. Они воссоздают достоверную и впечатляющую картину твердой решимости петроградских рабочих, матросов Балтфлота и солдат столичного гарнизона свергнуть буржуазное Временное правительство и установить власть Советов. Так, рассказав о многотысячных митингах в предоктябрьские дни на заводах за Невской заставой, о речах на них ораторов-рабочих, требовавших незамедлительного выступления против буржуазной власти, Я. Белорусский заключает: «История не знает более народной революции в высшем смысле слова»¹⁹. Г. И. Благодравов вспоминает, что на солдатском митинге в Петропавловской крепости слова руководителя местной большевистской ячейки о готовности выступить по первому призыву ВРК и низложить правительство Керенского «буквально тонут в море общих рукоплесканий и криков»²⁰. Эти и многие другие аналогичные свидетельства участников восстания убедительно подтверждают правоту В. И. Ленина, настойчиво доказывавшего в своих работах того периода (многие из них были включены в т. XIV, ч. II Сочинений В. И. Ленина, вышедших в 1921 г.), что в России «налицо все объективные предпосылки успешного восстания», что «рабочие и солдаты на сотнях собраний выражают полное доверие

Антоновым-Овсеенко), Луначарский А. Историческое заседание (Открытие II съезда Советов 25 октября 1917 года). См. также: Дзенис О. Как мы брали 25 октября Зимний дворец (Наброски участника).— Правда, 1921, 6—7 ноября.

О событиях в Смольном накануне и во время восстания см.: Жаков М. Начало гражданской войны (октябрь—декабрь 1917 года) и Израилевич А. Предпарламент и Смольный. В кн.: Октябрь 1917 г. Сб. статей и воспоминаний. К 4-й годовщине Октябрьской революции. Ростов н/Д, 1921.

¹⁴ Благодравов Г. Октябрьские дни в Петропавловской крепости.— Пролетарская революция, 1922, № 4.

¹⁵ Антонов-Овсеенко В. А. Балтфлот в дни керенщины и Красного Октября; его же. Взятие Зимнего дворца (Из речи на вечере воспоминаний в ноябре 1921 г. в Самаре); Флеровский И. Кронштадт в Октябрьской революции; Бонч-Бруевич В. От июля к Октябрю; Арсеньев (делегат II Всероссийского съезда Советов). Из воспоминаний участника Октябрьских дней в Петрограде; Шляпников А. К Октябрю; Пестковский С. Об Октябрьских днях в Питере. В том же номере журнала была опубликована стенограмма выступлений на состоявшемся 7 ноября 1920 г. заседании участников Октябрьского восстания в Петрограде П. А. Козьмина, Н. И. Подвойского, В. Д. Бонч-Бруевича, М. Ю. Козловского, А. Д. Садовского (воспоминания А. Д. Садовского «В Октябрьские дни» перепечатаны в журнале «История СССР», 1957, № 4) и др. В дополнение к стенограмме редакция опубликовала воспоминания К. Мехоношина по вопросу о создании ВРК и письмо М. Жакова от 25 октября (7 ноября) 1917 г. из Петрограда о заседании большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов 24 октября. (Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 43—93).

¹⁶ См.: Невский В. И. Две встречи.— Красная летопись, 1922, № 4.

¹⁷ См.: А. В. Бельшев («Доклад комиссара крейсера «Аврора»), В. Молотов (Петроградская организация РКП накануне Октябрьской революции), [М.] Лацис (Роль Петроградского комитета в Октябре), Н. Брыкин (5-я армия в дни Октября), К. Мехоношин (Боевой штаб Октябрьской революции), М. Лашевич (Восстание).— Петроградская правда, 1922, 5 ноября.

¹⁸ Белорусский Я. Октябрь. Воспоминания.— Голос кожевника [М.], 1922, № 64, 65; Данилов И. Октябрьские дни в Петрограде.— Спутник коммуниста, Тверь, 1922, ноябрь и др.

¹⁹ Белорусский Я. Указ. соч., с. 8.

²⁰ В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982, с. 217.

большевикам и подтверждают готовность грудью встать за переход власти к Советам...»²¹.

В воспоминаниях показана огромная роль партии, ЦК во главе с В. И. Лениным в подготовке масс к восстанию и руководстве их боевыми действиями в ходе его. «Великое Октябрьское восстание,— справедливо заметил В. А. Антонов-Овсеенко,— не произошло неожиданно и самопроизвольно. Ему предшествовала большая политическая, организационная и военная подготовительная работа. Эта подготовка была проведена с такой выдержкой, упорством и мудростью, что опыт ее достоин особого изучения и может послужить образцом воспитания для всех подневольных еще пролетариев»²². Именно в воспоминаниях, опубликованных в 1918—1922 гг., впервые в печати было рассказано об исторических заседаниях ЦК партии в октябре 1917 г., на которых, вопреки сопротивлению Зиновьева и Каменева, была одобрена резолюция В. И. Ленина о проведении вооруженного восстания. «Слово берет тов. Ленин,— писала А. М. Коллонтай о заседании ЦК партии 10 октября.— У него голова трезва, он все взвешивает, парирует все доводы двух колеблющихся „осмотрительных товарищей“ и приходит к выводу, что надо взять решительный курс на вторую революцию... Голосуем. Две руки против, остальные—за»²³. Воспоминания участников этих заседаний в общем совпадают, воссоздавая в целом достоверную картину происходившего (обстановки на заседаниях, хода дискуссии). Но мемуаристы расходились в их датировке. Собравшиеся 7 ноября 1920 г. бывшие участники восстания, в том числе присутствовавшие на предоктябрьских заседаниях ЦК, не могли точно сказать, когда именно состоялось первое заседание, принявшее ленинскую резолюцию о восстании: назывались 13 и 14—15 октября²⁴. Г. И. Ломов-Опшников датировал это заседание концом сентября²⁵. Лишь А. М. Коллонтай указала, что оно состоялось 10 октября²⁶. Эта дата была подтверждена протоколом самого заседания Центрального Комитета, опубликованным в 1922 г.²⁷

Мемуаристы по-разному датировали и следующее расширенное заседание ЦК, состоявшееся в помещении Лесновско-Удельнинской районной думы на Болотной улице 16 октября. А. Шляпников считал, что оно состоялось не ранее 8 октября, А. В. Шотман— 20 октября²⁸. Известно также, что В. А. Антонов-Овсеенко, Н. И. Подвойский и В. И. Невский, сообщая много схожих деталей о нелегальных встречах с В. И. Лениным, расходились в датировке этих встреч²⁹. Часто встречающиеся в мемуарах фактические неточности, о чем некоторые их авторы сами предупреждали³⁰, разумеется, вполне объяснимы, учитывая бурный и быстротечный характер событий тех дней, когда, по словам

²¹ Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 245, 401.

²² Красноармеец, 1920, № 28—30, с. 18.

²³ Красноармеец, 1919, № 10—15, с. 69.

²⁴ См.: Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 57.

²⁵ См.: В дни Октября... Л., 1982, с. 43.

²⁶ Красноармеец, 1919, № 10—15, с. 68. Но Коллонтай допускает неточность, называя среди участников заседания делегата из Гельсингфорса—факт, не подтверждаемый ни протоколом ЦК, ни свидетельствами других мемуаристов.

²⁷ См.: Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 460—465. См. также воспоминания участника этого заседания ЦК партии В. Н. Яковлевой.— Там же, с. 304.

²⁸ См.: Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 13. А. В. Шотман и в позднейших изданиях своих воспоминаний датировал это заседание 20 октября (см.: Шотман А. В. Ленин в подполье. Июль—октябрь 1917 г. М., 1932, с. 30).

²⁹ См.: Орехова Е. Д., Покровский А. С. О датировке встреч В. И. Ленина с руководителями Военной организации большевиков и Петроградского ВРК в октябре 1917 г. В кн.: Источниковедение советского общества. Вып. 2. М., 1968.

³⁰ «Когда хочешь представить картину прошлых дней как можно полнее,— писал А. М. Любович,— то обнаруживаешь пробелы в памяти о некоторых моментах и лицах. Резко запечатлеваются только наиболее сильные места в картине Октябрьских событий» (Любович А. М. Указ. соч., с. 3).

участника революции И. К. Сазонова, казалось, что «обе октябрьские недели слились как бы в одно целое»³¹.

Наконец, воспоминания, написанные активными членами Петроградского ВРК, содержали обстоятельные и достоверные сведения о действиях революционных войск по овладению важнейшими стратегическими пунктами и государственными учреждениями (телеграфом, почтамтом, центральной телефонной станцией, Государственным банком и др.), Зимним дворцом.

Таким образом, мемуары участников восстания, вышедшие в свет в первое пятилетие Советской власти, составили серьезную отчасти незаменимую источниковую базу для исследования истории восстания. Но до того как эти мемуары стали одним из источников для изучения хода восстания, они вообще были чуть ли не единственным видом изданий исторической литературы, которая давала читателям представление о событиях в Петрограде в октябре 1917 г. Популярными брошюры об Октябрьском восстании, опубликованные в 1918—1922 гг.³², раскрывали закономерность победы социалистической революции, роль в ней руководимых партией большевиков рабочего класса и его союзника — трудящегося крестьянства, опровергали измышления буржуазных и эсеро-меньшевистских деятелей о якобы заговорщическом характере революции. Но последовательного, более или менее подробного изложения хода самого восстания в Петрограде эти работы не давали. Часто встречались в них неточности фактического порядка. Этот недостаток был в известной степени присущ и первым исследовательским работам С. А. Пионтковского: предисловию к составленной им хрестоматии по истории Октябрьской революции³³ (в ней были помещены произведения В. И. Ленина, документы ЦК РСДРП(б), Петроградского ВРК и II Всероссийского съезда Советов, а также отрывки из воспоминаний Г. И. Благодирова и А. Д. Садовского³⁴) и книге об Октябрьской революции в России³⁵. Некоторые события дней восстания С. А. Пионтковский датировал позднее, чем они происходили в действительности. Переход в руки ВРК мостов, вокзалов, телеграфа, почты, Государственного банка он отнес лишь к вечеру 25 октября³⁶. Ошибочно указал дату прихода В. И. Ленина в Смольный (вечер 25 октября вместо 24 октября)³⁷.

Особенно много участников восстания выступили с воспоминаниями об этом событии в 1923—1933 гг. Петроградский испарт и созданные в 1923 г. при райкомах партии районные испартовские комиссии поставили своей целью помочь каждому участнику революции «передать письменно или устно свои воспоминания»³⁸. По инициативе комис-

³¹ Сазонов И. К. Об Октябрьских днях 1917 года.— Каторга и ссылка, 1932, № 11—12, с. 111.

³² Бреслав Б. Характер и этапы русской революции. Витебск, 1918; Новицкий К. Год революции (1917—февраль 1918). М., 1918; Быстрянский В. Революция буржуазная и революция пролетарская. Пг., 1920; Невский В. И. Как образовалась Советская власть и что ею сделано за три года. М., 1920 и др.

³³ Пионтковский С. А. Хрестоматия по истории Октябрьской революции. М., 1923.

³⁴ Свидетельством возросшего интереса историков к воспоминаниям участников Октября является обращение редакции «Пролетарской революции» к читателям с просьбой сообщить были ли где-нибудь напечатаны воспоминания Г. И. Чудновского о взятии Зимнего дворца. См.: Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 85.

³⁵ Пионтковский С. А. Октябрьская революция в России: ее предпосылки и ход. Популярно-исторический очерк. М.—Пг., 1923.

³⁶ См. там же, с. 66.

³⁷ См. там же, с. 76.

³⁸ См.: Лейкина Е. Т. Роль Ленинградского испарта в создании источниковой базы истории Великой Октябрьской социалистической революции. В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980, с. 273. По подсчету Е. Т. Лейкиной, Ленинградский испарт за время своей деятельности (1920—1930 гг.) провел 53 ве-

сий на крупных предприятиях, в редакциях газет³⁹ устраивались встречи с участниками восстания; их выступления стенографировались. Особенно много таких встреч было проведено в 1927 г. (стенограммы этих встреч и рукописи воспоминаний участников восстания составляют значительную часть фонда воспоминаний в Ленинградском партийном архиве).

В эти годы шире стало практиковаться издание специальных сборников воспоминаний, что обеспечивало им читательскую аудиторию на более длительное время⁴⁰. Появился тип мемуаров, содержавших элементы научного исследования: воспоминания дополнялись ссылками на различного рода документы⁴¹. Наряду со статьями стали выходить книги воспоминаний⁴². В целом масштабы изданий мемуарной литературы настолько увеличились, что на Всесоюзном совещании истпартовских отделов в январе 1927 г. уже не раздавалось жалоб, как семь лет тому назад при создании Истпарта, на недостаточное количество мемуаров⁴³.

Ряд воспоминаний, опубликованных в этот период, существенно дополнил научные представления о деятельности ЦК РСДРП(б) под руководством В. И. Ленина по подготовке и проведению Октябрьского восстания в Петрограде. А. В. Шотман, участвовавший в организационной подготовке совещания ЦК РСДРП(б) 16 октября 1917 г. и выступавший на нем в прениях, живо рассказал об огромном впечатлении, которое произвел на присутствующих доклад В. И. Ленина⁴⁴. Об этом же говорилось в воспоминаниях М. Я. Лациса и А. С. Бубнова⁴⁵. Кратко и емко сформулировал роль В. И. Ленина в руководстве боевыми силами революции в дни Октября член Петроградского ВРК К. А. Мехоношин. В своих воспоминаниях он писал: «Тов. Ленин был настоящим главнокомандующим всех вооруженных сил Октябрьской революции, а под его начальством работал штаб, какого никогда не имел ни один военачальник...»⁴⁶. В «Воспоминаниях о Ленине» Н. К. Крупской значительное место уделено освещению жизни и деятельности вождя революции в канун и в дни восстания⁴⁷. О том, как В. И. Ленин добирался со своей последней конспиративной квартиры

вчера воспоминаний о революционных событиях 1917 г. С воспоминаниями об Октябрьском вооруженном восстании выступило на них более 50 человек.

³⁹ 31 октября 1925 г. «Ленинградская правда» пригласила участников восстания на вечер воспоминаний. Журнал «Огонек» под заголовком «Как мы брали Зимний» опубликовал воспоминания рабочих-красногвардейцев на вечере воспоминаний в редакции журнала (см.: Огонек, 1927, № 43, 45).

⁴⁰ См.: Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов. Л., 1924; Кормчий Октября (О Ленине в Октябрьские дни). Под ред. Н. Н. Попова. Харьков, 1925; Октябрьская революция в воспоминаниях участников. М.—Л., 1929 и др.

⁴¹ См.: Дыбенко П. Е. Мятежники. Из воспоминаний о революции. М., 1923; Подвойский Н. И. Военная организация ЦК РСДРП (большевиков) и Военно-революционный комитет в 1917 г.—Красная летопись, 1923, № 6, 8; его же. Красная гвардия в Октябрьские дни. М.—Л., 1927; Пинежский Е. Красная гвардия. Очерки истории Питерской Красной гвардии 1917 года. М.—Л., 1929; Бреслав Б. А. 15 лет тому назад.—Каторга и ссылка, 1932, № 11—12; его же. Канун Октября 1917 года. Съезд Советов Северной области 11—13 октября 1917 г. М., 1934; Антонов-Овсеенко В. А. В семнадцатом году. М., 1933 и др.

⁴² См.: Еремеев К. С. Пламя (Эпизоды Октябрьских дней). М., 1928; Весник Я. В боях за Октябрь. М.—Л., 1929; Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1930; Ломов Г. В дни бури и натиска. М., 1931 и др.

⁴³ См.: Пролетарская революция, 1927, № 1, с. 259.

⁴⁴ Шотман А. Ленин в подполье. В кн.: О Ленине. Воспоминания, кн. III. М.—Л., 1925.

⁴⁵ Лацис М. Я. Ночное решение.—Бакинский рабочий, 1927, 1 ноября; Бубнов А. С. Ленин в Октябрьские дни.—Известия, 1927, 6—7 ноября.

⁴⁶ Цит. по: Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих. Л., 1956, с. 191.

⁴⁷ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1934.

в Смольный вечером 24 октября, было рассказано в воспоминаниях Э. А. Рахьи⁴⁸.

Богатый фактический материал об агитационно-пропагандистской деятельности петроградских большевиков приведен в воспоминаниях Ф. Н. Дингельштедта⁴⁹.

В большинстве мемуаров, опубликованных в рассматриваемый период, речь шла о действиях вооруженных сил по выполнению предписаний и распоряжений Военно-революционного комитета. Воспоминания П. В. Дашкевича внесли ясность в вопрос о том, как была сорвана утром 24 октября попытка Временного правительства закрыть центральный орган партии — газету «Рабочий путь» и ее типографию⁵⁰. В воспоминаниях А. Ф. Ильина-Женевского и И. М. Ляпина было живо рассказано о действиях красногвардейцев и революционных солдат во второй половине дня 24 октября по выполнению распоряжения ВРК о недопущении разводки мостов через Неву⁵¹. Воспоминания А. А. Игнатъева и Д. Ткаченко были посвящены операциям по захвату Николаевского вокзала и Государственного банка. С. Я. Аллилуев обстоятельно отразил положение дел на электрической станции в дни восстания⁵². О действиях солдат Кексгольмского полка по овладению Центральной телефонной станцией написал А. Г. Захаров⁵³.

Много воспоминаний было опубликовано об осаде и штурме Зимнего дворца, и почти каждое из них содержало новую информацию о ходе этой самой значительной операции восставших, об участии в ней отрядов Красной гвардии, солдат и матросов⁵⁴.

Большой интерес представляют появившиеся в эти годы многочисленные воспоминания рядовых участников революции, освещающие деятельность в дни восстания райкомов партии и районных штабов Красной гвардии Петрограда. Эти воспоминания содержат убедительные свидетельства активной поддержки Военно-революционного комитета и решений II Всероссийского съезда Советов рабочими фабрик и заводов столицы⁵⁵.

В 1923—1933 гг., как и прежде, научно-исследовательских работ об Октябрьском восстании выходило в свет несравненно меньше, чем ме-

⁴⁸ Рахья Э. А. Едем в Смольный. — Новый мир, 1934, № 1.

⁴⁹ Дингельштедт Ф. Н. Из воспоминаний агитатора Петербургского комитета РСДРП(б). — Красная летопись, 1927, № 1 (22).

⁵⁰ Дашкевич П. В. В Октябрьские дни. — Красная летопись, 1933, № 1.

⁵¹ Ильин-Женевский А. Ф. Октябрьская революция. — Красная летопись, 1926, № 5; Ляпин И. М. Из воспоминаний бывш. начальника Красной гвардии 1-го Городского района Петрограда. — История пролетариата СССР, 1932, № 11.

⁵² Игнатъев А. А. В ночь на 25 октября 1917. — Красная летопись, 1923, № 6; Ткаченко Д. События в Государственном банке в дни Октябрьской революции. — Там же; Аллилуев С. Я. В дни Октября 1917 года на электрической станции об-ва 1886 г. — Там же.

⁵³ Захаров А. Г. Как была взята в Октябре 1917 года телефонная станция. — Красная летопись, 1931, № 5—6.

⁵⁴ См.: Курков П. Крейсер «Аврора». — Красная летопись, 1923, № 6; Молотов В. М. Смольный и Зимний. — Ленинградская правда, 1924, 7 ноября; Тарасов-Родионов А. И. Первая операция. — Военный вестник, 1924, № 42; Дорогов А. А. О взятии Зимнего дворца. — История пролетариата СССР, 1932, № 11; Васильев А. Р. Мое участие в Красной гвардии и Октябрьской революции. — Каторга и ссылка, 1932, № 11; Сазонов И. К. Об Октябрьских днях 1917 года. — Там же; Хаустов Ф. В Октябре. — Красная летопись, 1933, № 2(53) и др.

⁵⁵ См.: воспоминания работницы завода военно-врачебных заготовлений Т. И. Граф, рабочего «Старого Леснера» Н. Ф. Свешникова, красногвардейца Ново-Деревенского района В. И. Шадурского. — Красная летопись, 1923, № 6; см. также воспоминания рабочих-типографчиков С. Гаврилова и Н. Гордона. — Печатник, 1927, № 3; воспоминания одного из руководителей профсоюза рабочих коммунальных предприятий В. Е. Алексина. — Огонек, 1927, № 19. См. также: Каюров В. Из истории Красной гвардии Выборгского района в 1917 г. — Пролетарская революция, 1927, № 10; В боях. Сб. воспоминаний, посвященный героической борьбе василеостровцев за 15 лет. 1917—1932. Л., 1932 и др.

муарной литературы. При этом в научных трудах об Октябрьской революции в очень малой степени использовались свидетельства участников восстания, имелись ошибки в датировке важных событий периода восстания⁵⁶.

В «Хронике революции» К. Рябинского впервые, пожалуй, не только констатировался сам факт овладения ВРК важнейшими стратегическими объектами в столице (телеграфом, Петроградским телеграфным агентством, Николаевским вокзалом, Государственным банком, телефонной станцией, Дворцовым мостом, Варшавским вокзалом, типографиями буржуазных газет), но и более или менее обстоятельно со ссылками на источники, в том числе на воспоминания участников революции, указывалось как и когда (день и час) это произошло⁵⁷.

В дальнейшем в статьях и книгах об Октябрьском вооруженном восстании, выходящих с конца 20-х гг., завершение действий Петроградского ВРК по занятию мостов, средств связи, вокзалов и др. относилось не к вечеру, а к утру 25 октября⁵⁸. Вместо встречавшейся ранее формулировки «восстание началось с 25 на 26 октября» в научной и научно-популярной литературе утверждается тезис: «восстание началось с 24 на 25 октября»⁵⁹.

В 1935—1955 гг. фонд мемуаров по истории Октябрьского восстания в Петрограде пополнился немногими изданиями. Наиболее значительным был сборник, опубликованный в 1937 г.⁶⁰ Редки были и ссылки на мемуары участников революции в книгах, выходящих в эти годы. Среди обширнейшей источниковой базы второго тома «Истории гражданской войны в СССР», подготовленного в 1935 г. и вышедшего в свет к 25-й годовщине Октябрьской революции⁶¹, ссылки на мемуары деятелей революции единичны. Но авторы тома, безусловно, учитывали этот источник. Более того, можно определенно сказать: вывод о том, что восстание началось утром 24 октября, и обстоятельное освещение роли пролетарских районов в победе восстания свидетельствовали прежде всего об активном привлечении авторами сведений из воспоминаний участников революции⁶².

⁵⁶ В вышедшей в 1926 г. 3-м изданием книге С. А. Пионтковского «Октябрьская революция в России: ее предпосылки и ход» не были исправлены упоминавшиеся выше ошибки в датировке важных событий восстания. В статье «Военно-революционный комитет в Октябрьские дни» он отнесил попытку закрытия Временным правительством газет «Рабочий путь» и «Солдат» к ночи с 24 на 25 октября вместо ночи с 23 на 24. (Пролетарская революция, 1927, № 10, с. 118, 119). В литературе встречалось утверждение: восстание произошло с 25 на 26 октября. О 24 октября писалось не как о дне начала восстания, а как о его кануне. (См.: Ярославский Ем. Большевики в Октябре.— Там же, с. 79, 85.)

⁵⁷ Рябинский К. Революция 1917 года (Хроника событий), т. V. Октябрь. М.—Л., 1926, с. 167, 172—177.

⁵⁸ Так, в отличие от своих прежних утверждений, С. А. Пионтковский писал: «В ночь с 24 на 25 октября был занят телеграф, телефон, вокзалы» (Пионтковский С. Октябрь 1917 года. М.—Л., 1927, с. 27).

⁵⁹ См.: Рябинский К. Указ. соч., с. 172; Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918. М.—Л., 1927, с. 16; История ВКП(б), т. IV. М.—Л., 1929, с. 210; Чухман С. И. Город Ленина в Октябре. Л., 1929, с. 24—25; Корнатовский Н. Партия и Октябрьское вооруженное восстание. В кн.: Октябрь в Петрограде. Л., 1933, с. 248; его же. Партия и Октябрьское восстание в Петрограде. Л., 1933, с. 88. Лишь отдельные авторы делали при этом оговорку, что ВРК уже 24 октября «пришлось открыть и прямые военные действия против Временного правительства» (Алексеев А. С. Октябрьская революция. Общедоступный исторический очерк. М.—Л., 1929, с. 159).

⁶⁰ В дни Великой пролетарской революции. Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 году. М., 1937. Новые факты (о проникновении группы красногвардейцев в Зимний дворец в ночь с 24 на 25 октября) содержались, в частности, в воспоминаниях Л. Лебель «Боевое задание».

⁶¹ История гражданской войны в СССР, т. 2. М., 1943. Подробнее см.: Городецкий Е. Н. Советская историография Великого Октября (1917—середина 30-х годов). Очерки. М., 1981, с. 350.

⁶² См.: История гражданской войны в СССР, т. 2, с. 205—217. Тезис о начале восстания утром 24 октября стал утверждаться в учебной и научно-популярной литера-

Во второй половине 50-х гг. появились новые воспоминания о В. И. Ленине, его жизни и деятельности в октябре 1917 г.⁶³ Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС выпустил сборник «Воспоминания о Ленине» (ч. I—III. М., 1956, 1957, 1960) и в дополнение к данному изданию сборник «О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922» (М., 1963). Институт истории партии при Ленинградском обкоме КПСС издал сборник «Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих» (Л., 1956). К сожалению, составители этих книг не указали, какие из воспоминаний представляют перепечатку ранее издававшихся воспоминаний, а какие публикуются впервые. Такие справки даны лишь в сборнике «О Владимире Ильиче Ленине...», а также в сборнике «Ленин в Октябре. Воспоминания» (М., 1957). На высоком научном уровне изданы «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине» в 5-ти томах (М., 1968—1969; 2-е изд., 1979), «В. И. Ленин в 1917 году. Воспоминания» (М., 1967) и «Об Ильиче. Воспоминания питерцев» (Л., 1970). Значительная часть материалов, помещенных в этих книгах, освещает роль В. И. Ленина как организатора и руководителя Октябрьского восстания.

Советская мемуаристика о восстании значительно пополнилась в связи с празднованиями 40- и 50-летия Октябрьской революции. Воспоминания ее участников широко публиковались в юбилейных номерах научных и литературных журналов⁶⁴. Вышел в свет сборник «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции» (Л., 1956), состоящий в основном из воспоминаний, опубликованных в 20-х гг. Несмотря на очевидные недостатки сборника (отсутствуют указания на время и место первой публикации, не обозначены сокращения текста, иногда весьма существенные⁶⁵), выход его в свет имел большое значение: вновь стали достоянием исследователей и широкой общественности свидетельства о революции многих видных ее участников.

На более высоком научном уровне были изданы уже упоминавшиеся сборники воспоминаний — «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1957), «Петроград в дни Великого Октября» (Л., 1967), «В огне революционных боев» (М., 1967, 1971). Многие воспоминания были написаны специально для данных сборников, а при перепечатке мемуаров указывалось место их первоначальной публикации. Издано было еще несколько сборников воспоминаний участников рево-

туре в послевоенные годы. См.: Голиков Г. Н. Великая Октябрьская социалистическая революция. М., 1954, с. 113—114; Гапоненко Л. С. Великая Октябрьская социалистическая революция. М., 1957, с. 148—158; Степанов М. Партия большевиков в Октябрьской революции. М., 1958, с. 128—133; Васильева М. С. Изучение темы «Великая Октябрьская социалистическая революция» в X классе. М., 1958, с. 24 и др.

⁶³ См.: Бонч-Бруевич В. Д. Ленин в Смольном. — Знамя, 1955, № 10; его же. Воспоминания о Ленине. М., 1966; Еремеев И. Встречи с В. И. Лениным в Смольном. — Правда, 1956, 2 ноября; Подвойский Н. И. Из воспоминаний о военной деятельности В. И. Ленина. — Коммунист, 1957, № 1; Вильямс А. Р. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960.

⁶⁴ См.: воспоминания В. Васильева (Военный вестник, 1957, № 10); М. И. Барсукова — комиссара врачебно-санитарного отдела ВРК (Здоровье, 1957, № 11), Т. Ф. Казакевича («На берегах Великой» [Псков], 1957, № 9), К. Ратнека (Коммунист Советской Латвии, 1957, № 10); Я. П. Бирзгала (там же, № 11), А. Чечковского (Пропандист, 1957, № 11), М. Лондарского (Исторический архив, 1957, № 1), М. Н. Монсеева (Вопросы истории КПСС, 1958, № 1), А. П. Спундз, А. А. Антонова, А. Г. Соловья (Новый мир, 1967, № 10); Ю. Флаксермана (там же, 1968, № 1), В. Н. Смолина (Прометей, 1967, № 4) и др.

⁶⁵ Так, при перепечатке воспоминаний Ф. Хаустова были опущены слова мемуариста о том, что ультиматум Временному правительству был написан им «под диктовку Антонова-Овсеевко» (Ср.: Красная летопись, 1933, № 2, с. 192; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания... Л., 1956, с. 336).

люции⁶⁶, переизданы воспоминания В. А. Антонова-Овсеевко, Н. И. Подвойского и некоторых других деятелей революции⁶⁷.

Появившиеся в 50-х и последующих годах воспоминания содержат в большинстве своем некоторые новые факты, любопытные зарисовки и наблюдения, подтверждающие или иллюстрирующие то, что прочно вошло в советскую историографию об Октябрьском восстании⁶⁸.

Особо следует остановиться на воспоминаниях, существенно дополняющих имеющиеся источники новой информацией по некоторым важным вопросам истории Октября. Так, в воспоминаниях Я. П. Бирзгала, члена партии с 1914 г., делегата I и II Всероссийских съездов Советов, впервые рассказано о мерах, предпринятых по указанию ЦК РСДРП(б) большевиками столицы на тот случай, если контрреволюция, воспользовавшись «крестным ходом» казаков, назначенным на 22 октября, спровоцирует нападение на Смольный⁶⁹. Воспоминания Бирзгала обстоятельно раскрывают лаконичную формулу «Бюллетеня» Военно-революционного комитета о принятии им ряда мер «для предупреждения возможных эксцессов в связи с назначенным крестным ходом казаков» и замечание В. А. Антонова-Овсеевко о том, что в связи с ожидаемым «крестным ходом» ВРК были «назначены дежурные части, посланы агитаторы»⁷⁰. Вынужденная отмена Временным правительством «крестного хода» казаков была расценена В. И. Лениным как «гигантская победа»⁷¹. В свете этого новые факты, сообщенные Я. П. Бирзгалом о деятельности руководящих партийных центров по пресечению контрреволюционной затеи с «крестным ходом», безусловно заслуживают внимания исследователей.

Представляет также интерес указание Я. П. Бирзгала на существование особых групп при большевистской фракции Исполкома Советов Северной области (затем при ВРК), собиравших сведения о политическом и военно-техническом положении в лагере контрреволюции⁷². Факт этот подтверждается и другими источниками. Комиссар Павловского полка В. П. Сафонов доносил в ВРК о том, что 24 октября от полкового комитета «был послан один человек для разведки в штаб округа, который проникал в помещение и все узнавал, что там происходит»⁷³. Другой аналогичный факт приведен в воспоминаниях члена партии с 1917 г. И. С. Кобозева, работавшего в то время фотографом Скобелевского просветительного комитета. 24 октября около двух ча-

⁶⁶ См.: В дни Октября. М., 1957; В дни Октября. Сборник воспоминаний участников Октябрьской революции. М., 1957; Путь славных. Воспоминания ветеранов борьбы за Советскую власть. Киев, 1957 (В сборнике помещены воспоминания Н. И. Точеного о его участии в штурме Зимнего дворца); Да здравствует революция. Воспоминания участников Великого Октября. М., 1980; В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982.

⁶⁷ Антонов-Овсеевко В. В революции. М., 1957; Подвойский Н. И. Год 1917. М., 1958 (наряду с работами автора, вышедшими в 1918—1933 гг., в книге помещены и некоторые его неопубликованные рукописи).

⁶⁸ Отмечая достоинство новых изданий мемуарной литературы, рецензенты указывали вместе с тем на встречающиеся в мемуарах неточности в освещении отдельных исторических событий. В частности, вызывает сомнение достоверность некоторых фактов, приведенных в воспоминаниях М. К. Тер-Арутюнянца о Петропавловской крепости в Октябре (Великая Октябрьская социалистическая революция. Сб. воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве, с. 173—180). См.: Коммунист, 1959, № 11, с. 110—111; Источниковедение истории советского общества, т. 2. М., 1968, с. 75—77.

⁶⁹ Бирзгал Я. П. Крестный ход. В кн.: Петроград в дни Великого Октября, с. 285—297.

⁷⁰ Петроградский ВРК, т. 1, с. 56; Антонов-Овсеевко В. А. В революции, с. 141. Отметим, что Я. П. Бирзгал при написании мемуаров опирался на свою рукопись 1922 г. и на сохранившийся у него с 1917 г. документ — «Схема намеченного маршрута крестного хода казаков и схема линии обороны Смольного». См.: Музей Великой Октябрьской революции в Ленинграде, ф. VI, Бирзгал Я. П.

⁷¹ См.: Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 434.

⁷² См.: Петроград в дни Великого Октября, с. 286.

⁷³ Петроградский ВРК, т. 1, с. 572.

сов дня, пишет Кобозев, он, по заданию Я. М. Свердлова, направился в Зимний дворец для того, чтобы узнать об обстановке во дворце и настроениях находящихся там войск. По возвращении с задания он доложил об увиденном Я. М. Свердлову, Ф. Э. Дзержинскому и членам ВРК В. Д. Бонч-Бруевичу, М. М. Лашевичу, П. В. Дашкевичу и И. Юреневу⁷⁴.

Из новых публикаций отметим еще воспоминания И. И. Голубева об обстоятельствах, при которых он доставил днем 25 октября из типографии газеты «Копейка» в Петергофский районный Совет рабочих и солдатских депутатов обращение ВРК «К гражданам России», воспоминания П. И. Милюкова и Н. И. Печникова о заседании большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов вечером 25 октября⁷⁵.

Воспоминания И. Калинина (солдат-связист, в 1917 г. работал в Военном отделе Петросовета) указывают едва ли не впервые в нашей литературе на наличие в Смольном в дни революции телефонной, телеграфной и радиотелеграфной приемно-передающей связи. На первом этаже Смольного, в комнате № 8, сообщает Калинин, находился телеграф, поддерживавший связь с телеграфом штаба округа. В этой же комнате был настенный телефонный коммутатор емкостью в 30 номеров для обслуживания связью Смольного. «25 октября,— отмечает мемуарист,— телефон звонил непрерывно»⁷⁶.

Многочисленные переиздававшиеся с середины 50-х и в 60-е гг. наиболее значительные произведения мемуарной литературы об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде, появление новых мемуаров участников восстания при одновременной публикации документов эпохи Октября (в частности, переиздание протоколов ЦК РСДРП/6/ за август 1917 г.—февраль 1918 г., выход в свет 34-го и 35-го томов Полного собрания сочинений В. И. Ленина, тома документов и материалов «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» и трехтомника «Петроградский Военно-революционный комитет») открыли перед исследователями исключительно благоприятные возможности для использования источниковой информации, заключенной в мемуарах. Без широкого использования воспоминаний, в том числе и неопубликованных, вряд ли возможно было бы воссоздать столь полную картину борьбы рабочих Петрограда в ходе восстания.

Приходится, однако, отметить, что богатая информация воспоминаний по ряду аспектов истории подготовки и проведения восстания еще далеко не полностью использована историками. Особенно важна, на наш взгляд, информация мемуаристов—участников Октября по наименее обеспеченным другими источниками вопросам: о планировании и подготовке ВРК боевых операций на начальном этапе восстания; о ходе этих операций; о положении на фабриках и заводах столицы в дни восстания.

О планировании и подготовке ВРК боевых операций. «Лишь только перед комиссарами, солдатами и красногвардейцами,— пишет В. И. Старцев,— ставились задачи, они сразу выполнялись по рождавшимся тут же планам»⁷⁷. Создается впечатление, будто бы овладение ВРК правительственными учреждениями и стратегическими объектами происходило без предварительной подготовки. Однако это не так. Приняв решение об овладении определенным объектом, ВРК предстояло подобрать руководителя операции, мобилизовать боевые силы и нацелить их на выполнение задания. На все это уходили часы— в условиях

⁷⁴ Воспоминания И. Кобозева см.: Нева, 1957, № 11; В огне революционных боев... М., 1967, с. 563—573 («С киноаппаратом на разведку в Зимний дворец»).

⁷⁵ См.: Петроград в дни Великого Октября, с. 316—319, 419—422, 423—428.

⁷⁶ Калинин И. Связисты штаба революции.— Военный связист, 1957, № 11, с. 6.

⁷⁷ Революционный Петроград, год 1917. Л., 1977, с. 393.

восстания время немалое⁷⁸. Источники, правда, не всегда позволяют проследить час за часом, как этот процесс разворачивался. Но о подготовке таких важных операций, как занятие Центрального телеграфа, телефонной станции, Государственного банка и некоторых других объектов, имеются достоверные свидетельства источников. Тем не менее они, включая и воспоминания участников событий, не всегда привлекаются исследователями.

Обстоятельства занятия ВРК Центрального телеграфа в литературе трактуются различно. Е. Ф. Ерыкалов отрицает утвердившееся в историографии положение о том, что 24 октября в пять часов вечера ВРК овладел телеграфом. «ВРК не посылал в это время отряда для занятия телеграфа, он направил туда лишь своего комиссара», — утверждает он⁷⁹. Несколько иная точка зрения высказана В. И. Старцевым: «...Без единого выстрела безоружные комиссары ВРК заняли телеграф. Это не было еще переходом в „наступление“, военной акцией. Главной причиной, которая побудила ВРК занять телеграф, явилось намерение установить более тщательное наблюдение за действиями и планами правительства»⁸⁰. Не вдаваясь сейчас в дискутируемый историками вопрос о моменте начала восстания (в отличие от большинства историков, связывающих начало восстания с решением ЦК РСДРП/б/, принятым утром 24 октября, В. И. Старцев относит начало восстания к вечеру 24 октября, когда ВРК, по собственной инициативе, занял телеграф, а Е. Ф. Ерыкалов — к позднему вечеру того же дня, когда с приходом в Смольный В. И. Ленина восстание приобрело определенно наступательный характер), попытаемся установить: когда было принято решение занять телеграф; как эта операция подготовлялась и как она была проведена.

Из протокола заседания ЦК РСДРП(б), состоявшегося утром 24 октября, видно, что при обсуждении вопроса о почте и телеграфе Ф. Э. Дзержинскому было поручено «организовать это дело»⁸¹. Речь шла несомненно о занятии почты и телеграфа. Несколько неопределенная формулировка этого вопроса в протоколе объясняется, по нашему мнению, тогдашней обстановкой (ЦК не исключал возможность нападения на Смольный и предусмотрел на этот случай создание запасного штаба революции в Петропавловской крепости⁸²), требовавшей известной конспирации. О том, что на заседании ЦК решался вопрос о занятии телеграфа, видно из воспоминаний комиссаров ВРК на телеграфе С. С. Пестковского и А. М. Любовича. По словам Пестковского, Дзержинский, вручив ему в Смольном в два часа вечера 24 октября мандат комиссара телеграфа, поручил: «занять главный телеграф». Любович вспоминает, что Дзержинский дал ему «мандат комиссара на телеграф и словесное приказание занять его»⁸³.

Итак, мнение о том, будто бы ВРК, посылая комиссаров на телеграф, имел в виду какие-то иные цели, а не занятие его, не согласуется с источниками. Нельзя согласиться также с утверждениями, будто

⁷⁸ Например, решение об овладении Петроградским телеграфным агентством было, по-видимому, принято еще в первой половине дня 24 октября. (На заседании большевистской фракции II съезда Советов днем 24 октября отмечалось: «„ПТА“ еще не в наших руках». — Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 90). Сама же операция по овладению ПТА была осуществлена только в девять часов вечера 24 октября. Принято считать, что комиссар ВРК Л. Н. Старк занял ПТА с помощью отряда матросов численностью в 12 человек. По данным же В. В. Фарсобина, отряд насчитывал 200 матросов (См.: Малоисследованные источники по истории СССР. М., 1964, с. 44).

⁷⁹ Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966, с. 338.

⁸⁰ Революционный Петроград..., с. 376.

⁸¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 120.

⁸² См. там же.

⁸³ В дни Октября... Л., 1982, с. 157, 160.

бы ВРК не посылал «отряда для занятия телеграфа», или что комиссары были «безоружны». На вопрос Пестковского, каким образом занять телеграф, Дзержинский ответил: «Там караул занимает Кексгольмский полк, который на нашей стороне». А. М. Любович вместе с мандатом комиссара телеграфа получил также мандат комиссара Кексгольмского полка⁸⁴. Полковой комитет, как свидетельствует солдат-кексгольмец Г. А. Синилов, выделил А. М. Любовичу надежный караул, сменивший находившихся в карауле солдат этого же полка⁸⁵. Караул из революционных солдат Кексгольмского полка и был той вооруженной силой, опираясь на которую комиссары ВРК овладели Центральным телеграфом.

Таким образом, занятие ВРК Центрального телеграфа в пять часов вечера 24 октября (по другим данным, в четыре часа⁸⁶) явилось успешным завершением операции, подготовка которой началась в соответствии с решением ЦК РСДРП(б), принятом на утреннем заседании 24-го октября. Академик И. И. Минц подчеркивает, что А. М. Любович не случайно оказался одним из руководителей операции: о нем как имеющем связи с почтой и телеграфом речь шла на заседании ЦК партии⁸⁷.

Воспоминания участников восстания свидетельствуют также о деятельной подготовке ВРК операции по занятию телефонной станции и Государственного банка (в литературе констатируется лишь факт овладения ВРК в ночь с 24 на 25 октября этими объектами). Наиболее обстоятельно о ходе подготовки и проведении этих операций рассказано в упоминавшихся воспоминаниях М. М. Лашевича и П. С. Калягина (член партии с марта 1917 г., агитатор Военной организации при ЦК РСДРП(б), солдат Кексгольмского полка). Вот отрывок из воспоминаний последнего: «24 октября, приблизительно часов в 7—8 вечера, я был вызван членом нашего коллектива тов. Петровым (кексгольмец) к зданию полкового комитета для переговоров с каким-то для Петрова неизвестным человеком в кожаной тужурке, приехавшим на автомобиле и требовавшим меня. Неизвестный в кожаной тужурке оказался тов. Лашевичем, который задал мне вопрос: «Ручаюсь ли я в надежности своего полка». Ответив ему на этот вопрос утвердительно, мы на том же автомобиле немедленно направились в Смольный. ...Здесь (3-й этаж направо, 1-я комната) было дано задание взять первоначально телефонную станцию силой Кексгольмского полка и после, соединившись с силами моряков, немедленно же занять Казначейство и Госбанк; причем все это должно было быть выполнено в срок не более как в 3—4 часа. ...На том же автомобиле и захватив еще какого-то прапорщика (его фамилии я не знаю, но который был даже в погонах)⁸⁸ мы все трое направились в л. гв. Кексгольмский полк. Время было уже около 11—12 час. ночи. Немедленно же было создано экстренное засе-

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, с. 361.

⁸⁶ См.: От Февраля к Октябрю (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1957, с. 281.

⁸⁷ См.: Минц И. И. История Великого Октября, т. 2. М., 1978, с. 909. Занятие телеграфа — не единственная акция, осуществленная ВРК 24 октября. Примерно к 5—6 часам вечера В. П. Милютин, которому утром 24 октября ЦК поручил «организовать продовольственное дело» (см.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), с. 120) установил революционную охрану у продовольственных складов столицы (См.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964, с. 83). Пока не удалось выяснить, какие конкретно силы были привлечены к этому (об охране складов 25—26 октября имеются данные. см.: Красная летопись, 1923, № 6, с. 101, 118—119; Петроградский ВРК, т. 1, с. 131). Однако известно, что 25 октября в Зимний дворец не поступило продовольствия, так как, отметил буржуазный публицист, «все продукты питания оказались в руках большевиков» (Утренние ведомости, 1917, 16 ноября).

⁸⁸ Это был прапорщик М. В. Пригоровский. См. воспоминания М. Лашевича: Петроградская правда, 1922, 5 ноября.

дание полкового комитета, куда в качестве слушателей явилось огромное количество солдат-кексгольмцев. Повесткой дня был, естественно, один конкретный вопрос — вопрос о немедленном вооруженном выступлении для свержения власти Керенского. Здесь, надо признать, что слушатели-кексгольмцы, явившиеся на это заседание, много содействовали в том постановлении, которое вынес полковой комитет 24 октября: *выступить*⁸⁹. На выполнение задания ВРК полковой комитет выделил две роты солдат.

Воспоминания комиссара ВРК С. Г. Уралова, направленного для занятия типографии буржуазной газеты «Русская воля», и депутата Петроградского Совета от Семеновского полка члена ревкома полка В. Т. Филатова позволяют яснее представить «механизм» привлечения солдат к революционному действию. Подготовка операции по занятию типографии, успешно проведенной утром 25 октября, началась еще накануне. 24 октября около 10 часов вечера, пишет Филатов, в штаб Семеновского полка явились двое и предъявили дежурному офицеру предписание ВРК выделить им наряд солдат в количестве 30 человек для выполнения боевого задания⁹⁰. Одним из пришедших был С. Г. Уралов. Вместе с мандатом на реквизицию типографии ВРК выдал ему предписание в Семеновский полк о выделении команды солдат. Из воспоминаний Уралова также следует, что в полк он прибыл вечером 24 октября. («Вхожу в казарму. Солдаты собирались спать, и многие были раздеты»⁹¹). Команда солдат, сообщает Филатов, была выделена в распоряжение комиссара ВРК после того, как из ревкома полка позвонили в Смольный и удостоверились в том, что такое распоряжение действительно было отдано. В свете этого становятся понятными слова Уралова о том, что после его прибытия в полк «начались нудные телефонные разговоры»⁹².

Свидетельства мемуаристов, таким образом, как ни один другой источник позволяют проследить интенсивную деятельность ВРК, его комиссаров и революционных частей по подготовке наступательных операций в ходе восстания.

Большое место в воспоминаниях участников восстания в Петрограде занимает *описание хода отдельных боевых операций*. Ценность сообщаемой мемуаристами информации определяется тем, что в документах ВРК за 24—25 октября отложились в основном сами предписания комиссарам и революционным частям о занятии определенных объектов⁹³. Письменных же отчетов комиссаров о выполнении поставленных перед ними задач сохранилось очень немного⁹⁴. А в газетах тех дней, как правило, помещались лишь краткие информационные сообщения ВРК о занятии тех или иных стратегических объектов и государственных учреждений. Не случайно поэтому при изложении хода отдельных операций ВРК историки опираются в основном на воспоминания участников событий.

При этом, к сожалению, данные одних мемуаристов не всегда сопоставляются с сообщениями других участников тех же событий, а также со свидетельствами иных источников. В результате фактическая неточность, допущенная одним мемуаристом, подкрепленная авторитетом исторического исследования, получает широкое хождение в лите-

⁸⁹ ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 2146, л. 1, 1 об.

⁹⁰ См.: В дни Октября... Л., 1982, с. 364.

⁹¹ Там же, с. 169.

⁹² Там же. См. также с. 364.

⁹³ См.: Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы, т. 1. М., 1966, с. 85—91, 94—96, 109—111, 112—116.

⁹⁴ Среди сохранившихся донесений комиссаров Петроградского ВРК всего несколько документов отражают боевые действия революционных частей 24 и в ночь с 24 на 25 октября. См.: Донесения комиссаров Петроградского ВРК. М., 1957, с. 85—89, 152.

ратуре. Так, из воспоминаний Г. И. Благонравова следует, будто бы митинг солдат 1-го самокатного батальона (последняя колеблющаяся часть гарнизона Петропавловской крепости), принявший большевистскую резолюцию, состоялся вечером 24 октября. Достоверность этой даты, казалось бы, должна была вызвать серьезные сомнения, так как известно, что ЦК партии еще утром 24 октября постановил создать в крепости свой запасной штаб. Тем не менее указанная мемуаристом дата прочно утвердилась в историографии. Сейчас доказано, что в действительности митинг самокатчиков в цирке «Модерн» состоялся не 24, а 23 октября, и следовательно, с этого дня ВРК установил полный контроль над крепостью⁹⁵.

Бывает, что, ссылаясь на воспоминания одного участника событий, историки упускают из виду свидетельства других мемуаристов. Это случилось, в частности, при рассмотрении Е. Ф. Ерыкаловым борьбы за мосты. «С утра и в течение дня 24 октября мосты еще не были заняты революционными отрядами»⁹⁶, — утверждает он. Е. Ф. Ерыкалов ссылается на Э. А. Рахью, по словам которого, поздно вечером 24 октября на Литейном мосту со стороны Литейного проспекта стояли «солдаты Керенского»⁹⁷. Но можно ли отнестись с доверием к этому свидетельству, зная, что солдаты Петроградского гарнизона вместе с красногвардейцами, выполняя приказ ВРК, не допускали разводки мостов. А. Г. Шляпников вспоминал: «При разведении мостов происходили схватки между юнкерами, ударниками, с одной стороны, и рабочими и солдатами — с другой. Солдаты ближайших к мостам казарм, совместно с вооруженными отрядами рабочих не допустили разрыва сообщений в городе»⁹⁸. Об этом же говорилось в другом варианте воспоминаний Э. А. Рахьи. «У Литейного моста, — писал он, — мы увидели группу солдат и красногвардейцев. Они стояли и не пропускали публику через мост»⁹⁹.

Опираясь в основном на воспоминания Д. Ткаченко, историки обычно приписывают успех операции по занятию Госбанка лишь действиям 40 моряков Гвардейского флотского экипажа. Между тем наряду с моряками активное участие в операции, как свидетельствовали М. М. Лашевич и П. С. Калягин, приняли 150—200 солдат Кексгольмского полка. (По-видимому, служащий команды внутренней охраны

⁹⁵ В дни Октября... Л., 1982, с. 376—377. Наиболее подробное описание этого митинга дано М. Лашевичем. Приводим выдержку из его малоизвестных воспоминаний. «...23 октября утром был назначен митинг всех войсковых частей крепости. На этом митинге шел ожесточенный спор между нами и эсерами-меньшевиками. Митинг длился с 11 часов утра до 8 часов вечера сначала во дворе крепости, а затем к вечеру перешел в цирк „Модерн“. (В другом месте М. Лашевич писал: «Стало вечереть и было холодно, решили перейти в цирк Модерн». — Петроградская правда, 1922, 5 ноября). «...В 8 часов вечера при свете одной лампочки в чрезвычайно напряженной атмосфере был поставлен вопрос: подчиняется ли гарнизон Петропавловской крепости всем распоряжениям Военно-революционного комитета. Кто за Военно-революционный комитет — налево, кто против — направо. Подавляющее большинство с криком „ура“ бросилось налево. Противником Военно-революционного комитета осталась небольшая горсточка командного состава и интеллигентов из самокатчиков. Таким образом крепость оказалась в наших руках» (Лашевич М. Октябрьские дни в Петрограде. — Политработник Сибири, 1922, № 11, с. 5).

⁹⁶ Ерыкалов Е. Ф. Указ. соч., с. 377.

⁹⁷ См.: там же, с. 378. Воспоминания Э. А. Рахьи (Ленинградская правда, 1927, 21 января), на которые ссылается автор, перепечатанные в сборнике «Ленин — вождь Октября» (Л., 1956), содержали ряд фактических неточностей, исправленных позднее самим же мемуаристом. (См.: Новый мир, 1934, № 1, с. 24—39).

⁹⁸ Шляпников А. Указ. соч. — Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 18.

⁹⁹ В дни Октября... Л., 1982, с. 180. Сопшемся еще на донесение комиссара гв. Московского резервного полка о том, что он, по приказанию ВРК, 24-го октября назначил караул «на Литейный мост для предохранения его от разводки» (Петроградский Военно-революционный комитет, т. 1, с. 146).

Государственного банка не был осведомлен о действиях восставших на подступах к банку¹⁰⁰.)

Воспоминания председателя судебного комитета минного заградителя «Амур» А. А. Дорогова проясняют вопрос об ультиматумах ВРК Временному правительству¹⁰¹. Из воспоминаний А. А. Дорогова следует, что первый ультиматум был действительно, как считает большинство историков, направлен из Петропавловской крепости. Дорогов правильно излагает содержание ультиматума, упоминая, в частности, о требовании ВРК эвакуировать находящийся в Зимнем дворце лазарет. (Ср.: Исторический архив, 1960, № 6, с. 45). Второй же ультиматум был послан не из Петропавловской крепости, как принято считать, а из штаба Петроградского военного округа, о занятии которого, кстати, и указывалось в этом ультиматуме¹⁰².

Извлечение дополнительной к другим источникам информации о событиях Октябрьских дней в Петрограде, заключенной в мемуарах (отсев при этом всякого рода сомнительных сообщений, уточнение фактов, приводимых мемуаристами), — дело довольно сложное. Но, не проделав этой работы, нельзя быть вполне уверенным в точности информации, полученной из мемуаров.

Решающая роль Красной гвардии в победе Октябрьского восстания в Петрограде достаточно полно раскрыта в советской исторической литературе. Менее изучена пока морально-политическая и материально-техническая поддержка революционных войск со стороны массы петроградских рабочих, продолжавших 24—25 октября трудиться на своих предприятиях. Значительный материал об этом имеется в воспоминаниях участников революции. Они сообщают о собраниях, состоявшихся утром 25 октября на многих заводах и фабриках столицы. Петроградские газеты, освещая в основном открытые столкновения противоборствующих сторон, поместили резолюции всего лишь нескольких собраний, состоявшихся 24—26 октября¹⁰³. С докладами на ряде собраний выступили депутаты Петроградского Совета (с вечера 24 октября они были в Смольном, а утром вернулись на свои предприятия). Их сообщения о победоносном развитии восстания восторженно встречались рабочей массой. Член завкома Трубочного завода З. Г. Осипенков вспоминает, что после того, как он утром 25 октября распорядился «остановить моторы» и известил рабочих 2-й мастерской (от которой он был избран в завком) о победе восстания, «последовал гром аплодисментов»¹⁰⁴. Председатель завкома Нового Адмиралтейства Ф. Е. Саулин пишет, что «всех охватило чувство радости, когда он, получив днем 25 октября телефонограмму о победе восстания, сообщил о ней по телефону всему заводу»¹⁰⁵.

Анализ всего корпуса воспоминаний участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, учет того, в какой мере сообщаемая ими информация используется в исторической литературе, показывают, что число воспоминаний, которыми обычно оперируют исследователи, невелико, а фактические данные, извлекаемые ими, весьма ограничены и не всегда точно интерпретируются. Уникальные по своему

¹⁰⁰ См.: В дни Октября... Л., 1982, с. 368—369.

¹⁰¹ См. об этом: Ерыкалов Е. Ф. Указ. соч., с. 438—439, 447—448; Революционный Петроград..., с. 402—403, 405—406. См. также: В дни Октября... Л., 1982, с. 386.

¹⁰² См.: В дни Октября... Л., 1982, с. 263.

¹⁰³ См.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1957, с. 303—304, 368—369, 371.

¹⁰⁴ ЛГИА, ф. 4000, оп. 5, д. 1634, л. 34. О собраниях, состоявшихся на ряде предприятий столицы 24—26 октября, см.: П е р а з и ч В. Текстиль Ленинграда в 1917 г. Л., 1927, с. 95—96; В. И. Ленин и питерские рабочие. Л., 1982, с. 257 и др.

¹⁰⁵ В дни Октября... Л., 1982, с. 374. См. также воспоминания об этом Т. И. Граф, работницы завода военно-врачебных заготовлений (Красная летопись, 1923, № 6, с. 164—165).

значению сообщения мемуаристов по отдельным аспектам подготовки и проведения восстания, особенно начального его этапа (планирование операций ВРК, обстоятельства их проведения), далеко не в полной мере использованы даже в специальных работах о восстании.

Глубокое и всестороннее исследование Октябрьского вооруженного восстания, убедительно подтвердившего реальную осуществимость концепции пролетарского восстания, разработанной К. Марксом и В. И. Лениным, и знаменовавшего победу социалистической революции в России, требует тщательного учета свидетельств непосредственных участников и очевидцев этого выдающегося исторического события.

Представляется поэтому актуальным выявление полного корпуса опубликованных мемуаров об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде и обстоятельный их источниковедческий анализ. Пока в этом отношении предприняты лишь первые шаги¹⁰⁶.

Конкретно-исторический анализ воспоминаний участников восстания предполагает также и учет деятельности во время революции самих мемуаристов. Помыслы и действия мемуариста — участника восстания, будь то руководитель, красногвардеец, солдат или матрос, являются органической частью истории самого восстания. И с этой точки зрения воспоминания его участников важны не только как источник информации о событиях октябрьских дней в Петрограде, но и для изучения умонастроений, морально-политического и духовного облика руководителей и участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде.

¹⁰⁶ См.: Борозинец Л. Г. Мемуары Н. И. Подвойского как исторический источник. В кн.: Город Ленина в дни Октября и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Л., 1964; Антонов-Овсеенко А. В. Мемуары В. А. Антонова-Овсеенко как источник по истории революционных событий 1917 года.— Труды Московского историко-архивного ин-та, т. 24. Вопросы источниковедения истории СССР, вып. 2, 1966; Луцкий Е. А. Публикация воспоминаний А. В. Шотмана о последнем подполье В. И. Ленина.— Советские архивы, 1979, № 3; В дни Октября... Л., 1982 и др.

А. Н. КОПЫЛОВ

О СУЩНОСТИ КУЛЬТУРЫ И РОЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В 1977 г. в редакции журнала «Вопросы философии», а в 1979 г.— журнала «История СССР» состоялись дискуссии «Круглого стола» по проблемам культуры¹, заметно стимулировавшие развитие исследовательской мысли.

В ходе этих обсуждений отмечалось, что наряду с несомненными достижениями советской науки в разработке проблем истории культуры, особенно в отраслевом плане изучения отдельных ее вопросов и разделов, имеются серьезные недостатки: разрыв между анализом теоретических и конкретно-исторических проблем культуры, значительные расхождения специалистов в определении понятия «культура» и в трактовке сущности этого феномена, недостаточная, а иногда совсем слабая, реализация в трудах о культуре принципов историзма, неравномерность изучения отдельных сторон и разделов культуры, отставание в разработке общей картины культурно-исторического процесса и т. д.

Попытаемся хотя бы в общих чертах разобраться, чем были вызваны такие высказывания и оценки.

Культура, будучи сложным явлением человеческого бытия, привлекает к себе внимание широкого круга ученых-обществоведов — философов, социологов, этнографов, филологов, историков, искусствоведов; ее изучают и естествоиспытатели. Но роль различных дисциплин в решении общей задачи раскрытия феномена культуры не одина-

¹ См.: Вопросы философии, 1977, № 11; 1978, № 1 и 12; История СССР, 1979, № 6.

кова. Каждая наука имеет свой особый интерес к культуре, свой аспект ее изучения и, разумеется, использует свой научный исследовательский арсенал средств². По этой причине работы по истории культуры, выполненные представителями разных специальностей, отличаются как по кругу освещаемых вопросов, так и по источникам и методике исследования.

Указанное обстоятельство, с одной стороны, расширяет возможности познания феномена культуры, позволяет высвечивать его разные грани, углублять их анализ, с другой стороны, выявляет определенные сложности при координации работ, разноречивой в определении сущности культуры, разноплановость и неравномерность в освещении отдельных ее аспектов, затрудняет выделение генеральных линий развития культурно-исторического процесса. В итоге наблюдаются диспропорции в разработке различных сторон культуры и отставание в исследовании ее общих проблем.

Кроме того, существуют также и субъективные обстоятельства и причины, усиливающие или смягчающие диспропорции и недостатки в изучении феномена культуры, прежде всего это наличие или отсутствие сложившихся научных коллективов, школ, традиций и состояние координации работы.

К примеру, скажем, интенсивно ведется работа по такому важному разделу истории русской культуры, как литература, в изучении которой признанными центрами являются Институт русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде и Институт мировой литературы им. А. М. Горького в Москве. Систематическое и целенаправленное изучение истории русской литературы выдвинуло советское литературоведение на передний край разработки проблем истории русской культуры. Академик Д. С. Лихачев в 1973 г. писал, что исследователи древнерусской литературы, открыв и тщательно изучив многие новые литературные памятники и заново переосмыслив практически все ранее известные произведения, перешли от рассмотрения их по жанровой принадлежности к историко-хронологическому анализу и широким историко-культурным обобщениям, к построению, как он выразился, «теоретической истории русской литературы X—XVII веков»³. Аналогичные процессы наблюдаются в исследовании русской литературы XVIII и XIX вв. Однако, если обратиться к тем проблемам культуры, которые рассматриваются преимущественно историками, приходится констатировать неравномерность разработки различных сторон культурно-исторического процесса и недостаточное внимание к общим проблемам исторического функционирования культуры.

В изучении ряда аспектов истории русской культуры исследователи отечественной истории имеют крупные достижения. Так, они успешно разрабатывают проблемы истории русской общественной мысли и истории науки. По этим направлениям работают специальные научные коллективы, имеются координирующие центры, сложились авторитетные научные школы. Так, Проблемный научный совет по истории исторической науки, руководимый академиком М. В. Нечкиной, внес весомый вклад в исследование прогрессивной общественной мысли дворянского и революционно-демократического этапов освободительного движения в России. Широкий размах приобрели также исследования в области общественной мысли пролетарского этапа освободительного движения, координируемые Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Равным образом достижения в изучении истории русской науки связаны с исследовательской и координирующей ролью Института истории естествознания и техники Академии наук СССР. Создано немало ценных работ, исследующих вопросы формирования интеллигенции, организации и функционирования системы просвещения, истории книжного дела и роли книги в жизни общества, государственной политики и деятельности частных лиц в области развития архитектуры, живописи, театрального искусства и т. д.

В то же время пока нет оснований для оптимистических оценок результатов работы историков в освещении таких важных сторон и аспектов культурно-исторического процесса, как, например, социальные и комплексные проблемы исторического функционирования культуры. Здесь мы не можем назвать значительные исследовательские достижения, сложившиеся школы и научные коллективы.

² Например, биологов, обращающихся к феномену культуры, интересует связь естественнобиологических процессов человеческого организма с мыслительной деятельностью, искусствоведов — развитие художественно-эстетической стороны культуры и т. д.

³ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 3—4.

Иначе говоря, вклад историков в разработку проблем истории русской культуры дооктябрьского периода значителен, но пока несоразмерен с теми задачами по изучению культуры, какие должна решать история как интегрирующая наука об обществе. Более того, историки еще не в полной мере осознали свою роль и место в системе наук, изучающих культурно-исторический процесс.

Важное, если не первостепенное значение в науке имеет определение предмета и задач исследования. Между тем вопрос о предмете исследования культуры в настоящее время дискутируется. Он дискутируется и в буржуазной науке, и среди исследователей-марксистов, поскольку определение сущности культуры связано с общей трудностью объективного порядка — сложностью этого феномена.

Буржуазные ученые, выработав ряд методик и накопив большой фактический материал для характеристики отдельных явлений в истории культуры, прилагают немалые усилия для создания общих культурно-исторических концепций. Основанные на немарксистском понимании истории общества, эти концепции не дают и не могут дать научного объяснения происхождения и сущности культуры, равно не могут они научно истолковать истинные причины и характер кризиса современной буржуазной культуры⁴.

Решение общетеоретических задач при изучении культурно-исторического процесса возможно только на основе марксистско-ленинского учения об обществе.

Дискуссии среди советских ученых по теоретическим проблемам культуры имеют целью существенное повышение уровня исследований, отражают объективный процесс поступательного развития науки. Они связаны с необходимостью преодоления выявленных недостатков и трудностей в изучении культуры.

В годы становления советской науки на базе исторического материализма и высказываний классиков марксизма-ленинизма было сформулировано определение культуры как совокупности материальных и духовных ценностей, создаваемых человечеством в процессе общественно-исторической практики. Указанное определение культуры вскоре приобрело характер нормативного в марксистской литературе и на его основе ученые провели большую работу по систематизации и анализу материала по истории отечественной и мировой культуры.

Со временем теоретики-культуроведы обратили внимание на то, что в нормативной дефиниции отсутствует критерий ценности и на вопрос о сущности культуры не дается четкого ответа. В этой связи с конца 50-х гг. начался процесс критического переосмысления сложившегося определения. Одни авторы пошли по пути раскрытия и уточнения существующей дефиниции, другие — по линии отрицания ее как «догматической» и поиска новых понятий. Появились коллективные и индивидуальные монографические работы, особенно за последние 10—15 лет, в которых проанализированы многие теоретические вопросы, важные для уяснения сущности феномена культуры: соотношение культуры и прогресса, культуры и природы, культуры и общества, культуры и личности, культуры и цивилизации и другие⁵.

Выдвинут или получил дальнейшее развитие ряд плодотворных идей: о решающей роли в развитии культуры самого человека и его деятельности по преобразованию внешнего мира и себя (Н. С. Злобин, Э. А. Баллер, Л. Н. Коган, Е. Я. Режабек, В. М. Межуев), о культуре как качественной характеристике общества (Е. В. Боголюбова, член-

⁴ В нашу задачу не входит рассмотрение буржуазных концепций культуры. Им посвящена обширная специальная литература. См.: Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969; Соколов Э. В. Культура и личность. Л., 1972; Межуев В. М. Культура и история (Проблема культуры в философско-исторической теории марксизма). М., 1977; Боголюбова Е. В. Культура и общество (Вопросы истории и теории). М., 1978; Гончаренко Н. В. Духовная культура. Источники и движущие силы прогресса. Киев, 1980; Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1980. Характеристике основных направлений буржуазного культуроведения уделено много внимания и в учебном пособии для студентов вузов культуры «Основы марксистско-ленинской теории культуры» (М., 1976).

⁵ См.: Баллер Э. А. Преемственность в развитии культуры. М., 1969; Культура, творчество, человек. М., 1970; Коган Л. Н., Вишневский Ю. Р. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972; Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973; Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. Ростов н/Д, 1979; Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980; см. также сноску 4.

корреспондент АН СССР И. Д. Ковальченко, А. К. Уледов), о преемственности как специфической функции культуры (академики Б. Б. Пиотровский и Д. С. Лихачев, И. Д. Ковальченко, Э. А. Баллер). Многими учеными, особенно специалистами, изучающими конкретно-исторические проблемы культуры, ставится вопрос о поиске генерализующих факторов в развитии культуры и в этой связи обращается внимание на мировоззрение соответствующих эпох (С. С. Дмитриев, О. И. Подобедова, М. Т. Белявский, Д. С. Лихачев, А. Г. Спиркин, В. Н. Гарашенков, В. И. Кузищин)⁶.

В ходе дискуссий и по мере накопления нового исследовательского теоретического и конкретно-исторического материала неуклонно растет количество и вариантность определений культуры, авторы которых стремятся найти такую дефиницию, которая наиболее точно отразила бы философскую суть феномена культуры.

Вместе с тем в последнее время в ряде работ, в частности, в названных исследованиях Е. В. Боголюбовой, Н. В. Гончаренко, Н. С. Злобина, А. К. Уледова, а также в учебном пособии «Основы марксистско-ленинской теории культуры», предприняты попытки систематизации и критического анализа основных типов формулировок, предлагаемых советскими и зарубежными учеными марксистского направления.

При некоторых различиях в группировке и оценке отдельных определений культуры, анализ типов формулировок понятия «культура», представленный во всех указанных работах, рисует сходную картину и позволяет существенно приблизиться к выработке приемлемых для исследователей разных сторон культуры общих позиций в решении ключевых теоретических вопросов культуры — трактовки ее сущности и предмета исследования.

Рассмотрим наиболее удачную, на наш взгляд, классификацию определений культуры, предложенную Н. С. Злобиным. Он разделил все дефиниции культуры на две большие группы, каждая из которых, по его мнению, при некоторых частных различиях внутри групп, обладает известным принципиальным единством: 1) «статическая» и 2) «динамическая»⁷. Обобщающим признаком первой группы была признана «ценностная» ориентация; ко второй группе были отнесены определения, авторы которых человеческую деятельность считают главным свойством культуры. Думается, что первую группу следовало бы назвать не «статической» (и даже не ценностной), а «результативной». Это вернее бы отражало суть дела, так как водоразделом между упомянутыми группами служит ответ на вопрос: что такое культура? Одни рассматривают культуру как результат (продукт) человеческой деятельности, другие — как главным образом саму деятельность. (В этой связи заметим, что Н. С. Злобин неправомерно называет Э. С. Маркаряна, развивающего взгляд на культуру как на «специфический способ деятельности людей», в числе авторов, стоящих на позициях первой группы.)

Таким образом, если принять за основу классификацию Н. С. Злобина с учетом сказанного, то к первой группе следует отнести определение культуры как «совокупности материальных и духовных ценностей, создаваемых человечеством в процессе общественно-исторической практики» и все его модификации (формулировки академика М. П. Кима, А. М. Сахарова, Д. И. Чхиквишвили, А. А. Зворыкина, Д. Ф. Маркова, Я. Кучинского, Я. Щепаньского и других⁸), а также представление о культуре как качественной характеристике общества⁹.

⁶ См.: История СССР, 1979, № 6.

⁷ См.: Злобин Н. С. Указ. соч., с. 14—36.

⁸ Приведем для примера некоторые из них: «Культура, понимаемая нами в самом широком общем плане как совокупность результатов человеческого творчества, есть существенная часть естественноисторического процесса, в которой закрепляются его позитивные результаты и сосредоточивается информация о коллективном общественном опыте, накопленном разными классами и социальными группами на разных ступенях этого процесса» (Сахаров А. М. Методология истории и историография. Статьи и выступления. М., 1981, с. 206); «Культура — это все материальные и нематериальные продукты человеческой деятельности, ценности и признанные способы поведения, обобщенные и принятые в достаточно широких совокупностях, передаваемые другим совокупностям и последующим поколениям» (Щепанский Ян. Элементарные понятия социологии. Новосибирск, 1967, с. 49); «Культура — все то, что создано человеком в отличие от того, что создано природой» (Зворыкин А. А. Определение культуры и место материальной культуры в общей культуре. М., 1967, с. 3).

⁹ «Культура есть качественная характеристика общества и его развития по пути прогресса с точки зрения активного творческого участия в этом прогрессе обществен-

На таком понимании культуры основаны исследования большинства историков, филологов, искусствоведов и других специалистов, изучающих конкретно-исторические проблемы культуры, а также работы философов, исходящих из традиционных представлений о сущности культуры.

Другую группу составляют определения культуры, начинающиеся с утверждения, что «культура — это деятельность» (или «творческая деятельность») людей¹⁰, а также смешанные — «деятельно-результативные»¹¹ и «результативно-деятельные»¹².

Такая ориентация в определении сущности культуры получила значительное распространение за последние 10—15 лет среди философов и была поддержана рядом представителей других наук гуманитарного цикла¹³.

Следует заметить, что среди сторонников «деятельных» («динамических» — по терминологии Н. С. Злобина) дефиниций культуры безоговорочные утверждения (типа «культура — это деятельность») встречаются редко. Большинство авторов в понятие «культура» наряду с деятельностью так или иначе включают и ее результаты¹⁴.

Конечно, определения культуры различаются не только по тому, что положено в их основу — деятельность или ее результаты; имеются также существенные различия и по широте охвата явлений. Одни исследователи включают в понятие культуры только творческую деятельность людей (или ее результаты), другие — любую деятельность (или ее результаты); одни — область только духовной жизни общества, другие — духовной и материальной. Эти вопросы в равной мере стоят как перед сторонниками «результативных» («ценностных»), так и «деятельных» («динамических») концепций.

Но если внимательно вдуматься в суть дела, то становится очевидным, что указанные вопросы не имеют самостоятельного значения, так как их решение полностью зависит от понимания сущности феномена культуры. Только четкое представление о сущности культуры как исторического явления дает ключ к решению проблемы выработки общего философского определения культуры, приемлемого для представителей всех наук, причастных к изучению культуры. Следовательно, выяснение того, что в куль-

ного индивида. Культура воплощает творческие силы общества и индивида и свидетельствует о том, насколько человечество продвинулось по этому пути, шаг за шагом овладевая силами природы, стихийными силами общественного развития и преобразуя внутренний мир человека... Культура и есть воплощение творческих сил общества и человека в определенных культурных ценностях» (Боголюбова Е. В. Указ. соч., с. 203). См. также определения культуры, данные И. Д. Ковальченко и А. К. Уледовым: История СССР, 1979, № 6, с. 149; Уледов А. К. Указ. соч., с. 175—178.

¹⁰ «Культура — определенный тип деятельности людей как в сфере производства, так и в быту. При этом понятие „культура“ включает далеко не всякую деятельность людей, а только такую, которая является творческой как в сфере материальной, так и духовного производства. Вместе с тем она и показатель уровня развития цивилизации, степени господства человека над стихийными силами окружающего мира. И применительно к обществу в целом и к каждому человеку в отдельности понятие „культура“ раскрывает степень овладения опытом современников и предшествующих поколений, умение применять этот опыт в практической деятельности в различных сферах общественной жизни» (Коган Л. Н. Духовное производство и культура. В кн.: Культура, творчество, человек, с. 50).

¹¹ «Культура — совокупность творческой деятельности человека в области материального и духовного производства, результаты этой деятельности, способы распространения и потребления материальных и духовных ценностей, достижения человека в области организации общественных взаимоотношений, способствующих прогрессивному развитию человечества» (Гончаренко Н. В. Указ. соч., с. 9).

¹² «Культура в современном понимании есть совокупность материальных и духовных продуктов человеческой деятельности, организационных форм, служащих обществу, духовных процессов и состояний человека и видов его деятельности» (Соколова Э. В. Указ. соч., с. 20).

¹³ Так, точку зрения Э. С. Маркаряна на культуру как «специфический способ деятельности людей, способ их существования» поддержали на заседании «Круглого стола» в редакции «Истории СССР» с некоторыми оговорками академики Ю. В. Бромлей (Институт этнографии АН СССР), В. М. Гохман (Институт географии АН СССР), Б. И. Краснобаев (МГУ). См.: История СССР, 1979, № 6, с. 96—104, 135—138.

¹⁴ В этом отношении показательна позиция Н. С. Злобина. Будучи сторонником «деятельных» («динамических») формулировок и стремясь суммировать многочисленные варианты поисков в этом направлении, он предложил дефиницию культуры, суть которой сводится к тому, что культура — это «социально значимая творческая деятельность в диалектической взаимосвязи ее результативного ... выражения и ее процессуальности...» (Злобин Н. С. Указ. соч., с. 28).

туре — главное, определяющее, выделяющее ее среди других явлений истории природы и общества, позволит решить задачу выработки общей и частных дефиниций культуры и вместе с тем решить проблемы, связанные с вычлениением конкретного круга явлений, относящихся к области культуры.

Сторонники «деятельных» («динамических») концепций отмечают, что культуру нельзя считать чем-то раз и навсегда данным, неизменным, статичным, что культура развивается вместе с обществом, в процессе человеческой деятельности. Это бесспорно. Но нельзя согласиться с утверждением, что деятельность есть культура, что культура — это «определенный тип деятельности» (Л. Н. Коган), или «специфический способ деятельности людей, способ их существования» (Э. С. Маркарян). Прав В. М. Межуев, когда пишет, что общественная деятельность человека составляет источник, «главную причину существования культуры», но из этого «еще вовсе не следует, что культура и есть деятельность... Ведь способ существования следует отличать от того, что существует посредством данного способа, подобно тому, как мы отличаем способ существования материального мира — движение от самого материального мира»¹⁵.

Несомненно, что сознательная деятельность людей является причиной, источником создания, развития культуры и непременным условием ее существования. Но создаваемая человечеством культура все же представляет не саму деятельность, а определенный результат (продукт) ее.

Если согласиться с данной посылкой, то для выяснения сущности культуры следует установить, что относится к области культуры в результатах (продуктах) человеческой деятельности, или, иначе говоря, что составляет сущность культуры.

Ближе других к ответу на этот вопрос, по нашему мнению, подошли ученые, определяющие культуру как качественную характеристику общества на различных этапах его развития (Е. В. Боголюбова, А. К. Уледов), или как духовно-творческий потенциал общества (И. Д. Ковальченко).

Действительно, если мы обратимся к таким общепризнанным культурным ценностям, как произведения искусства, то должны будем признать, что их принадлежность к культуре определяется не материалом, из которого они созданы, а тем новым качеством, которое придал этому материалу человек благодаря своей преобразующей деятельности. Например, скульптура является достоянием культуры, представляет собой культурную ценность не потому, что она сделана из мрамора, бронзы или дерева, а потому, что скульптор преобразовал исходный естественный материал, вложил в него благодаря разумной деятельности определенный интеллектуально-творческий потенциал, придал ему новое качество. Сам же материал, из которого сделана скульптура, имеет не культурную ценность, а лишь материальную стоимость. То же самое можно сказать о любом произведении живописи, литературы и т. д.

Следовательно, культурную ценность составляет то новое качество, свойство, которое вложил в исходный естественный материал человек благодаря сознательной, разумной деятельности по преобразованию внешнего мира и себя.

Таким образом, если мы согласимся, что источником возникновения и условием существования культуры является деятельность общественного человека, а содержанием культуры — те новые свойства его материального и духовного мира, которые возникают и развиваются в процессе «очеловечения природы» (в том числе природы человека), то культуру можно было бы в самом общем виде определить как интеллектуально-творческий потенциал материального и духовного мира человека (общества), созданный, создаваемый и реализуемый им в процессе общественно-исторической практики.

При таком понимании культуры она предстает перед нами как непременная принадлежность (одна из сторон, качество) всех явлений общественного бытия и общественного сознания, всего материального и духовного мира человека, а история культуры — как составная и очень важная часть истории человечества.

¹⁵ Межуев В. М. Культура и история, с. 72. В указанном труде В. М. Межуев отошел от своей более ранней формулировки, что «культура — это есть ... активная творческая деятельность по освоению мира и созданию материальных и духовных ценностей», «а также совокупность самих этих ценностей» (Основы марксистско-ленинской теории культуры, с. 21—22). Не со всеми выводами автора, однако, можно согласиться. В частности, в своих новых поисках В. М. Межуев по существу отождествил понятия «культура» и «общество» (См.: Культура и история, с. 101, 131, 149).

В этом случае общей задачей для всех наук, изучающих те или иные стороны культуры, должно быть всестороннее раскрытие процесса создания, передачи и реализации во всех областях материальной и духовной жизни общества интеллектуально-творческого потенциала материального и духовного мира человека, включая анализ его содержания и форм.

Сказанное, разумеется, ни в коей мере не снимает вопрос о том, что каждая наука, причастная к изучению конкретных вопросов и сторон культуры, имеет право и должна ставить и решать свои задачи, вытекающие из ее специфики. Но эти задачи должны быть сформулированы, исходя из широкого понимания культуры как общего для всех наук объекта исследования.

Именно с таких позиций мы и пытаемся сформулировать свое понимание места, роли и задач исторической науки в изучении культурно-исторического процесса.

Выше отмечалось, что роль наук, причастных к изучению феномена культуры, различна. По функциональному назначению в разработке проблем культуры их можно разделить на три группы.

К первой мы относим науки, призванные решать теоретико-методологические вопросы. Прежде всего и главным образом это философия, задача которой состоит в выработке общих понятий культуры на основе философского осмысления ее сущности и опыта всех других наук в изучении культуры. Сюда же можно отнести и науковедение, имеющее классификационные задачи и в силу этого призванное определять место культуры в системе общественных явлений как объекта научного познания, выяснить и конкретизировать круг и роль наук, участвующих в освещении культурно-исторического процесса.

Вторую, наиболее многочисленную группу представляют научные дисциплины, изучающие формы и содержание той или иной области (стороны, раздела) культуры. Это — филология, искусствоведение, юриспруденция, география, этика, эстетика, педагогика, биология, психология, этнография, антропология и другие. Их подход к изучению проблем культуры определяется назначением каждой из наук, а задача в общей форме может быть определена как раскрытие специфических сторон культурно-исторического процесса.

Наконец, к третьей группе относится историческая наука, которая вооружена научной методологией, источниковой базой и необходимой методикой для исследования процесса развития общества во всем его многообразии и конкретности. Поэтому на нее ложится более сложная миссия в изучении культуры — исследование процесса ее исторического функционирования¹⁶. В этой связи будет уместным заметить, что философы, занимающиеся проблемами культуры, иногда неверно трактуют роль истории в изучении культуры, причисляя ее к наукам, решающим частные вопросы¹⁷.

В рамках исследования процесса исторического функционирования культуры историки должны решать две задачи: 1) освещение исторических аспектов культуры и 2) воссоздание целостной картины развития культуры как составной части истории общества.

К историческим аспектам культуры мы относим те исходные принципы, согласно которым данное общество регулирует процесс создания и использования своего культурного потенциала, а также рычаги управления культурно-историческим развитием, изучение которых нуждается прежде всего в использовании средств и методов исторической науки. Предметно говоря, это также система взглядов и идей той или иной общественной эпохи, культурные потребности, способы и формы их удовлетворения, развитие просвещения и науки, механизм управления в области культуры, процесс формирования специального слоя работников культуры, социальные проблемы культуры.

Изучение исторических аспектов культуры важно и необходимо уже потому, что оно позволяет наметить линии взаимодействия культуры с социальными, политическими и другими явлениями и процессами в истории общества. Между тем именно эти ас-

¹⁶ Археологи в рамках этой общей задачи решают те же проблемы, но их исследования имеют свою специфику, обусловленную характером источниковой базы и особой методикой работы.

¹⁷ См., например: Боголюбова Е. В. Указ. соч., с. 190.

пекты чаще всего выпадают из поля зрения специалистов, изучающих развитие отдельных сторон (компонентов) культуры.

Практика показывает, что исторические аспекты культуры успешно анализируются, лишь становясь предметом специального изучения научных коллективов историков. Выше отмечалась плодотворная разработка проблем истории науки и общественной мысли. К этому можно добавить несомненные достижения последних двух десятилетий в изучении роли книги в жизни русского общества, которыми мы обязаны прежде всего научной и организационной деятельности коллективов Библиотеки Академии наук СССР и Всесоюзной государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина под руководством Научного совета Академии наук СССР по истории мировой культуры.

По их инициативе и под их руководством намечаются и реализуются широкие комплексные программы изучения истории книги, осуществляется планомерное издание источников, монографий, сборников статей. Большое значение в организации, планировании и координации исследований по истории книги имеют Всесоюзные научные конференции по книговедению (1970, 1973, 1977, 1981 гг.), ежегодные «Федоровские чтения», Всесоюзные конференции по проблеме «Книга в России до середины XIX в.» (1976, 1981 гг.), «Смирдинские чтения» (1978, 1980 гг.) и др. На этих конференциях подводятся итоги и определяются наиболее актуальные направления дальнейшей работы. Материалы их, как правило, публикуются¹⁸.

Большое внимание исследователи уделяют методике и программе комплексного изучения проблемы «Книга — читатель»¹⁹.

Несомненно, что при должном внимании к изучению и координации работ могут также успешно разрабатываться и другие проблемы, объединенные нами под рубрикой «Исторические аспекты культуры» и изучаемые пока недостаточно.

Даже такая, казалось бы, находящаяся на виду и привлекательная для исследователей проблема, как история формирования интеллигенции, изучается отрывочно, избирательно. По отдельным аспектам и периодам истории русской интеллигенции время от времени появляются обстоятельные исследования²⁰, но систематической плановой работы, которая позволила бы составить цельное представление о процессе выделения специального слоя работников культуры и формирования русской интеллигенции, не ведется.

Еще меньше внимания уделяется исследованию социальных проблем культуры, тесно связанных с марксистско-ленинским учением о двух культурах в классово-антагонистических обществах. Лишь в последнее время интерес к этим вопросам несколько повысился, о чем свидетельствует, в частности, появление труда Ю. И. Кирьянова об уровне жизни рабочих дореволюционной России²¹, а также значительное внимание к освещению социальных проблем культуры в отмеченных выше монографиях С. П. Лупова и М. Д. Курмачевой.

¹⁸ Обзор основной литературы по истории книги в России, опубликованной в 1966—1981 гг., см.: Копанев А. И. Советская литература по истории книги эпохи феодализма за последние 10 лет (1966—1976). В кн.: Книга в России до середины XIX века. Л., 1978, с. 14—35; Зайцева А. А. Изучение истории русской книги феодального периода в СССР в 1976—1981 гг. В кн.: Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983, с. 35—45; Филов В. А., Лютов а К. В. Библиотека Академии наук СССР и исследования в области истории книги.— Там же, с. 7—19; Белов С. В. Книжное дело в России в конце XIX — начале XX в. (Историографический обзор). В кн.: Историографические и исторические проблемы русской культуры. Сб. ст. М., 1983, с. 131—149.

¹⁹ См.: Лупов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970; его же. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973; его же. Книга в России в послепетровское время. 1725—1740. Л., 1976; Розов Н. Н. Книга Древней Руси XI—XIV вв. Л., 1977; его же. Книга в России в XV веке. Л., 1981; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв. Л., 1977; Сапунов Б. В. Книга в России XI—XIII вв. Л., 1978 и др.

²⁰ См.: Штранге М. М. Демократическая интеллигенция в России в XVIII в. М., 1965; Коган Л. А. Крепостные вольнодумцы (XIX в.). М., 1966; Лейкина - Свирская В. Р. Интеллигенция в России второй половины XIX в. М., 1971; Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977; Курмачева М. Д. Крепостная интеллигенция России. Вторая половина XVIII — начало XIX века. М., 1983.

²¹ См.: Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России. М., 1979.

Однако социальные проблемы культуры нуждаются в систематической разработке по хорошо продуманному плану. Это, бесспорно, одна из актуальных и неотложных задач в изучении исторических аспектов культуры.

Не менее неотложной является задача воссоздания целостной картины развития культуры как части истории общества. Историк должен на основе выводов исторической науки о путях и тенденциях развития данного общества и обобщения результатов других общественных дисциплин, участвующих в изучении культуры, выявить генеральную линию в развитии культуры, систему взаимодействия различных культурно-исторических явлений и факторов, представить общую картину культурно-исторического процесса.

Нам уже приходилось оценивать принципы и характер освещения проблем культуры в обобщающих трудах по истории СССР дооктябрьского периода²². Главный вывод, сделанный на основе анализа содержания 5 томов шеститомной «Истории Москвы», 3 томов «Очерков истории Ленинграда», 7 книг академических «Очерков истории СССР», первой части «Краткой истории СССР» и первой серии 12-томной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»²³, заключается в том, что в процессе подготовки и обсуждения указанных работ подходы наших ученых к решению задачи освещения культурно-исторического процесса существенно изменились, отразив те перемены в понимании проблем истории культуры и места культуры в общенациональном процессе, которые произошли в нашей науке на рубеже 50—60-х гг.

Авторские коллективы «Истории Москвы», «Очерков истории Ленинграда» и «Очерков истории СССР», исходя из представлений о культуре как важной части истории общества и состояния разработки ее проблем, рассмотрели историю культуры в самостоятельных разделах и главах по скоординированной в каждом издании программе, в основе которой лежал отраслевой принцип и примерно одинаковый набор основных элементов духовной культуры (просвещение, наука, литература, музыка, театр, изобразительное искусство, архитектура).

Достоинством такого подхода к решению задачи освещения проблем культуры в общенациональном труде было то, что читателю впервые был представлен в сводном систематизированном виде значительный фактический материал о развитии ряда важных компонентов культуры за большой период отечественной истории. Это было важным для своего времени достижением историографии, по достоинству оцененным научной общественностью. Вместе с тем, рассматривая характеристику культуры в указанных трудах, рецензенты высказывали замечания по существу освещения ее проблем. В частности, И. Д. Ковальченко и М. И. Хейфиц, рецензируя 4-й том «Истории Москвы», обратили внимание на пестроту и слабую внутреннюю связь глав о культуре между собой и с другими разделами книги²⁴. Это критическое замечание следовало бы отнести не только к указанной книге, но и к другим обобщающим трудам, в которых господствовал отраслевой принцип подачи материала в сочетании с иллюстративно-описательным методом. Задача выявления в различных компонентах культуры общих связующих идей и тенденций еще практически не ставилась. Представление об общественной мысли как органически-составной части культуры только формировалось. Поэтому общественная мысль в обобщающих трудах того времени не получила своего определенного места среди основных компонентов культуры. В «Истории Москвы» и «Очерках истории Ленинграда» она лишь частично рассматривалась при характеристике литературного процесса. В этом отношении авторский коллектив «Очерков истории СССР» пошел дальше, рассмотрев в ряде томов общественную мысль в специальных главах, включенных в разделы о культуре, что свидетельствовало о поиске путей совершенствования характеристики культурно-исторического процесса.

²² См.: Копылов А. Н. О принципах и характере освещения культуры в обобщающих коллективных трудах по истории СССР досоветского периода. В кн.: Историографические и исторические проблемы русской культуры. Сб. ст. М., 1983, с. 5—28.

²³ См.: История Москвы, в 6-ти т. Т. I—V. М., 1952—1955; Очерки истории Ленинграда. Т. 1—3. М.—Л., 1955—1957; Очерки истории СССР. Период феодализма. М., 1953—1957; Краткая история СССР, в 2-х ч. Ч. 1. М.—Л., 1963; История СССР с древнейших времен до наших дней, в 2-х сер., в 12-ти т. 1-я сер., т. I—VI. М., 1966—1968.

²⁴ См.: Ковальченко И. Д., Хейфиц М. И. «История Москвы» в шести томах. Т. IV. Период промышленного капитализма. М., 1954.— Вопросы истории, 1955, № 12, с. 165.

Новый этап разработки принципов освещения культуры в обобщающих трудах связан с подготовкой многотомной и краткой «Истории СССР».

В марте 1962 г. в Институте истории АН СССР состоялась специальная дискуссия, посвященная задачам освещения культуры досоветского периода в 12-томной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». Академик Б. А. Рыбаков и С. С. Дмитриев, выступившие с основными докладами, поставили перед авторским коллективом задачи освещения проблем культуры на широком историческом фоне, включая раскрытие разносторонних культурных связей между народами СССР, показ международных связей отечественной культуры и ее вклада в мировую сокровищницу культуры; анализ двух тенденций в развитии культуры — прогрессивной и реакционной. В докладах и выступлениях обращалось также внимание на необходимость уделить в многотомнике достойное внимание характеристике народного быта как составной части культуры, освещению двойственной роли церкви в развитии культуры и некоторым другим вопросам²⁵.

Вскоре был поставлен также вопрос о необходимости выработки нового подхода к освещению истории культуры. Академик Б. Н. Пономарев в декабре 1962 г., выступая на Всесоюзном совещании историков, отметил, что уже нельзя ограничиваться изучением отдельных компонентов культуры и призвал исследователей к созданию таких трудов по истории культуры, «в которых развитие всех ее составных частей рассматривалось бы в совокупности и взаимосвязи как неотъемлемая часть общеисторического процесса»²⁶.

Эту мысль поддержал А. В. Фадеев, изложив в специальной статье свое понимание идеи взаимосвязанного и совокупного освещения истории культуры как неотъемлемой части общеисторического процесса²⁷.

Таким образом, авторским коллективам академических изданий краткой и многотомной «Истории СССР» предстояло решать задачи раскрытия новых аспектов культуры и поиска новых подходов и принципов в освещении культурно-исторического процесса.

Первыми приступить к реализации этих задач довелось авторам «Краткой истории СССР». Сохраняя традиционную форму отраслевого изложения материала, они пошли по пути усиления показа двух линий культуры («двух культур»), взаимодействия культур народов СССР, вклада русской и всей отечественной культуры во всемирную культурную сокровищницу, что было замечено и положительно оценено научной общественностью²⁸. В книге был начат также важный и перспективный поиск связующего звена в развитии различных компонентов культуры, на который рецензенты в свое время, к сожалению, не обратили внимания. Д. С. Лихачев, автор глав о русской культуре IX—XVII вв., предпринял попытку взглянуть на культурно-исторический процесс через призму отражения в различных явлениях культуры ведущих идейных концепций эпохи.

Конечно, не всем авторам глав о культуре в равной мере удалось добиться заметного успеха в освещении историко-культурных проблем, были упущения и неудачи, особенно по рассмотрению периода XVIII—XIX вв.²⁹. Но не эти недочеты определяли главный итог работы авторского коллектива, внесшего заметный вклад в изучение культурно-исторического процесса. В многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» был сделан еще один принципиальный шаг вперед по пути решения задачи создания целостной картины исторического функционирования культуры: в трех из шести томов первой серии авторы текстов о культуре в отличие от традиционного отраслевого принципа применили метод обобщенных характеристик.

В I томе этого издания Б. А. Рыбаков попытался выявить закономерности развития раннефеодальной культуры Древней Руси, введя историко-культурный материал не-

²⁵ См.: Орлик О. В. Об освещении проблем развития культуры в I—VI томах «Истории СССР». — Вопросы истории, 1962, № 3, с. 165—166.

²⁶ Пономарев Б. Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории. — Вопросы истории, 1963, № 1, с. 20.

²⁷ См.: Фадеев А. В. Размышления об изучении истории культуры. — Вопросы истории, 1964, № 1, с. 27—43.

²⁸ См.: Тарновский К. Н., Шмидт С. О. Новая книга по истории нашей Родины. — Вопросы истории, 1964, № 7, с. 134, 137.

²⁹ Колылов А. Н. Указ. соч., с. 16—18.

посредственно в ткань ряда разделов по социально-экономической и политической истории. На наш взгляд, Б. А. Рыбаковым была создана достаточно цельная, образная и убедительная картина уровня и развития культуры Древней Руси.

Авторы разделов о культуре дореформенной России (IV том) и эпохи империализма (VI том) А. В. Фадеев и С. С. Дмитриев также стремились выявить и проследить органическую связь культурно-исторического процесса с изменениями в социально-экономической и политической жизни страны, уделяя большое внимание анализу двух тенденций в развитии культуры — прогрессивной и реакционной.

А. В. Фадеев поставленную задачу решал, исходя из изменений в развитии социально-экономического строя, путем выявления новых черт в культурном облике русского общества, изменений в образе жизни различных слоев населения, образованности, росте национального и общественного самосознания. Рассмотрев указанные вопросы, он сосредоточил внимание на двух проблемах: 1) развитии и борьбе идейных течений в русской науке и искусстве и 2) на культурных взаимовлияниях народов СССР. Предложенная автором методика обобщенной характеристики культуры содержала в себе немало рационального. Но нельзя не согласиться с Н. И. Сергеевой и С. Б. Окуном, которые в рецензии на IV том «Истории СССР» критиковали А. В. Фадеева за ослабление внимания к освещению конкретных вопросов развития литературы и искусства, от чего в известной мере пострадала живая ткань культурно-исторического процесса³⁰.

В главе о культуре России эпохи империализма, написанной С. С. Дмитриевым, наиболее ценной нам представляется последовательная реализация мысли о том, что стержнем, генератором всего сложного и противоречивого процесса развития культуры являются общественные идеи, борьба которых и отражение в различных явлениях культуры определяют во многом пути и характер развития всех компонентов культуры, объединяют их в единое целое.

Рассмотрение культуры во II, III, V томах в отличие от I, IV, VI томов указанного издания было выдержано в традициях отраслевого метода и слабо затронуто поиском общенсторического аспекта в раскрытии проблем культуры. Авторы двух рецензий на II том (А. М. Сахаров и Е. Н. Носов), отмечая широту и ценность приведенного фактического материала, выразили неудовлетворенность имеющейся характеристикой культурно-исторического процесса³¹, которую А. М. Сахаров назвал «статичной»³². Замечание о статичности в равной мере можно адресовать авторам текстов о культуре в III и V томах. Думается, что этот недостаток в значительной мере связан был с сохранявшейся недооценкой связующей роли общественной мысли в культурно-историческом процессе³³.

Следует заметить, что использование в одном серийном издании разных принципов подхода к освещению культуры привело к тому, что в разных томах она рассмотрена по разным параметрам, что, естественно, затруднило сквозное наблюдение за развитием историко-культурных явлений и тенденций в многотомнике в целом.

Попытки создания целостной характеристики культурно-исторического процесса на основе выявления связей между различными компонентами культуры и соотношения культуры с другими сторонами истории общества, предпринятые в отдельных томах этого издания, открывают, по нашему мнению, хорошие перспективы для совершенствования методов изучения системы исторического функционирования культуры. Видимо, при освещении вопросов культуры в новых общеисторических трудах авторы должны учесть этот опыт, сочетая обобщенную характеристику культурно-исторического процесса с анализом фактических данных о развитии различных компонентов и явлений культуры.

В 1967 г. было опубликовано обобщающее коллективное исследование по истории русской культуры, авторы которого впервые в историографии поставили и выполнили

³⁰ История СССР, 1969, № 1, с. 154; см. также: Копылов А. Н. Указ. соч., с. 20—21.

³¹ См.: Сахаров А. М. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. II. М., 1966.— История СССР, 1967, № 5, с. 184—185; Манеев Я. И., Носов Е. В., Шапиро А. Л. Многотомная «История СССР». — Вопросы истории, 1968, № 3, с. 137.

³² См.: История СССР, 1967, № 5.

³³ Копылов А. Н. Указ. соч., с. 22.

задачу «в сжатом виде охарактеризовать основные этапы развития духовной культуры русского народа с древнейших времен до революционных событий 1917 г.»³⁴

«Краткий очерк истории русской культуры», как и современные ему обобщающие труды по истории СССР, отразил состояние исследовательской мысли и те новые идеи в освещении культурно-исторического процесса, которые были выдвинуты на рубеже 50—60-х гг. и реализовались отчасти в многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней».

Стремясь выявить линии связи культуры с общенсторическим процессом и показать главное в развитии русской духовной культуры на каждом из этапов отечественной истории, авторы однотомника выделяли во введениях к главам более существенные с их точки зрения, события в общественно-политической или социально-экономической жизни страны, а затем освещали вопросы развития общественной мысли, просвещения, науки, литературы, искусства. Это дало определенные положительные результаты для выявления динамики в развитии культуры и ее связей с общенсторическими процессами. Думается, однако, что связь с общенсторическими процессами и обусловленность ими развития культуры могли быть представлены более убедительно, если бы вводные тексты глав о культуре начинались с характеристики изменений в материальных условиях и образе жизни общества.

Нет сомнения, что в силу естественного разделения между разными науками сфер изучения отдельных областей культуры, нужны обобщения по истории культуры разного уровня: и по отдельным компонентам ее, и отдельно по духовной и материальной культуре. Но необходимы и не менее важны обобщения высшего типа — о культуре в целом.

Думается, что на современном этапе разработки проблем истории культуры настало время создания обобщающих трудов по культуре и освещения культурно-исторического процесса в общенсторических трудах на уровне обобщения всех сторон и аспектов истории материальной и духовной культуры. Тем самым будут приведены в соответствие наше теоретическое представление о культурно-историческом процессе и его освещение в исторической практике.

В этой связи трудно переоценить начинание исторического факультета Московского государственного университета, поставившего задачу создания многотомного труда по истории русской культуры, в котором были бы выявлены все основные компоненты и аспекты истории материальной и духовной культуры.

Подготовленные и изданные в 1970—1979 гг. Московским университетом при участии ученых из ряда институтов Академии наук СССР и других научных учреждений страны 6 книг «Очерков», освещающих период XIII—XVII вв., по праву отмечены в 1982 г. Государственной премией СССР³⁵. Это — первое широкое обобщение результатов исследования всех важнейших аспектов материальной и духовной культуры русского народа. Вместе с тем это и конкретное исследование, наполненное огромным фактическим материалом и вобравшее в себя достижения многих наук в разработке проблем культуры и истории общества.

Примечательно, что для решения большой задачи впервые объединили свои усилия историки, филологи, этнографы, философы и искусствоведы, до сих пор изучавшие отдельно те или иные аспекты культуры, каждый по своей методике. Это позволило сделать важный шаг на пути преодоления разобщенности специалистов, изучающих различные стороны культуры, строго придерживаться принципа историзма исследования и значительно расширить круг рассматриваемых культурно-исторических проблем. Наряду с традиционно освещаемыми в историко-культурных трудах вопросами духовной и материальной культуры (развитие общественной мысли, просвещения, науки, литературы, искусства, архитектуры, предметов труда и быта) в «Очерках» представлены новые аспекты (земледелие и скотоводство, деньги и денежное обращение, государственный строй, право и суд, войско и военная организация и некоторые другие), ранее рассматривавшиеся лишь в общенсторических работах социально-экономического и общественно-политического плана, вне рамок культурно-исторических явлений.

³⁴ Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времен до 1917 г. Л., 1967, с. 7.

³⁵ Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. I—II. М., 1970; Очерки русской культуры XVI в., ч. I—II. М., 1977; Очерки русской культуры XVII в., ч. I—II. М., 1979.

В соответствии с принятым в издании отраслевым принципом освещения культуры каждый очерк написан специалистом по рассматриваемой проблеме и представляет по существу самостоятельное исследование о развитии одного из разделов культуры. Конечно, отраслевой принцип затруднил выявление связей между отдельными частями культуры, но на этапе первого обобщения данных обо всех основных компонентах материальной и духовной культуры, он был, пожалуй, единственно возможным. При достаточно хорошо продуманной и выдержанной по всем томам единой структуре отраслевой принцип позволил выявить состояние и динамику развития каждого из представленных в издании разделов культуры на протяжении пяти веков. Целям выявления связей в развитии отдельных компонентов культуры служат предпосланные каждому тому вводные статьи ответственного редактора А. М. Сахарова, где охарактеризованы общие исторические тенденции и направления развития русской культуры в рассматриваемый период. И хотя в трактовке и оценках некоторых культурно-исторических явлений между редакцией и авторами отдельных очерков имеются расхождения, в целом вводные статьи способствовали выявлению и показу органической связи русской культуры с общим ходом истории страны.

Научная критика высоко оценила «Очерки русской культуры». Вместе с тем отмечалось и наличие в издании дискуссионных моментов в освещении и трактовке отдельных явлений общен исторического и историко-культурного плана³⁶. Следует, однако, подчеркнуть, что наличие спорных и дискуссионных моментов не умаляет этапного значения этого фундаментального труда в изучении истории русской культуры.

Завершение и выход в свет последующих томов «Очерков русской культуры» позволит впервые в одном издании представить многоаспектную картину развития всех основных разделов русской культуры за многовековой период истории. При этом несомненно выявится немало нового для понимания и характеристики культурно-исторического процесса, будет заложена хорошая база для создания в будущем многотомной истории русской культуры, в которой, надо полагать, найдут реализацию и новые принципы целостного освещения культурно-исторического процесса, разработка которых началась с 60-х гг. и продолжается в настоящее время.

Рассмотрение принципов и характера освещения истории культуры в обобщающих трудах по отечественной истории и по истории русской культуры досоветского периода показывает, что решение второй части задачи исторической науки в изучении культуры — воссоздания целостной картины ее развития как части истории общества также находится в поле зрения историков. Наши ученые ведут в этом направлении значительную работу, которая в последние два десятилетия заметно активизировалась.

Заключая вышесказанное о роли исторической науки в изучении культурно-исторического процесса, следует еще раз подчеркнуть, что культура является частью истории общества, существенно важной и специфичной, обладающей всеобщностью. Будучи качеством, присущим всем сторонам общественной жизни, культура на каждом этапе развития человечества как бы фокусирует результаты прогресса общества.

Создание трудов по истории культуры, отвечающих все возрастающим требованиям науки, задача нелегкая. Но путь ее решения известен — образование научных коллективов целевого назначения, объединение специалистов различных учреждений для разработки крупных проблем, повышение теоретического уровня исследований.

* * *

Обращение к основополагающим теоретико-методологическим вопросам изучения феномена культуры и выяснению роли исторической науки в освещении культурно-исторического процесса показывает, что в настоящее время, когда идет двуединый процесс дифференциации наук в разработке узкоспециальных проблем и их интеграции при решении комплексных задач, дальнейший прогресс в изучении истории культуры требует повышения теоретико-методологического уровня исследований, тесного взаимодействия

³⁶ История СССР, 1971, № 3, с. 182—186; 1979, № 1, с. 204—212; Советская археология, 1972, № 4, с. 282—285; Преподавание истории в школе, 1978, № 4, с. 100—102; Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982, с. 506 и др.

всех наук, причастных к изучению культуры, создания широких обобщающих трудов, охватывающих все компоненты культуры и раскрывающих феномен культуры в тесной взаимосвязи с общим процессом исторического развития общества.

На историческую науку при этом ложится основная тяжесть в решении одной из самых ответственных на указанном пути задач — выявление процесса исторического функционирования культуры. Для успешного решения этой задачи необходима активизация и целенаправленность в разработке исторических аспектов культуры и создание в тесном контакте и при опоре на достижения всех наук, изучающих культуру, общей концепции развития культуры как части истории общества. При этом важно и необходимо, чтобы историки не оставались в стороне от теоретико-методологических исследований о культуре, проводимых философами, а сами принимали заинтересованное участие в решении основных теоретико-методологических вопросов культуры.

В. П. КРИКУНОВ

О КНИГЕ П. Г. РЫНДЗЮНСКОГО О КРЕСТЬЯНАХ И ГОРОДЕ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ *

Монография П. Г. Рындзюнского «Крестьяне и город в капиталистической России» отражает давние исследовательские интересы автора. До некоторой степени она продолжает тему его книги «Городское гражданство дореформенной России» (1958), в которой процессы горообразования, и в том числе приобщение к городской жизни выходцев из сел и деревень, занимают видное место. Теперь в новой монографии П. Г. Рындзюнского, посвященной процессам горообразования в России в конце XIX в., взаимоотношения крестьян и города сделались единственным предметом изучения. Подобное сужение тематики оправдано: по сравнению с дореформенным временем в эпоху развитого капитализма городская жизнь чрезвычайно осложнилась; вряд ли было бы целесообразно пытаться охватить ее в монографическом исследовании по такому же широкому кругу вопросов, как это можно было сделать при изучении городов дореформенного времени. Важно, что избранный автором аспект изучения — постановка вопроса о взаимоотношении крестьян и городов в социально-экономическом строе России конца XIX в. — выводит «городоведческую» тему в круг наиболее общих и значительных проблем утверждения капитализма в стране.

Разнообразные издания по истории городов дореволюционной России значительно умножились в советское время и получили широкое общественное признание. Здесь и монументальные труды, посвященные крупнейшим городским центрам страны, и книги краеведческого характера об отдельных городах. Появились издания, описывающие судьбы городов по их региональным группам. В известной мере можно сказать, что в советское время исследование городского развития России как бы наверстывало то, что упустилось в предшествовавшей историографии, в которой изучение городов, в большей мере под влиянием народнических взглядов, не пользовалось популярностью.

В исследовании истории городов все же имеет место существенный пробел: города изучаются, как правило, изолированно от окружающих их территорий. Между тем исследование взаимоотношения сельского и городского населения в его эволюции и по отдельным районам страны весьма существенно. Оно важно не только само по себе, но и в более широком плане, поскольку в этом взаимоотношении резюмировались главные черты общественно-экономического развития страны, а применительно к пролетарскому периоду революционного движения освещение проблемы взаимоотношения города и деревни подводит к познанию глубинных предпосылок важнейших исторических процессов и событий.

* Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (Взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России). Отв. ред. чл.-кор. АН СССР И. Д. Ковальченко. М., «Наука», 1983, 269 с., тир. 1750.

Успех исследования П. Г. Рындзюнского в первую очередь предопределен освоением ленинских мыслей и конкретно-исторических наблюдений, характеризующих городообразование в разнообразных аспектах. Внимательно отнесся автор, сумевший охватить широкий круг источников, и к опыту своих предшественников. Во введении к монографии дана убедительная критика зарубежной буржуазной историографии, отмечен ее уход от принципиально важных социальных сторон городообразования в сферу абстрактных математических формул. П. Г. Рындзюнский сумел избрать для изучения ведущий аспект городообразования и тем избежать узкой локализации исследования и описательности, имевшей место в ряде книг о городах.

Приток в города жителей деревень явился следствием процесса раскрестьянивания, который широко развился в пореформенное время. П. Г. Рындзюнский, детально изучивший этот момент, обратил особое внимание на то, что в существующей литературе до сих пор недостаточно конкретизируются определения социально-экономического облика основной массы крестьянства в пореформенное время, содержащиеся в трудах В. И. Ленина.

«Основой марксистских взглядов на пореформенное крестьянское хозяйство в России является признание типа этого хозяйства мелкобуржуазным»¹. Отметив данное обстоятельство, Ленин в то же время констатировал, что в «громадной массе крестьянства нет почти уже вовсе самостоятельного производства на себя»², что русский крестьянин вообще паупер, в большей своей части полупролетарий и пролетарий. В ленинских высказываниях отражена противоречивая социальная специфика деревни — сложносоставной характер крестьянского хозяйства в целом. Для изучения городообразовательных процессов весьма важно уяснить степень пролетаризации крестьянства и ее распространенность, так как этими факторами определяется, по выражению П. Г. Рындзюнского, «обращенность» главной части крестьянства к городу.

В рассматриваемой книге в свете ленинских характеристик развития капитализма в России анализируется, в силу каких причин крестьянин был вынужден становиться продавцом товаров, обладать убыточным для него земельным наделом, переносить центр своей производственной деятельности на работу по найму, «на стороне»? Автор применял прием исследования, при котором сельскохозяйственная продукция надела сопоставлялась не с исчисленным, всегда спорным минимумом жизненных средств для крестьянской семьи (определяемым весьма ненадежно), а с естественно образовавшимся показателем — средним заработком рабочих, равным примерно прожиточному минимуму. Если академик С. Г. Струмилин, впервые отметивший преимущество такого подхода, ограничился только общей постановкой вопроса, то П. Г. Рындзюнский произвел соответствующий расчет на поезде уровне. Оказалось, что в целом по Европейской России в конце XIX в. крестьянская семья выработывала на наделе примерно вдвое меньше того, что мог приобрести на свой годовой заработок один фабрично-заводской рабочий и лишь на одну треть больше того, что мог купить на свой годовой заработок «кустарно-ремесленный» рабочий (с. 39).

Следует отметить при этом подсчете, что заработки фабрично-заводских рабочих представляются внушительными, разумеется, лишь по сравнению со скудной продукцией крестьянских земельных наделов. В своем же реальном выражении эти заработки означали до крайности урезанный прожиточный минимум (с. 54).

Необычный способ определения значения продукции надела, примененный в рассматриваемом нами труде, интересен тем, что представляет возможность для широких географических сопоставлений показателей, чего лишен исследователь, опирающийся на материалы земской статистики. Выскажем пожелание, чтобы в дальнейшем в практике подобных расчетов в большей мере подвергались источниковедческому обследованию данные о величине заработков, особенно нефабричных работников (в монографии П. Г. Рындзюнского исследуются показатели из Материалов комиссии 1901 г.). То же самое можно сказать и относительно оснований для перевода денежной валюты в «хлебную».

Однако можно с уверенностью считать, что какое бы уточнение в последующем не вносилось в вычисления П. Г. Рындзюнского, они и в настоящем своем виде с не-

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 17, с. 118.

² Там же, т. 1, с. 510.

сомненностью подтверждают и иллюстрируют причину того отношения крестьян к их земельным наделам, которое, по словам В. И. Ленина, выражалось в том, что «...крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже *откупаясь* от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность»³.

Так конкретно выясняется важное обстоятельство (выводы делаются по отдельным районам Европейской России), объясняющее весьма быстрые темпы роста городов Европейской России, — «обращенность» крестьян к городу, в котором они надеялись найти необходимые им жизненные средства.

Далее перед исследователем вставал вопрос: какими обстоятельствами более всего определялась эффективность пользования крестьянским наделом? В книге П. Г. Рындзюнского эта проблема освещается путем исчисления частных коэффициентов множественной корреляции. Получились интересные выводы. Эффективность надела зависела больше от того, насколько крестьяне оставались верными сельскохозяйственным занятиям, в гораздо меньшей степени она зависела от плодородия земли и совсем не корректировалась размерами надела. Хотя здесь представлена лишь общая картина, в этих любопытных показателях заложен ответ на вопрос, почему масса крестьян в условиях страшного малоземелья не только не «цеплялась» за свой надел, но и нередко старалась избавиться от него.

Все упомянутые выше исчисления П. Г. Рындзюнского имеют, как он и сам признает, тот весьма важный недостаток, что основываются на «средних» показателях. Есть основание, однако, предполагать, что эти осредненные показатели близки к характеристике неимущих слоев деревни, поскольку они численно преобладали в сельском населении.

С целью воссоздания облика крестьянских хозяйств и характеристики их структуры, а также для уяснения глубины социального раскола в сельской среде изучены материалы бюджетных обследований ряда губерний, наглядно показавшие приметность пролетаризации деревни и роста в ней капиталистически цепких хозяев. Для крестьянской семьи все более решающими по значению становились промысловые заработки, без которых не могло уже осуществляться и само земледелие (с. 80).

Степень отхода крестьян от деревенских занятий, время отлучки и дальность ее все более становились главным обстоятельством, определявшим эффективность крестьянского наделного земледелия. Порой из деревень, по словам самих жителей, уходило «до половины взрослых мужчин».

В социальном отношении производство на своей земле и работа «на стороне» — полярные элементы сложносоставного крестьянского хозяйства (с. 94).

Какова была классовая и сословная структура городского и негородского населения? — это центральный вопрос, разрешаемый в последующих разделах книги П. Г. Рындзюнского. Ориентиром для его изучения служат таблицы о статистике занятий, составленные В. И. Лениным по материалам переписи населения России 1897 г.⁴ В ленинских таблицах, однако, нет дифференциации населения на городское и негородское. Определенная работа по уточнению такой дифференциации осуществлена в монографии П. Г. Рындзюнского, причем не только в масштабе Европейской России в целом, но и по отдельным ее регионам.

Автор указывает, что до него это попытался сделать Л. М. Иванов⁵. Таблицы, составленные Л. М. Ивановым, однако, не дифференцированы по географическому признаку: он отдельно рассмотрел только население Москвы, Киева, а также Владимира, Иваново-Вознесенска и Славяносербска, в качестве примеров городов, резко отличавшихся по своему типу.

Исследование различия социального и вместе с тем экономического облика городов и негородов осложнено тем, что в числе последних резко выделялись крупные промышленно-торговые пункты со значительным количеством населения. П. Г. Рындзюнский приложил много усилий для того, чтобы выделить такие пункты на основе данных о

³ Там же, т. 4, с. 431.

⁴ Там же, т. 3, с. 501—506.

⁵ Иванов Л. М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России. В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971, с. 312—340.

величине оборотных капиталов в промышленности и торговле (сведения об этом получены из многотомного издания: «Торговля и промышленность Европейской России по районам», 1909—1910). Хотя в силу технических обстоятельств эту работу по обнаружению негородских промышленно-торговых центров удалось осуществить далеко не полно, выявлено все же 2896 таких центров в Европейской России с числом жителей в 9,4 млн. человек против 631 города с 12,1 млн. жителей.

Таким образом в монографии П. Г. Рындзюнского сопоставляется структура населения не двух, а трех родов поселений: городов, негородских промышленно-торговых центров и остальных сельских местностей.

Особое значение, главным образом в историографическом плане, имеет сопоставление городов и негородских крупных промышленных и торговых селений. Дело в том, что во многих исследованиях о городах давал о себе знать упрощенный экономический подход. В городах видели лишь места сосредоточения промышленной и торговой жизни, и на этой основе возникла тенденция в исследованиях сливать с городами сельские промышленно-торговые центры, которые именовались «истинными городами» (указанная тенденция, например, сильно дала о себе знать в исследовании В. П. Семенова-Тян-Шанского «Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии». СПб, 1910). Подобное упрощенное толкование определяющего признака городов, на основе узкого экономизма дает о себе знать и в ряде современных советских исследований.

Порой у нас бытует упрощенное понимание особенностей городов — они почему-то оцениваются как места промышленности и торговли с массой «народа». Работа П. Г. Рындзюнского борется с таким узким и односторонним определением. Город — это не только экономическая категория, утверждает автор монографии, город — это сложный социально-экономический организм, узел торгово-промышленной и духовной жизни, очаг классовых столкновений. Город отличается от негородских поселений не только сферой деятельности населения, но и сословным строем, административным управлением, уровнем просвещения и культуры. Город, оказывается, заметно выделялся в производственно-экономическом отношении даже среди наиболее близких к нему из негородских поселений крупных торгово-промышленных пунктов. Наиболее сильно городское предпринимательство преобладало над негородским в неземледельческой полосе, где превосходство городов в промышленной сфере достигало, по подсчетам исследователя, трехкратного размера, а в торговле — почти в 28 раз! В иных географических полосах соотношение гораздо более умеренное (с. 142). Вообще, как выясняется из подробного анализа материалов податной статистики и других источников, города обладали гораздо более многообразной экономической основой, чем негородские торгово-промышленные пункты. Отсюда различия и социально-профессиональные структуры их населения. Но чем порождались их различия? Автору, на наш взгляд, удалось верно подметить две главные причины:

1) города в большинстве случаев имели более длительный период существования как центры, обслуживающие в торгово-промышленном отношении и свое население, и прилегающие к ним округа, что создавало предпосылки для отраслевого разнообразия предприятий. В книге прослежена и обозначена своеобразная закономерность: большой размер торговых капиталов, который перекрывал иногда размеры промышленных капиталов, характерен для «старых» городов; основательное же превосходство промышленных капиталов над торговыми, наоборот, более типично для тех населенных пунктов, которые сравнительно поздно были признаны городами (с. 145);

2) многие негородские центры, напротив, возникли как следствие хозяйственной деятельности и предпринимательства лишь одного или нескольких промышленников, торговцев, либо местных крупных землевладельцев с характерной в этом случае специализацией хозяйства и давлением монопольных интересов местного собственника, которое сказывалось не только в области экономической, но и во всей общественной жизни поселения (см. с. 148—149).

Наблюдения за распределением капиталов, обращавшихся в промышленности, по ее отраслям, показали, что рассредоточенность их в городах, оказывается, была более чем в 18 раз сильнее, чем в промышленных селениях, и в 1,5 раза значительнее по видам торговли (с. 148). Важность этих выводов заключается в том, что они противостоят упрощенному пониманию специфики городов. Несходство экономической базы

двух типов поселений, как отмечает автор, находило свое отражение в большем развитии административной и общественной жизни в городах по сравнению с селениями, не считавшимися городами.

Социально-профессиональная структура городского и негородского населения обрисовывается в книге путем их контрастного сопоставления на основе подсчетов по Всероссийской переписи 1897 г. Автор подробно остановился на методике и основных результатах ленинского анализа данных этой переписи⁶, который стал (как прямо указано на с. 136) руководящим началом его собственной работы. П. Г. Рындзюнский детально сопоставил социально-профессиональный состав населения в городах и негородских местностях не только по губерниям и их группам, но частично и по отдельным уездам. Обобщающие данные о сходстве и различии социально-профессиональных структур населения городских и сельских поселений выражены в коэффициентах корреляции. Коэффициенты повсюду (кроме группы северных губерний) отрицательные, что показывает различие облика горожан и негорожан в социальном плане. Существенно, что несходство структур усиливается в промышленных районах. Этим подчеркивается, что специфика городского общественного строя сложилась главным образом на индустриальной основе. Для комментирования коэффициентов корреляции исчислены также тренды распределения городского и негородского населения по группам занятий. Здесь осуществлен новаторский прием исчисления трендов на основе степенной функции. Это открывает возможность познать, под каким преимущественно воздействием возникал тот или иной показатель корреляции распределения населения по занятиям в городах и негородских местностях. В близлежащих вокруг Москвы губерниях, например, в противоположность другим промышленным регионам отрицательный коэффициент оказался очень низким. Тренды распределения разъясняют причины этого парадокса: они показывают, что сближение структур произошло по причине широкого распространения промышленной работы в сельском населении подмосковных губерний.

Читателя монографии П. Г. Рындзюнского привлекут к себе суждения автора о взаимосвязанности торгового и промышленного буржуазного предпринимательства. В решении этого вопроса им учитывается указание К. Маркса, что было время, когда капиталистическая эксплуатация производителей осуществлялась не в самом процессе производства, а «посредством покупки продукта их труда»⁷. С этим положением Маркса тесно связывается ленинская характеристика отдельных этапов взаимоотношения полусамостоятельных деревенских производителей со скупщиком, причем на известных этапах скупщик одновременно выступал как представитель торгового и промышленного капитала (с. 140).

В последней, 4-й главе — «Крестьяне и горообразованиельные процессы» — изучение проблемы построено на почти не тронутых еще до этого архивных первоисточниках, что в сочетании с изданными материалами позволило рельефно изобразить роль крестьян в росте городов и их населения в различных формах. Каких? То были:

- 1) временные (на деле часто длительные, тянувшиеся десятилетиями) приходы крестьян в города, в форме отходничества, без изменения сословного статуса крестьян;
- 2) приходы крестьян на фактическое жительство в города, отчего они в статистике считались жителями городов;
- 3) массовые переходы крестьян в городские сословия вследствие образования из сел новых городов и городского типа поселений.

Все эти три формы последовательно изучаются в монографии. Вместе с тем по выявленному архивному материалу центральных учреждений исследуется направление правительственной политики, пытавшейся регулировать в консервативном духе горообразованиельные процессы. К традиционным способам исследования отходничества на основе паспортной статистики присоединяется еще мало затронутая в плане изучения данной темы земская статистика. Выяснилось, что к концу XIX в. в крестьянском отходе работа в крупных промышленных заведениях не занимала большого места, как в силу того, что само производство не могло поглотить полностью громадные кадры

⁶ См.: Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 501—506.

⁷ См.: Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, с. 47—48.

безработных, созданные аграрным перенаселением России, так и потому, что связанные с деревней крестьяне реже принимались на работу в крупные заведения, нуждавшиеся в постоянной рабочей силе (они отталкивались от фабричной работы и оттеснялись капиталистическими предпринимателями, которым требовались кадры потомственного пролетариата, соответствовавшие условиям современного производства).

Сведения о крестьянах — уроженцах городов и вселившихся в них извне — условно принимаются как данные о двух поколениях крестьян, пополнявших ряды горожан. Сопоставление численности «старого» и «нового» поколения горожан с профессиональной структурой городов позволяет сделать предположение, что второе поколение в отличие от первого более притягивалось в города, имевшие развитую промышленность. Таким образом, в более позднее время, в эпоху зрелого капитализма, горообразование за счет вселения в города сельского люда основывалось преимущественно на промышленной основе.

История создания новых городов из сельских поселений отражает резкое столкновение различных влияний на подготовку преобразований. В их числе:

— стремление рядовых жителей селений улучшить свое положение за счет изменения своего сословного статуса, ликвидации произвола властей, фактических владельцев этих селений;

— противодействие феодальных по своему происхождению собственников, у которых сохранялись «доходные статьи» в крупных селах после ликвидации крепостничества. Проявляя безудержное корыстолюбие, названные собственники мешали (это часто являлось решающей причиной неудач с образованием новых городов) становлению городского хозяйства и коммунального управления; такой же линией поведения отличались и фабриканты, верховодившие в фабричных селениях;

— консервативная политика царской администрации, которая отказывалась видеть в образовании городов важное общественное дело, не решалась ущемлять «имущественные права» частных владельцев, страшно затягивала процедуру рассмотрения вопроса о присвоении крупным селениям статуса города. Обильный материал о возбуждении дел о создании новых городов, использованный в книге, и острота борьбы по этому вопросу показывают, насколько значительна была потребность широких масс в положительном решении вопроса. Царская администрация, однако, упорно тормозила процесс горообразования. Ходатайства о предоставлении крупным промышленным селам статуса города удовлетворялись только в редких случаях. Лишь малая часть просьб о переводе крестьян в полноправные горожане получила положительное решение. В монографии это рассматривается главным образом на материале колоритных архивных документов (более всего из фонда хозяйственного департамента Министерства внутренних дел).

Судя по содержанию книги и имеющимся там таблицам, автор обошел в своем анализе Кубань, Ставрополье, Терек и Дагестан. Приходится пожалеть, что он не посетовал за В. П. Семеновым-Тянь-Шанским и не включил в свои расчеты и Северный Кавказ. П. Г. Рындзюнский и сам признает, что в «научном отношении районирование, предложенное Семеновым-Тянь-Шанским, несомненно, значительно выше прежнего традиционного административного деления» (с. 129). К исследованию положения в обобщенных в книге районах побуждают (что гораздо важнее), и необычайно выразительные, рельефные характеристики Кавказа в «Развитии капитализма в России» В. И. Ленина, где прямо сказано и о процессе отвлечения населения от земледелия к промышленности и о росте городского населения Кавказа и о том, что «то же самое происходило и происходит и в Средней Азии, и в Сибири, и т. д.»⁸

Если же ограничиться пределами традиционно изучаемой Европейской России, то здесь, очевидно, надо бы провести сопоставления (к чему стремился В. И. Ленин, изучая крестьянские указы о земле) таких разных местностей, как «район подворного и общинного землевладения, районы великорусские и инонациональные районы, районы центра и районы окраин, районы, не знавшие крепостного права, и пр.»⁹ применительно к поставленной в книге проблеме.

⁸ См.: Ленин В. И. ПСС, т. 3, с. 594—595.

⁹ Там же, т. 34, с. 108.

Что же касается процессов горообразования, то нельзя не учитывать, что они протекали в многонациональной среде. Как видно из «Правил внутреннего распорядка на Терских нефтяных промыслах», капиталистам приходилось считаться с тем, что в составе лиц, занятых по найму, было много горцев Терка и Дагестана и всего Кавказа, поволжских татар и других рабочих «мусульманской веры», и предусматривать (со ссылкой на закон 2 июня 1897 г.), что «праздничными днями для рабочих иных исповеданий считаются их годовые праздники» и что они «также могут праздновать один раз в неделю вместо воскресного дня, сообразно закону их веры»¹⁰.

При всей важности изучения крестьянского хозяйства, земледельческого труда и «промыслов», разбора материалов бюджетных обследований, выяснения по переписи социально-профессионального состава населения, четкого формулирования характеристик горообразовательных процессов, нам, очевидно, никуда не уйти от главного вопроса: как менялся сам человек — крестьянин, — его внутренний мир, образ жизни, социальная психология в ходе ломки старых устоев его существования? Исследование проблемы «Крестьяне и город в капиталистической России», в частности вопроса о взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе страны, прямо подвело к решению указанного вопроса.

Хотя автор и ссылается на ленинское замечание относительно того, что после падения крепостного права с развитием городов, ростом фабрик и заводов, строительством железных дорог, утверждением капитализма в России «на смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся „начальства“ крепостному крестьянину выросло новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы»¹¹, само «новое поколение крестьян» пока еще явственно не предстало перед читателем книги П. Г. Рындзюнского.

Не изучено должным образом (и нам остается лишь догадываться), как, хотя бы приблизительно, крестьяне многочисленных национальностей и народностей страны (с учетом особенностей уклада жизни, традиций, вероисповедания и т. п.) сами смотрели на свое житье-бытье? В чем и насколько ощутимо проявились различия и общность во взглядах и действиях крестьян, тянувшихся уже к передовым наемным сельскохозяйственным рабочим, с любопытством слушавших порой и революционера-подпольщика, и хозяев, прочно привязанных к существовавшей системе, привычкам и традициям, рожденных старым укладом жизни? Что более всего волновало крестьян? Какие проблемы стояли перед ними и как они решали их (в связи с ростом и усилением влияния городов, потребностями социально-экономического развития страны и нуждами собственного хозяйства)? Менялись ли от поколения к поколению настроения и представления масс под воздействием города?

Значение массовой документации, исходящей от крестьян, для раскрытия их внутреннего мира, горестей, надежд, социальной психологии, культуры может быть уяснено, лишь если взяться за изучение самих первоисточников в местных и центральных архивах и попытаться охватить все разнообразие распорядительно-исполнительной и уведомительно-просительной переписки сельских, волостных и уездных властей, особенно мирские приговоры — письменные решения крестьянских сходов по волновавшим их вопросам, касательно распределения угодий, решения семейно-бытовых конфликтов, вызванных отходом «на сторону», увольнения из общины, выдачи «билетов», «письменных видов» и других документов по случаю отлучки из деревни, станицы, аула и собственные прошения самих крестьян.

Почувствовать сейчас настроения людей, порывавших в ту пору с родным очагом, воссоздать народную «картину мира», как она представлялась крестьянской массе, во всей ее мятежной простоте, наивности и целостности, наверное, нельзя. Но приблизиться к пониманию крестьянского мировидения, обусловленного характером их эксплуатации, образом жизни, религией, изменениями природной среды, ломкой традиций (как следствия сдвигов в общественном строе и роста чувства собственного достоинства) в какой-то мере можно, даже когда все это преломлено и по своему истолковано в документах представителей господствовавших классов, в церковных и жандармских источ-

¹⁰ Труды Первого съезда терских нефтепромышленников. Грозный, 1898, с. 80.

¹¹ Ленин В. И. ПСС, т. 20, с. 141. Разрядка моя.— В. К.

никах. Тем более следует вовлечь, наконец, в оборот такую разновидность массовых источников, как жалобы, прошения, разного рода заявления и показания, исходящие от самих крестьян (включая «сквернословия» в адрес чиновников, фабрикантов и самого императора): «бумаги», составленные сельскими и волостными писарями; реликты, возникшие так или иначе под воздействием возбужденной массы народа.

Ведь в одном только фонде губернского присутствия в Госархиве Харьковской области (сильно пострадавшем в период Великой Отечественной войны) среди уцелевших более 79,5 тыс. дел множество документов содержит данные о рассмотрении заявлений и жалоб крестьян и их уполномоченных по вопросам, прямо связанным с изучаемой проблемой градообразования, колоритно отразивших их взгляды и переживания.

Введение в круг источников поговорок, народных пословиц XIX — начала XX в., остроумных высказываний рабочих и крестьян той поры по жизненно важным для них проблемам обогатило бы наши представления об общественно-политической мысли трудовых масс, их взглядах на свою собственную судьбу. Это, кстати, прекрасно понимает и сам автор.

В настоящей работе изучен, как он считает, только один аспект проблемы — экономические и социальные отличия и взаимоотношения деревни и города в России преимущественно в последние годы XIX в. Автор подчеркивает, что «исследованиями, охватывающими всю территорию Европейской России, можно сделать лишь ограниченный вклад в освещение проблемы. Большая роль должна принадлежать локальным изучениям» (с. 15). И было бы хорошо, если бы вслед за работой «Крестьяне и город» появились со временем монографии, развивающие начатое дело. Однако и в таком случае труд П. Г. Рындзюнского нельзя рассматривать только лишь как «прикосновение» к теме (или «вхождение» в нее). Скорее, это «вторжение» в почти неразработанную до сих пор проблематику и успешное завоевание плацдарма для дальнейшего продвижения вперед.

Несомненная заслуга П. Г. Рындзюнского в том, что он, опираясь на материалы Всеобщей переписи России 1897 г., данные промыслового обложения (главным образом по изданию «Торговля и промышленность Европейской России по районам»), бюджетные обследования крестьянских хозяйств и выявленные им архивные документы Департамента окладных сборов (из фондов Министерства финансов) и Хозяйственного департамента МВД, впервые в советской науке так обстоятельно и глубоко рассмотрел в свете ленинской методологии проблему взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России эпохи капитализма и сумел раскрыть, сколько еще таится в источниках неведомой нам информации, в частности фактов относительно подспудных причин и предпосылок выхода крестьян из сельских поселений и перехода их в город, значение которых только и выясняется с появлением трудов подобного рода!

Уместно заметить, к слову, что само появление новой книги П. Г. Рындзюнского — результат содружества и его споров с другим крупным советским исследователем — И. Д. Ковальченко, который является ее редактором.

Обогатили новое исследование и устоявшиеся уже, казалось бы, представления о различиях социально-экономических структур городских и сельских местностей по разным районам Европейской России. Без учета результатов работы П. Г. Рындзюнского, основывающихся на тщательном разборе социально-экономических и правовых условий отходничества в город, истории становления новых городов, вряд ли теперь кто обойдется.

Новая книга — бесспорное достижение отечественной историографии.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ
К ГЕНЕРАЛЬНОМУ МЕЖЕВАНИЮ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ
В ВОТРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА
[Опыт количественного анализа]**

Проблемы кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства и утверждения капиталистических отношений в России, включая и сельское хозяйство, в котором было занято подавляющее число населения страны, до сих пор остаются дискуссионными в современной советской историографии¹. При изучении российской истории второй половины XVIII в. основным является вопрос о том, исчерпаны ли были ресурсы феодально-крепостнической системы в аграрной сфере и в какой степени можно говорить о ее разложении в этот период. Одна из сторон этой проблемы сводится к тому, сохранялись ли в том или ином регионе резервы экстенсивного роста пашенных земель, который был условием успешного функционирования сельскохозяйственного производства в рамках господствовавшей в России системы трехпольного севооборота.

В данной работе автор поставил задачу рассмотреть соотношение земельных угодий на основе данных Экономических примечаний к Генеральному межеванию — массового источника по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейской России второй половины XVIII в.

Материалы Экономических примечаний неоднократно использовались в работах советских историков, были подвергнуты и специальному источниковедческому исследованию². Однако еще не было попыток обработать Примечания с помощью методов

¹ См. дискуссии на страницах журналов «История СССР» (1961—1966 гг.) и «Вопросы истории» (1966—1967 гг.). См. также: Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980; Орлов А. С. Вопросы социально-экономической истории в книге «Эволюция феодализма в России». — История СССР, 1982, № 3.

² Мешалин И. В. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII — первой половине XIX в. М.—Л., 1950; Разгон А. М. Торгово-промышленные села и слободы Владимирской губернии во второй половине XVIII в. — Исторические записки, т. 32. М., 1950; Нерсесова Э. А. Экономическое состояние Костромской, Переславль-Залесской и Юрьевской провинций Московской губернии по хозяйственным анкетам 1860 г. — Исторические записки, т. 40. М., 1952; Барсуков Н. А. Полотняная промышленность Костромской губернии во II половине XVIII в. — Ученые записки МГУ, вып. 156, 1952; Казарина М. А. Крепостное хозяйство в Тульской губернии в конце XVIII в. Автореф. канд. дис. М., 1952; Рябков Г. Т. Развитие капиталистических отношений в крепостном хозяйстве в конце XVIII — первой половине XIX в. (по материалам Государственного архива Смоленской обл.). Автореф. канд. дис. М., 1952; его же. Сокращение пашни в наделах помещичьих крестьян Смоленской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г. Вильнюс, 1965; его же. Крестьянское хозяйство в конце XVIII — первой половине XIX в. (по материалам Смоленской губ.). К истории генезиса капитализма в сельском хозяйстве. Автореф. докт. дис. М., 1970; Полянский Ф. Я. Экономический строй мануфактуры в России XVIII в. М., 1956; Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957; Милов Л. В. О вариантах «Экономических примечаний» второй половины XVIII в. — История СССР, 1957, № 2; его же. Исследование об «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию». М., 1965; Ковальченко И. Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). М., 1959; Булыгин И. А. Положение крестьян и товарное производство в России. Вторая половина XVIII в. (по материалам Пензенской губернии). М., 1966; Недосекин В. И. Социально-экономическое развитие Черноземного Центра России во второй половине XVIII в. Автореф. докт. дис. М., 1968; Федоров В. А. Помещичьи крестьяне Центрально-Промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX века. М., 1974; Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда, 1976; Крутиков В. И. Об изменении размера наделов помещичьих крестьян в первой половине XIX в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1969 г. Киев, 1979.

количественного анализа (применительно к статистическим источникам эти методы позволяют выявить взаимосвязности между показателями, характеризующими различные стороны, черты и свойства массовых объектов) ³. Экономические примечания к Генеральному межеванию предоставляют обширные возможности для использования математических методов, в первую очередь благодаря своему систематическому характеру, табличному построению (сведения о населении в «дачах», количестве дворов, размерах земельных угодий).

Одной из разновидностей Экономических примечаний являются так называемые уездные табеля. Это — таблицы, в которые сведены поуездные данные (т. е. цифровой материал по отдельным «дачам» суммирован в рамках уезда по категориям земель — владельческим, экономическим, дворцовым и т. д.). Во второй половине XVIII в. табеля составлялись к Кратким экономическим примечаниям (в очень редких случаях — к Полным примечаниям и Примечаниям к Генеральным планам) ⁴. В данной статье подвергнуты корреляционному анализу сведения поуездных табелей второй половины XVIII в. о размерах различных видов земельных угодий — усадьбы, пашни, сенокоса и леса. Главный вопрос при этом состоит в том, имело ли место в каком-либо регионе расширение пашни и, если да, то за счет каких угодий оно происходило. Рост пашенных земель за счет лесов (при их большом количестве) должен свидетельствовать о существовании резервов для расширения пашни. Иное дело, если такой рост происходил за счет сенокоса. Пашня и сенокос — основные сельскохозяйственные угодья — при трехпольной системе земледелия тесно зависели друг от друга: наличие сенокосных земель было условием для развития скотоводства (источника тягловой силы и удобрений). Поэтому для нормального ведения сельскохозяйственного производства при трехпольном севообороте было необходимо определенное отношение между пашенными и сенокосными землями. Агрономическая литература такими соотношениями считает: 1 : 3 (на единицу пашни — три единицы сенокоса), 1 : 2, а как «минимально нормальное» — 1 : 1 ⁵. Если пашня растет за счет сенокосов при нормальном соотношении этих угодий, это означает, что сохраняются резервы для расширения пашни; если же при нарушенном — налицо тенденция к подрыву сельскохозяйственного производства в рамках трехполья.

Для исследования были выбраны три региона. Первый из них включает 21 уезд Ярославской и Костромской губерний, за исключением шести восточных уездов Костромской губернии — Варнавинского, Ветлужского, Кадыйского, Кологривского, Макарьевского и Солигаличского, — где лес преобладал над пашней. В дальнейшем этот регион условно именуется Нечерноземным. Во второй регион — Северо-Восточный Черноземный — входят южная часть Нижегородской губернии (Ардатовский, Арзамасский, Лукояновский, Перевоозский, Починковский и Сергачский уезды), северные части Пензенской (Верхнеломовский, Инсарский, Керенский, Краснослободский, Нижнеломовский, Наровчатский, Саранский, Троицкий и Шекшевский уезды) и Тамбовской (Елатомский, Моршанский, Спасский, Темниковский и Шацкий уезды) губерний и Сапожковский уезд Рязанской губернии (всего 21 уезд). Третий регион — Черноземный лесостепной — включает в себя Скопинский и Данковский уезды Рязанской губернии; Лебедянский уезд Тамбовской губернии; Тульскую губернию (за исключением Алексинского, Каширского и Тульского уездов); Болховский, Деш-

³ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979, с. 8—9.

⁴ В ЦГАДА сохранились табеля, составленные к Кратким и Полным примечаниям и Примечаниям к Генеральным планам по Вологодской, Костромской, Курской, Нижегородской, Олонецкой, Пензенской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Ярославской губерниям — полностью; Витебской, Воронежской, Могилевской, Новгородской, Орловской, Петербургской, Рязанской, Харьковской губерниям — частично. Отсутствует данный тип табелей в Примечаниях по Владимирской, Калужской, Московской, Псковской, Тверской губерниям. Табеля встречаются как в виде отдельных дел, так и (чаще) вместе с соответствующими Экономическими примечаниями. По остальным губерниям России Экономические примечания второй половины XVIII в. не составлялись.

⁵ См.: Советов А. О. О системах земледелия. СПб., 1867, с. 169, 179—181; Миллов Л. В. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961 г. Рига, 1963, с. 287.

Таблица 1

Удельный вес угодий (в %) и соотношение пашни и сенокоса

	Усадьба	Пашня	Сенокос	Лес	Неудобная земля	Сенокоса (дес.) на 100 дес. пашни
Нечерноземный регион						
Во всех землях	1,2	39,9	7,2	47,8	3,9	18,0
Во владельческих	1,0	36,4	6,7	52,4	3,5	18,3
Северо-Восточный Черноземный регион						
Во всех землях	1,5	39,6	7,1	48,4	3,4	18,0
Во владельческих	1,7	42,8	7,1	44,6	3,8	16,7
Черноземный лесостепной регион						
Во всех землях	2,7	69,8	7,4	16,7	3,4	10,6
Во владельческих	2,7	69,0	7,7	17,5	3,2	11,1

кинский, Дмитриевский, Кромский, Малоархангельский, Мценский и Орловский уезды Орловской губернии и Дмитриевский, Фатежский и Щигровский уезды Курской губернии (всего 22 уезда). Выделение двух черноземных регионов обусловлено процентным соотношением земельных угодий (см. табл. 1) ⁶: для уездов Северо-Восточного Черноземного региона характерен высокий удельный вес лесов и пашенных земель и низкий — сенокосов; уезды же Черноземного лесостепного региона отличаются преобладанием пашенных угодий и незначительной долей сенокосов и лесов.

Северная граница Северо-Восточного Черноземного региона и северная и западная границы Черноземного лесостепного представляют собой северную границу распространения чернозема. Восточная граница Северо-Восточного Черноземного региона совпадает с восточными границами Нижегородской и Пензенской губерний. Его южная граница и южная и восточная границы Черноземного лесостепного региона отделяют уезды, для которых характерно большое количество сенокосных и пастбищных земель и пашни и почти полное отсутствие лесов (т. е. степные или находящиеся на пограничье со степью).

Для каждого уезда было выделено по пяти абсолютных показателей: 1) количество усадебной земли, 2) пашни, 3) сенокоса, 4) леса, 5) всей земли. Привлекались две группы показателей: по всему уезду и по владельческим землям ⁷. Для каждого уезда также вычислены по четыре относительных показателя — доля каждого угодья во всей земле (в %): 1) усадьбы, 2) пашни, 3) сенокоса, 4) леса. Затем на ЭВМ были получены коэффициенты корреляции между всеми относительными показателями в каждом регионе ⁸.

Из таблицы 1 видно, что процентное соотношение основных сельскохозяйственных угодий — пашни и сенокоса — во всех трех регионах было далеким от нормального: в

⁶ Все приведенные в тексте и таблицах относительные показатели и вычисленные коэффициенты корреляции основаны на материалах: ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, л. 497, 505, 512, 513, 520, 524, 528, 534, 545, 547, 573, 682, 683, 700, 795, 801, 827, 840, 842, 849, 946, 958, 962, 987, 999, 1004, 1007, 1028, 1037, 1041, 1044, 1060, 1066, 1076, 1079, 1086, 1211, 1237, 1246, 1582, 1611, 1630, 1643, 1653, 1670, 1753, 1774, 1786, 1793, 1801, 1834, 1839, 1841, 1863, 2078, 2080, 2085, 2091, 2095, 2104, 2105, 2108, 2109, 2110, 2116, 2121, 2125.

⁷ Показатели по владельческим землям не учитывают данных таких граф таблицей, как «владельческие с экономическими», «владельческие с дворцовыми», «владельческие с однодворческими», поскольку в них суммированы данные дач, в которых различные категории земель не были размежеваны отдельно, и потому неизвестно количество угодий, населения и дворов, относящихся к определенной категории земель.

⁸ Если коэффициенты, показывающие связь между долями двух каких-либо угодий во всей земле, оказываются отрицательными, это дает право предполагать рост одного из них за счет другого. Поскольку в качестве исходных взяты поузедные данные, т. е. единица измерения является достаточно крупной, следует заметить, что корреляционный анализ может зафиксировать лишь многолетние процессы во взаимоотношении угодий, идущие, по крайней мере, с первой половины XVIII столетия.

Взаимосвязь удельного веса угодий во всей земле*

Владельческие земли	Все земли			
	Коэффициенты корреляции 0,...			
	1	2	3	4
Нечерноземный регион				
1. Усадьба	x	84	33	-86
2. Пашня	75	x	22	-95
3. Сенокос	45	34	x	-49
4. Лес	-79	-93	-63	x
Северо-Восточный Черноземный регион				
1. Усадьба	x	79	26	-76
2. Пашня	70	x	54	-98
3. Сенокос	26	57	x	-67
4. Лес	-67	-93	-67	x
Черноземный лесостепной регион				
1. Усадьба	x	-02	-12	-02
2. Пашня	-23	x	18	-100
3. Сенокос	-54	27	x	-32
4. Лес	13	-91	-47	x

* Правая верхняя часть таблицы — все земли, левая нижняя — владельческие земли.

Нечерноземном оно равнялось 1:0,18 (как по всем землям, так и по владельческим); в Северо-Восточном Черноземном — 1:0,18 — по всем землям и 1:0,17 — по владельческим; в Черноземном лесостепном — 1:0,11 — в обоих случаях. Но коэффициенты корреляции (см. табл. 2) между удельным весом пашенных и сенокосных земель во всех случаях являются положительными — в Нечерноземном регионе: +0,22 — по всем землям и +0,34 — по владельческим; в Северо-Восточном Черноземном: +0,54 и +0,57, в Черноземном лесостепном: +0,18 и +0,27. Таким образом, нет оснований предполагать рост пашенных земель за счет сенокосов ни в одном из рассматриваемых регионов. Иначе выглядит взаимосвязь удельного веса пашни с удельным весом лесных угодий (см. табл. 2). Для Нечерноземного региона (удельный вес леса 47,8%, пашни — 39,9%) коэффициенты корреляции равны: -0,95 — по всем землям и -0,93 — по владельческим; для Северо-Восточного Черноземного (удельный вес леса 48,4%, пашни — 39,6%): -0,98 и -0,93; для Черноземного лесостепного (удельный вес леса 16,7%, пашни — 69,8%): -1,00 и -0,91.

Столь сильная отрицательная связь делает неизбежным вывод о том, что главным источником роста пашенных земель во всех трех категориях были лесные угодья. Очевидно, незначительное количество сенокосов делало их распашку нецелесообразной. По-видимому, распашка сенокосных угодий была характерна в основном для степных территорий, где они были значительны (здесь в графу «сенокос» заносились обширные пастбищные земли)⁹ — как раз в степных областях это явление и прослежено в первой половине XIX столетия¹⁰. Вместе с тем надо учитывать, что в отличие от Нечерно-

⁹ О соотношении пашни и сенокоса в губерниях Европейской России второй половины XVIII в. см.: Милов Л. В. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в., с. 287.

¹⁰ Так, по данным, приведенным И. Д. Ковальченко, со времени Генерального межевания до 50-х гг. XIX в. в нестепной Рязанской губернии площадь сенокосов увеличилась, а их соотношение с пашней осталось на прежнем уровне (так как площадь последней также выросла), в то время как в Тамбовской губернии, большую часть которой составляли степные уезды, количество сенокосных земель уменьшилось более чем вдвое, а их соотношение с пашенными угодьями упало с 1:0,77 до 1:0,21 (см.: Ковальченко И. Д. Указ. соч., с. 30).

земного и Северо-Восточного Черноземного регионов, где лесные земли занимали около половины территории и служили резервом расширения пашни, в Черноземном лесостепном регионе лесов во второй половине XVIII в. уже было сравнительно мало, и можно сказать, что резервы расширения пашни путем освоения лесных угодий истощались. Поэтому не исключено, что более низкие коэффициенты взаимосвязи между удельными весами пашни и сенокоса в Черноземном лесостепном регионе и худшее численное соотношение этих видов угодий свидетельствуют о том, что здесь наметилась тенденция к нарушению их относительной сбалансированности, прослеживаемой в двух других регионах.

Взаимосвязь между удельным весом сенокоса и леса во всех случаях отрицательна (в Нечерноземном регионе: $-0,49$ — по всем землям и $-0,63$ — по владельческим; в Северо-Восточном Черноземном: $-0,67$ и $-0,67$, в Черноземном лесостепном: $-0,32$ и $-0,47$). Для Нечерноземного и Северо-Восточного Черноземного регионов отрицательные коэффициенты могут быть объяснены большой разницей между долями леса и сенокоса во всей земле; в наиболее обеспеченных лесом уездах процент сенокосных земель, количество которых невелико, неизбежно должен снижаться. Но для Черноземного лесостепного региона такое объяснение неприемлемо, так как здесь доля лесов также была незначительной. В данном случае отрицательная взаимосвязь, по-видимому, объясняется тем, что леса были резервом для расширения не только пашни, но и сенокосных угодий, — расширения, нужда в котором возрастала в связи с ростом пашни, что без увеличения сенокосов приводило бы к дальнейшему ухудшению соотношения этих двух видов угодий, и без того почти катастрофического¹¹. Не исключено, что в двух других регионах расширение сенокосных площадей за счет лесов также имело место, поскольку в них тоже наблюдался рост пашенных земель, порождавший необходимость такого расширения, хотя соотношение пашни и сенокоса здесь и было несколько лучше, чем в Черноземном лесостепном регионе¹².

Коэффициенты взаимосвязи усадебной земли с другими угодьями в Нечерноземном регионе обнаруживают сильную положительную связь между усадьбой и пашней ($+0,84$ — по всем землям и $+0,75$ — по владельческим), что говорит о подчиненной роли усадебного хозяйства по отношению к пашенному земледелию, менее сильную положительную связь между усадьбой и сенокосом ($+0,33$ и $+0,45$) и сильную отрицательную связь между усадьбой и лесом ($-0,86$ и $-0,79$), позволяющую предполагать, что лесные угодья служили здесь также резервом расширения усадебных земель. В Северо-Восточном Черноземном регионе наблюдается практически аналогичная картина: коэффициенты взаимосвязи доли усадьбы по всей земле с долей пашни $+0,79$ — по всем землям и $+0,7$ — по владельческим, с долей сенокоса $+0,26$ и $+0,26$, с долей леса $-0,76$ и $-0,67$. Напротив, в Черноземном лесостепном регионе характер связи оказывается существенно иным. По всем землям взаимосвязь между удельным весом усадьбы и других угодий близка к нулю (с пашней: $-0,02$; с сенокосом: $-0,12$; с лесом: $-0,02$). На владельческих землях обнаруживается слабая отрицательная связь с пашней ($-0,23$), более сильная — с сенокосом ($-0,54$) и близкая к нулю — с лесом ($+0,13$).

Размеры усадебной земли в Черноземном лесостепном регионе были довольно значительны — в среднем 0,87 дес. на двор по всем землям и 0,84 дес. — по владельческим (для сравнения: в Нечерноземном регионе усадьбы на двор приходилось в среднем 0,29 дес. как по всем, так и по владельческим землям; в Северо-Восточном Черноземном — соответственно 0,56 и 0,58 дес.); достигалось это во многом за счет конопляников, которые здесь имели широкое распространение¹³. Поскольку во второй

¹¹ Данные по Рязанской губернии, приводимые И. Д. Ковальченко, говорят о том, что здесь в период с конца XVIII по середину XIX в. наблюдался рост как пашенных земель, так и сенокосов при сокращении лесов, в результате чего соотношение пашни и сенокоса осталось на прежнем уровне (см.: Ковальченко И. Д. Указ. соч., с. 30).

¹² Для некоторых областей Нечерноземья расширение сенокосов за счет расчистки лесов отмечено для XIX в. (см.: Жекулин В. С. Историческая география: предмет и методы. Л., 1982, с. 135—137).

¹³ См.: Рубинштейн Н. Л. Указ. соч., с. 273—276; Сивков К. В. Материалы по истории сельского хозяйства России второй половины XVIII века. М., 1982, с. 170, 176.

половине XVIII в. растет роль конопли в экономике крестьян Черноземного лесостепного региона¹⁴, наиболее вероятным будет предположение, что отрицательные коэффициенты взаимосвязи удельного веса усадьбы с удельным весом пашни и сенокоса у владельческих крестьян объясняются тем, что посевы конопли могли расширяться за счет сенокосных земель, а возможно, и за счет пашни.

В целом корреляционный анализ взаимосвязи между различными типами сельскохозяйственных угодий по трем регионам Европейской России говорит о том, что и в Нечерноземном (губернии Ярославская и часть Костромской), и в Северо-Восточном Черноземном, и в Черноземном лесостепном регионах в конце XVIII в. преобладающей была тенденция к расширению пашенных земель. Нечерноземный и Северо-Восточный Черноземный регионы по соотношению угодий очень близки друг к другу. Для обоих характерно расширение пашни, а также усадьбы и, возможно, сенокоса за счет леса при сохранении относительной сбалансированности между пашней и сенокосными угодьями (при том, что их численное соотношение было далеким от нормального). Резервы расширения пашни за счет лесных земель в этих регионах были еще значительны — удельный вес леса в них был наиболее высоким. Напротив, в Черноземном лесостепном регионе резервы расширения пашенных земель были почти исчерпаны, поскольку лесных угодий, за счет которых здесь в основном осуществлялся рост пашни и сенокоса, осталось крайне мало. В этом регионе прослеживается тенденция к подрыву относительной сбалансированности между пашенными и сенокосными угодьями, соотношение которых здесь было особенно сильно нарушенным.

Таким образом, если в Нечерноземном и Северо-Восточном Черноземном регионах еще существовали значительные резервы для функционирования трехпольной системы в условиях господства феодально-крепостнических отношений, то в Черноземном лесостепном регионе такие резервы были близки к исчерпанию.

¹⁴ См.: Рубинштейн Н. Л. Указ. соч., с. 273—274, 276.

СООБЩЕНИЯ

Ш. Р. ЗАЙНЕДИНОВ

СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА БАШКИРСКОЙ АССР В 60—70-е ГОДЫ

В условиях развитого социализма проблема изучения социальной структуры общества приобретает особую актуальность. Советскими исследователями создано большое количество фундаментальных работ, рассматривающих изменения в социальной структуре на материалах всей страны¹ и отдельных регионов и республик СССР².

Отдельным аспектам этой темы уделено внимание и в ряде обобщающих трудов по истории Башкирской АССР³. Вышли в свет монографии и статьи, изучающие развитие каждого из основных элементов социально-классовой структуры БАССР в отдельности. Наиболее глубоко и всесторонне разработан этот вопрос относительно ра-

¹ Классы, социальные слои и группы в СССР. М., 1968; Амвросов А. А. От классовой дифференциации к социальной однородности. М., 1972; Сенявский С. Л. Изменения в социальной структуре советского общества (1938—1970 гг.). М., 1973; его же. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961—1980). М., 1982; Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. М., 1976; Семенов В. С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М., 1978; Формирование социальной однородности советского общества. М., 1981; Руткевич М. Н. Становление социальной однородности. М., 1982 и др.

² Акмурадов К. Изменение социальной структуры общества в период перехода от социализма к коммунизму. Ашхабад, 1972; Аженов М. Изменение социально-классовой структуры Казахстана в процессе коммунистического строительства. Алма-Ата, 1973; Завтур А. А. Изменения в социальной структуре населения МССР. Кишинев, 1974; Очерки социального развития Советского Киргизстана (1959—1970). Фрунзе, 1974; Пуллат Р. Н. Социальная структура Советской Эстонии. Сравнительно-исторический анализ основных тенденций развития. Таллин, 1976; Проблемы социальной структуры республик Советской Прибалтики. Таллин, 1978 и др.

³ Очерки по истории Башкирской АССР, ч. 2. Уфа, 1966; Проблемы развития производительных сил Башкирии. Уфа, 1969; Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973; Территориально-производственные комплексы Башкирской АССР. Уфа, 1974; Никифоров Ю. П. Шаги нефтехимии республики. Историко-партийный очерк. Уфа, 1974; Хисматов М. Ф. Башкирия. Экономико-географический очерк. Уфа, 1979; Юсунов К. Н. Автономная республика в системе общественного воспроизводства. М., 1980; История Уфы. Уфа, 1981; Юлдашбаев Б. Х. Социалистическая нация башкир (политический и экономический аспекты проблемы). Уфа, 1981.

бочего класса⁴, в несколько меньшей степени — крестьянства⁵ и интеллигенции республики⁶.

Однако специальных работ, посвященных социальной структуре Башкирии на этапе развитого социализма, нет. В данном сообщении сделана попытка рассмотреть этот вопрос.

В течение 60—70-х гг. в Башкирии, как и во всей стране, происходили крупные изменения в развитии производительных сил и совершенствовании производственных отношений, приведшие к серьезным социальным сдвигам. Эти два десятилетия занимают особое место в истории республики.

В конце 50-х — начале 60-х гг. в стратегии партии по дальнейшему рациональному размещению производительных сил на территории страны особое внимание было уделено развитию восточных районов, в том числе и Урала⁷. В эти районы были направлены значительные материальные и людские ресурсы, что ускорило темпы экономического, социального и культурного развития региона.

Природные условия БАССР — наличие ряда месторождений нефти, газа, руд черных и цветных металлов и др. — определили роль и место республики в народнохозяйственном комплексе страны.

В 60—70-е гг. в Башкирии быстро развивалась промышленность, которая давала 66,9% совокупного общественного продукта республики⁸ и занимала большую часть самостоятельного населения БАССР⁹, отличаясь многоотраслевым характером (с различной степенью полноты здесь представлено 55% номенклатуры всех отраслей индустрии Советского Союза)¹⁰, высоким уровнем концентрации производства¹¹, преобладанием тяжелых отраслей. Удельный вес продукции группы «А» во всем объеме валовой продукции промышленности БАССР возрос с 75,5% в 1960 г. до 80% в 1980 г., в то время как по СССР в целом аналогичные данные составляли 72,5% и 73,8%¹².

Ускоренные темпы развития промышленного производства обусловили бурный рост и других индустриальных отраслей экономики БАССР — строительства и транспорта. За 1961—1965 гг. в республике было введено в действие фондов на 3277 млн. руб., капитальных вложений в народное хозяйство было сделано на 3596 млн. руб., а за годы десятилетия пятилетки аналогичные показатели составили соответственно 7553 млн. руб. и 8335 млн. руб.¹³

Непрерывно совершенствовалась транспортная сеть республики, увеличивался объем перевезенных грузов. Так, эксплуатационная длина железных дорог возросла с 1106 км в 1960 г. до 1425 км в 1980 г., объем отправленных грузов соответственно возрос с 31,1 млн. т до 58,8 млн. т. Протяженность автомобильных дорог с твердым покрытием

⁴ История рабочего класса Башкирской АССР. Уфа, 1967; Кузеев Р. Г. Рабочий класс — создатель коммунизма. Рабочий класс в Башкирии в 50—60-е годы. Уфа, 1969; его же. Развитие рабочего класса Башкирии. 1951—1965 гг. Автореф. докт. дис. Пермь, 1972; его же. Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР, ч. 1, 2. Уфа, 1975; Аитов Н. А. Советский рабочий. М., 1981 и др.

⁵ Богданова Р. А. Руководство партийной организации Башкирии работой по повышению культурно-технического уровня тружеников сельского хозяйства республики в 1953—1965 гг. Автореф. канд. дис. Казань, 1965; Давлетшин Р. А. Сближение материальных и культурно-бытовых условий жизни города и деревни на современном этапе. В кн.: Социально-экономические и культурные преобразования в Башкирской АССР. Уфа, 1979 и др.

⁶ В первых рядах. Сб. ст. Уфа, 1966; Низамов А. Г. Интеллигенция Башкирии в годы восьмой пятилетки (1966—1970). Автореф. канд. дис. М., 1977; его же. Тенденции изменения состава современной интеллигенции. В кн.: Социально-экономические и культурные преобразования в Башкирской АССР.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, т. 7. М., 1971, с. 453.

⁸ Юсупов К. Н. Башкирская АССР в едином народнохозяйственном комплексе СССР. В кн.: Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Материалы научной конференции. Уфа, 1982, с. 97.

⁹ Хисматов М. Ф. Указ. соч., с. 40.

¹⁰ Там же, с. 44.

¹¹ Партийный архив Башкирского обкома КПСС, ф. 122, оп. 189, д. 22, л. 7.

¹² Народное хозяйство СССР в 1980 г. М., 1981, с. 124; Кузеев Р. Г. Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР, ч. 2, с. 42; Башкирия в Союзе ССР. Стат. сб. Уфа, 1982, с. 42.

¹³ Башкирия в Союзе ССР. Стат. сб., с. 182, 184.

за те же годы увеличилась с 6 тыс. км до 12,8 тыс. км, а грузооборот транспорта — с 1361, 3 млн. т/км до 6247,3 млн. т/км¹⁴.

Быстрыми темпами развивалась и материально-техническая база сельского хозяйства БАССР. За период с 1960 по 1980 г. количество тракторов, обслуживающих его, увеличилось с 14 669 до 36 269, или почти в 2,5 раза, зерноуборочных комбайнов — с 11 146 до 15 851, или в 1,4 раза. К 1970 г. были электрифицированы все хозяйства Башкирии¹⁵. В сельском хозяйстве создавались крупные комплексы, работающие на промышленной основе, число которых в республике в 1977 г. составило 290¹⁶.

В 60—70-е гг. происходит дальнейшее совершенствование производительных сил и производственных отношений в СССР. В условиях укрепления экономического могущества страны стало возможным преобразование части колхозов в совхозы. В Башкирии количество колхозов уменьшилось с 721 в 1960 г. до 629 в 1980 г., а количество совхозов за то же время возросло с 71 до 159¹⁷. Необходимо учитывать, однако, что превращение ряда колхозов в государственные предприятия явилось мерой вынужденной, осуществленной с целью стимулирования роста сельского хозяйства, повышения уровня материального благосостояния тружеников села. При этом в развитии отмеченной тенденции в БАССР имелись некоторые особенности. Так, если с 1960 по 1980 г. число колхозов в Башкирии сократилось на 12,8%, а число совхозов за то же время возросло в 2,2 раза, то в целом по стране аналогичные данные равнялись соответственно — 42,3% и 2,9 раза¹⁸, т. е. в Башкирии процесс шел менее интенсивно.

Изменения в развитии экономики вызвали, естественно, сдвиги в социально-классовой структуре Башкирии. Здесь отмечается рост самостоятельного населения, значительно опережающий рост всего населения БАССР (табл.). За 1960—1975 гг., численность всего населения республики возросла на 369 тыс. человек, а самостоятельного населения — на 440,9 тыс. человек, хотя и в целом по стране, и в Башкирии в годы девятой пятилетки этот процесс происходил менее активно, чем в седьмой и восьмой пятилетках¹⁹, что было связано с ограничением факторов экстенсивного развития экономики, с ухудшением демографической ситуации в стране, вызванным отдаленными последствиями Великой Отечественной войны.

При сравнительном анализе тенденций изменения численности занятого в общественном производстве населения республики с общесоюзными данными можно наблюдать определенные особенности. Так, если в 1960 г. удельный вес занятого в общественном производстве населения СССР превышал аналогичный показатель в БАССР на 2,7%, в 1965 г. — на 3,9, в 1970 г. — на 3%, то в 1975 г. — лишь на 1,5%²⁰, в десятой пятилетке, когда был сделан особый акцент на использование качественных факторов в развитии народного хозяйства СССР, разница в этом показателе между республикой и страной в целом сглаживается.

Быстрый рост индустрии, в особенности тяжелых ее отраслей, является объективной основой для ускорения процесса урбанизации. Если в 1961 г. в БАССР насчитывалось 15 городов (из них 9 республиканского подчинения) и 32 рабочих поселка, то в 1980 г. в республике было уже 17 городов (из них 14 республиканского подчинения) и 39 рабочих поселков²¹.

¹⁴ Башкирия за 50 лет. Стат. сб. Уфа, 1969, с. 74, 76; Башкирия в Союзе ССР. Стат. сб., с. 176, 178.

¹⁵ Народное хозяйство Башкирской АССР (1917—1967). Стат. сб. Уфа, 1967, с. 55; Башкирия в Союзе ССР. Стат. сб., с. 80, 84.

¹⁶ Шакиров М. З. Высокий свет Октября. В кн.: Под солнцем Октября. Рассказываем о Башкирии накануне 60-летия Великой Октябрьской революции. Уфа, 1977, с. 32.

¹⁷ Народное хозяйство Башкирской АССР (1917—1967), с. 53; Башкирия в Союзе ССР. Стат. сб., с. 77.

¹⁸ Рассчитано по: Народное хозяйство Башкирской АССР (1917—1967), с. 53; Башкирия в Союзе ССР. Стат. сб., с. 77; Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961, с. 492, 508; Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 54, 270.

¹⁹ Ср.: Сенявский С. Л. Социальная структура..., с. 339—346 и табл. данного сообщения.

²⁰ Ср.: Сенявский С. Л. Социальная структура..., с. 346 и табл. данного сообщения.

²¹ Башкирия за 50 лет, с. 5; Башкирия в Союзе ССР. Стат. сб., с. 6.

За исследуемый период темпы роста самостоятельного населения в городах Башкирии превысили как темпы роста самостоятельного населения по республике в целом, так и темпы роста всего городского населения (табл.).

При разработке плана социально-экономического развития республики на период девятой и десятой пятилеток особое внимание было уделено развитию малых и средних городов²².

Анализ таблицы показывает, что в течение всего исследуемого периода рост городского населения Башкирии значительно опережал рост населения по республике в целом, а сельское население заметно сокращалось. Однако, если в СССР доля городского населения (51%) превысила удельный вес сельского населения (49%) в 1961 г., в Башкирии аналогичная ситуация сложилась только в 1973 г., когда городское население увеличилось до 52%²³. Это объясняется спецификой социально-экономического развития БАССР, где наряду с тяжелой промышленностью имеется высоко развитое социалистическое сельское хозяйство (в 1980 г. республика занимала третье место в РСФСР по объему валовой продукции сельского хозяйства)²⁴. Необходимо также учитывать, что большинство сельского населения БАССР составляют татары и башкиры, которые в силу исторически сложившихся особенностей их быта, традиций сохраняют приверженность к сельскому образу жизни.

Уменьшение сельского населения — процесс в целом прогрессивный, но его чрезмерная активность наносит урон сельскому хозяйству, обостряя проблему кадров. Для ее решения необходима все большая индустриализация и интенсификация сельского хозяйства, а также скорейшее стирание различий между городом и деревней в материально-бытовых и культурных условиях жизни.

Одной из основных тенденций изменений в социальной структуре БАССР в исследуемый период были опережающие темпы роста рабочего класса. С 1961 по 1975 г. его численность возросла с 565 тыс. до 986,1 тыс. человек; вместе с тем удельный вес его за это же время в самостоятельном населении увеличился с 44,4% до 57,6%. Наиболее резкое увеличение числа рабочих произошло в период с 1961 по 1965 г., что связано отчасти с ростом их сельскохозяйственного отряда в начале 60-х гг. В последующие годы вследствие все большей интенсификации производства и уже отмечавшихся изменений в демографической структуре нашего общества тенденция увеличения численности рабочих идет на убыль.

Темпы роста рабочего класса не одинаковы в различных отраслях экономики. За 1961—1975 гг. этот показатель в городах БАССР, где сосредоточены ведущие отрасли промышленности, был выше, чем по республике в целом. Удельный вес городских рабочих в составе самостоятельного населения города также вырос, хотя и незначительно — с 66,7% в 1960 до 69,3% в 1975 г. (табл.).

Характерной особенностью развития рабочего класса СССР являются высокие темпы роста численности и удельного веса его сельского отряда. Эта тенденция — одно из магистральных направлений социального прогресса нашего общества. Численность сельских рабочих Башкирии за период с 1961 по 1975 г. возросла приблизительно на 90 тыс., а их удельный вес среди занятого сельского населения — с 23,9 до 38,3% (табл.). Этот процесс развивался неравномерно. Наиболее резкий скачок наблюдался с 1961 по 1965 г., когда осуществлялось преобразование колхозов в совхозы (табл.).

Возрастание относительной и абсолютной численности рабочего класса — одна из важнейших особенностей в изменениях социальной структуры советского общества в условиях развитого социализма. В Башкирии в 1961—1980 гг. этот процесс имел некоторое своеобразие. Темпы роста рабочего класса республики были выше, а его удельный вес — несколько ниже, чем в целом по стране²⁵. Однако в период десятой пятилет-

²² Заседания Верховного Совета Башкирской АССР девятого созыва (четвертая сессия) 22 декабря 1976 г. Стеногр. отчет. Уфа, 1977, с. 19.

²³ Народное хозяйство СССР в 1961 г. М., 1962, с. 8; Народное хозяйство Башкирской АССР за годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.). Уфа, 1976, с. 5.

²⁴ Юсупов К. Н. Башкирская АССР в едином народнохозяйственном комплексе СССР, с. 98.

²⁵ Ср.: Сенявский С. Л. Социальная структура..., с. 346 и табл. данного сообщения.

ки показатели темпов роста выравниваются, составив в Башкирии 110%, а в СССР — 109,8% ²⁶.

Постоянный рост численности рабочего класса — основной производительной силы и социально-политического авангарда страны, увеличение его удельного веса в составе населения говорят о дальнейшем поступательном движении нашего общества по пути к полной социальной однородности: «Оценивая опыт развития нашего общества за последние десятилетия, — указывалось на XXVI съезде партии, — можно предположить, что становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма. Ведущей силой этого процесса... был и остается современный рабочий класс» ²⁷.

Еще одной тенденцией изменений в социальной структуре как страны в целом, так и Башкирии, является постепенное уменьшение абсолютной численности и удельного веса колхозного крестьянства в составе как всего населения, так и самостоятельной его части.

Научно-технический прогресс в сельскохозяйственном производстве приводит к резкому повышению уровня механизации, дальнейшему совершенствованию методов организации и управления производственными процессами, в результате чего сельское хозяйство переводится на качественно более совершенную технологическую основу, труд сельского труженика приобретает большее сходство с трудом рабочего в промышленности, а социальная структура села все более сближается с социальной структурой города.

В Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС подчеркивалось решающее значение прогрессивных сдвигов в развитии производительных сил в сельском хозяйстве для процесса сближения классов и социальных слоев общества, в том числе и для одного из главных его аспектов — ликвидации различий между рабочим и крестьянином, городом и деревней: «По мере индустриализации сельскохозяйственного производства глубокие перемены происходят в жизни колхозного крестьянства. Все это... ведет к тому, что Ленин характеризовал как уничтожение разницы в социальном положении рабочего и крестьянина» ²⁸. В Башкирии с 1961 по 1975 г. произошло снижение численности колхозного крестьянства с 462,8 тыс. человек до 317,2 тыс., а также его удельного веса в составе самостоятельного населения с 36,4 до 18,5% (табл.). Наиболее резко уменьшилось число колхозников республики в первой половине 60-х гг.

Следует отметить, что в связи с созданием в широких масштабах агропромышленных объединений, а также подсобных предприятий колхозов по ремонту техники, строительству и другим видам несельскохозяйственных работ в БАССР за годы девятой и десятой пятилеток количество крестьян, проживающих в городах, возросло с 10,8 тыс. до 52,6 тыс. (подсчитано по: см. ссылку к табл.).

Хотя темпы снижения численности крестьян по стране в целом и по БАССР в отдельности были приблизительно равными, в республике удельный вес этой части населения был выше, чем в СССР ²⁹.

Ускорение научно-технического прогресса, его возрастающее влияние на все стороны жизни советского общества обусловили наличие еще одной важнейшей тенденции изменений в социальной структуре Башкирской АССР — высоких темпов роста интеллигенции. За период с 1961 по 1980 г. численность интеллигенции Башкирии выросла с 108,3 тыс. человек до 334,4 тыс., или в 3,1 раза (подсчитано по: см. ссылку к табл.). При этом увеличивалась численно и городская, и сельская интеллигенция, хотя темпы роста последней были несколько ниже.

Наиболее быстро росло количество специалистов в БАССР в годы восьмой пятилетки (табл.), что было следствием ряда объективных и субъективных факторов. В этот период в долговременной стратегии партии по ускорению научно-технического прогресса и повышению на этой основе эффективности общественного производства

²⁶ Там же.

²⁷ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 53.

²⁸ Там же, с. 52—53.

²⁹ Сенявский С. Л. Социальная структура..., с. 339—346; табл. данного сообщения.

особое внимание уделялось совершенствованию экономических стимулов развития производства, улучшению научной организации труда и др.³⁰ В этой связи особенно остро встал вопрос об ускоренном оснащении всех звеньев общественного производства высококвалифицированными кадрами специалистов.

В течение почти всего исследуемого периода темпы роста городской интеллигенции опережали аналогичный показатель для деревни. Исключением являются 1961—1965 гг., когда динамика роста обоих отрядов интеллигенции выравнивается (табл.). В городах внедрение достижений научно-технического прогресса во все сферы общественного производства обуславливает более быстрый рост численности интеллигенции. Однако на фоне общего снижения численности всего сельского населения в период с 1966 по 1975 г. в Башкирии количество сельской интеллигенции по сравнению с городской снова сокращается.

По сравнению с данными по СССР в целом в БАССР удельный вес интеллигенции среди занятого населения был ниже³¹. В то же время темпы роста ее численности на протяжении всего периода 1960—1970 гг. все более сближались с аналогичным общесоюзным показателем и впоследствии стали практически равными, а в городах Башкирии даже несколько выше³².

По мере развития научно-технической революции наука становится непосредственной производительной силой, что обуславливает резкое возрастание роли интеллигенции как особого социального слоя людей, обладающих наибольшим потенциалом научных и специальных знаний. «Быстрее всех в отчетный период росла численность нашей интеллигенции, — отмечалось на XXVI съезде КПСС. — Сейчас каждый четвертый работник связан в основном с умственным трудом. Не только в науке, образовании, культуре, но и в материальном производстве, во всей жизни общества интеллигенция играет все более значительную роль»³³.

В течение 1961—1980 гг. абсолютная численность служащих-неспециалистов в БАССР понизилась со 136,6 тыс. до 130,3 тыс., и их удельный вес в структуре самостоятельного населения республики также сократился. В городе этот процесс проявлялся более ярко, чем на селе, что связано в основном с более высокими темпами роста городского самостоятельного населения. Наиболее интенсивный рост численности служащих-неспециалистов в республике приходится на первую половину 60-х гг. В восьмой пятилетке он резко замедлился, а в девятой и десятой развивалась обратная тенденция — резкое сокращение и их численности и доли в составе занятого в народном хозяйстве населения (подсчитано по: см. ссылку к табл.).

При сравнении тенденций изменений численности и удельного веса служащих-неспециалистов в Башкирии и в СССР можно наблюдать следующую особенность. В течение 60-х гг. как темпы роста, так и величина удельного веса этого социального слоя в структуре самостоятельного населения республики превосходили аналогичные показатели по стране³⁴. Это связано отчасти с ускоренным развитием сферы обслуживания в республике, а также с проявлением общей тенденции роста численности служащих-неспециалистов в нашей стране в эти годы. В период девятой пятилетки процесс сокращения их количества проходил в БАССР более интенсивно, чем в целом по Союзу, в связи с чем удельный вес этого слоя в составе занятого населения стал практически равным в СССР (8,2%) и в БАССР (8,1%)³⁵. В годы десятой пятилетки численность служащих-неспециалистов в Башкирии уменьшалась медленнее, чем по стране в целом; и удельный вес их в самостоятельном населении стал равен 7%* (в СССР — 5,9%)³⁶.

³⁰ Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966, с. 45.

³¹ Ср.: Сенявский С. Л. Социальная структура..., с. 346 и табл. данного сообщения.

³² Ср.: Сенявский С. Л. Социальная структура..., с. 339—346 и табл. данного сообщения.

³³ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 53.

³⁴ Сенявский С. Л. Социальная структура..., с. 339—346 и табл. данного сообщения.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

Таблица

Социальная структура Башкирской АССР (1960—1975 гг.) *

	Численность (тыс. чел.)	Уд. вес (%)	Город		Село		Уд. вес (%)				
			численность (тыс. чел.)	уд. вес (%)	численность (тыс. чел.)	уд. вес (%)	город	село			
1960 г.											
Все население	3464,0	100,0	1403,0	100,0	2061,0	100,0	40,5	59,5			
Самодетельное население (занятое в общественном производстве):	1272,5	36,7	609,9	43,5	662,6	32,2	47,9	52,1			
рабочий класс	565,0	44,4	406,8	66,7	158,2	23,9	72,0	28,0			
колхозное крестьянство	462,6	36,4	28,7	4,7	433,9	65,5	6,2	93,8			
интеллигенция	108,3	8,5	78,0	12,8	30,3	4,6	72,0	28,0			
служащие-неспециалисты	136,6	10,7	96,4	15,8	40,2	6,0	70,6	29,4			
1965 г.											
	Численность (тыс. чел.)	Уд. вес (%)	Город		Село		Уд. вес (%)		1965 г. к 1960 г.		
			численность (тыс. чел.)	уд. вес (%)	численность (тыс. чел.)	уд. вес (%)	город	село	всего	город	село
Все население	3705,0	100,0	1652,0	100,0	2053	100,0	45,0	55,0	107,0	117,8	99,6
Самодетельное население (занятое в общественном производстве):	1392,9	37,6	754,6	45,7	638,3	31,1	54,2	45,8	109,5	123,7	96,3
рабочий класс	696,3	50,0	501,3	66,4	195,0	30,6	72,0	28,0	123,2	123,2	123,3
колхозное крестьянство	366,1	26,3	17,3	2,3	348,8	54,6	4,7	95,3	79,1	60,3	80,4
интеллигенция	145,4	10,4	104,7	13,9	40,7	6,4	72,0	28,0	134,3	134,2	134,3
служащие-неспециалисты	185,1	13,3	131,3	17,4	53,8	8,4	70,9	29,1	135,5	136,2	133,8

Таблица (продолжение)

	Численность (тыс. чел.)	Уд. вес (%)	Город		Село		Уд. вес (%)		1970 г. к 1965 г.		
			численность (тыс. чел.)	уд. вес (%)	численность (тыс. чел.)	уд. вес (%)	город	село	всего	город	село
1970 г.											
Все население	3838,0	100,0	1835,0	100,0	1953,0	100,0	49,0	51,0	103,6	114,1	95,1
Самостоятельное население (занятое в общественном производстве):	1557,4	41,1	914,0	48,5	663,4	34,0	57,9	42,1	113,3	121,1	103,9
рабочий класс	828,1	52,5	607,8	66,5	220,3	33,2	73,4	26,6	118,9	121,3	113,0
колхозное крестьянство	342,4	21,7	10,8	1,2	331,6	50,0	3,1	96,9	93,5	62,4	95,1
интеллигенция	203,4	12,9	149,3	16,3	54,1	8,2	73,4	26,6	139,9	142,6	132,9
служащие-неспециалисты	203,5	12,9	146,1	16,0	57,4	8,6	71,8	28,2	109,9	111,3	106,7
1975 г.											
	Численность (тыс. чел.)	Уд. вес (%)	Город		Село		Уд. вес (%)		1975 г. к 1970 г.		
			численность (тыс. чел.)	уд. вес (%)	численность (тыс. чел.)	уд. вес (%)	город	село	всего	город	село
Все население	3833,0	100,0	2132,0	100,0	1701,0	100,0	56,0	44,0	99,9	113,3	87,1
Самостоятельное население (занятое в общественном производстве):	1713,4	44,7	1064,2	49,9	649,1	38,2	62,1	37,9	108,6	116,4	97
рабочий класс	986,1	57,6	737,6	69,3	248,5	38,3	74,8	25,2	119,1	121,4	112,8
колхозное крестьянство	317,2	18,5	25,3	2,4	291,9	45,0	7,4	92,6	93,5	234,3	89,0
интеллигенция	271,5	15,8	203,1	19,1	68,4	10,5	74,8	25,2	133,5	136,0	126,4
служащие-неспециалисты	138,6	8,1	98,2	9,2	40,4	6,2	70,9	29,1	68,1	67,2	70,4

* Таблица рассчитана по: Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. М., 1961, с. 36, 400; Народное хозяйство Башкирской АССР за годы девятой пятилетки (1971—1975 гг.). Уфа, 1976, с. 5, 165; Народное хозяйство Башкирской АССР (1917—1967). Уфа, 1967, с. 177; Труд в СССР. М., 1968, с. 22; Народное хозяйство СССР (1922—1972). М., 1972, с. 697; Итоги Всесоюзной переписи населения в 1970 г. М., 1973, т. 5, с. 36, 37; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. М., 1976, с. 336; Народное хозяйство СССР в 1975 г. М., 1976, с. 531, 441, 550; Народное хозяйство СССР в 1980 г. М., 1981, с. 12; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. М., 1981, с. 225; Башкирия в Союзе ССР. Уфа, 1982, с. 186—188, 193; Партийный архив Башкирского обкома КПСС, ф. 122. оп. 158, д. 120; л. 9, 12 об.; ЦГА БАССР, ф. 472, оп. 9, л. 6837, л. 14 об.; Текущий архив СУ БАССР, Отдел статистики труда и заработной платы. Годовые отчеты по труду по отраслям народного хозяйства за 1975 г., л. 1, 8, 13; Отдел сельского хозяйства. Республиканские сводные годовые отчеты колхозов. Годовой отчет колхозов за 1975 год, л. 147 об.; Сенявский С. Л. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961—1980 гг.). М., 1982, с. 339—346.

Таким образом, мы видим, что в 70-е гг., когда основное внимание было уделено качественным факторам развития экономики, в первую очередь по внедрению достижений научно-технического прогресса, происходило снижение численности служащих-неспециалистов. При этом отчетливо наметилась тенденция выравнивания основных показателей данного процесса в республике и в стране в целом, что особенно наглядно видно на примере девятой пятилетки.

На основе анализа процессов изменений в социальной структуре Башкирии можно прийти к заключению, что в условиях развитого социализма преобладающей тенденцией является интенсивное сближение классов и социальных слоев, постепенное формирование социально однородного коммунистического общества.

ЭКСПЕДИЦИЯ УПОЛНОМОЧЕННОГО ВЦИК

«Славные красные почтовики» — так главнокомандующий советскими войсками Юга России В. А. Антонов-Овсеенко назвал связистов, которые с оружием в руках боролись против немецких оккупантов и контрреволюционных банд на Украине. Организовывал и возглавлял дружины красных почтовиков Иннокентий Серафимович Кожевников. До Октября 1917 г. он работал линейным механиком Харьковского телеграфа, сразу же после революции стал комиссаром Харьковского почтово-телеграфного округа, а в мае 1918 г. — чрезвычайным комиссаром по связи всех фронтов.

Весной 1918 г. В. А. Антонов-Овсеенко назначил И. С. Кожевникова главным комиссаром по организации боевых дружин и партизанских отрядов¹. Этим отрядам поручались самые серьезные операции. Так, Харьковский отряд почтовиков в количестве 60 человек под командованием И. Г. Матюшенко и Курский отряд в составе 40 человек (командир — М. А. Козин) принимали участие в подавлении контрреволюционных мятежей в Гадяче, Зенькове, Ахтырке, Смородино (на сахарном заводе) и Лебедине².

Дружины почтовиков нередко вступали в бой с кайзеровскими частями. Особенно успешно действовал отряд под командованием Николаева в поселке Липовая Долина, где 97 героев с двумя пулеметами умело отражали атаки немцев, во много раз превосходивших их численностью и имевших четыре орудия³.

Всего уполномоченные Кожевникова создали почти 100 отрядов (общей численностью 1545 человек), которые действовали в долинах рек Хорол, Псел, Ворскла⁴.

Конечно, малочисленные, плохо вооруженные отряды красных почтовиков не могли остановить регулярные прусские дивизии, но их беззаветное мужество и самоотверженная борьба препятствовали продвижению врага в глубь Советской страны.

После заключения мирного договора с Германией отряды почтовиков были распущены. Однако Кожевников предупреждал: «Не расслабляться и быть готовым к боевым походам в любой момент»⁵.

В середине 1918 г. военное и политическое положение Советской Республики вновь обострилось. Подготовленный Антантой мятеж Чехословацкого корпуса активизировал все антисоветские элементы. Произошло объединение сил внешней и внутренней контрреволюции. Молодая Страна Советов оказалась в огненном кольце фронтов. Положение усугублялось надвигавшимся на республику голодом.

Летом и в начале осени 1918 г. Восточный фронт, образованный для борьбы против мятежа Чехословацкого корпуса и эсеров-белогвардейских формирований, стал главным фронтом республики. 1 августа 1918 г. В. И. Ленин писал: «Сейчас вся судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара. Все зависит от этого»⁶.

...Навсегда врезались в мою память те тревожные дни. Падение Казани, пламенные слова Ильича: «Товарищи-рабочие, идем в последний решительный бой!» Злодейское покушение на любимого вождя... Я работал в то время на телеграфе в Ельце. Без усталости мы, морзисты, принимали и передавали слова, полные гнева и решимости. Как раз тогда Кожевников обратился к почтовикам с призывом: «Организуйте отряд

* М. Г. Анисимов — участник гражданской войны. В сентябре 1918 г. добровольно вступил в Экспедиционный отряд И. С. Кожевникова. Прошел весь боевой путь этого отряда — от партизанской группы до регулярной армии. Настоящая публикация основана на личных воспоминаниях автора, а также на документальных материалах, хранящихся в ЦГАОР СССР и ЦГАСА.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 1248, оп. 1, д. 1, л. 1.

² Там же, л. 79, 82, 85, 97.

³ ЦГАСА, ф. 28180, оп. 1, д. 10, л. 29, 31.

⁴ Там же, л. 26, 46.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1248, оп. 1, д. 1, л. 77.

⁶ Ленин В. И. ПСС, т. 50, с. 133.

из товарищей, готовых пожертвовать собой за социалистическую революцию. Поставайтесь, чтобы в отряд не попал ни один трус, ни один нечестный»⁷.

В ответ шли депеши, в которых говорилось о готовности связистов с оружием в руках отстаивать Советскую власть. Вот что, например, телеграфировал комиссар А. П. Попов из Курска: «Согласие ехать на фронт и умереть за нашу дорогую Родину и завоевания революции изъявили 100 человек. Выежаем 18 сентября в 8 утра и по дороге заберем орловских и тульских товарищей почтово-телеграфного ведомства»⁸. Астраханский комиссар Василий Кальницкий сообщал: «Отряд сформирован в количестве 150 человек, которые всей силою любви к свободной Советской республике рвутся на ее защиту. Выежаем 22 сентября и по дороге забираем царидыньских, саратовских, ртищевских товарищей»⁹. Здесь интересно отметить, что в этот отряд вступили сотрудник редакции «Астраханского листка» П. М. Арбашины и военрук военкомата И. Ф. Рашевский, которому впоследствии Кожевников поручит формирование партизанских отрядов из местных жителей освобожденных селений Мензелинского уезда¹⁰.

Всего в Москве собралось около 500 красных почтовиков. Нас разместили в казармах бывшего 11-го Фанагарийского гренадерского полка. После непродолжительной подготовки из прибывших добровольцев был создан отряд в составе двух пехотных рот, пулеметной команды и команды связи. По указанию московского окружного военного комиссара Н. И. Муралова отряду была придана артиллерийская батарея из трех пушек-трехдюймовок с 26 артиллеристами под командованием Г. Зиборова. Командиром 1-роты был назначен А. Козин, 2-й — Л. Маяцкий. Команду связи возглавил А. Попов, а пулеметную — А. Рогулин.

По решению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов наш отряд, который получил особое наименование — *Экспедиция уполномоченного ВЦИК Советов И. С. Кожевникова*, вместе с другими частями посылался на помощь Восточному фронту. Перед Экспедицией была поставлена задача: высадиться на пристани Набережные Челны, зайти в тыл врага и действовать там с таким расчетом, чтобы брошенный отряд смельчаков на месте, по ту сторону фронта, разрастаясь в отряды за счет местного населения и постепенно увеличиваясь, обратился бы в могучую революционную лавину»¹¹. Эту задачу, как увидим дальше, кожевниковцы выполнили блестяще: отряд послужил костяком целой партизанской армии¹².

1 октября 1918 г. Экспедиция отправлялась из Москвы. За два часа до отхода эшелона к нашему отряду присоединился Э. К. Тиссэ (впоследствии известный советский кинооператор). В боевых походах он показал себя не только великолепным киноземщиком, но и храбрым солдатом, участником смелых партизанских разведок. Кинокамера и винтовка всегда были при нем. А так как Эдуард Казимирович в царской армии имел чин унтер-офицера, то при тогдашней нужде в командных кадрах считался ценным военспецом и вскоре был назначен начальником штаба пятитысячной партизанской армии, принимал участие в формировании новых отрядов из местного населения¹³.

3 октября Экспедиция прибыла в Нижний Новгород. Здесь мы должны были погрузиться на колесные пароходы «Дмитрий Донской», «Фультон», «Ориноко» и отправиться к месту назначения — в Набережные Челны. С этого момента Э. К. Тиссэ начал делать съемки. Он старался запечатлеть наиболее интересные эпизоды похода. Так, ему удалось снять встречу Кожевникова на борту потопленного вражеского судна с представителями командования нашей флотилии. Среди них была Лариса Рейснер, смелая журналистка, отважная разведчица, чудом вырвавшаяся из лап белогвардейской контрразведки в Казани. Она, как известно, послужила одним из прототипов Ко-

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1248, оп. 1, д. 1, л. 235.

⁸ Там же, д. 39, л. 84.

⁹ Там же, л. 42, 65.

¹⁰ Там же, д. 7, л. 18; д. 3, л. 29.

¹¹ Там же, ф. 1235, оп. 137, д. 38, л. 101; ф. 1248, оп. 1, д. 2, л. 32.

¹² См.: История гражданской войны в СССР, т. 3. М., 1957, с. 244.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 1248, оп. 1, д. 3, л. 166.

миссара в пьесе Вс. Вишневского «Оптимистическая трагедия». По прибытии в Набережные Челны (7 октября) Э. К. Тиссэ заснял смотр боевой готовности 1-й роты, в которой мне довелось быть командиром отделения¹⁴.

Вблизи пристани была хорошо слышна орудийная и пулеметная стрельба. Несколько снарядов разорвалось рядом с нашими пароходами. Вскоре мы узнали, что это белые, усиленные отступавшими из Казани частями, рвались теперь к Набережным Челнам. Красноармейцы 1-го сводного революционного полка В. Крымкина с трудом сдерживали наседающего противника. Бойцам, утомленным непрерывными тяжелыми боями, приходилось нелегко. Белые перекрыли Каму орудийным огнем и отрезали наш флот от базы. Возникла угроза потери Набережных Челнов. Находившийся на берегу начальник 1-й сводной дивизии 2-й армии И. Ф. Максимов обратился к Кожевникову с просьбой оказать товарищам боевую поддержку.

Для помощи красноармейцам была выделена группа бойцов 2-й роты во главе с Г. Александровым. 9 октября, когда стемнело, эта группа проникла в тыл к белым и внезапно обрушилась на них. Этот неожиданный удар вызвал у противника растерянность. Красноармейцы же полка Крымкина, ободренные поддержкой почтовиков, перешли в решительную контратаку. Белые не выдержали и в панике отступили в направлении к Мензелинску.

После этого перед Экспедицией была поставлена задача содействовать регулярным красноармейским частям в освобождении Мензелинска. Отряд Кожевникова должен был выйти в тыл противника и дезорганизовывать его смелыми партизанскими действиями. Важным населенным пунктом в тылу белых являлось село Матвеевка, стоявшее на большаке Мензелинск — Бирск, по которому шло снабжение и передвижение войск противника. На территории села находилась крупная войсковая часть белых, охранявшая магистраль.

Чтобы подойти к Матвеевке, нужно было совершить глубокий обход. 13 октября отряд вышел из Набережных Челнов на юг. Дорога была тяжелой. Осенняя распутица сделала ее труднопроходимой. Лошади постоянно останавливались. И лишь после того, как партизаны лопатами счищали с колес грязь, можно было продолжить путь. Пройдя таким образом Нижние Кукусы, Кувады, Бурды, Шахмамаево, 15 октября мы вступили в волостной центр Нижне-Бишево. Там оставили небольшую группу бойцов во главе с Владимиром Дейном, которому Кожевников приказал оказывать помощь местному населению в свержении кулацкой власти и организовывать комитеты бедноты¹⁵. Крестьяне других селений, узнав о нашей Экспедиции, присылали в штаб своих ходяков с просьбой помочь им избавиться от угнетателей¹⁶.

От Нижне-Бишево отряд пошел на восток и, миновав селения Старо-Кланчино, Казакларово, Чурашево, к вечеру 16 октября подошел к селу Мансур-Саклово. Оно оказалось уже захваченным нашей разведкой, выехавшей вперед на легковой машине. Среди шестерых разведчиков был Э. К. Тиссэ. Вот как он описывает этот эпизод: «Увидя в селе неприятельских солдат, мы остановили мотор, выскочили из машины, легли в цепь и открыли по солдатам белых стрельбу из винтовок. Последние (их было 30 человек), увидев необыкновенную для того времени разведку, от неожиданности растерялись и обратились в бегство, оставив на месте двух убитых и одного раненого»¹⁷.

Утром 17 октября отряд продолжил путь. Чтобы предупредить возможность внезапного нападения неприятеля с флангов, Кожевников высылал в селения, находившиеся по обе стороны дороги, группы разведчиков во главе со старшим, который должен был действовать так же, как В. Дейн в Нижне-Бишеве. Влево от дороги, в деревню Верхние Юшады, была направлена группа Евдокимова. Вправо, в село Ново-Мазино, — моя¹⁸.

¹⁴ В настоящее время эти и другие кадры, рассказывающие о деятельности Экспедиционного отряда И. С. Кожевникова, хранятся в Центральном государственном архиве кинофотодокументов.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1248, оп. 1, д. 3, л. 62.

¹⁶ Там же, д. 49, л. 61, 112, 113.

¹⁷ Там же, д. 3, л. 61, 112, 113.

¹⁸ Там же, л. 76, 68.

В последнем перед Матвеевкой селе Николаевка кожевниковцы застали группу солдат белых, которые отбирали у населения хлеб для снабжения своих частей. При нашем появлении они убежали, оставив три подводы. Хлеб, конечно, был возвращен его хозяевам, которые выразили за это сердечную благодарность. В Николаевке Кожевников оставил команду связи во главе с Поповым, а сам с остальным отрядом двинулся непосредственно к Матвеевке. Для нападения на нее он выделил 2-ю роту, придав ей 5 пулеметов и 2 пушки. 1-я рота осталась в резерве¹⁹.

Атаковать село решено было вечером, когда противник менее всего мог ожидать этого. Вот как описывал взятие Матвеевки в своем донесении в кинокомитет при Наркомпросе Э. К. Тиссэ: «Загремела наша батарея по Матвеевке. Белые начали прислушиваться. Вдруг на улице раздался крик: „Красные, красные!“ Побросали все, начали в панике бежать и беспорядочно отстреливаться. А крестьяне, несмотря на то, что идет сильная стрельба, выбегали на улицу, становились на колени и кричали: „Слава богу, красные пришли! Ждали вас с нетерпением как спасителей“. Бросаются к нашим ребятам, целуют им руки. Угощают чем могут. А наши действительно были спасителями. В ту ночь намечалась кровавая расправа над семьями, сыновья которых были в Красной Армии»²⁰.

Между тем посланные мною из Ново-Мазино В. Потапов и Д. Подкосов в Матвеевку с донесением о выполнении указания об организации комитета бедноты привезли от Кожевникова приказ срочно выехать в Матвеевку (там еще шел бой). Однако, когда мы прибыли, там все уже кончилось. 2-я рота расположилась на отдых, а наша была назначена на несение караульной службы. На колокольне установили пулемет. Мое отделение находилось на окраине деревни. Вдруг пулеметчик обратил внимание на несшегося верхом на лошади крестьянина, который подлетел прямо к Кожевникову. Соскочив с коня, он передал ему просьбу начальника оставленной в Николаевке команды связи Попова о срочной посылке подкрепления. Дело в том, что дежурные патрули, выделенные комбедом, заметили группу скачущих со стороны Ново-Мазино белогвардейцев. Попов тотчас же расположил своих красных почтовиков в цепь и встретил непрошенных гостей дружным винтовочным залпом. Беляки спешилися, тоже легли в цепь и открыли ответный огонь. Будучи раненным, Попов попросил находившегося при нем члена комбеда быстро добраться до Матвеевки и сообщить Кожевникову о нападении. Начальник Экспедиции сразу же приказал мне погрузить всех моих красных почтовиков на пять подвод и поспешить на помощь Попову в Николаевку. Мы прибыли вовремя. Установив на окраине села пушку, сделали несколько выстрелов. Пешие бойцы и пулеметный расчет присоединились к цепи ребят Попова и открыли огонь по противнику. Не ожидая такого отпора, тот отступил. После этого воины моего отделения погрузились на повозки и вместе с пулеметной командой возвратились в Матвеевку, взяв с собой и раненого Попова.

Утром 18 октября отряд выступил по направлению к Мензелинску. При подходе к городу Кожевников выделил 40 бойцов 2-й роты во главе с комиссаром В. Кальницким, приказав им ворваться в Мензелинск. Эта группа с честью выполнила приказ: в тот же день в 23 часа 50 минут на плечах неприятеля она ворвалась в город. Чтобы закрепить успех смельчаков, Кожевников направил туда всю 2-ю роту.

19 октября 1918 г. бойцы, освободившие Мензелинск, в строю со своим знаменем, имевшим форму телеграфного бланка, встречали автомобиль Кожевникова. Ему, вышедшему из машины, командир роты Маяцкий доложил: «Город прочно закреплен за Советской властью»²¹.

Полк Крымкина не дошел с фронта до города 6 верст. Прибыв в Мензелинск 20 октября, командир полка поздравил партизан с успешно проведенными рейдами, способствовавшими освобождению населения от власти белогвардейцев и интервентов. Здесь же Тиссэ заснял массовый митинг жителей, преимущественно татар.

22 октября 1918 г. Кожевников сообщает Свердлову: «Яков Михайлович! с 8 октября действую с моим отрядом в тылу. Выбили белогвардейцев из всего Мензелин-

¹⁹ Там же, л. 71.

²⁰ Там же, д. 27, л. 70.

²¹ Там же, л. 83, 98.

ского уезда. Народ весь на нашей стороне. Отряд идет по деревням под крики „ура!“, увеличился в четыре раза. На днях начинаю большую операцию»²².

После освобождения Мензелинска отряд уже был не в тылу, а на фронте. За счет населения военруком Рашевским было сформировано девять отрядов численностью в 5 тыс. бойцов. Эти отряды составили красную партизанскую армию, начальником штаба которой был назначен Тиссэ²³. Таким образом, боевое задание Главного революционного штаба — «действовать так, чтобы брошенный отряд смельчаков на месте, по ту сторону фронта, разрастаясь за счет местного населения, обратился бы в могучую революционную лавину», — была выполнена. Эта «лавина» в составе девяти отрядов стала в дальнейшем в приказах именоваться «Партизанские войска уполномоченного ВЦИК Кожевникова», а в оперативных сводках командования — «Группа Кожевникова».

Командующий 5-й армией в приказе № 017 от 24 октября отмечал, что группа Кожевникова, удачно действовавшая против Мензелинска, с боями продвигается к Бирску. Далее он предписывал командиру Отдельной Симбирской бригады Н. И. Вахрамееву развивать успех партизан в тесном взаимодействии с ними. Предусматривалось, что бригада Вахрамеева будет вести наступление на Бирск с фронта, а отряды Кожевникова будут помогать ударами с тыла. Однако прибытие бригады задерживалось. Давать же противнику время, чтобы оправиться от растерянности после поражения под Мензелинском, было неразумно, и партизанский штаб принял решение нанести удары и с фронта и с тыла своими силами. Это Кожевников в сообщении Свердлову и называл «большой операцией».

Суть ее сводилась к следующему. Первым пунктом на пути к Бирску с фронта стояло татарское село Байсарову, в котором располагалась крупная воинская часть белых. Здесь наступать было приказано первому отряду, которым командовал Козин. Второй отряд под командованием И. И. Пазухина должен был совершить рейд по тылам войск белогвардейского генерала Ридшера, командира 3-го кав. корпуса, с конечной целью войти в село Асяново, находившееся на большаке Мензелинск — Байсарово — Бирск.

31 октября, когда стемнело, 1-й отряд, в который входило и мое отделение, из села Понсево вышел к Байсарову. Не доходя до села полутора-двух верст, установили две пушки-трехдюймовки. Пехотные цепи с артиллеристом-наблюдателем Павлом Журавлевым (для него связисты специально тянули телефонный провод от батареи), стараясь не шуметь, подошли к селу. Ночь, помню, была темная, накрапывал дождик. В двухстах шагах от села залегли, приготовились к бою. Журавлев (я находился недалеко от него) сообщил по телефону командиру батареи, что можно начинать огонь. Часы показывали 1 час ночи.

И вот в сторону противника над нашими головами полетели снаряды. Мы открыли стрельбу из пулеметов и винтовок. Враг был застигнут врасплох. От неожиданности он, должно быть, растерялся. Были слышны брань, крики, скрип телег, ржанье лошадей. В темноте ярко вспыхивали разрывы наших снарядов. Через довольно большой промежуток времени противник открыл беспорядочный огонь. Снаряды полетели над нашими головами уже в обратном направлении. Чтобы сбить противника с толку, мы прекратили огонь. Подошли ближе к селу. Белые отходили. При отступлении они взорвали мост через реку Сюнь, отрезав прямой путь преследователям. Наш успех был крупным. Как выяснилось позднее, у противника в Байсарово было сосредоточено 4 тыс. солдат пехоты, 2 кавалерийских эскадрона с шестью пушками. В этом бою он потерял более 200 человек²⁴.

Уставшие солдаты нашего отряда были отведены назад к Понсево, а в Байсарово расползся 3-й отряд под командованием Ф. К. Душкина.

2 ноября в 10 часов утра из села Бакалы (Башкирия) выступил в рейд по тылам противника второй отряд с одной пушкой и двумя пулеметами. Для охраны его левого фланга в село Сейтово был послан 9-й отряд В. К. Дейна. Приказывалось соблюдать строгую бдительность в пути — крестьяне сообщали, что в том районе была замечена

²² Там же, д. 27, л. 52.

²³ Там же, ф. 1235, оп. 79, д. 31, л. 76.

²⁴ ЦГАСА, ф. 185, оп. 3, д. 83, л. 66, 68.

группа белых в количестве 300 солдат²⁵. Пройдя через селения Бамбулатово, Ново-Болтачево, Ново-Кутово, Иманкулово, Земеево, Ново-Аташево, отряд Пазухина 5 ноября вышел к селу Асяново — в тыл частей белых, отступавших из Байсарово. Асяновский гарнизон числом 300 штыков, совершенно не ожидавший появления партизан, да еще с пушкой, в беспорядке бежал, бросив пулемет. Бойцы Пазухина захватили в плен трех офицеров и 98 солдат с винтовками²⁶.

6 ноября отряд Душкина выступил из Байсарово по тракту на Бирск, достиг села Исаметево, но, встретив упорное сопротивление укрепившегося противника, вынужден был отступить, потеряв 10 человек. Ему на помощь был послан четвертый отряд под командованием П. И. Сиротина²⁷. Однако ни Душкину, ни Сиротину выступать не пришлось. Скрытно для неприятеля подошел 2-й Петроградский полк из бригады Вахрамеева. В 3 часа ночи подразделения полка двинулись в наступление. Противник, полагая, что перед ним малочисленные отряды партизан, решил подпустить красноармейцев поближе с целью «одним махом» разделаться с ними. Но он просчитался. Петроградцы стремительно ворвались в окопы неприятеля. Вот что сообщал Вахрамеев об этой операции: «Симбирск. Командарму 5. Части бригады, сбив противника, с боем заняли деревни Зейлау, Турачево и Исаметево и двигаются далее на Старо-Куктово. Противник отступает в беспорядке. Мы перешли в наступление. Белые начали бросать винтовки, патроны, вещевые мешки, белье и прочее снаряжение. Захвачено 2 пулемета и орудие. Из опроса пленных выясняется, что в бою участвовали два батальона Прикамского полка, сформированного из мобилизованных отрядов Мензелинского, Уфимского, Елабужского. В дер. Исаметево стояла батарея в числе 3 орудий. Нашим огнем батарея была сбита и спешно отступила по направлению к Старо-Куктово. Выясняется присутствие на фронте Сокольского кавалерийского отряда — мною послана просьба Кожевникову об обеспечении правого фланга. Наши потери незначительны, противника — значительные»²⁸.

Чтобы выполнить просьбу Вахрамеева, о которой говорится в приведенном донесении, Кожевников выделил 4-й и 9-й отряды. В ночь на 10 ноября эти отряды внезапно для неприятеля появились в Старо-Куктово. Части противника, не оправившиеся еще от столкновения с Петроградским полком, растерялись и отступили в направлении деревни Яркеево.

Расположившийся в селе Понсево штаб красной партизанской армии организовал торжественную встречу знаменательной даты — первой годовщины Октября. По приказу № 192, подписанному уполномоченным ВЦИК Советов И. С. Кожевниковым и начальником штаба Э. К. Тиссэ, в честь праздника был проведен торжественный парад партизан совместно с представителями Петроградского полка. Первому отряду (бывшей 1-й роте), названному головным, было торжественно вручено знамя партизанской Красной Армии, Экспедиции уполномоченного ВЦИК Кожевникова²⁹.

А 8 ноября 1918 г. с высокой трибуны проходившего в Москве VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов делегат-партизан В. Кальницкий заявил: «Мы поклялись не возвращаться домой до тех пор, пока Советской власти не будет угроз ни с каких фронтов. Наши ряды растут с каждым днем. Нам не страшны никакие лишения, испытания, даже смерть. Да здравствует вождь рабочего класса Ленин!»³⁰.

Когда в результате побед Красной Армии угроза пролетарской власти с востока временно была устранена, то новая, по словам Свердлова, еще более серьезная опасность возникла на юге. Предписанием № 7855 18 ноября Реввоенсовет Республики известил Кожевникова о том, что ему поручается организация и ведение партизанской борьбы на Южном фронте, вследствие чего приказывается немедленно перебросить все партизанские отряды с Восточного фронта на Южный³¹. Без победы на этом фронте,

²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1248, оп. 1, д. 27, л. 95.

²⁶ Там же, л. 232.

²⁷ ЦГАСА, ф. 185, оп. 3, д. 23, л. 95, 96.

²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1248, оп. 1, д. 27, л. 236.

²⁹ Там же, д. 3, л. 181.

³⁰ Там же, ф. 1235, оп. 5, д. 6, л. 105, 106.

³¹ Там же, ф. 1248, оп. 1, д. 27, л. 3.

указывал В. И. Ленин, ни о каком упрочении Советской пролетарской власти в центре не могло быть и речи³².

После полученного приказа отряды были стянуты в район Бугульмы и на разъезде № 27 погружены в железнодорожные эшелоны, которые в начале декабря прибыли на станцию Волоконовку (Воронежская губерния) Юго-Восточной железной дороги.

С 1 января 1919 г. 4 дивизии, входившие в группу И. С. Кожевникова и называвшиеся партизанскими, начали сражаться с контрреволюционными казачьими бандами царского генерала Краснова, освобождая от них Донбасс — «Всероссийскую кочегарку», уголь которой был так необходим фабрикам, заводам, паровозам молодой Советской Республики. С боями были освобождены Кулянский, Старобельск, а 21 января — Луганск³³. 1 февраля Реввоенсовет телеграфировал в Москву: «Председателю Совета Обороны Ленину. Из района Кулянский — Попасная, освобожденного доблестными войсками группы товарища Кожевникова, отправляется первый поезд с углем в составе 24 вагонов в Ваше распоряжение»³⁴.

Так группа Кожевникова пришла на помощь товарищам, сражавшимся на «фронте Донбасс». И здесь красные почтовики продолжали мужественно и самоотверженно бороться за дело Ленина. Возьмем, к примеру, 3-й партизанский полк, командиром которого был нижегородский связист Филимон Душкин, возглавлявший на востоке один из отрядов Экспедиции Кожевникова. Вот его донесение: «9/II к 7 часам вечера выбили, наконец, противника из деревни Моисеевки. Утром 10/II завязался сильный бой. Противник бил из четырех орудий, пулеметов, ружей. В результате продолжавшегося непрерывного 8-ми часового сражения противник был обращен в бегство. Попытка задержаться в Н. Барановке успеха не имела. Нам достались снаряды, телефон и 5 верст кабеля. Убито 24 солдата и 100 ранено — их противник увез на ст. Мальчевскую. Потери полка — 8 убитых и 45 раненых. 11/II в 12 часов полк пошел в наступление. Заняв Калмыковку, Русское Ребриково, подошел к Мальчевской. Там белогвардейцы теснили к Титовке Старобельский революционный полк. Мы подошли вовремя. Ударом по флангу белых одной частью полка, второй частью зашел в деревню Машлыкино, что в тылу, и оттуда нанес по противнику сокрушительный удар. Бой закончился в 8 часов вечера. Заняв Машлыкино, полк, ввиду сильного бурана и переутомления солдат, остановился на отдых. Однако в 2 часа ночи противник пытался вновь вернуть Машлыкино, но был отброшен пулеметным огнем полковых застав. Утром 12 февраля полк снова пошел в наступление, занял Югановку, а пущенная дальше 1-я ударная рота с двумя пулеметами выбила противника из деревни Золотаревка»³⁵.

Во всех боевых операциях партизаны Кожевникова проявили мужество и героизм. Так, в битве за Старобельск помощник командира 5-й роты 10-го партизанского полка Сеглин, будучи четырежды ранен, оставался в строю, и только после пятого ранения его, истекающего кровью, вынесли с поля боя. Постановлением Реввоенсовета Сеглин был представлен к награждению орденом Красного Знамени³⁶.

С 5 марта 1919 г. войска Кожевникова стали именоваться 13-й регулярной армией. Под его командованием 13-я армия в исключительно тяжелых условиях продолжала теснить красновско-деникинские части.

³² Ленин В. И. ПСС, т. 38, с. 277.

³³ ЦГАСА, ф. 100, оп. 3, д. 49, л. 34, 41.

³⁴ Там же, ф. 198, оп. 3, д. 699, л. 139.

³⁵ Там же, ф. 33467, оп. 1, д. 6, л. 35—38.

³⁶ Там же, ф. 100, оп. 2, д. 165, л. 14, 16.

**ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ ВОЖАКОВ
КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ
[1826—1857 гг.]**

Литература по истории крестьянского движения в дореформенной России насчитывает огромное число работ, но, тем не менее, мы не можем назвать ни одной, в которой специально рассматривался бы возрастной состав наиболее активных его участников.

Отсутствие таких исследований объясняется, видимо, тем, что фактические данные, позволяющие хоть в какой-то мере раскрыть этот вопрос, редки, не систематизированы и разбросаны по многим первичным архивным делам. Специальный учет такого рода данных просто-напросто не осуществлялся. Поэтому даже в наиболее полной на сегодняшний день серии сборников документов по крестьянскому движению в России за интересующий нас период среди сотен документов лишь в двух мы обнаружили сведения о возрастном составе активных участников крестьянской борьбы¹. В этой связи особое значение приобретает каждый новый выявленный факт, каждое сообщение документов: их систематизация и осмысление позволит дать более углубленную качественную характеристику крестьянского движения в предреформенной России.

Источники, использованные в настоящей работе, это — материалы официальных следствий по отдельным крестьянским волнениям, результаты повторных следствий, возбужденных властями по жалобам крестьян на несправедливое решение их просьб. Дела эти отложились в фондах III Отделения с. е. и. в. канцелярии, соответствующих департаментов Правительствующего Сената и некоторых других центральных учреждений царской России. В процессе работы были учтены также свидетельства и мнения официальных лиц, обследовавших состояние ряда великорусских губерний накануне стмены крепостного права с целью выяснения реального положения дел на местах.

Методика выявления интересовавших нас сведений предельно проста и, как представляется, надежна — сплошной просмотр сохранившихся следственных дел по крестьянским выступлениям.

В итоге проведенной работы удалось обнаружить материалы по расследованию 44 крестьянских протестов, в которых имеются сведения о возрасте 416 наиболее активных их участников, на языке следственных документов именуемых «зачинщиками». Обоснованность отнесения различными судебными органами поименно названных в этих документах лиц к числу фактических вдохновителей борьбы, а также точность указанных в них данных о возрасте подследственных вряд ли можно подвергать сомнению: у властей не было видимой причины для умышленного искажения этих фактов. Хотя крестьяне практически во всех случаях отказывались выдать властям инициаторов выступлений, ссылаясь на то, что «одинаково все виноваты», поднаторевшим в подобных судебных делах чиновникам путем перекрестных допросов, очных ставок, угроз и т. п. действий все же удавалось выявить крестьянских вожakov. Порой это стоило немалых усилий. Так, например, по делу о волнении крестьян помещика Бедряги в Богучарском уезде Воронежской губ. членам военного суда пришлось допросить около 500 крестьян и по их показаниям «вычислить» шесть «главных виновников»². Настойчивость следственных органов вполне объяснима: перед ними стояла задача обезопасить крестьянский мир от влияния «смутьянов». Поэтому материалы различных судебных инстанций — подробное описание характера и степени вины каждого из участников крестьянских выступлений, а также вынесенные приговоры — можно расценивать как достаточно надежное основание для установления истинных вожakov в борьбе крестьян. Достоверность этих сведений подкрепляется и тем, что в ряде случаев удалось провести взаимную проверку сообщений разных источников.

На основе показаний названных выше типов документальных источников нами учитывался и возраст крестьянских ходяков, которые, как следует из имеющихся фактов, оказывали сильное влияние на интенсивность и упорство крестьянской борьбы.

¹ См.: Крестьянское движение в России в 1850—1856 г. Сб. док. М., 1962, док. № 46, 130.

² ЦГАОР СССР, ф. 109, IV эксл., оп. 88, 1848 г., д. 155.

Выбор хронологических рамок работы — 1826—1857 гг. — обусловлен двумя моментами. Во-первых, исследование вопроса находится в очень большой зависимости от содержащейся в источниках информации (за более ранние годы сведений о возрастном составе участников крестьянских протестов так мало, что на их базе было бы некорректно делать какие-либо выводы). Во-вторых, избранный нами отрезок времени ограничен двумя качественными вехами: началом революционного этапа в русском освободительном движении и кануном вступления России в первую революционную ситуацию. Завершая исследование 1857 годом, мы исходили из того обстоятельства, что после обнаружения в ноябре и декабре этого года царских рескриптов генерал-губернаторам П. Н. Игнатьеву и В. И. Назимову, из которых стало ясно о твердом намерении правительства в ближайшее время приступить к практическому решению вопроса «об устройстве быта помещичьих крестьян», в крестьянском движении и крестьянских настроениях появляются новые моменты, требующие иного подхода к их оценке. Хотя в целом в выступлениях крестьян по-прежнему отсутствуют политические цели, 1858 год является новой вехой в борьбе крестьян в условиях гласной подготовки отмены крепостного права.

Внутри выделенного для изучения периода материал с данными о возрастном составе активных участников борьбы распределен по годам не вполне равномерно, и какой-либо закономерности здесь обнаружить не удастся³. Выявленные данные в территориальном отношении охватывают 18 губерний страны: Московскую, Тверскую, Смоленскую, Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую, Курскую, Орловскую, Тульскую, Владимирскую, Нижегородскую, Новгородскую, Пензенскую, Калужскую, Петербургскую, Симбирскую, Полтавскую и Екатеринославскую. Широкий хронологический и географический разброс сведений позволяет, как нам кажется, рассматривать вопрос в более общем плане — как отражение социальных процессов в общегосударственном масштабе за длительный отрезок времени, а также охарактеризовать изменения в соотношении представителей разных возрастных групп, стоявших во главе крестьянской борьбы.

Критерии группировки по возрастам наиболее активных участников крестьянских выступлений, зафиксированных в источниках, могут быть разными — они зависят от конкретных исследовательских задач. Для выявления основных тенденций в изменении возрастного состава крестьянских вожаков в изучаемый период целесообразным представляется группировка их с десятилетним интервалом, начиная с 21-летнего возраста, т. е. с момента совершеннолетия. Активные участники борьбы в возрасте старше 60 лет, а также от 20 лет и моложе выделены нами в самостоятельные группы: первые занимали совершенно особое положение в крестьянской среде, вторые, ввиду несовершеннолетия, не играли самостоятельной роли в жизни общины.

В качестве промежуточного хронологического рубежа при определении характера изменений в представительстве разных возрастных групп в борьбе крестьян можно принять конец 30-х годов XIX в., поскольку уже в начале 40-х годов конфликт между растущими производительными силами и господствующими феодально-крепостническими отношениями обнаруживается со всей очевидностью⁴.

Конечно, оперирование лишь частичными данными при анализе поставленного в работе вопроса затрудняет установление сравнительной роли и удельного веса различных возрастных групп вожаков в общекрестьянской борьбе. Однако и эти сведения, дополненные высказываниями некоторых весьма сведущих в крестьянском вопросе современников, позволяют, как нам кажется, достаточно верно уловить общие тенденции в изменении возрастного состава активных участников крестьянского движения.

Для удобства анализа все выявленные данные о возрасте привлеченных к следствию и понесших то или иное наказание крестьян — «зачинщиков» выступлений — сведены нами в таблицу I.

³ Остается неясным, почему официальные лица, производившие расследование причин и обстоятельств того или иного крестьянского выступления, в одних случаях считали нужным указать возраст привлеченных к следствию и осужденных к наказаниям лиц, а в других — полностью игнорировали это.

⁴ См.: Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.

Таблица 1

Распределение активных участников крестьянских выступлений по возрастным группам в 1826—1857 гг.*

Возрастные группы, лет	1826—1840 гг.		1841—1857 гг.		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
20 и менее	3	2,0	10	3,1	13	3,1
21—30	28	17,6	69	26,8	97	23,3
31—40	46	28,9	65	25,2	111	26,5
41—50	43	27,0	60	23,3	103	24,8
51—60	29	18,2	43	16,7	72	17,4
Старше 60	10	6,3	10	4,0	20	4,9
Итого	159	100	257	100	416	100

* Таблица составлена по: ЦГИА СССР, ф. 1582, оп. 5, 1834 г., д. 1472, оп. 7, 1848 г., д. 2318; оп. 17, 1839 г., д. 1896; оп. 19, 1842 г., д. 15; оп. 25, 1849 г., д. 79, 334; оп. 31, 1849 г., д. 1398; оп. 8, 1850 г., д. 1036, 1901; оп. 10, 1854 г., д. 541; ЦГАОР СССР, ф. 109, II эксп., оп. 78, 1848 г., д. 487; IV эксп., оп. 167, 1827 г., д. 75, 105; оп. 188, 1848 г., д. 155; оп. 189, 1849 г., д. 186; оп. 195, 1855 г., д. 145; оп. 195, 1856 г., д. 172; оп. 197, 1857 г., д. 146; ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 84/28, 1847 г., 4 отд., 2 стол, св. 425, д. 34, ч. 1; 1848 г., д. 62, ч. 2; оп. 79/20, 3 отд., 1 стол, 1850 г., д. 4, ч. 1; оп. 73/14, 1855 г., д. 31; ЦГИА г. Москвы, ф. 16, оп. 7, д. 968, 1459, оп. 10, д. 256, 260; оп. 11, д. 948, 1343, 2208; оп. 12, д. 2148, 2300; оп. 15, д. 1120; оп. 18, д. 1641; оп. 20, д. 334, 416; оп. 32, д. 69; оп. 42, д. 85; оп. 46, д. 20, 177; ф. 17, оп. 1, д. 9173; оп. 31, д. 218; Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг., с. 143—144, 352—354.

Среди показателей таблицы резко выделяется высокая доля крестьян от 31 до 51 года: в целом за весь рассматриваемый период она составляла 51,3% общего числа активных участников борьбы, а за 1826—1840 гг. — 55,9%. Достаточно высоким в течение всего периода был удельный вес и двух других возрастных групп — 21—30 и 51—60 лет: 23,3 и 17,4%. Вместе с тем нельзя не отметить и стабильность соотношения выделенных возрастных групп «зачинщиков» крестьянских выступлений на протяжении всего периода, что в общем отражает замедленность темпов социальных процессов в крестьянской среде. Об этом же свидетельствует и преобладание среди вожаков крестьянского движения представителей старшего поколения — от 37 лет и старше: 59,6% — в целом по периоду, 66 и 55,6% — соответственно в 1826—1840 и 1841—1857 гг. (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение активных участников крестьянских выступлений по «младшей» и «старшей» возрастным группам

Возрастные группы, лет	1826—1840 гг.		1841—1857 гг.		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
36 и младше	54	34	114	44,4	168	40,4
37 и старше	105	66	143	55,6	248	59,6
Итого	159	100	257	100	416	100

В связи с произведенной в таблице 2 иной группировкой по возрастам активных участников движения заметим (это важно для раскрытия темы данной работы), что имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет точно установить возраст тех, кого официальные органы власти относили к категориям «старших» и «младших». Так, по результатам расследования причин и обстоятельств «неповиновения владельцу» крестьян тамбовского помещика Ранцева в 1848 г. Сенат определил: «старших из них, долженствующих подавать пример другим», подвергнуть наказанию розгами по 50 ударов каждому. И далее следует поименный перечень этих «старших» крестьян с указанием возраста — от 37 лет и более. В этом же документе говорится о наказании «прочих крестьян, последовавших примеру старших», тоже с обозначением их возраста — от 22

Возрастной состав помещичьих крестьян, осужденных за неповиновение своим владельцам в 1837—1845 гг.*

Возрастные группы, лет	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844	1845	Всего	
										абс.	%
17—20	94	7	17	8	4	8	24	11	29	202	6,5
21—39	188	304	333	216	71	111	360	170	207	1960	62,5
40—60	62	92	108	89	38	70	233	59	130	881	28,1
Старше 60	1	6	17	10	6	10	15	9	13	87	2,8

* Таблица составлена по данным ежегодных отчетов департаментов Сената и губернских палат уголовного суда за 1838—1846 годы.— Отчеты Министерства юстиции за ... годы. СПб., 1838—1846. По другим годам такого рода сведения в отчетах не содержатся.

до 37 лет (этим крестьянам за одинаковую со «старшими» вину мера наказания менее суровая — по 40 розог) ⁵.

Приведенные нами первичные архивные данные о возрастном составе активных участников крестьянских протестов с целью проверки их достоверности могут быть сопоставлены с официальными сведениями о возрастном составе помещичьих крестьян, осужденных за неповиновение своим помещикам (по всей вероятности, это в основном также были «зачинщики» выступлений). Как видно из содержания таблицы 3, выделенные в официальных отчетах возрастные группы несколько не совпадают с нашей группировкой, тем не менее, они в целом не противоречат отмеченным выше особенностям соотношения их между собой.

Прежде чем продолжить анализ выявленных данных, сделаем небольшое отступление и для более верного суждения о представительности каждой из выделенных нами возрастных групп активных участников в общекрестьянской борьбе приведем сведения о возрастном составе населения России в рассматриваемое время. Так, в 1862 г. на 1000 всех живущих приходилось в возрасте до 10 лет — 276 человек, 10—20 лет — 210, 20—60 лет — 462, 60 лет и старше — 52 человека ⁶. Для полноты представления о демографической ситуации в России конца XVIII — первой половины XIX в. приведем и средний возраст умерших взрослых (от 15 лет и старше) мужчин православного вероисповедания по периодам ⁷:

1798—1805 гг.	— 50,6 лет
1805—1814 »	50,2 »
1825—1834 »	51,4 »
1836—1850 »	48,6 »
1851—1862 »	48,9 »
В среднем	50,0 лет

Как видим, в крепостной России век мужчин составлял 50 лет (свидетельство очень высокой смертности). Следовательно, можно заключить, что возраст, в котором значительная часть крестьян вступала в активную борьбу, считался достаточно зрелым. Это особенно характерно для периода 1826—1840 гг., когда среди «зачинщиков» крестьянских выступлений преобладали далеко перешагнувшие рубеж средней продолжительности жизни.

Возвращаясь к анализу таблиц 1 и 2, заметим, что свойственное в целом для всего рассматриваемого периода устойчивое соотношение возрастных групп крестьянских вожаков явственно меняется — их состав «омолаживается». Так, если в 1826—1840 гг.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 1582, оп. 7, 1848 г., д. 2318, л. 4—5.

⁶ См.: Буняковский В. Я. Опыт о законах смертности в России.— Записки Императорской Академии наук, т. VIII. СПб., 1865, прил. № 6.

⁷ См.: Урланис Б. Ц. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978, с. 27. Отметим, что средняя продолжительность жизни мужчин (православных) в 1862 г. составляла 30,9 лет. См.: Буняковский В. Я. Указ. соч.

доля 21—40-летних крестьян составляла 46,5%, то в следующем периоде — уже 52% всех выявленных активных участников. Наиболее отчетливо эта тенденция прослеживается в повышении доли 21—30-летних крестьян: 17,6% — в первом периоде и 26,8% — во втором. Столь же наглядно процесс «омоложения» состава активных участников предстает из содержания таблицы 2: доля «старших» крестьян в 1841—1857 гг. падает на 10% и на столько же повышается доля «молодых», хотя в целом крестьяне старших возрастов еще численно преобладают. В 1841—1857 гг. по сравнению с первым периодом снижается и удельный вес группы участников движения от 50 лет и старше: 20,7 и 24,5% соответственно. Понижается также доля лиц старше 60 лет: 6,3 и 4% по обоим периодам. Последнее обстоятельство существенно, ибо и в русской крепостной деревне именно лица, достигшие этого возраста, являлись верными хранителями традиций и своим авторитетом подавляли всяческие попытки нарушения исстари устоявшихся норм общественного поведения, образа жизни и т. п.

Как известно, обычаи и традиции в реальной жизни выполняют две основные социальные функции. С одной стороны, они являются средством стабилизации утвердившихся в данном обществе, в данной социальной среде отношений, а с другой — осуществляют воспроизводство этих отношений в жизни новых поколений. И именно люди старшего поколения являются надежными хранителями обычаев и традиций — этих «нерегламентированных юридическими установлениями, поддерживаемых силой общественного мнения форм передачи новым поколениям способов реализации сложившихся в жизни данного класса, общества идеологических отношений (политических, нравственных, эстетических, религиозных)»⁸. Исходя из количественного распределения по возрастным группам вожаков крестьянского движения, можно говорить о том, что социальная и моральная роль старших крестьян в деревне была достаточно велика, несмотря на то, что они составляли незначительную часть ее населения. Но все же с годами их влияние, вероятно, ослабевало, что подтверждается, в частности, уменьшением их числа среди «зачинщиков» крестьянской борьбы во втором из выделенных нами периодов.

К кануну крестьянской реформы этот процесс обозначился настолько отчетливо, что наиболее дальновидные представители высшей бюрократии всерьез были обеспокоены его последствиями. Так, личный секретарь в. кн. Константина Николаевича статсекретарь А. В. Головин, побывавший весной—летом 1860 г. в Рязанской, Воронежской, Курской, Харьковской и Полтавской губерниях, в беседах с царственными особами неоднократно высказывал убеждение в том, что с «освобождением крестьян следует торопиться, доколе в селениях и особенно на мирских сходках преобладающую часть населения составляют крестьяне-старики, которые знали прежнюю тяжелую барщину, привыкли к повиновению и благодарны за те облегчения, которые уже теперь чувствуют, но что весьма было бы опасно откладывать дело это до того времени, когда молодое подрастающее поколение заменит стариков, ибо это новое поколение не в состоянии будет вынести крепостного состояния и теперь уже тяготеет им и высказывает нетерпение...»⁹.

Собственные наблюдения Головина во время этой поездки, а также «намеренно узнаваемые» им «мысли и замечания помещиков, губернаторов, исправников и предводителей» дворянства совершенно убедили его в том, что всюду «в крестьянах замечается вообще какое-то нравственное пробуждение и проявление как бы чувства собственного достоинства. Они теперь оскорбляются поступками, которые в прежнее время не оскорбляли их». Причину такого «нравственного пробуждения» крестьян Головин видит прежде всего в «заметной разнице» между стариками и молодым поколением. «Первые,— подчеркивает он,— хладнокровнее, равнодушнее и терпеливее. Многие из них не верят в предстоящую перемену, другие опасаются полицейского управления. Но на молодых крестьян жгучая мысль о „вольности“, о „свободе“ сильно действует, воспламеняет их умы и кипит кровь. Эти люди возрастают теперь при непрерывных толках о воль-

⁸ Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1976, с. 25.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 851, д. 4, л. 251. Мнение Головина на этот счет заслуживает тем большего доверия, что в записках о своей первой поездке по этому же краю в 1848 г. он ничего подобного не отмечает (см.: ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 226). Новые для него явления в крепостной деревне накопились в последующие 12 лет, отделявших его вторую поездку от первой.

Таблица 4

Возрастной состав беглых крестьян в 1826—1857 гг.*

Возрастные группы, лет	Абс.	в %
До 25	230	48,1
26—35	146	30,6
36—45	59	12,5
46—55	34	6,6
56 и старше	11	2,2
Итого	480	100

* См.: ЦГИА СССР, ф. 1582, оп. 17, 1833 г., д. 870; оп. 35, 1835 г., д. 2918; ЦГАОР СССР, ф. 109, IV эксл., оп. 194, д. 137; оп. 195, д. 145; оп. 196, д. 244; ЦГИА г. Москвы, ф. 16, оп. 7, д. 1389; ф. 17, оп. 13, д. 143.

ности, о новой жизни, и когда нынешние старики исчезнут и массу населения в помещичьих имениях составит помянутое поколение, то эта масса будет весьма различна духом своим от нынешних крестьян»¹⁰.

В своих неофициальных письмах Константину Николаевичу, отправленных им во время поездки из собственного имения (с. Гулынки Рязанской губ.), Головини вновь подчеркивает, что «старики крестьяне могли бы еще дожить век крепостными, но для молодых это совершенно невозможно и нетерпение их возрастает. Число первых и влияние их уменьшается, а число вторых возрастает...»¹¹ В крепостной деревне «спокойствие только наружное, ибо брожение умов весьма сильно». Желательно, советует он в июне 1860 г., «не позже начала зимы объявить освобождение крестьян». Откладывать решение вопроса далее нельзя, ибо «терпение крестьян лопнет». Будущее сильно страшит наблюдательного информатора Константина Николаевича: «Я как-то говорил со стариками из крестьян о нынешних мальчиках, их внуках, — пишет он; — они крайне недовольны ими, говорят, что теперь ребята бурливы <...>. Необходимо подумать об этих детях, которые вырастают, прислушиваясь к толкам о вольности, составляющей теперь единственный предмет разговора в селах и деревнях. Если не поторопиться дать им религиозно-нравственное образование <...>, то приготовится к будущему царствованию 10 млн. буйной вольницы»¹².

Конечно, приведенные выдержки из писем и записок Головина, характеризуя общее настроение в деревне, разные его проявления у «старших» и «молодых» крестьян, прямо не свидетельствуют об отличиях в позиции вожаков крестьянской борьбы разных возрастов. Но, как известно, именно из этих общих настроений выросло крестьянское движение, крестьянские протесты против существующего режима, против помещиков, и различное отношение «молодых» и «старших» крестьян к сложившимся в крепостной деревне условиям, к надвигавшимся переменам в их жизни не могло не сказываться и на выборе форм и методов антипомещичьей борьбы. Отметим в этой связи, что факт изменения места и роли различных возрастных групп в общекрестьянской борьбе, в степени решимости отстаивать интересы всего крестьянства в свое время четко был подмечен в знаменитой прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», где все надежды на организацию результативной борьбы в деревне связывались с молодым поколением крестьян.

Обоснованность опасений Головина относительно последствий все больших расхождений в настроениях и взглядах «стариков» и «молодых», уменьшения влияния первых в крестьянской среде, на наш взгляд, косвенно подтверждается возрастным составом крестьян, прибегавших к такой форме классовой борьбы, как бегство (см. табл. 4).

Из 480 беглых крестьян, данные о возрасте которых нам удалось обнаружить, доля тех, кому не более 35 лет, составляет свыше $\frac{2}{3}$. Именно представители этой возрастной

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 958, оп. 1, 1860 г., д. 666, л. 5—5 об.

¹¹ ЦГА ВМФ СССР, ф. 224, оп. 1, д. 334, л. 3—4, 20. Разрядка моя.— М. Р

¹² Там же, л. 20—20 об., 71, 62—62 об.

группы крестьян, не желавшие больше мириться с крепостной действительностью, но и не видевшие других реальных путей избавления от крепостнических пут, чаще, чем «старшие» крестьяне, избирали этот способ освобождения.

О решительном неприятии крепостнических порядков «младшими» крестьянами свидетельствует и преобладание лиц не старше 40 лет среди тех, кто принимал непосредственное участие в убийствах помещиков. По сводным данным дореволюционного исследователя Е. Н. Анучина, извлеченным из архива Тобольского приказа, подобного рода преступлений в 1827—1846 гг. по возрастным группам распределялись следующим образом¹³.

Возрастные группы, лет	Число убийств	Возрастные группы, лет	Число убийств
11—20	62	41—50	53
21—30	196	51—60	20
31—40	135	старше 60	7

Больше всего убийств помещиков совершали крестьяне в возрасте 21—30 лет, т. е. в наиболее деятельную пору жизни.

Для уяснения складывающихся в крестьянской деревне взаимоотношений между различными возрастными группами крестьян было бы интересно попытаться определить отношение старших крестьян к выдвижению на передовые роли в крестьянской жизни и в общекрестьянской борьбе более молодых, более решительных представителей крестьянского мира. Прямых документальных свидетельств на этот счет мало, тем не менее они позволяют судить об этом достаточно определенно. Так, например, в материалах военного суда, учрежденного в связи с неповиновением крестьян помещика Грудева в Рузском у. Московской губ., приводится следующее любопытное признание старших крестьян: они, «хоть видят глупость молодых крестьян, но не отступят от мира и боятся их уговаривать к повиновению, чтобы не пострадать от них»¹⁴. Попытки же «благоразумных» старших крестьян «отступить от мира», отстать от «общего дела» могли иметь печальные для них последствия. Известно множество примеров, когда более молодые одновотчинники угрожали отдать их детей, минуя волю помещика, вне очереди в рекруты, а имущество распродать на покрытие мирских расходов. Страх перед подобными мерами оказывал свое действие на колеблющуюся часть крестьянской общины. В этой же связи отметим, что цель сплочения крестьянского мира, в котором ближе к середине века все чаще наблюдаются случаи размежевания не только по социальному признаку (бедные — богатые), но и по возрастному (старики — молодые), преследовали и известные коллективные клятвы крестьян перед образами, когда они торжественно обещали друг друга не выдавать и держаться сообща «до решения их дела».

Однако становление нового поколения крестьян, пришедшего «на смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся „начальства“ крепостному крестьянству»¹⁵, затянулось на многие десятилетия. Медленно и трудно преодолевалась «обособленность крестьянина („оседлость“), который не хотел, да и не мог знать ничего, кроме своего клочка земли...»¹⁶. Лишь в условиях бурного развития капитализма в стране ход перемен в общественном сознании крестьянства заметно ускорились. Именно новым общественным отношениям — капитализму — В. И. Ленин отводил громадную роль в «вытягивании» крестьянского сознания и самого крестьянина «из мрака забитости и холопства»¹⁷.

В дореформенной России этому процессу способствовало прежде всего появление в крестьянской среде в результате расширения контактов с городом лиц, связь которых с деревней была ослаблена и которые научились, по выражению Ленина, «кой-чему из

¹³ Анучин Е. Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827—1846 гг. Материалы для уголовной статистики России. Изд. 2. СПб., 1873, с. 41.

¹⁴ ЦГИА г. Москвы, ф. 16, оп. 10, д. 186, л. 17.

¹⁵ Ленин В. И. ПСС, т. 20, с. 140—141.

¹⁶ Там же, т. 1, с. 421.

¹⁷ Там же, т. 11, с. 88.

горького опыта бродячей жизни и наемной работы»¹⁸. Освобождение от «бездны патриархальных и личных отношений зависимости и сословности, которые так сильны в деревнях», повышалось, по словам Ленина, «гражданскую личность крестьянина»¹⁹. Это положение хорошо подтверждают свидетельства жандармских чинов. Так, во всеподданнейшем отчете III Отделения за 1860 г., подводившем итог многолетним тщательным наблюдениям за общественным настроением, прямо указывалось, что «народный дух в России с каждым годом более стремится к обеспечению и расширению гражданских прав<...> к распространению круга умственной его деятельности на современных либеральных основаниях»²⁰. Прежде всего это относилось к представителям молодого поколения крестьян, более мобильных и социально деятельных, менее связанных и придавленных «страшной силой привычки миллионов»²¹, проявлявших интерес к чтению и образованию, что, бесспорно, было одним из основных условий их выдвижения на роль вожakov в общекрестьянской борьбе.

Приведем в этой связи весьма интересный факт обращения в крестьянской среде герценовского «Колокола»²².

18 августа 1859 г. нижегородский помещик Шереметев направил к штаб-офицеру корпуса жандармов своего крестьянина Семена Смыслова, который якобы брал для прочтения газету «Колокол», «листов 5», у крестьянина с. Богородское Николая Маркичева. Это известие о чтении крестьянами запрещенной газеты вызвало большую тревогу местных властей, еще совсем недавно, весной того же года, уверявших вышестоящие органы в том, что сочинения Искандера вовсе «не имеют хождения в публике»²³.

В результате спешного расследования выяснилось, что служивший в господской усадьбе по прихоти помещика садовником крепостной крестьянин Смыслов, 24 лет, грамотный, 16 июля, войдя в мелочную лавку «односельского» крестьянина Николая Маркичева, застал его в обществе «человек двух или трех» читающим вслух газету «Колокол». По просьбе Смыслова Маркичев дал ему газету на «короткое время». И далее подследственный по ходу допроса решительно заявляет: «Что было в ней написано не помню, да всю ее и не читал».

Допрошенный Маркичев, 21 года, показал, что выписывает журнал «Сын Отечества» и регулярно дает его читать односельчанину Александру Пугину. Последний также снабжал Маркичева книгами, «которые достает». «Он дал мне два номера „Колокола“ — сказал Маркичев, — какие именно не знаю <...>. Не слышавши никогда об этой газете и не зная, что она запрещена, держал ее в лавке...». И уже знакомое «признание»: «Сам ее не читал и что в ней написано не знаю».

Александр Пугин, 34 лет, показал, что брал и давал книги и газеты «дворовому человеку помещика моего Михаилу Мельникову и односельскому крестьянину Николаю Маркичеву; взяв у последнего 10 номеров журнала „Сын Отечества“, я передал их Мельникову. Возвращая журналы, Мельников предложил мне прочитать газету „Колокол“, два номера за 1857 год. Принеся Маркичеву его журналы, он увидел у меня „Колокол“ и просил оставить как никогда не виданную газету, что я и сделал».

Затем Пугин дополнил показания рассказом о разговоре с крестьянином Николаем Вороновым, состоявшим «по желанию помещика своего» фельдшером при больнице. При встрече с ним Воронов спросил: «Что я не доставляю „Колокол“, взятый у Мельникова, который он ему обещал». Пугин после этого отнес ему газеты, а спустя «сутки или две взял у него назад».

Николай Воронов, 34 лет, в своих показаниях был откровенен, но на главный вопрос: «Читал ли газету?» ответил отрицательно. «Встретясь с дворовым человеком помещика

¹⁸ Там же, т. 20, с. 141.

¹⁹ Там же, т. 3, с. 577.

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 223, д. 25, л. 80.

²¹ Ленин В. И. ПСС, т. 41, с. 27.

²² ЦГАОР СССР, ф. 109, I эксп., 1859 г., д. 208. Факт этот не нашел отражения в наиболее полных на сегодняшний день сводках распространения герценовских изданий в России. См.: Таубин Р. А. Из истории пропаганды «Революционной партии» среди крестьян и солдат в годы революционной ситуации. В сб.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1960; Гинзбург Б. С. Распространение изданий Вольной русской типографии в конце 1850-х — начале 1860-х годов (По материалам III Отделения и другим данным). — Там же, М., 1962.

²³ См.: Гинзбург Б. С. Указ. соч., с. 356.

моего Михаилом Мельниковым,— показал Воронов,— он, зная, что я люблю читать, спросил меня: Читал ли я газету „Колокол“? На мой ответ, что не читывал, он мне сказал, что я могу взять ее у Пугина. Газеты этой было два номера, она была довольно запачкана <...>, увидав, что она 1857 года, я оставил ее без внимания как старую газету, и так как мне было необходимо посетить больных, то я ее и не читал, потому что в этот же день Пугин взял ее назад. Что газета запрещена, я совершенно до сего времени не знал.

Михаил Мельников, 33 лет, исполнявший должность «смотрителя по дому» в господской усадьбе в селце Лазареве, показал, что весной приезжал из Петербурга племянник помещика корнет кавалергардского полка Василий Петрович Шереметев и жил в доме около месяца. Когда гость уехал, в его комнате Мельников нашел три номера «Художественного листка» и два номера «Колокола» за 1857 г. «Я взял эти номера себе,— признался он,— нимало не подозревая, что газета „Колокол“ запрещена... Что в ней было написано, хорошо упомнить не могу, а сколько могу припомнить, сначала были какие-то стихи, потом была статья о тарифе и об освобождении крестьян, но сущности этих статей никак не могу рассказать подробно.

Корнет Шереметев на вопрос о номерах «Колокола» заявил, что газеты «при себе в бытность у дяди не имел. Купленные им во время пребывания за границей два номера газеты у него исчезли в гостинице Демута вскоре после возвращения из-за границы.

Несмотря на очевидную противоречивость показаний подследственных, явную сомнительность единодушного утверждения всех пятерых о том, что газету не читали и не знали, что она запрещена, следователи вполне удовлетворились сказанным. Оставили в покое и корнета. Думается, объясняется это просто. Неожиданно обнаружившийся факт чтения герценовского «Колокола» крестьянами захолустного Васильсурского уезда ставил под сомнение неоднократные верноподданнические уверения жандармов в том, что в пароде сочинений Герцена нет. Страх перед гневом самодержца заставил местные власти утаить правду, и, вопреки твердо устоявшейся практике, они не информировали царя о случившемся.

Чтение крестьянами «Колокола» и коллективное обсуждение прочитанного несомненно способствовало росту их самосознания, расширяло их кругозор. Этот маленький факт наглядно иллюстрирует известное ленинское положение: «...Герцен и его „Колокол“ помогли пробуждению разночинцев, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству»²⁴.

Изложение этого дела было бы неполным, если бы мы не попытались установить, какие же номера газеты «Колокол» были в руках у крестьян. Сами они их «не запомнили», а следователи не могли установить по той причине, что газеты были сожжены Пугиным «в печи», когда до него дошла весть об обыске в доме Маркичева. У нас для установления номеров газеты есть зацепка: Мельников показал, что «были какие-то стихи, потом была статья о тарифе и об освобождении крестьян». В 1857 г. вышло шесть номеров «Колокола», и только первый номер открывался написанным в стихотворной форме вступлением к «Предисловию» Искандера, в котором четко излагалась программа нового издания. Главными в ней, как и в программе «Полярной звезды», оставались три основных требования: освобождение слова от цензуры, крестьян от помещиков и всего податного состояния от побоев. В этом же номере помещена заметка «Что сделано для освобождения крепостных людей?» Ее основной рефрен — утверждение, что правительство «ничего не сделало для освобождения крепостного состояния и не подвинуло ни на шаг решение этого вопроса». «Колокол» предостерегал: «Пора проснуться! Скоро будет поздно решать вопрос освобождения крестьян мирным путем; мужики решат его по-своему! Реки крови прольются...». В номере помещен и язвительный разбор отчета министра внутренних дел за 1855 г. и другие обличительные материалы. Во втором номере нет публикаций того содержания, о которых говорил Мельников, но вот третий номер открывается развернутой критикой устава железных дорог и нового торгового тарифа. Таким образом, можно заключить, что в руки шереметевских крестьян попали первый и третий номера «Колокола»²⁵. Особенно важно то обстоя-

²⁴ Ленин В. И. ПСС, т. 25, с. 93—94.

²⁵ Правда, остается один неясный момент. Смыслов заявил, что газеты было «ли-

тельство, что крестьяне ознакомились с программой герценовского издания, изложенной ясным, понятным для них слогом, и убедились в том, что крепостной люд в своей борьбе против помещиков не одинок.

Этот пример как нельзя более наглядно показывает пути проникновения в среду крестьянства новых общественно-политических идей и роль в этом молодых крестьян.

Обращаясь к характеристике возрастного состава крестьянских ходоков, их поверенных, напомним, что на них возлагалось не только трудное и ответственное дело организации составления, на основе коллективно выработанных мирских приговоров, жалоб и прошений на имя царя или высших правительственных учреждений, но и вручение этих крестьянских документов адресату и непременно из рук в руки. Отметим также, что от степени активности крестьянских ходоков во многом зависели упорство и сплоченность крестьян в их борьбе. Именно эти наиболее инициативные представители крестьянского мира поддерживали его решимость отстаивать свои интересы. Жандармские офицеры обоснованно отмечали в своих донесениях, что «подобные ходоки раздувают токмо неповиновение крестьян»²⁶.

К сожалению, данные о возрасте крестьянских ходоков нам удалось обнаружить лишь в 23 случаях. На их основе сделать вывод о соотношении тех или иных возрастных групп не удастся — в них равномерно представлены все возрасты от 25 до 74 лет. При группировке ходоков в соответствии с официальным критерием на «старших» (старше 37 лет) и «младших» (до 37 лет) 11 из них относились к числу первых, 12 — ко вторым. И это вполне объяснимо.

Дело в том, что среди критериев отбора крестьянских ходоков возрастной ценз не имел решающего значения. На роль ходоков, поверенных крестьян, в критических ситуациях выдвигались те члены общины, которые были способны отстаивать общие интересы наиболее стойко и последовательно. Причем при любом нарушении обычного течения жизни развитие дальнейших событий во многом зависело от личностных качеств неформальных (большой частью) лидеров — крестьянских ходоков. Именно в критической ситуации существенно возрастало их значение в жизни общины. Несмотря на неудачу предпринимавшихся в литературе попыток наделять лидеров малых групп (к числу которых можно отнести и крестьянскую общину) какими-то особыми качествами (имеющиеся в социально-психологических исследованиях перечни физических, умственных и личных качеств, которыми лидер якобы должен обладать, дают не более 5% совпадающих пунктов), все же ясно, что на роль вожака протестующих крестьян мог претендовать не всякий член группы (общины), а лишь тот, чьи личные свойства наиболее соответствовали ситуационному моменту. Причем важно то, что на эту роль конкретного индивида не только выдвигали, но и он сам был готов стать «руководителем» группы (общины). Он четче, чем остальные, должен был представлять пути достижения стоящей перед коллективом задачи, иметь больше индивидуальных способностей для реализации ее в жизнь, и при всех равных с другими кандидатами на роль вожака показателях у него должен быть выше уровень активной деятельности. Последнее — совершенно необходимое условие для того, чтобы придать уверенность «ведомым» им членам группы в успехе начатого дела.

Что касается самих обстоятельств и причин выдвижения того или иного индивида на роль лидера (крестьянского ходока, поверенного), то, видимо, они определялись его личными качествами, его знанием жизни в значимом для группы плане, его взаимоотношениями с группой, а также составом и личностными качествами членов ее, наконец, самой той ситуацией, в которой происходило становление лидера²⁷.

Было бы крайне интересно на основе детального анализа каждой конкретной ситуации попытаться установить, какие именно факторы (объективные и личностные) обуславливали становление лидера в малой группе (в данном случае — общине), но это уже тема специального исследования.

стов 5», тогда как первый номер «Колокола» состоял из пяти листов и номер третий — из четырех. Возможно, что он ошибся, или оба номера содержали неполные листы.

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 109, I эксл., 1829 г., д. 240, л. 2.

²⁷ См. подробнее об этом: Жеребова Н. С. Лидерство в малых группах как объект социально-психологического исследования. В кн.: Руководство и лидерство (опыт социально-психологического исследования). Сб. научных трудов. Л., 1973.

Помимо тех наблюдений, которые были сделаны в результате рассмотрения возрастного состава наиболее активных участников крестьянского движения, можно утверждать о наличии достаточно определенной тенденции к их «омоложению». Тем самым на два последних предреформенных десятилетия пришлось время смены в крестьянских общинах референтной (эталонной) группы*, на которую неизменно ориентировались в своих поступках и действиях (особенно в критических ситуациях, к числу которых можно отнести случаи крестьянских протестов) все члены крестьянского мира. Причем такая ориентация на референтную группу осуществлялась не в целях принятия каких-то кардинальных решений в той или иной конкретной обстановке, а единственно для определения линии «правильного» поведения каждого члена общины в новой ситуации. Именно потому сколько-нибудь отчетливо выраженные внутренние конфликты в общине преимущественно имели место лишь до принятия ею определенного решения, после чего усилия целиком сосредоточивались на его реализации. А само дальнейшее поведение каждого ее члена, его направленность во многом зависели от действий тех лиц, которых крестьянский мир уполномочил представлять и отстаивать его интересы.

Итак, ближе к середине XIX в. в составе референтной группы стали преобладать молодые крестьяне, с большей решимостью борющиеся за общекрестьянские интересы. Думается, это являлось одной из немаловажных причин возросшего упорства крестьянских выступлений, необычайной стойкости крестьян в отстаивании своих требований, и в целом способствовало складыванию в русской крепостной деревне предреформенной поры взрывоопасной ситуации, чреватой грозными последствиями для господствующего режима.

* В социальной психологии под понятием «референтная группа» подразумевается такая группа людей (реальная или воображаемая), поведение которых, их взгляды являются для других эталоном (системой эталонов), и каждый индивид свои действия и поступки, как правило, строит в расчете на одобрение со стороны членов этой референтной, эталонной группы.

В. А. КУЧКИН

К ИЗУЧЕНИЮ ПРОЦЕССА ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ {Ржева и ее волости в XIV—XV вв.}

Древнерусский город Ржев, или, как он назывался в старину, Ржева, стоял на высоком и труднодоступном мысу, образованном слиянием рек Волги и ее левого притока Хальнки¹.

Впервые в летописи Ржева упоминается под 1216 г.² В те времена город принадлежал князю Мстиславу Мстиславичу Удалому³. Этот князь происходил из рода смоленских князей, его уделом был Торопец⁴, следовательно, Ржева относилась к смоленской территории. В конце XIII—начале XIV в. Ржева становится центром одного из удельных смоленских княжеств. Если летописное известие 1285 г. еще не знает во Ржеве князя⁵, то в рассказе о событиях 1314 г. в летописи фигурирует князь Федор Ржевский, служивший московским князьям и назначенный из Москвы наместником в Новгород Великий⁶. Судя по упоминанию в 1363 г. Ивана Ржевского, видимо,

¹ Рикман Э. А. Обследование городов Тверского княжества.—Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. XII, 1951, с. 72; Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.—Материалы и исследования по археологии СССР, № 105. М.—Л., 1961, с. 12.

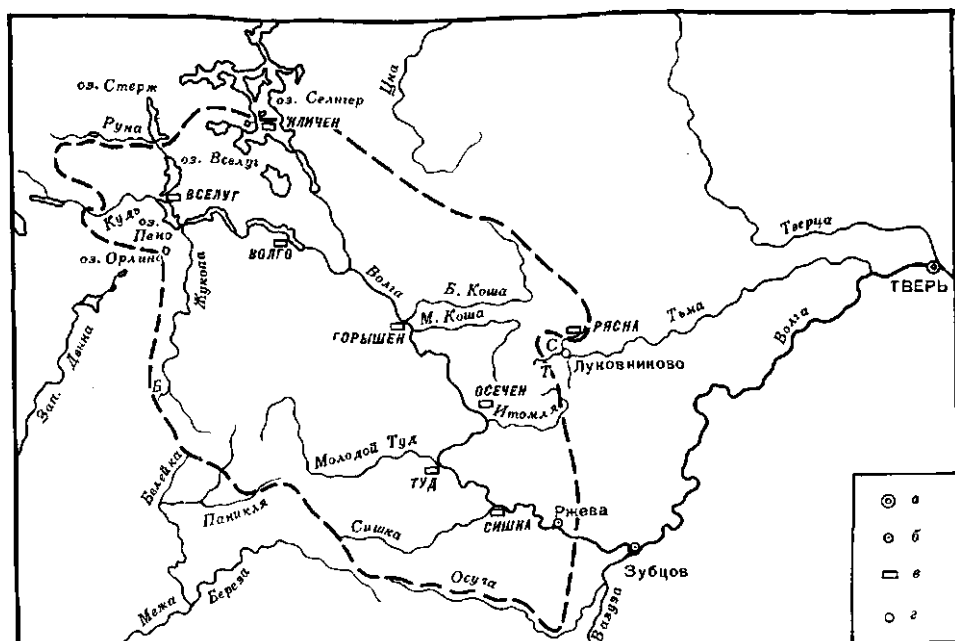
² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950 (далее—НПЛ), с. 55.

³ Там же.

⁴ Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895, с. 184.

⁵ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 81.

⁶ НПЛ, с. 94.

Ржева и ржевские волости в XV в.

Условные обозначения: а — центр княжества; б — города; в — крепости; г — села. Со-
кращения: Б.— р. Баранка; С.— р. Сутока; Т.— р. Темка

бывшего воеводой в находившемся под властью московских князей Переяславле⁷, князя ржевские, утратив свой титул, и во второй половине XIV в. служили Москве, а последнее означало утрату ими своих отчинных прав на Ржеву. Сам же город, в короткое время потеряв значение удельного центра, в начале XIV в. вернулся под власть смоленских князей.

Последующая история Ржевы и относившейся к ней территории представляет значительный интерес с точки зрения тех политико-территориальных сдвигов, которые происходили в Восточной Европе в XIV—XV вв.

Военные нападения на Ржеву и ее волости, особенно многочисленные в XIV столетии, осуществлявшиеся правителями различных княжеств, имели своей целью, как всякие внешние войны при феодализме, «конфискацию земель»⁸. Но в причудливом переплетении княжеских амбиций и желаний, дипломатических ходов и военных акций в отношении Ржевы ясно проступает одна тенденция. Она была связана с формированием территории двух быстрорастущих политических центров Восточной Европы — Вильны и Москвы. Ржевские волости не граничили непосредственно ни с литовскими, ни с московскими землями. Однако их важное стратегическое положение на Верхней Волге — крупнейшей восточноевропейской волной магистрали, близость к Смоленску, Твери, Новгороду Великому определили ранний интерес к ним как литовских, так и московских великих князей. Важно отметить, что Иван Калита и его наследники начали борьбу за Ржеву задолго до того, как стали государями «всей Руси», еще будучи правителями, даже не обладателями Великого княжества Владимирского. В этом проявились широкие общерусские устремления московских князей. Исконные владельцы Ржевы — князья смоленского дома — с последней трети XIV в. уже не в состоянии были удерживать ее за собой и вынуждены были отказаться от своих прав на нее.

Таким образом, выяснение политического статуса Ржевы и ее волостей на протяжении XIV—XV вв. позволяет обнаружить закономерности общего порядка: ломку раннесредневековых принципов отчинного владения землями и торжество принципов

⁷ ПСРЛ, т. I. Л., 1926—1928, стб. 532; т. IV, ч. 1, вып. I. Л., 1925, с. 290; т. V. СПб., 1851, с. 229.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 338.

обладания территориями по политическому могуществу, характерных для эпохи складывания крупных феодальных монархий. Уже в первой трети XIV в. часть ржевских земель оказалась в руках Литовского государства. Под 1335 г. летопись сообщает о поселье Иваном Калитой рати из Торжка, которая пожгла «городкъ Литовьскыи Остечень и Рясну и иных городковъ много»^{8а}. Средневековый Осечень стоял на левом берегу Волги, на месте позднейшего погоста Осечена⁹. Рясна находилась на месте или вблизи современного с. Рясна, расположенного у верховья р. Сутоки, недалеко от р. Тьмы¹⁰. По данным XV в., оба поселения входили в состав ржевских волостей¹¹, и нет оснований думать, что в более раннее время дело обстояло иначе. Известие 1335 г. свидетельствует о том, что уже к началу второй трети XIV в. Литва сумела отнять у Смоленска некоторые ржевские волости.

Что касается самой Ржевы, то литовцы впервые захватили ее в 1356 г.¹², однако через два года их выбили оттуда полки великого князя владимирского Ивана Красного¹³, отца Дмитрия Донского. Но в 1359 г. великий князь литовский Ольгерд сумел вернуть себе Ржеву¹⁴. Таким образом, к концу 50-х гг. XIV в. под властью Великого княжества Литовского сложился отторгнутый от Смоленского княжества комплекс ржевских волостей, на которые, как показывают события 1358 г., а возможно, и действия Ивана Калиты в 1335 г., начали претендовать также московские князья, занимавшие стол великого княжения Владимирского. Со временем в судьбе ржевских земель оказались заинтересованы и князья тверского дома, владения которых непосредственно граничили с ржевской территорией.

Пограничное положение Ржевы и ее волостей обусловило в научной литературе представления, которые впервые сформулировал еще Н. М. Карамзин. Говоря о подчиненности Ржевы в конце XIV в., он писал, что город «принадлежал отчасти московским князьям, отчасти тверским»¹⁵.

Самые полные для XIX в. данные о Ржеве собрал и прокомментировал в своем исследовании по истории Тверского княжества В. С. Борзаковский. И он пришел к тому же выводу, что и Н. М. Карамзин: «...кажется безошибочно можно заключить на основании указаний летописи и грамот за время 1446, 1447, 1448 и 1449 годов, что Ржева считалась в сместном владении Твери и Москвы»¹⁶. Анализируя далее тексты литовско-тверских соглашений XV в., где, на взгляд В. С. Борзаковского, речь шла об общем владении порубежными местами, а в их число несомненно должны были входить ржевские волости, исследователь несколько расширил прежнее заключение, написав, что Ржевой совместно обладали не только Тверь и Москва, но и Литва¹⁷. Изыскания В. С. Борзаковского оказали существенное влияние на труды позднейших историков. Так, академик М. К. Любавский уже прямо утверждал, что Ржева «была в „сместном“ владении Москвы, Твери и Литвы»¹⁸. И в современной историографии встречаются основанные на выводах В. С. Борзаковского замечания о том, что в конце XIV в. на Ржеву одновременно претендовали Москва, Тверь, Литва и т. п.¹⁹ Между тем обращение к источникам не подтверждает всех этих превратившихся в постулат заключений.

^{8а} НПЛ, с. 347.

⁹ Успенский В. П. Литовские пограничные городки Селук, Горышн и другие. Тверь, 1892, с. 15; Харитонов Г. В. Разведочные работы в бассейне Верхней Волги. В кн.: Археологические открытия 1975 года. М., 1976, с. 96.

¹⁰ Успенский В. П. Указ. соч., с. 17. Ср.: Атлас Тверской губернии 1825 г.—ЦГВИА, ВУА, № 19097, л. 132 об.

¹¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (далее — ДДГ). М.—Л., 1950, № 71, с. 250.

¹² ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пг., 1922, стб. 65.

¹³ Там же, стб. 67.

¹⁴ Там же, стб. 68.

¹⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского, кн. 2. Изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842, прим. 139 к т. V.

¹⁶ Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876, с. 45.

¹⁷ Там же, с. 46.

¹⁸ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского Статута. М., 1892, с. 285.

¹⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. II. М., 1953, с. 244; ср. с. 527—528.

Как уже говорилось, в конце 1359 г. Ольгерд вернул себе Ржеву. Он удерживал ее за собой почти 9 лет²⁰. Во второй половине 1368 г. Ржева и ржевские волости были отвоены у Ольгерда Москвой, распорядившейся в них по меньшей мере до лета 1372 г.²¹ Видимо, вскоре после июля 1372 г. Ржева снова перешла к Литве. Во всяком случае, в 1376 г. она несомненно была литовской²².

Далее сведения о Ржеве исчезают из источников до 1386 г., когда летописи отмечают участие ржевской рати в походе Дмитрия Донского на Новгород²³, что свидетельствует о принадлежности Ржевы уже не Литве, а Москве. На то же указывает и договор, заключенный между 6 и 26 января 1390 г. великим князем Василием Дмитриевичем со своим дядей князем Владимиром Андреевичем Серпуховским.

Согласно этому договору Ржева от Василия отходила к Владимиру²⁴. Из этих фактов можно заключить, что Ржева перешла к Москве до 1386 г., скорее всего, в 1381—1382 гг., когда в Литовском государстве произошел переворот и ярый враг Москвы Ягайло на время был отстранен от власти Кейстутом, стремившимся установить с Дмитрием Ивановичем дружественные отношения. Это предположение находит подтверждение в документе XV в. Текст договора от 31 августа 1449 г. между великим князем московским Василием Васильевичем и королем польским и великим князем литовским Казимиром IV содержит следующую статью: «А которыхи места волостили веда[ли] Осугу пры великом князи Кестутьи, и твоим волостелемъ по тому ж ведати, а мне, великому князю Василью, не вступатисе»²⁵. Ссылка на нормы, восходившие ко времени правления в Литовском государстве Кейстута, прямо указывает на существование московско-литовского соглашения 1381 г. или 1382 г., касавшегося, очевидно, Ржевы²⁶. Переход обширной ржевской территории от Литвы к Москве был, несомненно, следствием тех изменений сил в Восточной Европе, которые вызвала победа Дмитрия Донского над Мамаем в битве на Куликовом поле. Летописное свидетельство 1393 г. о захвате новгородцами у московского великого князя Кличена²⁷ — одной из ржевских волостей — показывает, что и в начале 90-х гг. XIV в. Ржева оставалась за Москвой. Таким образом, выясняется, что примерно с середины 50-х гг. XIV в. и до начала 80-х гг. этого столетия Ржевой и относившимися к ней волостями попеременно владели то Литва, то Москва, а затем почти до конца века — только Москва. Никаких следов обладания ржевской территорией или ее частью тверскими князьями, даже их притязаний на нее в указанное время в источниках не обнаруживается.

Однако в летописном рассказе, помещенном в Новгородской IV и Софийской I летописях, о последних днях тверского великого князя Михаила Александровича приведена выдержка из его завещания. Согласно предсмертной воле тверского правителя старший сын Михаила Иван и его дети Александр и Иван получили Тверь, Новый Городок, Ржеву и ряд других городов²⁸. Это первое и самое раннее известие о принадлежности Ржевы тверским князьям. В его достоверности можно было бы сомневаться, поскольку в аналогичном рассказе других летописных сводов о завещании и кончине князя упоминание Ржевы отсутствует²⁹. Однако все эти своды восходят именно к Софийской I летописи, и пропуск в них указания на Ржеву — итог поздней тенденциозной редакторской работы московских книжников³⁰.

²⁰ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 68.

²¹ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. В кн.: Куликовская битва. М., 1980, с. 76, 91—93.

²² ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 116.

²³ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, с. 245; т. V, с. 241.

²⁴ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 157; ДДГ, № 13, с. 37, 38.

²⁵ ДДГ, № 53, с. 160—161.

²⁶ Kolanowski L. Dzieje Wielkiego Xięstwa Litewskiego za Jagiellonow, t. I. Warszawa, 1930, s. 21 и пр. 10.

²⁷ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 220. О том, что Кличен — ржевская волость, см.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСВР), т. II. М., 1958, № 339, с. 337 (известие 1389—1425 гг.).

²⁸ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, с. 388; т. V, с. 252.

²⁹ См., напр., ПСРЛ, т. XXV, с. 230.

³⁰ К сожалению, именно в такой поздней обработке (не ранее второй половины XV в.) вставил рассказ о последних днях Михаила Тверского и его завещании, заимствованный из Воскресенской летописи, в свою реконструкцию Троицкой летописи 1409 г. М. Д. Приселков (Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 451—452 и прим. 1 на с. 452).

К тому же есть два подтверждения правильности известия о распоряжении Ржевою тверскими князьями в конце XIV в. Одно подтверждение — косвенное. Согласно заключенному в январе 1390 г. договору между великим князем Василием Дмитриевичем и Владимиром Андреевичем Серпуховским великий князь передавал Ржеву серпуховскому князю, а в случае потери Ржевы обязывался возместить эту потерю князю Владимиру передачей ему волостей Ярополч и Медуши. Недавно в Ярополче была найдена монета второго сына Владимира Андреевича — Семена³¹, что не может не свидетельствовать о потере Ржевы Владимиром Андреевичем и переходе к нему Ярополча.

Второе подтверждение более определенное. В последнем разделе памятника, который в научных исследованиях обычно фигурирует под названием «Инока Фомы Слово похвальное», приведены слова (из текста грамоты?), с которыми в 1447 г. обратился тверской великий князь Борис Александрович к не хотевшим признать его власть ржевичам: «Прадѣдина есть наша, а конми се было дѣлы досягли были наши братиа великие князи московские, а нынѣча милостию божиею нашего ся намъ отступают, но вы на кого держите град син?»³² Указание на «прадѣдину» ведет ко времени именно Михаила Александровича, которому Борис Александрович приходился правнуком. Итак, не вызывает сомнений, что Ржевой владел Михаил Александрович Тверской. Когда же Ржева стала принадлежать Твери?

Согласно летописным рассказам о смерти Михаила Александровича, он составил «душевную» грамоту после 15 августа 1399 г., а 19 или 20 августа огласил свое завещание³³. Следовательно, к середине августа 1399 г. Ржева была уже тверской. Между 1393 г., когда Ржева еще находилась под контролем Москвы, и августом 1399 г. было только одно событие, в результате которого Ржева из московских рук могла перейти в тверские. В 1399 г., ввиду грозившего нападения со стороны объединенных сил литовского великого князя Витовта и ордынского эс-хана Тохтамыша, «сѣдинишася Русстии князи вси за единь», и Михаил Тверской с Василием Московским «покрѣпиша миру»³⁴. Московско-тверской договор, крайне нужный великому князю Василию, был заключен между 10 февраля и 12 августа 1399 г., вероятнее всего, летом 1399 г.³⁵ Оторвать Михаила Александровича Тверского от традиционного союза с Литвой, энергично поддерживавшей его в борьбе с Москвой в 1367—1375 гг., великий князь Василий Дмитриевич мог только ценой каких-то существенных уступок старому неприятелю своего отца. Такой уступкой и могла быть передача Твери пограничных с Литовским государством ржевских территорий. Следовательно, Михаил Тверской приобрел Ржеву незадолго до своей кончины — летом 1399 г., во всяком случае, не ранее 10 февраля³⁶. Это свое приобретение он завещал старшему сыну Ивану.

³¹ Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978, с. 127. О существовании уделов сыновей князя Владимира Андреевича при его жизни см.: ДДГ, № 17, с. 46.

³² Лихачев Н. П. «Инока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». — Памятники древней письменности и искусства, вып. CLXVIII, 1908, с. 47.

³³ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 173, 175; т. XXV, с. 229, 230.

³⁴ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 165.

³⁵ Л. В. Черепнин неверно датировал этот договор 1396 г. (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. I. М.—Л., 1948, с. 85—86). Правильная дата указана А. Е. Пресняковым (Пресняков А. Е. Образование Великолукского государства. Пг., 1918, с. 242, прим. 1) и подтверждена В. Д. Назаровым (Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV—середине XV в.— В кн.: Историческая география России. XII — начало XX в. М., 1975, с. 50 и прим. 27) — 1399 г. Поскольку известие о московско-тверском соглашении помещено в летописи после сообщения о пребывании в Твери на сырной неделе митрополита Киприана (воскресенье сырной недели в 1399 г. приходилось на 10 февраля) и перед сообщением о битве на р. Ворскле 12 августа, можно установить более точную дату договора: между 10 февраля и 12 августа.

³⁶ Текст московско-тверского соглашения 1399 г. известен (ДДГ, № 15, с. 40—43). Хотя в нем нет упоминания о передаче Ржевы московским великим князем тверскому, это не должно смущать. Договор дошел в московской копии середины XV в., когда вопрос о Ржеве стоял достаточно остро. Возможно, поэтому копия была несколько подредактирована в выгодном для Москвы духе и свидетельство о передаче Ржевы в ней могло быть сознательно исключено, как опускалось упоминание Ржевы при перечислении отданных Михаилом Тверским сыну Ивану городов в московских летописных сводах второй половины XV в.

Однако уже в первом десятилетии XV в. Ржева вновь принадлежит Москве. Так, в 1408 г. по повелению московского великого князя она была укреплена³⁷, а в июле того же года вместе с относившимися к ней волостями отдана Василием Дмитриевичем в кормление перешедшему на его сторону литовскому князю Свидригайлу Ольгердовичу³⁸. Впрочем, имеется еще более раннее свидетельство о восстановлении московской власти над ржевской территорией. Речь идет о договоре между великим князем Василием Дмитриевичем и Владимиром Андреевичем Серпуховским, в котором сказано следующее: «что ся есмь был отступил брату своему молодшему, князю Володимеру Андреевичю, Волока с волостми, Ржевы с волостми в вудѣл, и брат мой, князь Володимеръ, отступилса мнѣ, великому князю, Волока с волостми и Ржевы с волостми...»³⁹. Согласно приведенному тексту, Ржева принадлежит московским князьям. К сожалению, процитированный договор не имеет даты. В русской дореволюционной литературе его обычно относили к 1405 г., но строгого обоснования эта дата не имела⁴⁰. В 1948 г. Л. В. Черепнин предложил иную дату докончания — около 1401—1402 гг.⁴¹ Хотя такая дата впоследствии была безоговорочно признана убедительной⁴², но приблизительность ее очевидна. В итоговом выводе Л. В. Черепнин почему-то отказался от точного определения хронологических рамок составления договорной грамоты. Если обратиться к аргументации Л. В. Черепнина, то она сводится к следующему. Поскольку грамота была составлена «по благословенью» митрополита Киприана, она не могла быть написана после 16 сентября 1406 г., когда Киприан скончался. Среди детей великого князя Василия Дмитриевича в грамоте фигурирует только княжич Иван и «дети, кого ми бог даст». Старший сын Василия Юрий скончался, согласно Л. В. Черепнину, в конце 1400 г., следовательно, грамота не могла быть написана ранее 1401 г. Поскольку в грамоте в состав владений великого князя включены нижегородские земли, бывшие за нижегородским великим князем Дмитрием Константиновичем, Л. В. Черепнин объяснил появление такой статьи в соглашении московских князей утверждением их власти в бывшем Нижегородском княжестве. В частности, исследователь указал на успешный поход московских полков в 1401 г. к поселению Цибирица, закончившийся пленением семьи враждовавшего с Москвой нижегородского князя Семена Дмитриевича, и на приезд в 1402 г. в Москву «с покорением» этого князя⁴³. «Я думаю,— писал Л. В. Черепнин,— что вскоре вслед за тем, как Семен Дмитриевич „вниде в покорение“ к московскому великому князю, последний заключил свой второй договор с серпуховским удельным князем»⁴⁴. В таком случае, если бы исследователь был строго логичен, договор должен датироваться 1402 г., а не около 1401—1402 гг., как оказалось в итоге.

Но аргументация Л. В. Черепнина не везде бесспорна. С ним можно согласиться в том, что грамота была написана при жизни митрополита Киприана, т. е. до 16 сентября 1406 г. Прав он и в том, что упоминание в качестве единственного наследника великого князя Василия княжича Ивана ведет ко времени после смерти старшего брата Ивана — Юрия. Однако время кончины этого последнего указано Л. В. Черепниным неверно. Маленький Юрий Васильевич скончался в воскресенье 30 ноября 1399 г.⁴⁵. Следовательно, договорная грамота между Василием и Владимиром была составлена между 30 ноября 1399 г. и 16 сентября 1406 г. Из этого отрезка времени должны быть исключены периоды, когда у великого князя Василия Дмитриевича рождались сыновья, которые, будь они живы, были бы названы наряду с Иваном в докончальной грамоте. Третий сын Василия Дмитриевича — Даниил — родился 6 декабря 1401 г. и умер спустя 5 месяцев⁴⁶, т. е. в апреле 1402 г. Четвертый сын — Семен — родился

³⁷ Приселков М. Д. Троицкая летопись, с. 467 (выписка Н. М. Карамзина); ПСРЛ, т. XVIII, т. 154.

³⁸ ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, с. 265.

³⁹ ДДГ, № 16, с. 43.

⁴⁰ ДДГ, «Сравнительная таблица датировок грамот».

⁴¹ Черепнин Л. В. Указ. соч., ч. 1, с. 68—69.

⁴² Назаров В. Д. Указ. соч., с. 50 и прим. 24.

⁴³ Черепнин Л. В. Указ. соч., ч. 1, с. 67—69.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Приселков М. Д. Троицкая летопись, с. 453 (выписка Н. М. Карамзина)

⁴⁶ Там же, с. 455 (выписка Н. М. Карамзина).

13 января 1405 г. и прожил 12 недель⁴⁷, т. е. умер в начале апреля 1405 г. Если вслед за Л. В. Черепниным считать, что упомянутое в договоре «благословенье» митрополита Киприана не трафарет, а отражение активной позиции главы русской церкви в достижении согласия между князьями московского дома, то при датировке dokonчания должны быть также исключены те месяцы, когда в Москве не было митрополита Киприана, благословившего договаривавшиеся стороны. В указанный период Киприан отсутствовал в Москве с 21 июля 1404 г. по 31 декабря 1405 г.⁴⁸ Таким образом, договор между великим князем Василием Дмитриевичем и его дядей — князем серпуховским Владимиром Андреевичем — мог быть заключен между 30 ноября 1399 г. и 6 декабря 1401 г., между началом апреля 1402 г. — 20 июля 1404 г. и между 1 января 1406 г. — 16 сентября того же года. Последняя дата отпадает, так как в тексте договора говорится, что князь Владимир Андреевич вместе со своими старшими сыновьями — Иваном, Семеном и Ярославом — целовали крест в соблюдении договорных условий за себя и за младших сыновей — Владимира, Андрея и Василия⁴⁹. Самый младший Владимирович — Василий — родился 9 июня 1395 г.⁵⁰ Если бы договор был заключен в 1406 г., то Василий, не говоря уже об Андрее, был тогда в таком возрасте, когда княжичи целовали крест сами⁵¹. Не решая здесь вопроса, какой из двух оставшихся периодов (30 ноября 1399 г. — 6 декабря 1401 г. или начало апреля 1402 г. — 20 июля 1404 г.) составления договорной грамоты между Василием Дмитриевичем и Владимиром Андреевичем является более приемлемым, можно утверждать, что к лету 1404 г. (самая поздняя из возможных дат) Тверь уже лишилась Ржевы.

В течение последующих сорока с лишним лет история Ржевы достаточно ясна: она удерживалась Московой, правда, разными представителями московского княжеского дома. В начале 40-х гг. XV в. Ржева была частью удела Дмитрия Юрьевича Шемяки⁵². Однако в 1446 г. нашедший приют в Твери Василий Темный, до этого ослепленный по приказанию Шемяки и сосланный сначала в Углич, а затем в Вологду, но бежавший из ссылки под защиту Бориса Тверского, отдал последнему Ржеву⁵³. Уступкой Ржевы к ее волостям Василий Васильевич, как и его отец в 1399 г., привлек на свою сторону могущественного тверского союзника. Кроме того, вбивался клин в отношения между великим князем Борисом Александровичем и Дмитрием Шемякой. Передача Борису Ржевы имела место, скорее всего, в конце 1446 г., примерно между 15 сентября и 25 декабря 1446 г.⁵⁴ Но ржевичи, признававшие, по-видимому, над собой власть одного только Дмитрия Шемяки, не подчинились решению Василия Темного и не впустили в город Бориса Тверского. Тому пришлось силой брать крепость. И только в результате многодневной осады Ржева стала тверской⁵⁵. Летопись указывает, что Борис взял Ржеву «о великомъ заговѣнии», т. е. накануне великого поста. Речь должна идти о великом посте 1447 г., который начинался тогда 20 февраля⁵⁶. Летописное указание о времени взятия Ржевы подтверждается текстом «Слова похвального» инока Фомы, где

⁴⁷ Там же, с. 458 (выписка Н. М. Карамзина).

⁴⁸ Там же, с. 458, 460 (выписки Н. М. Карамзина).

⁴⁹ ДДГ, с. 45.

⁵⁰ ПСРЛ, т. XVIII, с. 143. О дате см.: Березжков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 352.

⁵¹ Ср.: ДДГ, № 5. Грамота составлена, когда одному из участников договора было 16 лет, а другому — 12. О дате грамоты см.: Кучкин В. А. Указ. соч., с. 70—71 и прим. 209.

⁵² ДДГ, № 38, с. 108, 110, 113, 115.

⁵³ ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стб. 493. Об этом же свидетельствует и приведенная ранее выдержка из «Слова похвального» инока Фомы.

⁵⁴ 15 сентября 1446 г. Василий Темный был переведен Шемякой из Углича в Вологду (ПСРЛ, т. XXVII, с. 273, 347). 25 декабря 1446 г., когда истекали последние дни пребывания в Тверском княжестве Василия Темного, его сторонниками была взята Москва (ПСРЛ, т. XXV, с. 268).

⁵⁵ Согласно летописи, Борис осаждал Ржеву три недели (ПСРЛ, т. XV, стб. 493). В «Слове похвальном» инока Фомы говорится, что Борис Александрович сначала послал к Ржеве своих воевод, но те не смогли взять города. Тогда тверской великий князь послал им на помощь новые полки и потом с еще одной подмогой подошел сам. Борис руководил осадой с понедельника до субботы, когда ржевичи сдались. К сожалению, остается неясным, были ли эти понедельник и суббота днями одной недели или разных.

⁵⁶ Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944, табл. XV, XVI.

сразу же за описанием взятия Ржевы Борисом Александровичем следует известие о возвращении в Тверь посланных им в помощь Василию Темному двух воевод «на Федоровъ недѣли»⁵⁷, т. е. между 20 и 27 февраля 1447 г. Следовательно, ржевские земли были присоединены к Тверскому княжеству фактически во второй декаде февраля 1447 г.

Принадлежали они Твери недолго. Уже под следующим годом летопись сообщает о захвате Ржевы литовцами, причем приводит точную дату события — «на другую зиму», «в недѣлю, до обѣда, въ заговѣние мясное»⁵⁸. Речь идет о воскресении мясопустной недели, которое в 1448 г. приходилось на 28 января⁵⁹. После захвата Ржевы Литвою (Ярославком, воеводой князя Ивана Бельского) Борис Александрович Тверской послал «свою силу ко Ржеве», которая повоевала ржевские волости, но города взять так и не смогла. «И той же осени», очевидно, в отместку за эту осаду Ржевы в поход на Тверское княжество выступил король польский и великий князь литовский Казимир IV. На помощь Борису Тверскому пришел можайский князь Иван Андреевич. Но военных действий не последовало, стороны заключили мир⁶⁰. «А Ржевы,— говорится в „Слове похвальном“ инока Фомы,— отступился король великому князю Борису в лѣто 6957 г. Князь великий Борис Александрович посла свои намѣстники опять на Ржеву»⁶¹.

Эти сведения «Слова похвального» полностью подтверждаются другими источниками. Так, Ян Длугош сообщает, что в 1448 г. король Казимир на рождество Марии был в Новогрудке, а позднее выслал войско против тверского князя за то, что тот осаждал город, ранее перешедший под власть короля⁶². Безымянный город, о котором пишет Длугош, это, несомненно, Ржева. Рождество Марии отмечалось 8 сентября, следовательно, и по Длугошу, поход Казимира на Тверь состоялся примерно осенью 1448 г. В копии XVI в. сохранился и сам договор Казимира с Борисом Александровичем Тверским. Договор был составлен в Твери «в лѣтъ 6957, индикъ 12»⁶³, т. е. в то же лето, какое указано и в «Слове похвальном» инока Фомы. Но ссылка в договоре на индикт говорит о том, что 6957 год докончальной грамоты — сентябрьский. Иными словами, договор был заключен между 1 сентября 1448 г. и 31 августа 1449 г. В «Слове» же, скорее всего, указан 6957-й мартовский год, т. е. время с 1 марта 1449 г. по 28 февраля 1450 г. Поэтому дата подписания договора определяется периодом с 1 марта по 31 августа 1449. Принимая во внимание, что поход Казимира на Тверь начался приблизительно в конце 1448 г., во всяком случае, не ранее второй декады сентября, надо полагать, что договор был заключен вскоре после похода, примерно в марте 1449 г. В этом договоре относительно Ржевы тверской князь заявлял: «А што былъ еси взялъ подо мною Ржову, буда со мною не в любви, и я тебе, и великого князя, перепросил, с тобою взял любовь, и ты ся Ржовы мне отступилъ»⁶⁴. Текст соглашения подтверждает, таким образом, свидетельства Тверского сборника и «Слова похвального» инока Фомы о временном захвате Ржевы Литвою и возвращении ее вновь Борису Тверскому.

Но уступленная соседями тверскому князю Ржева пробыла в его руках недолго. Уже в договоре, заключенном 31 августа 1449 г. между великим князем Василием Темным и польским королем Казимиром IV, по поводу Ржевы была сделана Примеча-

⁵⁷ Лихачев Н. П. Указ. соч., с. 51.

⁵⁸ ПСРЛ, т. XV, стб. 494.

⁵⁹ *Заговѣние мясное* — мясоед, мясопустная неделя. — Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 5. М., 1978, с. 168; Черепнин Л. В. Русская хронология, табл. XV, XVI.

⁶⁰ Лихачев Н. П. Указ. соч., с. 52.

⁶¹ Там же.

⁶² Dlugosz J. Opera omnia. T. XIV. Cracoviae, 1878, s. 56.

⁶³ ДДГ, № 54, с. 164.

⁶⁴ ДДГ, с. 163. Выражение «и я тебе, и великого князя, перепросил» можно было бы толковать как указание на переговоры Бориса Тверского не только с королем Казимиром, но и с великим князем Василием Темным, который в свое время передал Ржеву Борису Александровичу. Однако отсутствие имени Василия заставляет принять интерпретацию текста издателя договора, Л. В. Черепнина, который слова «и великого князя» выделил запятыми. По-видимому, здесь должна читаться формула «короля и великого князя», встречающаяся в тексте договора далее (см. с. 164). Пропуск слова «короля» произошел, по-видимому, из-за невнимательности копииста XVI в.

тельная оговорка: «А тебе, Казимиру, королю полскому и великому князю литовскому, не вступатисе в мою отчину... и во Ржеву з волостьми...»⁶⁵. Исключение было сделано только в отношении одной ржевской волости — Осуги, которая отдавалась Казимиру, как было «при великомъ князи Кестутъи»⁶⁶. Очевидно что к концу августа 1449 г. Ржева с волостями вновь вернулась под власть великого князя московского. В последующее время Ржева прочно удерживалась Москвой⁶⁷.

Предпринятый разбор свидетельств различных источников о Ржеве показывает, что Ржева и ее волости не были территорией сместного владения великими княжествами Московским, Литовским и Тверским. Противоположную точку зрения, высказанную еще Н. М. Карамзиным, и в той или иной степени разделяющуюся исследователями вплоть до настоящего времени, следует признать несостоятельной. Территория Ржевы была под контролем какого-либо одного из указанных великих княжеств, но контроль этот переходил от одного княжества к другому. Литовское великое княжество владело Ржевой в 1356—1358 гг., 1359—1368 гг., 1372—1381 гг. (1382 г.), с конца января 1448 г. — по март 1449 г. Тверь владела Ржевой примерно с лета 1399 г. и до ноября 1399 г. (минимальный срок) или до июля 1404 г. (максимальный срок), а затем с февраля 1447 г. по конец января 1448 г. и с марта по август 1449 г.; Москва — в 1358 г., 1368—1372 гг., 1381 (1382) — 1399 гг. (до лета), с конца 1399 г. (или с июля 1404 г.) — по февраль 1447 г., с 31 августа 1449 г. и уже постоянно.

Хотя Ржева и была в течение почти столетия временным приобретением различных князей, но приобретением довольно обширным и уже по одному этому — весьма ценным. Центры ржевских волостей впервые названы в послании 1371 г. литовского великого князя Ольгерда главе восточнохристианской церкви константинопольскому патриарху Филофею.

Это послание содержало жалобу Ольгерда на действия москвичей, отобравших у литовского князя 18 городов⁶⁸. Поскольку послание написано не позднее августа 1371 г., легко установить, какие военные столкновения между Москвой и Литвой, имевшие со стороны Москвы наступательный характер и приведшие к отторжению части подвластных литовскому князю земель, имел в виду Ольгерд. Таких столкновений до августа 1371 г. было три. В первой половине 1368 г. московская рать под предводительством Владимира Андреевича Серпуховского, как уже отмечалось, взяла Ржеву⁶⁹. Зимой 1369/70 г. москвичи и волочане воевали Смоленское княжество⁷⁰, а весной — летом 1370 г. полки Дмитрия Ивановича Московского ходили в поход на Брянск⁷¹. Следовательно, отнятые Москвой у Ольгерда города могли принадлежать территориям Ржевы, Смоленска или бывших черниговских владений, к которым, в частности, относился Брянск. Если из приведенного в послании 1371 г. перечня потерянных Литвой городов исключить города смоленские, верховских княжеств (старых черниговских земель), а также Великие Луки, то останутся следующие крепости: Ржева, Шишка, Гудин, Осечен, Горышено, Рясна, Кличень (Кличен), Вселук, Волго⁷². Все они перечислены в послании единым массивом⁷³, что заставляет думать об их принадлежности к одной территории. Принимая во внимание, что Ольгерд, жалуясь в послании на потерю Ржевы, мог вместе с ней назвать и другие ржевские центры, перешедшие в руки Москвы, позволительно перечисленные восемь (включая, естественно, саму Ржеву) городов отнести к числу ржевских.

Такое заключение подкрепляется свидетельствами более поздних источников. Относительно принадлежности к ржевской территории Осечена, Рясны и Кличена говорилось

⁶⁵ ДДГ, № 53, с. 160.

⁶⁶ Там же, с. 161.

⁶⁷ АСВР, т. II, № 360 — грамота от 20 апреля 1460 г., в тексте которой упоминаются ржевские наместники великого князя Василия Темного; ДДГ, № 61, с. 195, 196; № 69, с. 226; № 73, с. 272, 274; № 77, с. 290—292; № 81, с. 317, 321; № 85, с. 329; № 98, с. 407, 408.

⁶⁸ Русская Историческая библиотека (далее — РИБ). Изд. 2. Т. VI, ч. 1. СПб., 1908, прил., стб. 138.

⁶⁹ ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 87.

⁷⁰ Там же, стб. 91.

⁷¹ Там же, стб. 92.

⁷² РИБ, т. VI, ч. 1, прил., стб. 138.

⁷³ Только после Рясны упомянуты еще Луки Великие.

выше. Кличен был расположен на острове того же названия на оз. Селигер⁷⁴ (теперь этот остров — городской парк г. Осташкова). Документы XV — начала XVI в. свидетельствуют, что ржевскими были Вселуг (Вселук), Горышен и Сишка⁷⁵. Точные географические ориентиры города Волго неизвестны. Этот город упоминается также в известном памятнике «А се имена всѣм градом руским, дальним и ближним», составленном в 90-х гг. XIV в., в числе литовских городов: «на Волгѣ»⁷⁶. По своему названию город повторяет название оз. Волго, и его следует искать в районе указанного озера. Озеро Волго лежит юго-восточнее озер Стерж, Вселуг и Пено. Как можно будет убедиться ниже при анализе разводной грамоты 1483 г., ржевская граница (с Новгородом Великим) проходила между озерами Стерж и Вселуг, т. е. много севернее оз. Волго, которое принадлежало, таким образом, ржевской территории. Следовательно, город Волго также должен быть признан относящимся к Ржеве. Что касается упомянутого в послании 1371 г. рядом с Сишкой Гудина, то этот город в других источниках не упоминается. Но в «Списке русских городов дальних и ближних» вместе с Сишкой указан Туд, который был центром одной из ржевских волостей. Думается, что Гудин — это испорченное *Тудин*, *Туд*⁷⁷. Таким образом, определение целого ряда названных в послании Ольгерда 1371 г. захваченных Москвой городов как ржевских и выяснение их местоположения показывают, что ржевская территория была довольно значительной.

Точные размеры ржевских земель могут быть определены при условии установления их четких границ. К сожалению, источники не позволяют сделать этого. Ржевские границы в XIV—XV вв. восстанавливаются приблизительно и не на всем протяжении.

Так, в договоре 1449 г. между Казимиром IV и Василием Темным указана граница московских ржевских земель с землями Литвы: «по озеро по Орлинце наполю, по озеро по Плотинцо, по Красныи борокъ, по Баранью речку, на верхъ Белейки, по Белеике на Поникль, с Поникль на верхъ Сижки, з березы на мох, со мху на верхъ Осухи...»⁷⁸. Разбирая этот текст, В. П. Успенский указал на озеро Плотинце — близ границы Осташковского уезда с Холмовским (XIX в.) — и Орлинце — в 8 верстах от Волги близ дороги Осташков — Торопец, на реки Сижку (Сишку), Осугу и Березу (в процитированном тексте название этой реки неверно передано как имя нарицательное), начинавшиеся и протекавшие близ границы Ржевского уезда XIX в. Поникль он отождествил с деревней XIX в. Выниклей, речку Белейку — с р. Болонкой, притоком р. Молодой Туд. Красный борок, Баранью речку и мох В. П. Успенский не нашел. Бесспорной является локализация им рек Осуги, Березы и Сижки⁷⁹. География этих рек показывает, что русско (ржевско)-литовская граница в середине XV в. шла от верховьев р. Осуги на северо-запад, к верховьям р. Сижки. Благодаря выяснению общего направления рубежа достаточно легко локализуется большинство географических ориентиров, упомянутых в приведенном выше отрывке договора. Поникль — это не деревня Выникля, как думал В. П. Успенский, а р. Паникля, левый приток р. Межи⁸⁰. Она протекала как раз на северо-запад от истока р. Сижки. Западнее р. Паникли в ту же Межу впадала слева р. Белейка⁸¹, в которой и надо видеть Белейку соглашения 1449 г. Речку Ба-

⁷⁴ Токмаков И. Ф. Город Осташков Тверской губернии и его уезд. М., 1906, с. 1.

⁷⁵ АСВР, т. II, № 339, с. 337; ДДГ, № 77, с. 291, 292; № 98, с. 407. Вселуг — центр одноименной волости — находился на месте современного городища Нечай Городок на полуострове между озерами Вселуг и Пено. Горышен — на месте городища на правом берегу р. Волги против дер. Тростино Калининской области. Местоположение средневековой Сишки — городище близ дер. Коношкино Калининской области при впадении р. Сишки в Волгу (А. С. Отчет В. Н. Глазова о поездке 1903 г. на верховья Волги и в Демянский уезд. — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. СПб., 1905, т. VII, вып. 1, с. 98—99; Харитонов Г. В. Указ. соч., с. 96.) Сишка, или Сижка — правый приток Волги.

⁷⁶ Наумов Е. П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних». В кн.: Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974, с. 157; НПЛ, с. 476.

⁷⁷ НПЛ, с. 476; Успенский В. П. Указ. соч., с. 6, 20. В греческой копии послания Ольгерда буква «гамма» в слове «Гудин» читается не вполне ясно, возможно, что это не «гамма», а «тау» (РИБ, т. VI, ч. 1, прил., стб. 137, прим. 4). Согласно В. П. Успенскому, древний Туд был расположен при впадении р. Туд в Волгу, на месте позднейшего погоста Сковоротыни (Успенский В. П. Указ. соч., с. 22—23).

⁷⁸ ДДГ, № 53, с. 160.

⁷⁹ Успенский В. П. Указ. соч., с. 31—32.

⁸⁰ См. карту «Калининская область». М., 1958.

⁸¹ ЦГАДА, ф. 1356, оп. 1, № 5322.

ранью следует отождествлять с левым притоком р. Жукопы — р. Баранкой, верхнее течение которой служило границей между Тверской и Смоленской губерниями в XVIII — XIX вв.⁸² От р. Баранки на север — северо-запад на картах показано оз. Орлино. В нем, скорее всего, и нужно видеть то оз. Орлинце, от которого шел отсчет русско-литовской границы 1449 г. Пространство от оз. Орлино до р. Баранки даже в начале XIX в. представляло собой обширные болота и леса. Лишь на одном из лесных языков, вдававшихся в болотистую местность к югу от оз. Орлино, на картах XVIII—XIX вв. показана дер. Красная, может быть, тот самый Красный борок, что зафиксирован в договоре 1449 г.⁸³ Несмотря на то, что не удается отыскать оз. Плотинце⁸⁴, общее направление южных и юго-западных ржевских границ довольно ясно: они шли от Ржевы на северо-запад к верхневолжским озерам. Здесь ржевские волости граничили уже с территорией Новгорода Великого.

Краткие указания на ржевско-новгородский рубеж содержатся в жалованной грамоте великого князя Василия Темного от 20 апреля 1460 г. московскому Симонову монастырю. Здесь упомянуты монастырские владения в ржевских землях, которые простирались до границы с Новгородом: «озеро Сороменце да Корегощ по новгородской рубеж... да подль Селегърь к Рожку до новгородского рубежа...»⁸⁵. Озеро Корегощ лежит несколько западнее оз. Селигер, именно той его части, на берегу которой стоит город Осташков. Озеро Сороменце (на картах XVIII—XIX вв. — Сараменки, Сараменок) находится несколько южнее оз. Корегощ. Примерно между озерами Корегощ и Селигер и стоял погост Рожек, упомянутый в грамоте 1460 г.⁸⁶ Очевидно, ржевско-новгородский рубеж на данном небольшом участке проходил несколько севернее оз. Корегощ.

Сделанный вывод вполне подтверждается данными более позднего документа — жалованной разводной грамоты великого князя Ивана Васильевича волоцкому князю Борису Васильевичу о разграничении новгородских и ржевских земель, датированной 20 октября 1483 г.⁸⁷ В свое время этот документ использовал В. С. Борзаковский, который сумел определить 6 из примерно 50 топонимических объектов, указанных в разводной грамоте 1483 г., и таким образом, наметить ржевско-новгородский рубеж⁸⁸. Изменение методики исследования (привлечение более подробных географических карт) позволяет локализовать более трети перечисленных в грамоте ориентиров и проложить границу Ржевы с Новгородом гораздо точнее. Разъездчики 1483 г. начинали разграничение земель ржевских — Кличенской и Вселуцкой волостей — с новгородскими — Березовской, Стержской, Велильской и Лопастницкой волостями — от креста, стоявшего при впадении в оз. Селигер ручья Межника. Поскольку далее рубеж проходил через оз. Селигер и выходил на его западный берег, становится очевидным, что начинался он у восточного берега этого озера, примерно на широте селигерских островов Разбойник и Хотенок (в грамоте 1483 г. упоминаются остров Разбойник и Хотинский наволок). Здесь карты XVIII—XIX вв. фиксируют ручей Рубеж, который в указанное время разграничивал Тверскую и Новгородскую губернии. Синонимичность названий ручья, его география позволяют отождествлять ручей Межник XV в. с ручьем Рубеж XVIII—XIX вв. и от устья этого ручья вести ржевско-новгородскую границу 1483 г.

Далее эта граница, согласно разводной грамоте 1483 г., шла озером Селигер между островом Разбойник и Присенскими тонями, между Рогатскими и Хотскими тонями на

⁸² Там же; ЦГВИА, ВУА, № 19097, л. 168 об.

⁸³ ЦГВИА, ВУА, № 19097, л. 171.

⁸⁴ В. П. Успенский отыскивал оз. Плотинце много западнее оз. Орлинце. Однако, согласно тексту договора 1449 г., это озеро должно было находиться между оз. Орлинце и Бараньей речкой. В этой связи следует обратить внимание на р. Плотиченку, вытекающую из оз. Орлино и впадающую слева в р. Жукопу (Там же).

⁸⁵ АСВР, т. II, № 360, с. 353.

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 1356, оп. 1, № 5999; ЦГВИА, ВУА, № 19097, л. 173. В «Указателе географических названий» ко II тому АСВР Рожек (Рожок) определен как слобода на западном берегу оз. Селигер. Однако слобода Рожек стояла между озерами Селигер и Сараменки. В тексте же грамоты 1460 г. Рожек упомянут как пункт близ новгородского рубежа, что ведет не к слободе Рожек, а к погосту Рожек, расположенному севернее слободы и, как показывает анализ разводной грамоты 1483 г., рядом с ржевско-новгородской границей.

⁸⁷ ДДГ, № 77, с. 290—292.

⁸⁸ Борзаковский В. С. Указ. соч., с. 47 и Примечания, с. 27, прим. 216.

конец Хотинского наволока и на мыс острова Трестенец, далее, минуя этот остров, она пролегла между островами Сомовик и Канино гнездо, шла на остров Комаров, а далее к наволоку Хотенова лука, затем на западный берегу оз. Селигер через бор уходила в Огрызковский мох, затем — на покос и пашню Максимовские, далее шла к Тороповской Борти, между Непреской и Бутовой нивами (с. Непреи на западном берегу оз. Селигер и на север от оз. Корегощ)* и достигала Черного ручья; по нему граница спускалась к Есиной ниве у Кривского озера (к юго-западу от с. Непреи), шла к Зарубскому бору, потом — на Долгий мох через Красный ручей (видимо, ручей Красик, к западу от оз. Кривского) лесом к р. Глушице (близ ручья Красика), по р. Глушице поднималась к Михалеву пруду до стержского рубежа.

Отсюда Кличенская волость начинала граничить с новгородской Стержской волостью. Граница проходила вверх по р. Глушице, близ ее истока поворачивала направо и пересекала Оборский мох, где у некоего белого камня сходились рубежи ржевских Кличенской и Вселуцкой волостей⁸⁹.

Вселуцкая волость соседствовала с тремя новгородскими волостями: той же Стержской, а также с Велильской и Лопастичкой. Рубеж Вселуцкой волости от Стержской начинался от белого камня, шел к оз. Уленно (оз. Улино на юг от истока р. Глушицы), от него — к ручью Ермолкину (ручей Ермолковский южнее оз. Улина), по нему вниз до Ермолкинского мостка, далее, близ Ермолкинской пашни (поле д. Ермолкиной к юго-востоку от ручья Ермолковского) через болото выходил на Конеческий мох, отсюда по безымянному ручью достигал оз. Мочилице, потом вниз по течению ручья Межник доходил до р. Волги (там, где она течет между озерами Стерж и Вселуг), спускался по ней до р. Руны (правый приток Волги), поднимался по Руне до р. Черной (вероятно, р. Чернушка, правый приток Руны), по ней — до ручья Крутого, по нему — до Лихого болота и переходил в Великий мох, пересекал гриву (очевидно, водораздел) и тянулся до р. Половизни, спускаясь затем по ней вниз до р. Руны — до велильского рубежа⁹⁰.

От устья р. Половизни начиналась вселуцко-велильская граница. Она шла вверх по р. Руне к оз. Источно (оз. Истошня XIX в.), отсюда по межтоку к оз. Хвошно (оз. Хвошня XIX в.), от этого озера по Верхней Руне поднималась вверх до оз. Залезено, отсюда шла по р. Клешенице (известна и в XVIII—XIX в.) до оз. Клещино (показано на картах), а от оз. Клещина достигала Вышеголоса⁹¹.

От Вышеголоса Вселуцкая волость начинала граничить уже с волостью Лопастичкой. Рубеж шел на поперечный мост к Литовской дороге, отсюда — на Ржавецкий мох, далее на Городецкое верховье (скорее всего, верховье р. Городечки, правого притока Сырченки) прямо к Конице и с Коницы — к истоку р. Сырычины (р. Сырченка, левый приток Куди), спускался по этой реке до оз. Сырычино (оз. Сырчино XIX в.) и снова шел вниз по р. Сырычине до р. Куди (правый приток Волги), поднимаясь по ней до оз. Тихого⁹².

В целом ржевско-новгородская граница шла от креста на восточном берегу оз. Селигер на запад, а достигнув р. Глушицы, меняла направление на южное до ручья Ермолкина, от которого снова пролегла на запад примерно до оз. Клещино, где резко поворачивала на юго-восток до оз. Сырычино, а от него поднималась к северо-западу, видимо, до истока р. Куди. Эта крайняя точка ржевско-новгородской границы находилась примерно в 25 км (по прямой) на северо-запад от оз. Орлино (Орлинце), откуда начинался русско(ржевско)-литовский рубеж 1449 г. Географическая близость указанных пограничных точек является еще одним подтверждением правильности проведенных локализаций юго-западных и части северных и северо-западных ржевских границ.

Еще один небольшой отрезок ржевской границы описан в документе, составленном между 1494 и 1513 гг. В нем речь идет о межевании земель села Итомельского и сло-

* Здесь и далее в скобках даются пояснения к тем географическим ориентирам, которые удается локализовать по картам XVIII—XIX вв. См.: ЦГАДА, ф. 1356, оп. 1, № 6002; ЦГВИА, ВУА, № 19097, л. 170 об., 172 об., 173.

⁸⁹ ДДГ, № 77, с. 290—291.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ ДДГ, № 77, с. 292.

⁹² Там же.

бодки (позже также села) Луковниково Старицкого уезда с землями ржевских волостей. Оказывается, эта граница совпадала с восточным ржевско-старицким рубежом. Разъезд земель осуществлялся в общем направлении с юга на север, а затем с запада на восток, поэтому для писцов земли направо были старицкими, а налево — ржевскими⁹³. Конец документа утрачен, и ржевско-старицкая граница не может быть прослежена полностью⁹⁴.

Говоря обобщенно, участок восточной границы Ржевы со Старицей в конце XV — начале XVI в. проходил в районе верховьев рек Итомли и Тьмы. Но был ли этот участок древним, существовавшим, например, в XIV в., когда Старица входила в состав территории Тверского княжества, утверждать трудно. Дело в том, что почти у истока р. Сутоки (Суточки) стояла Рясна — центр одной из древнейших ржевских волостей. Едва ли этот центр располагался на самом ржевско-тверском порубежье. Скорее всего, старый ржевский рубеж здесь проходил несколько восточнее границы Ржевы со Старицей конца XV — начала XVI в. Что касается северо-восточной границы ржевских волостей, то она может быть намечена лишь ориентировочно: от восточной части оз. Селигер (устье ручья Межник — Рубеж) до Рясны.

В целом же Ржева с ее волостями по территории равнялась примерно 10,5 тыс. кв. км.

Естественно, что столь обширные ржевские земли с выходами по удобным водным путям в Новгород, Литву, Смоленск, Тверь, Москву и далее на восток представляли большой интерес для самых различных княжеств, особенно для двух самых могущественных из них — Литовского и Московского. Ржева с относившимися к ней волостями привлекала к себе внимание соседей не только своими размерами, но и важным стратегическим положением. Обладание ею делало возможным распространение влияния на соседние территории. Поэтому уже с первой половины XIV в. Ржева стала объектом притязаний соперничавших между собой княжеств. В борьбе за ржевские земли верх сумела одержать Москва.

⁹³ Граница шла по следующим ориентирам: Долгий мох — Бобров Холуй — Еремеево займище — Будневский мох — верховье р. Итомли — верховье ручья Великого — речка Темка под Бекловым — вверх по р. Темке до р. Кобылихи — вверх по р. Кобылихе до Мицкого (Метцкого) мха — ручей Плешковский — вниз этим ручьем до р. Мариненки — вниз по р. Мариненке до р. Суточки — вверх по р. Суточке, по Закопяшине ниве на Черную грязь и Петрищевский мост (Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. II, М., 1956, № 20, с. 25).

⁹⁴ Первые четыре ориентира на карте не отыскиваются. Верховье же р. Итомли, левого притока р. Волги, известно хорошо. К северу от верховьев р. Итомли находится исток р. Темки, левого притока р. Тьмы. Несколько ниже этого истока на картах на обоих берегах р. Темки показаны две деревни Бекловы — Большое и Малое. Видимо, к правобережному Малому Беклову и подходила ржевско-старицкая граница. Затем она поднималась вверх по р. Темке. Следующие пограничные ориентиры выясняются с трудом. Так, к северу от верховьев р. Темки находился исток р. Плещевец, в которой нельзя не видеть ручей Плешковский. По нему граница опускалась вниз до р. Мариненки. Известна р. Маринка XIX в. Ее исток начинался недалеко от левого берега р. Плещевец в ее среднем течении. Однако, по картографическим материалам, р. Маринка не была как-то связана с р. Плещевец. Последняя впадает в р. Сутоку (очевидно, это р. Суточка цитируемого документа). Справа от этой реки вверх по ее течению карты фиксируют деревни Коняшино и Петрищево, что дает возможность приблизительной локализации Закопяшной нивы и Петрищевского моста. (Перечисленные географические объекты см.: ЦГВИА, ВУА, № 19097, л. 132 об.)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Е. Н. КУЛЬКОВ, О. А. РЖЕШЕВСКИЙ, И. А. ЧЕЛЫШЕВ. ПРАВДА И ЛОЖЬ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ. М., Воениздат, 1983, 336 с., тир. 30 000

Книга посвящена критическому анализу буржуазной историографии минувшей войны. Всем своим содержанием и выводами она служит утверждению марксистско-ленинских взглядов на проблему войны и мира — главную проблему современности.

В капиталистических странах издано огромное количество мемуаров, исторических исследований, книг и статей по истории второй мировой войны. В этом обширном литературном потоке особое место занимают официальные издания, определяющие основные направления изучения истории минувших дней и формирующие принципиальные концепции, выработанные в недрах государственного и военного аппарата капиталистических держав. Весьма обширна и литература о второй мировой войне, рассчитанная на массового читателя.

Авторы книги для анализа основных концепций буржуазной историографии второй мировой войны привлекли американскую, английскую, западногерманскую, французскую и, в меньшей степени, японскую литературу, изданную в большинстве случаев в 70-е и 80-е гг. Широта охвата этой литературы позволила им охарактеризовать основные направления разработки истории второй мировой войны в главных капиталистических странах, на большом фактическом материале дать критическую оценку соответствующих концепций предьстории, хода и итогов минувшей войны, аргументированно разоблачить буржуазных фальсификаторов, использующих историю в целях антисоветизма и антикоммунизма.

В монографии подчеркивается принци-

пиальная разница при исследовании событий второй мировой войны между историками-марксистами и реакционными историками Запада. Первые ставят своей целью «объективно и всесторонне раскрыть причины и характер второй мировой войны, содержание ее важнейших событий, дают справедливую оценку ее итогам и урокам, рассматривая их как важное предостережение тем, кто сегодня размахивает ракетно-ядерным оружием, грозя ввергнуть человечество в пучину еще больших разрушений» (с. 4). Вторые преследуют совершенно противоположные цели: «Они хотели бы вытравить из памяти человечества правду о всемирно-историческом подвиге советского народа. Выполняя социальный заказ монополистического капитализма, буржуазные идеологи пытаются извратить и умалить роль Советского Союза в разгроме фашизма. При этом они стремятся подорвать неуклонно растущий авторитет СССР, поколебать веру миллионов людей во всем мире в непобедимость социализма, реабилитировать империализм как главный источник войны и оправдать его агрессивную политику, направленную против Советского Союза и других революционных сил современности» (с. 5).

В работе вскрывается классовая ограниченность буржуазной историографии, ее неспособность определить коренные закономерности исторического процесса, ее враждебность марксистско-ленинской идеологии.

Первая глава книги «Преступление империализма и его адвокаты» посвящена освещению причин второй мировой вой-

ны. Буржуазные авторы стремятся снять ответственность за развязывание войн с капиталистической системы в целом. В работе показано, что буржуазные теоретики пытаются связать причины войны с революционной борьбой трудящихся, всячески обосновать причастность социалистического строя к развязыванию второй мировой войны. Общность антикоммунистического содержания различных буржуазных теорий о войне — наиболее устойчивая тенденция их современного развития (с. 25).

Во второй главе — «Великий подвиг Советской Армии и фальсификаторы истории» — объективно раскрывается вклад в разгром фашизма всех союзников по антигитлеровской коалиции, всех народов, прогрессивных сил и движений, в том числе движения Сопротивления. В то же время авторы с привлечением обширного фактического материала, многочисленных высказываний и оценок, делавшихся как союзниками, так и врагами во время войны, показывают, что исход второй мировой войны был решен на советско-германском фронте, ставшем главным фронтом минувшей войны.

Стремление буржуазных фальсификаторов истории преуменьшить решающий вклад СССР в разгром фашизма, как справедливо подчеркивается в книге, проявилось еще в годы войны. В настоящее время «эстафету» фальсификации подхватили историки-антисоветчики, которые пытаются вопреки исторической правде, вопреки фактам утверждать, что судьба войны была решена в Африке, Западной Европе, на Тихом океане, а такие великие битвы на советско-германском фронте, как битва под Москвой, Сталинградская, Курская, беспримерная героическая оборона Ленинграда, другие крупнейшие сражения Великой Отечественной войны — лишь эпизоды. Подобное извращение исторического прошлого служит тому, чтобы доказать, будто не социализм, а капитализм является главной движущей силой всемирно-исторического процесса, а победы Советской Армии носили случайный характер. От отрицания фальсификаторами решающей роли Советского Союза в разгроме фашизма и японского милитаризма тянется нить к тому, чтобы принизить огромное влияние всемирно-исторической победы СССР на весь ход последующей истории.

Итоги и уроки второй мировой войны рассматриваются в третьей главе, в которой раскрываются всемирно-историческое значение победы над фашизмом, сущность величайших преобразований, наступивших в мире после победного 1945 года, источники силы и могущества Советского государства, выдержавшего самое суровое испытание. Буржуазные фальсификаторы истории прилагают много усилий, чтобы исказить действительную суть источников победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Они пытаются затушевать роль социалистических преобразований в укреплении обороноспособности СССР, отрицают советский патриотизм, верность советских людей коммунистическим идеалам, социалистическому строю, клеветуют на деятельность Коммунистической партии Советского Союза — творца и организатора победы над фашизмом, выискивают «слабые» стороны в военной организации Советского государства, не хотят признать высокий уровень советского военного искусства. В работе убедительно и аргументированно опровергаются подобные измышления реакционных историков, раскрывается связь фальсификаций в буржуазной историографии с современной антикоммунистической и антисоветской политикой наиболее агрессивных империалистических и милитаристских кругов США и других членов агрессивного блока НАТО.

На страницах книги показано, как наиболее злостные фальсификаторские версии буржуазных историков служат идеологическому аппарату империализма для нагнетания напряженности в международной обстановке, разжигания милитаристских, враждебных социализму настроений. На наш взгляд, целесообразно было бы более обстоятельно рассмотреть те направления фальсификации истории на Западе, которые непосредственно используются сегодня в империалистической пропаганде.

Книга содержит добротный конкретный материал, опровергающий фальсификаторские измышления буржуазных историков, и, по нашему мнению, привлечет внимание широкого круга читателей, интересующихся историей второй мировой войны.

Академик А. М. Самсонов, Л. И. Корзун

В учебнике, по существу, впервые дан полный обзор историографии отечественной истории за 60 лет Советской власти, что позволяет квалифицировать его и как научное исследование, тем более, что в нем, наряду с обобщением результатов, достигнутых советской историографией, содержится и своя, авторская трактовка тех или иных проблем и вопросов. Можно сослаться, например, на ряд сюжетов, посвященных разработке в 40—50-х гг. историографии Киевской Руси и Русского централизованного государства, проблеме генезиса капитализма и российского абсолютизма, социально-экономической истории России XIX в., историографии революционного движения и передовой общественной мысли, внешней политики и культуры, которые представляют собой итог исследовательской работы. Эти же черты присущи и разделам по историографии Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны, истории КПСС, истории народов СССР.

Учебник открывается главой «В. И. Ленин — основоположник советской историографии истории СССР. Отечественная история в ленинских трудах послеоктябрьского периода». Этим подчеркивается, в частности, связь книги с первой частью учебника, в которой показаны формирование и развитие ленинской концепции истории России в трудах, написанных до 1917 г.** И в послеоктябрьских трудах В. И. Ленина затрагиваются проблемы и классовой природы самодержавия, крепостничества, и истории освободительного движения, социально-экономические проблемы империализма, и история большевистской партии; но в тесной связи с этими проблемами в книге освещаются вопросы, наиболее актуальные для первых лет Советской власти, и рассматриваются они через призму победившей социалистической революции.

* Редколлегия: акад. И. И. Минд (отв. ред.), А. И. Зевелев, В. Е. Иллерицкий, чл.-кор. АН СССР И. Д. Ковальченко, В. А. Муравьев, В. П. Наумов.

** Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1961; изд. 2. М., 1971.

История Октябрьской революции, империалистической военной интервенции и гражданской войны, первых лет социалистического строительства в трудах В. И. Ленина — эти сюжеты освещаются в учебнике как процесс движения ленинской мысли, формирования ленинской концепции истории советского общества. Хотелось бы сделать лишь одно замечание. В работах этого периода В. И. Ленин много внимания уделяет истории политических партий. Достаточно указать, например, на данную им в «Детской болезни левизны в коммунизме» характеристику эсеров. Но анализа этой стороны ленинских работ в учебнике нет, хотя история политических партий — весьма важный компонент политической истории страны.

Сосредоточивая внимание на наиболее существенном — формировании организационных основ советской исторической науки, подготовке кадров историков-марксистов, публикации произведений основоположников марксизма-ленинизма, новых исторических источников, дискуссиях советских историков, разработке новых, выдвинутых Октябрьской революцией проблем, авторы раскрывают становление историографии отечественной истории и борьбу за утверждение марксистско-ленинской методологии исторической науки в 1917 — первой половине 30-х гг., показывая при этом тот сложный путь, которым шло ее развитие в обстановке острой идеологической борьбы первых лет Советской власти.

В учебнике впервые в историографической литературе рассматривается в целом советская историография отечественной истории 30-х — конца 50-х гг. Как отмечается в книге, развитие советской исторической науки, несмотря на известные ошибки, трудности, воздействие культа личности, фактическое прекращение разработки ряда проблем, шло по восходящей линии. В середине 30-х гг. складывается структура исторической науки, в основных своих чертах сохраняющаяся и поныне; в выпуске учебников по истории СССР, в которых марксистско-ленинская теория была соединена с конкретным историческим материалом; в овладении исторической наукой принципом историзма

и соответствующим расширением границ гражданской истории.

Правомерную оценку получила в учебнике книга «История ВКП(б). Краткий курс». Она была «для своего времени достижением в разработке истории партии», но вместе с тем содержала «серьезные теоретические и фактические ошибки»; это отразилось на деятельности тех авторов, которые «вместо творческой разработки истории партии занялись комментированием положений «Краткого курса», что задерживало развитие историко-партийной и исторической науки» (с. 113—114). В рецензируемой работе справедливо подчеркивается, что именно в середине 30-х гг. завершается консолидация советских историков на основе марксистско-ленинской методологии и коммунистической партийности. И именно это обстоятельство позволило сделать дальнейший шаг вперед, открыло новый этап в развитии советской исторической науки.

Глава, посвященная историографии предвоенных лет, заканчивается небольшим разделом — «Борьба против фашистской фальсификации истории». Жаль, что аналогичных разделов, посвященных разоблачению советскими историками фальсификаторов нашей истории, в других главах учебника нет. Надо иметь в виду, что этот вопрос в современной идеологической борьбе становится все более актуальным.

В учебнике анализируется развитие советской историографии истории СССР в 40—50-х гг., характеризуется работа советских историков в годы Великой Отечественной войны, роль партийных документов и общеметодологических дискуссий конца 40-х гг. в борьбе за чистоту марксистско-ленинского мировоззрения, против проявлений аполитичности, некритической оценки прошлого, националистических предрассудков. В эти годы в советской исторической науке имели место и негативные явления — догматизм, начетничество, отрыв теории от практики, — возникшие под влиянием культа личности, который, однако, не мог изменить общего поступательного движения общественной мысли.

В преодолении этих явлений, в борьбе за подлинный историзм и научную объективность в освещении прошлого решающую роль сыграли партийные документы второй половины 50-х гг. В эти годы, как показано в учебнике, были созданы круп-

ные обобщающие труды, достигнуты существенные результаты в развитии археологии и этнографии, в изучении Древней Руси, Русского централизованного государства, генезиса и развития капитализма, истории классов, освободительного движения, сущности монополистического капитализма в России, многих проблем истории советского общества.

Переходя к современной историографии, авторы прослеживают связь исторической науки с социально-политическим и духовным прогрессом общества развитого социализма, останавливаются на выводах и обобщениях в области общественных наук, содержащихся в материалах XXII—XXVI съездов КПСС. Особо выделены такие существенные черты современной исторической науки, как интенсивное пополнение исторической Ленинианы, сосредоточение внимания историков на разработке общетеоретических и методологических проблем всемирно-исторического и отечественного исторического процессов, влияние научно-технической революции на развитие исторических знаний, изменения в организации и проблематике научных исследований. Подчеркивается, что «развитие советской исторической науки на современном этапе в целом и изучение истории СССР не следует представлять прямолинейным процессом, лишенным трудностей, противоречий, недостатков» (с. 200). Однако далее в работе лишь перечисляются некоторые отвергнутые тенденции без раскрытия сущности дискуссий и критики, что не позволяет достаточно четко представить те конкретные трудности и недостатки, которые надо было преодолеть.

В главах, посвященных исследованиям проблем истории феодально-крепостнической России, становления, развития и крушения капиталистической формации, изучению истории советского общества, историко-партийной историографии, истории народов СССР в советских республиках, не только подведены итоги развития историографии отечественной истории, уже получившие отражение в историографических изданиях (вышедших в годы проведения съездов КПСС, международных конгрессов историков), в монографиях по отдельным проблемам историографии, но содержится новый исследовательский историографический материал (например, глава «Изучение проблем истории феодально-крепостнической

России в современной советской историографии»). Интересные результаты наблюдений над развитием советской историографии аграрной истории XIX—начала XX в., освободительного движения, внутренней и внешней политики России содержатся в главе «Изучение истории России периода кризиса феодально-крепостнических отношений, становления, развития и крушения капиталистической формации (начало XIX в.—1917 г.)». Современный уровень историографии Великого Октября, ее многообразие, основные направления и перспективы развития четко обрисованы в главе «Изучение истории советского общества». К сожалению, в целом в этой главе слишком ощутим элемент описательности, без которой, конечно, нельзя обойтись, но желательно не подменять анализ, оценки информацией.

В основу периодизации истории советской исторической науки авторы кладут проявление ее основных закономерностей. Таковыми являются руководство со стороны Коммунистической партии и Советского государства, связь с важнейшими идеологическими и практическими задачами социалистического и коммунистического строительства, общегосударственные плановые принципы развития организационной структуры, накопления и публикации исторических источников, проблематики и проведения исследований, подготовки и повышения квалификации кадров научных работников, творческое освоение и постоянное развитие марксистско-ленинской методологии и методов научного исследования, непримиримая борьба с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией, широкая пропаганда исторических знаний (с. 10). С этим перечнем нельзя не согласиться, за исключением его последовательности. На первое место должно быть бесспорно поставлено освоение и совершенствование марксистско-ленинской методологии — именно эта закономерность является определяющей для решения многих задач, стоящих перед исторической наукой.

История советской исторической науки, как следует из книги, включает три периода. Первый — с октября 1917 г. до середины 30-х гг. — авторы характеризуют как время, когда в борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной историографией утверждалось и крепло марксистско-ленинское направление, складывалась сеть

научных учреждений и центров подготовки историков-марксистов, формировалась исследовательская проблематика советской науки. Важнейший итог развития исторической науки за эти годы — консолидация советских историков на базе марксистско-ленинской теории. Следующий период — до конца 50-х гг. — определяется выработкой единой периодизации всемирной и отечественной истории и созданием на марксистско-ленинской основе обобщенной картины исторического процесса.

Рубеж середины 30-х гг. имеет прочную историографическую традицию, связан с освоением советскими историками основ марксистско-ленинской методологии. Другая граница — конец 50-х — начало 60-х гг. — в определенной степени обоснована. Авторы учебника полагают, что преодоление догматических и начетнических тенденций, свойственных ряду трудов 30—50-х гг., — явления одного периода развития исторической науки. Однако эта предложенная авторами хронологическая граница не бесспорна и, по видимому, нуждается в более обстоятельном обосновании.

Третий период авторы связывают со вступлением СССР в стадию развитого социализма. Однако они подчас замещают качественные показатели количественными и не дают достаточно полной характеристики отличительных черт современной исторической литературы с точки зрения методологии, или, если можно так выразиться, методологического содержания понятия «современный этап советской исторической науки».

Удачно решена в учебнике задача отбора историографического материала. Хотя иногда и проскальзывает элемент библиографичности, тем не менее в центре внимания авторов, как правило, находятся крупные исследования, коллективные труды и монографии, в которых выдвигаются новые проблемы и решения, содержится новый исторический материал. Там же, где речь идет о дискуссионных, малоисследованных вопросах, они нередко обращаются к статьям, рецензиям и т. п. В целом авторам удалось показать и вклад в науку крупнейших советских историков — М. Н. Покровского, Б. Д. Грекова, Н. М. Дружинина, Е. В. Тарле, Б. А. Рыбакова и других. Вместе с тем научно-биографический материал, сила воздействия которого на читателя извест-

на, недостаточно представлен в учебнике.

В учебнике обстоятельно изложена научная биография М. Н. Покровского. Авторы нашли верный подход в оценке его исторических взглядов и их эволюции. По этому вопросу еще не достигнуто единство в историографической литературе, не до конца исследована тема об освоении М. Н. Покровским марксистской теории, а в связи с этим его реальный вклад в развитие советской историографии оценивается неоднозначно. Справедливо подчеркивается, что значение «Русской истории в самом сжатом очерке» состояло в том, что представления русских дворянских и буржуазных историков о ведущей роли государственности в историческом процессе, о «закреплении» и «раскрепощении» созданных государством сословий, о бесклассовом характере русского исторического развития, о приоритете в истории политических, юридических и нравственно-эстетических факторов был противопоставлен взгляд на историю страны с точки зрения эволюции ее экономики, генезиса и развития классовой борьбы. В этом основная заслуга М. Н. Покровского. Однако вряд ли оправдано изложение его исторических взглядов в трех местах учебника.

В книге советская историческая наука показана как наука многонациональная. Процесс разработки отечественной истории рассматривается в рамках всей страны. Наряду с тем, что в учебнике имеются специальные главы и параграфы, по-

священные изучению истории народов СССР в советских республиках, работы историков различных республиканских и региональных научных центров анализируются в контексте исследования многих общих социально-экономических и политических проблем. Это обстоятельство отразил именной указатель к учебнику, который включает около 900 имен советских историков, в том числе более 100—из различных городов страны. Кстати, следует отметить весьма обширный научно-справочный аппарат издания.

Заслуживает одобрения и предпринятая авторами попытка включить в поле зрения, наряду с общей историографией, труды по истории КПСС. Это обогащает содержание книги и позволяет более полно раскрыть освещение в советской исторической литературе истории революционного движения, прежде всего его пролетарского этапа, социалистического строительства и других проблем.

Конечно, не все в равной степени удалось авторам. В целом учебник успешно решает главную задачу — ознакомить читателей, в первую очередь студентов, с закономерностями развития советской исторической науки и дать характеристику его этапов, показать процесс разработки основных проблем отечественной истории и ее результаты. Некоторые же сделанные выше замечания, как представляется, могут быть учтены при переиздании учебника.

К. В. Гусев

М. И. СВЕТАЧЕВ. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ (1918—1922 гг.). Новосибирск, «Наука», 1983, 332 с., тир. 1600

Как отмечает в предисловии к рецензируемой книге академик А. Л. Нарочницкий, достоинствами ее являются творческий подход к исследованию узловых вопросов темы, стремление автора всесторонне рассмотреть интервенцию империалистических держав и борьбу с ней. Такой подход дал возможность проанализировать позиции различных кругов империалистической буржуазии в вопро-

се об интервенции в нашу страну, осветить борьбу мнений в правящих кругах стран Антанты и США относительно наиболее эффективных путей осуществления контрреволюционных планов, внести принципиально важные уточнения, связанные с историей организации интервенции, ее движущими силами и участниками.

Автор строит свою работу на солидном

Фундаменте нового документального материала, выявленного им в центральных и местных архивохранилищах. Многие ценные сведения извлечены М. И. Светачевым из советских документальных публикаций по истории внешней политики СССР в период 1918—1922 гг.

В монографии широко использована литература по истории интервенции — как советская, так и зарубежная. Автор убедительно опровергает несостоятельные концепции буржуазных историков. Он ведет полемику, опираясь на факты и документы. Но это лишь одна сторона дела. Из работ зарубежных авторов (Р. Ульмана, Д. Брэдли, Д. Свиттенхэма, Д. Морли, Б. Антербергер и др.) М. И. Светачев черпает и вовлекает в оборот множество конкретных данных, собранных в иностранных архивах. В сопоставлении с другими источниками эти данные помогают создать объемную, многоплановую картину событий.

Большой информативный материал содержит широко использованные автором американские, английские, японские публикации документов. К сожалению, вне поля зрения автора остался IV том биографии Черчилля, написанной английским историком М. Джилбертом¹. В это объемное (967 с.) издание включены многочисленные материалы из личного архива Черчилля, переписка и дневниковые записи руководящих деятелей Великобритании, содержащие много новых интересных сведений о лагере интервентов.

Автор взял на себя обязательство дать ответы на многие сложные, не изученные ранее вопросы. Каковы были особенности процесса взаимодействия между внешней и внутренней контрреволюцией в Сибири? На какие силы ориентировалась каждая из держав-интервентов? Насколько согласованными были их действия? Какую внешнеполитическую ориентацию избрала сибирская контрреволюция и какой отпечаток это наложило на ход интервенции? На все эти вопросы автор постарался ответить с максимально возможной обстоятельностью.

Самый убедительный, на наш взгляд, ответ дан на вопрос о том, почему империалистическая интервенция в Советскую Россию потерпела полный крах.

Важнейшее значение, как показал автор, имела политика Советской власти, направленная на защиту независимости страны, на борьбу против интервентов, на мирное сосуществование со всеми государствами. Рабочие и крестьяне Сибири и Дальнего Востока, подчеркивается в книге, черпая силы в правоте своего дела, в идеях большевистской партии, противопоставили всем усилиям внешней и внутренней контрреволюции непоколебимую стойкость, массовый героизм и нанесли сокрушительный удар своим классовым врагам. «Есть две силы на земле, — подчеркивал В. И. Ленин, — которые могут определить судьбы человечества. Одна сила — международный капитализм... Другая сила — международный пролетариат...»². В монографии с редкой наглядностью и конкретностью раскрывается качественное различие в самой природе, во внутренней динамике этих двух сил. Пожалуй, впервые в историографии проблемы так глубоко обнажены корни серьезных политических и экономических противоречий между империалистическими партнерами по интервенции, показано, как бдительно следили они друг за другом, как каждый из них всеми силами препятствовал росту влияния и силы другого. Грызня, коварство и подозрительность, нескончаемые междоусобицы были характерны для империалистического лагеря. И, напротив, интернациональная солидарность, сплочение перед лицом общего врага, братское самопожертвование и взаимная помощь были в лагере пролетариата, опиравшегося на трудящееся крестьянство, на прогрессивную интеллигенцию. Вот почему сила международного империализма обернулась слабостью в яростной схватке с международным пролетариатом. Таков важный вывод книги, и этот вывод глубоко актуален в обстановке сегодняшней международной напряженности.

Убедительно аргументированы и другие научные выводы, вытекающие из проведенного автором исследования. Выявляется специфика контрреволюционной тактики каждой из держав, осуществлявших интервенцию в Сибири и на Дальнем Востоке. Если Англия и Франция делали главный упор на вооруженные методы борьбы, с немедленным использованием японских войск, то правительство США

¹ Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. IV. 1917—1922. L., 1975.

² Ленин В. И. ПСС, т. 39, с. 396.

проводило линию на поддержку русских антисоветских группировок, на превращение чехословацкого корпуса в орудие своей политики, на установление контроля над Транссибирской магистралью. Оно намеревалось создать себе социальную опору в лице зажиточного крестьянства и его партии — эсеров, которая ориентировалась на помощь Америки. Следовательно, заключает автор, «особая» позиция США основывалась на применении более «либеральных», «демократических» методов в борьбе против Октябрьской революции. Причем указанные методы строились на экономическом превосходстве Америки перед ее конкурентами. Их использование должно было привести к вытеснению последних из Сибири.

В свою очередь, Япония, как показано в работе, отклонила все англо-французские проекты использования ее войск в Западной Сибири и Европейской России потому, что это противоречило ее планам осуществления территориальных захватов и приобретения экономических привилегий в традиционных для нее сферах экспансии — на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Тактическая линия Японии основывалась на поддержке казачьих атаманов, противодействии созданию и укреплению центральной сибирской власти, повсеместном насаждении своей агентуры, экономическом проникновении и т. п. в сочетании с методами прямой оккупации и жестокого террора.

Полно и глубоко освещена в монографии экономическая экспансия иностранных монополий в Сибири, которая велась под флагом «помощи» русскому народу в восстановлении транспорта, реорганизации финансов, снабжении товарами и т. д. В действительности интервенты, пользуясь зависимостью белогвардейцев от иностранной поддержки, осуществляли хищническое разграбление национальных богатств России. Важно, что экспансия рассматривается автором не только как реализация стремления овладеть рынками сбыта и источниками сырья, обеспечить прибыли монополиям, но и как контрреволюционная мера, направленная на ре-

стаблизацию и укрепление буржуазных порядков в нашей стране, на установление над ней иностранного контроля. Приведенные в книге материалы свидетельствуют о том, что интервенты старались обеспечить лидерство той антибольшевистской группировке, которая полнее удовлетворяла бы их интересы. Отчетливо показано, что соперничество в лагере внутренней контрреволюции являлось в немалой степени отражением ожесточенной конкуренции между союзными державами.

Необходимо подчеркнуть такую отличительную особенность рецензируемой работы: в книге освещается политика всех участников интервенции (а не только США и Японии) в отношении всей Сибири и Дальнего Востока по важнейшим направлениям — экономическому, политическому, идеологическому.

Впрочем, последний аспект представляется менее разработанным, чем два других. Более обстоятельно, по нашему мнению, следовало охарактеризовать пропагандистскую кампанию против Советского государства, большевистской партии, развернутую в капиталистической прессе, основные ее направления, приемы и методы.

Недостаточно раскрыты и персонафицированы непосредственные связи правящих кругов империалистических держав с представителями российской контрреволюции, значение личных контактов последних с окружением президента США — Вильсона, с английской парламентской верхушкой (через так называемый «Комитет для общих действий в русской политике»), с руководителями западной прессы. Вызывает сожаление отсутствие именно географических указателей, безусловно необходимых для данного издания.

В издательской аннотации к монографии указано, что книга рассчитана на историков. На наш взгляд, ее с пользой прочтут не только коллеги автора, но и все те, кого интересует героическое прошлое Советского государства, его внешняя политика, проблемы международных отношений в начале XX в.

Н. Г. Думова

Л. М. ГАВРИЛОВ. СОЛДАТСКИЕ КОМИТЕТЫ В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. М., «Наука», 1983, 222 с., тир. 1400

В революционной борьбе трудящихся масс за свое национальное и социальное освобождение видное место принадлежит вооруженным силам. От того, на чьей стороне окажутся солдатские массы в революционной схватке в решающий момент, во многом зависит успех революции. Великий Октябрь дал блестящий образец перехода солдатских масс на сторону революционного пролетариата в решающем сражении за власть Советов.

Одной из малоизученных сторон борьбы за солдат, а именно — роли их комитетов в процессе революционизирования действующей армии — посвящена рецензируемая работа.

Автор, учитывая предшествовавшую историографию проблемы, исследует процесс создания солдатских комитетов на фронте, их состав, политические, военные и хозяйственные права, классовую и партийную направленность их практической деятельности в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции. Возникновение солдатских комитетов относится к первым дням победы народа над самодержавием. В работе характеризуется огромное значение в создании и последующей деятельности солдатских комитетов действующей армии приказа № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, явившегося результатом революционной инициативы и творчества солдат столицы.

Большевистская партия во главе с В. И. Лениным вела настойчивую и упорную борьбу за создание солдатских комитетов в каждой роте, батальоне, полку, армии, за расширение их политических прав и революционных действий. Рассматривая солдатские комитеты как самые массовые демократические организации в действующей армии, большевики добивались установления более тесных связей их с общепролетарскими организациями и превращения комитетов в органы революционного самоуправления в войсках. На основе многочисленных документальных свидетельств автор показывает, что «с каждым днем крепла связь рабочего класса с окопниками-солдатами» (с. 39). Выражая насущные интересы солдатских масс, большевики шаг за шагом завоевывали позиции в солдатских комитетах.

Большевистской партии удалось завоевать на свою сторону значительную часть армии в решающий момент и в решающем месте и обеспечить победу пролетарской революции.

Более трети книги посвящено послеоктябрьскому периоду деятельности солдатских комитетов. Победа вооруженного восстания в Петрограде, свержение буржуазного Временного правительства и провозглашение власти Советов, создание Советского правительства во главе с В. И. Лениным, превращение партии большевиков в правящую партию коренным образом изменило обстановку в стране и в армии. В книге подробно освещаются новое положение и новые задачи большевизированных солдатских комитетов, ставившихся органами Советской власти в действующей армии, которые проводили ее политику на фронте.

Обстоятельно освещена роль солдатских комитетов в защите завоеваний народа, в ликвидации контрреволюционного мятежа бывшего правителя Керенского и царского генерала Краснова.

В книге раскрывается напряженная борьба большевиков, советских комиссаров, представителей рабочего класса, развернувшаяся на фронтовых, армейских, корпусных, дивизионных солдатских съездах за изгнание соглашателей, укрепление большевистского ядра и подлинно революционный состав комитетов.

Убедительно показана роль солдатских комитетов в осуществлении выборности командного состава как одного из важнейших принципов демократизации армии. Выполняя распоряжения Советского правительства и военных органов, солдатские комитеты выдвигали на командные должности подготовленных солдат, близких к ним патристически настроенных офицеров, вставших на сторону народа.

В книге раскрыта картина нового этапа борьбы за мир и перемирие после победы Октября. Солдатские массы с величайшим воодушевлением восприняли декреты II Всероссийского съезда Советов о мире и о земле. Руководствуясь распоряжениями Советского правительства и военного командования, солдатские комитеты организовывали фронтовиков на практические действия, ведущие к заключению мира, снимали с командных долж-

Ностей противников мира, создавали комиссии и делегации для ведения переговоров о прекращении огня и заключении перемирия на данном участке фронта, организовывали братание, распространяли устно и через печать революционные идеи среди солдат противника.

Работа Л. М. Гаврилова опирается на фундаментальную источниковую базу, включающую и новые архивные документы. Автор обобщил процесс большевизации солдатских комитетов в действующей армии и показал их важную роль в победе Октября, в демократизации старой армии и ее демобилизации, в установлении Советской власти и проведении в жизнь ее декретов и распоряжений на всех фрон-

тах. В целом широко представлена картина борьбы большевиков за превращение солдатских комитетов в опорные пункты партии в действующей армии, в органы революционной власти в войсках фронта.

В книге дан общий очерк истории создания и деятельности солдатских комитетов действующей армии, процесса их большевизации, раскрыта роль этих комитетов в победе Великой Октябрьской социалистической революции. Предлагается важным в дальнейшей разработке проблемы исследование создания и большевизации солдатских комитетов в тыловых округах армии.

С. М. Гончаров

КНИГИ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА СИБИРИ

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСТВА СИБИРИ. КРЕСТЬЯНСТВО СИБИРИ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА. Новосибирск, «Наука», 1982, 504 с., тир. 1500 *

Первый том пятитомного обобщающего труда по истории крестьянства Сибири посвящен эпохе феодализма. Выход в свет этой книги открывает серию создаваемых в настоящее время трудов по истории крестьянства отдельных регионов и предваряет многотомное издание по истории крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Таким образом, том заслуживает пристального внимания не только как завершение целенаправленной работы по изучению истории сибирского крестьянства, начатой еще в 40-е гг. В. И. Шунковым и продолженной рядом известных советских сибиреведов, но и как пионер общесоюзного дела историков по созданию обобщающих трудов по ис-

тории крестьянства, осуществляемого в течение последнего десятилетия.

Рецензируемый том — итог 40-летних плодотворных исследований истории основного производящего класса феодального общества применительно к самому обширному региону страны. Правда, история крестьянства Сибири, в отличие от других регионов, насчитывает всего четыре столетия, и крестьянство тут не было столь многочисленным, как в Европейской России, тем не менее эти обстоятельства не упрощают задачу исследователей. Советские сибиреведы с полным основанием могут гордиться достижением нового важного рубежа в изучении истории своего края — сделан значительный шаг вперед по сравнению с созданной в 60-х гг. «Историей Сибири» (т. II) — первым в советской историографии обобщающим трудом по истории Сибири феодального периода, в котором многие проблемы не могли получить должного освещения из-за слабой их изученности в то

* Редколлегия: акад. А. П. Окладников (отв. ред.), В. А. Александров, З. Я. Бояринова, О. Н. Вилков, Е. М. Залкинд, Т. С. Мамсик, Н. А. Миненко, Н. Н. Покровский, А. А. Преображенский, Н. Д. Зольникова.

время. Пожалуй, справедливо будет сказать, что в силу широты и значимости проблематики, глубины проникновения в суть изучаемых вопросов и степени использования достижений советской историографии рецензируемый том может претендовать на роль нового обобщающего труда по сибирской истории в целом.

Композиция рецензируемого труда отличается большой четкостью. Открывается он кратким предисловием, представляющим читателю все пять томов, которые должно включать в себя издание, и компактным введением, содержащим и характеристику общих подходов авторского коллектива к истории феодального крестьянства Сибири, и характеристику источников, и аннотированную библиографию, сгруппированную по проблемам и дополненную указаниями на позиции сторон по дискуссионным вопросам. Основной материал, охватывающий более двух с половиной веков феодальной Сибири, содержится в двух частях: часть I — «Крестьянство Сибири в период присоединения и первоначального освоения края русскими (конец XVI — начало XVIII в.)» и часть II — «Крестьянство Сибири в период классового формирования (20-е гг. XVIII в.— середина XIX в.)». Обе части построены по единой схеме: колонизационные процессы, производительные силы и сельскохозяйственное производство с выделением специфики сельскохозяйственного производства у аборигенного населения, формирование сельскохозяйственных районов, развитие феодальных отношений (с рассмотрением отдельных разрядов крестьян), некрестьянское земледельческое население (в I части), крестьянская община (во II части), складывание крестьянства у местных народов (во II части), аграрная политика царизма и управление крестьянами, классовая борьба крестьянства Сибири. Первой части предпослана характеристика естественного географических условий и этнодемографической обстановки в Сибири кануна народнохозяйственного освоения.

По сравнению с предыдущими трудами по истории Сибири, в рецензируемом издании прежде всего следует отметить расширение проблематики благодаря многостороннему показу истории культуры в ее широком понимании (материальная и духовная культура, общественное сознание крестьянства). Развернуто характеризуется общественное сознание крестьян

XVIII в. Гораздо более полное освещение получила история крестьянства первой половины XIX в. Украсившая том часть III — «Быт, культура и общественное сознание крестьянства (конец XVI — середина XIX в.)» — являет собой пока еще редкое, к сожалению, сочетание в одном труде чисто исторических и этнографических методов исследования.

Новое обстоятельное обоснование получила в материалах книги теория «государственного феодализма». Опираясь на ряд исследований, авторы убедительно показали, что сибирская феодальная деревня развивалась «в рамках системы „государственного феодализма“, однотипной с системой феодализма центральнорусской деревни, но лишенной крепостнических черт последней» (с. 6). Охарактеризованы главные особенности колонизационных процессов, характерные для разных периодов освоения Сибири. Удачно решены задачи, связанные с обобщением картины взаимоотношений русского и коренного населения Сибири в процессе складывания земледельческого крестьянского слоя у аборигенных народов. Дана развернутая оценка деятельности некрестьянских слоев трудового населения Сибири, прежде всего служилых людей.

Большинство разделов написано с широким использованием нового документального материала, они не только обобщают достижения исторической науки в изучении тех или иных проблем, но и продолжают их исследовательскую разработку. Одновременно выявлены лакуны в изучении истории Сибири; так, требует дополнительного исследования духовная культура сибирского крестьянства XVII в.

Авторам удалось всеобъемлюще, красочно показать трудовой подвиг русского крестьянства, осваивавшего Сибирь, способствовавшего ликвидации усугубляющейся отсталости аборигенного населения благодаря передаче ему своего богатого земледельческого опыта, трудовых традиций и навыков, книжной культуры.

Такой разносторонний, фундаментальный труд не может не вызвать ряд замечаний, предложений. Перейдем к ним.

Оценка в работе характера и последствий взаимоотношений русского и коренного населения Сибири, правительственной политики применительно к сибирским аборигенам в целом не вызывает возражений. Вместе с тем нельзя согласиться с трактовкой авторами некоторых аспек-

тов этой проблемы. Говоря об «изобилии свободных земель» в Сибири на рубеже XVII—XVIII вв. (с. 36), следует учитывать условность представлений о «свободной земле». Еще Н. В. Устюгов отмечал, что земли, «свободные» с точки зрения земледельца, не являлись таковыми с точки зрения охотника и рыболова¹. Это обстоятельство, несомненно, не могло не породить определенные трудности для местных жителей при устройстве русских крестьян на их землях, но, с другой стороны, должно было явиться (наряду с «бурными политическими событиями») одним из стимулов скорейшего перехода коренных обитателей Сибири к земледелию (о чем вскользь говорится на с. 79): потеряв часть охотничье-рыболовных угодий, последние стремились найти дополнительные источники существования и не могли обойти вниманием способы ведения хозяйства у пришельцев. В книге справедливо указывается на случаи изъятия представителей местной администрации удобных для хлебопашества земель для передачи русским крестьянам (с. 210—211). Вместе с тем авторам не следовало бы проходить мимо достаточно хорошо известных фактов иного рода: в Сибири, даже в районах массовой крестьянской колонизации, лучшие земли (особенно покосы) нередко принадлежали не русским переселенцам, а аборигенам, которые представляли эти угодья в пользование русским «за договорную плату»².

В целом же содержащийся в труде конкретно-исторический материал приводит к совершенно однозначному выводу об отсутствии принципиальных различий как в положении одних и тех же категорий крестьян по обе стороны Урала, так и в степени и методах эксплуатации русского и коренного населения Сибири.

Декларируемое в книге положение о меньшей степени эксплуатации крестьян в Сибири по сравнению с Европейской Россией оказалось, к сожалению, практически не раскрытым. Авторы, очевидно, исходят из общей посылки, что уровень эксплуатации определялся господствовав-

шей здесь системой государственного феодализма, допускавшей возможности сдачи тягла, переселений, освоения новых земель (прежде всего в силу распространности залежно-переложной системы земледользования). Однако при чтении книги создается впечатление о весьма высокой степени эксплуатации сибирского крестьянина. Видимо, авторы недостаточно внимания уделили вопросу о том, насколько соответствовал рост налогового и иного гнета росту производительных сил сибирской деревни, в работе мало сравнений с положением тех же групп населения в европейской части страны. В принципе аналогии с Европейской Россией в тексте встречаются (см., напр., с. 124, 128), но гораздо реже, чем хотелось бы.

Параграф «Социально-политические взгляды» (ч. III, гл. 4) перегружен материалом, плохо вписывающимся в этот раздел: сведения о деятельности ссыльных пугачевских атаманов, а также самозванцев были бы более уместными в разделе о классовой борьбе. Вряд ли целесообразно без соответствующих разъяснений относить к социально-политическим взглядам крестьян бытовавшие в Сибири легенды и представления о «царе-антихристе», «подменном царе», скором «конце света», слухи о том, что у Пугачева дешево продаются соль и вино и о его (Пугачева) «чудесном спасении». А главное — в этом разделе, по сути дела, обойден вопрос о том, насколько распространены были подобные настроения в среде сибирского крестьянства.

Стремление отыскать корни крестьянской общины в Сибири определяет повышенное внимание авторов к коллективным формам земледелия в XVII в. Практически община в XVII в., безусловно, складывалась прежде всего на почве коллективных форм первоначального освоения пашни — в этом авторы правы. Но такой подход иногда приводит к нежелательным результатам. Так, из параграфа «Поземельные отношения» (ч. I, гл. 5) никак не вытекает, что индивидуальное земледелие и земледользование в Сибири XVII в. преобладали, хотя это — несомненный факт (отраженный, кстати, далее; с. 135), как и то, что некоторое распространение в Сибири того времени получили и коллективные формы земледользования. Об этом и в данном разделе надо было бы написать совершенно определенно.

¹ Устюгов Н. В. Рецензия на «Очерки по истории колонизации Сибири» В. И. Шункова. — Вопросы истории, 1947, № 6, с. 134.

² См.: Радищев А. Н. ПСС, т. 3. М.—Л., 1951, с. 260; Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982, с. 71—72, 253.

На с. 394 говорится об «огромном спросе» сибирских аборигенов «на пресловутый одекуй (бисер), бусы, зеркала и тому подобные изделия, приносящие русским купцам сказочные барыши». Каких-либо доказательств в подтверждение этого не приводится, между тем в литературе имеется прямо противоположное мнение на этот счет³. Разного рода безделушки играли заметную роль в торговле с аборигенами лишь на самой ранней ее стадии (например, в Якутии до середины XVII в.⁴).

Внимание, уделяемое в труде различным категориям крестьянства, далеко не всегда пропорционально месту этих категорий в общей массе крестьянского населения и их роли в хозяйственной жизни Сибири. Так, главы, посвященные государственным, приписным и монастырским (экономическим) крестьянам (гл. 5, 6, 7) имеют примерно одинаковый объем, между тем как численность и вклад в развитие сельского хозяйства Сибири государственных крестьян был неизмеримо выше, чем всех других категорий сибирского крестьянства вместе взятых.

Мало внимания уделено мероприятиям по организации обороны южносибирских уездов от набегов кочевников (хотя первоначально, судя по отсылке на с. 367, этому вопросу, видимо, предполагалось посвятить специальный раздел). Тема эта достаточно хорошо разработана в сибиреведческой литературе (см. работы А. А. Кондрашенкова, В. А. Александрова), но слабое ее освещение в рецензируемом труде не создает у читателя должного представления о тяжести условий, в которых приходилось жить и трудиться первым русским земледельцам Сибири.

Работа посвящена крестьянству, однако авторы попутно довольно подробно рассматривают и категории населения, юридически не относящиеся к крестьянству. Занимаясь земледелием, они были близки к крестьянству по своему социальному положению и в дальнейшем в массе своей вошли в сословие государственных крестьян. Такой подход вполне оправдан. Вряд ли, однако, можно согласиться с

авторами в тех случаях, когда, рассматривая хозяйственные занятия, быт и культуру крестьян, они без каких-либо оговорок приводят материал, характеризующий группы русского населения Сибири, которые не занимались хлебопашеством, а вдобавок, как правило, и юридически крестьянами не являлись, как, например, «жители Нижнего Приобья» — в основном березовские и сургутские городские казаки (см. с. 69, 202—204, 208, 358—359, 377, 380, 407—408). Это было бы оправдано, если бы цель авторов состояла в том, чтобы показать вообще производительную деятельность переселенцев в разных климатических зонах.

Земледелие было ведущей отраслью хозяйства Сибири эпохи феодализма. Это обстоятельство, однако, никак не противоречит тому бесспорному факту, что земледельческая колонизация края не являлась первоначальной целью его освоения. В глубины Северной Азии русских первоначально влекла прежде всего пушнина, а земледелие на раннем этапе колонизации играло подчиненную задачам добывания пушнины роль: обеспечивало продовольствием служилых и промышленных людей. Авторы не приводят материалов, расходящихся с этой, обоснованной еще С. В. Бахрушиным, точкой зрения, но и не формулируют ее со всей определенностью применительно к начальному этапу освоения Сибири, что необходимо было сделать.

Касаясь общих вопросов истории колонизации Сибири в XVII—XVIII вв., авторы придерживаются устоявшегося взгляда на характер, движущие силы и формы колонизационного процесса. Главенствующую роль в присоединении Сибири авторы безраздельно отводят вольнонародной колонизации. По их мнению, даже на раннем этапе освоения Сибири «правительственная деятельность в этом направлении имела второстепенное значение» (с. 37). По-видимому, следовало бы уделить больше внимания роли правительственных мероприятий на раннем этапе колонизации края, попыткам правительства в XVII в. регулировать поток переселенцев, тем более, что для XVIII — середины XIX в. говорится о правительственном регулировании внутрисибирских миграций (с. 162).

Раздел о крестьянских верованиях (с. 458—466) перегружен общими положениями о символике и происхождении

³ См.: Преображенский А. А. Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири (конец XVI — середина XVII в.). — Вопросы истории, 1981, № 10, с. 81.

⁴ См.: Якутия в XVII веке. Якутск, 1953, с. 348.

народных обрядов и верований, но в нем было бы желательно выявить их сибирскую специфику (а она, несомненно, была). В разделе о крестьянском искусстве (с. 434—444) следовало бы максимально использовать материалы описаний крестьянского имущества: они в основном позволяют судить об эстетических вкусах крестьян. В книге закономерно уделяется большое внимание описанию сельскохозяйственных орудий, однако не всегда можно составить четкое представление о них без рисунков (например, с. 177—182).

Многие главы тома содержат сведения, излишне подробные для обобщающего труда и к тому же зачастую носящие чисто иллюстративный (выборочный) характер (с. 39, 62—69, 109—110, 122—123, 192—199, 217—222, 261, 280—283, 294—295, 371—372, 402—405, 442). Местами сильно перегружен справочный аппарат (с. 67—75).

Придирчивый читатель может обнаружить в томе и ряд редакционных погрешностей. В число «торкоязычных племен» попали калмыки (с. 47—48). К приходу русских у сибирских татар было не только «мотыжное» (с. 46), но и пашенное земледелие⁵. Березовский уезд всег-

да был не «малохлебным» (с. 223), а хлебопашество там невозможно.

Книга снабжена подробной схемой эволюции административно-территориального деления, хорошим именной и географическим указателями, а также значительным числом иллюстраций. В интересах более широкого круга читателей желательно было бы поместить словарь, поясняющий специальные (главным образом, этнографические) термины.

В целом, несомненно, первый опыт создания обобщающего регионального исследования по истории крестьян удался и может служить примером для работы историков-аграрников применительно к другим регионам. Обусловлен этот успех рядом факторов: наличием длительного подготовительного периода, в течение которого изучалась аграрная история этого региона, организацией всей работы таким центром, как Сибирское отделение АН СССР, творческим сотрудничеством историков, работающих над проблемами истории сибирского крестьянства в Москве и в Сибири. Главный пример, данный «Историей крестьянства Сибири» — сочетание обобщения материала с продолжением его исследования. В этом — залог дальнейших успехов деятельности советских историков-аграрников.

Н. А. Горская, Н. И. Никитин

⁵ См.: История Сибири, т. 2. Л., 1968, с. 62.

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСТВА СИБИРИ. КРЕСТЬЯНСТВО СИБИРИ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА. Новосибирск, «Наука», 1983, 399 с., тир. 1100 *

В работе впервые всесторонне исследуются производительные силы крестьянского хозяйства, производственные отношения и классовая борьба в деревне, общественное сознание, культура и быт сибирского крестьянства эпохи капитализма.

Авторский коллектив обобщил огромный материал, накопленный исторической наукой; были собраны и систематизированы многочисленные конкретно-исторические и статистические данные центральных и местных архивов, привлечены сборники документов и материалов, различно-

го рода статистические издания, нормативные акты. В томе широко использованы сведения периодической печати (журналов и газет), свидетельства и оценки очевидцев, экспонаты музеев и т. д. Взятые в целом, эти источники позволили воссоздать сложные процессы и особенности развития сибирской деревни, осветить слабоизученные вопросы, решить ряд проблем и поставить некоторые новые исследовательские задачи.

Книга состоит из небольшого введения, двух частей и заключения. Во введении дан краткий историографический обзор литературы, названы основные использованные источники, сформулированы важные методологические положения, которыми руководствовался авторский коллектив при освещении основных проблем

* Редколлегия: Л. М. Горюшкин (отв. ред.), А. М. Анфимов, А. П. Бородавкин, Н. Я. Гушин, И. М. Разгон, Л. М. Русакова, А. Н. Сагайдачный, Ф. Г. Сафронов, Е. И. Соловьева, В. Г. Тюкавкин.

в рецензируемом труде. В частности, авторы тома правомерно исходят из представления о Сибири как окраине Российской империи с относительно слабыми пережитками феодализма и более свободными условиями для развития элементов фермерства (с. 12). Авторский коллектив обоснованно не разделяет мнение тех исследователей, которые считают, будто в Сибири вплоть до 1917 г. сохранялась система «государственного феодализма» (с. 12, 56), ибо определяющим было влияние на социально-экономическое развитие сибирской деревни капиталистического способа производства. При огромном фонде незанятых земель первостепенное значение имели не юридические формы землевладения, а фактическое владение крестьян землей. В работе приведены многие тому доказательства — преобладание захватного землепользования, низкие цены на землю, слабое развитие аренды казенных и кабинетских угодий, сдача земли в аренду крестьянам, передача ее по наследству и т. д.

Исследование охватывает огромную территорию четырех губерний (Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской), трех областей (Акмолинской, Забайкальской и Якутской). В первой части тома, построенной по тематическому принципу, рассматриваются вопросы крестьянской реформы 1861 г. в Сибири, переселенческое движение и хозяйственное освоение края, занятия крестьян, классовое разложение и социальная структура сибирского крестьянства, аграрная политика царизма в Сибири, система управления и подати, крестьянство коренных народов Сибири, общественное сознание и классовая борьба. Эти вопросы в совокупности и составили предмет многопланового исследования. Авторскому коллективу необходимо поставить в заслугу, что они решаются с единых позиций. Благодаря этому была достигнута взаимосвязь и единство между всеми разделами как в первой, так и во второй частях рецензируемой книги.

Авторы рассматривают реформу 1861 г. в отношении всех категорий крестьян и казаков, выявляя как общие черты в крестьянских реформах в целом по стране, так и особенности их на окраине. В крестьянстве Сибири преобладали государственные крестьяне, которые не знали крепостного права. Поэтому реформы существенным образом изменили положение

только помещичьих и кабинетских крестьян. Сибирские помещики, как показано в работе, не были безразличны к реформе. Они выдвинули еще более грабительские условия, чем в центре страны. Но реализовать их в связи с сильным сопротивлением крестьян оказалось невозможным.

В книге освещаются малоизученные вопросы, связанные с реформой на государственных и казенных землях. Меньший накал классовой борьбы позволил сибирской администрации затянуть проведение реформы применительно к государственным крестьянам до конца XIX в.

Прослеживаются зигзаги в политике правительства в переселенческом вопросе, состав переселенцев и условия их водворения на новом месте. Авторы подтверждают содержащийся в литературе вывод о том, что в первые пореформенные десятилетия в переселенческом движении участвовали крестьяне, обладавшие определенными денежными средствами, которые оседали в основном в Западной Сибири, особенно на Алтае. В работе дается обстоятельная демографическая характеристика народонаселения Сибири, а также крестьянской семьи. Это существенным образом углубляет представления о социально-экономических процессах, происходивших в сибирской деревне в период капитализма. На большом фактическом материале показано, что переселения крестьян ускорили развитие производительных сил Сибири, оказывали сильное влияние на агротехнику и агрикультуру сибирского земледелия, социальные отношения, развитие торгового земледелия и крестьянских промыслов.

Центральное место в первой части тома занимает раздел о занятиях крестьян. Главной отраслью хозяйства в сибирской деревне являлось земледелие, которое дополнялось разведением тяглового и продуктивного скота. Достаточно полно характеризуются посевы и сборы хлебов и картофеля, производство сельскохозяйственной продукции на продажу. Из приведенного материала видно, что еще до постройки железной дороги в Сибири быстро увеличивалось производство зерна (с. 69), масла и животноводческого сырья, рос спрос на эту продукцию рынка, формировались районы торгового земледелия (с. 70—72, 76—77). В то же время желательным было бы полнее раскрыть такие вопросы, как урожайность

сибирских полей и последствия голода при неурожаях, агротехника и агрикультура, в частности, показать оригинальные конструктивные особенности сибирской сохи и сохи-колесуки, позволявшие осуществить широкое наступление на целинные земли степной и лесостепной зоны, приемы обработки земли, посева. Весьма кратко в книге сведения об огородничестве, пчеловодстве, рыболовстве и охоте; полнее охарактеризованы крестьянские промыслы и торговля. В работе выделены основные районы кустарного производства, показаны роль и место торгового капитала как посредника в производстве и сбыте продукции мелкого производства. К сожалению, вопрос об отхожих промыслах сибирских крестьян, в которых было занято, например, в Тобольской губернии от 7 до 19% дворов (с. 98), не получил подробного освещения.

Разложение сибирского крестьянства и его социальная структура исследуются в порайонном разрезе с выделением наиболее типичных критериев для социальных групп каждого района. Дополняя статистические данные свидетельствами очевидцев, и, что особенно важно, бюджетными сведениями, авторы дают интересную зарисовку социального облика крестьянской бедноты, сельской буржуазии и середняка Сибири, их хозяйства и связей с рынком.

Интересны наблюдения, относящиеся к дворянско-охранительному законодательству правительства в области землевладения и землеустройства, переселенческому вопросу, характеру податного обложения, вопросам преобразования управления крестьянами. В работе убедительно показано, что проводившиеся изменения в местном управлении носили реакционный дворянско-крепостнический характер, так как их конечным итогом было установление жесткого контроля губернской власти над крестьянским самоуправлением. В период капитализма в сибирской деревне возрастала роль земельной общины. В ее изучении сделаны лишь первые шаги. Поэтому раскрытие механизма действия земельной общины, ее регулирующих функций по отношению ко всем угольям в различных районах региона является бесспорной заслугой авторского коллектива.

История русского крестьянства исследуется во взаимосвязи с историей кре-

стьянства коренных народов Сибири. Это позволило раскрыть положительное влияние материальной и духовной культуры трудящихся масс русского населения на развитие народов Сибири, истоки их дружбы и единство задач в борьбе за демократию и социализм. При этом убедительно выявлены общие черты в социально-экономическом строе бурят, якутов, тувинцев, хакасов и алтайцев; развитие капитализма вызвало у них распад патриархально-феодальных отношений, появление наемного труда и предпринимательства. В хозяйственной деятельности сибиряков под влиянием русского населения все большую роль приобретало земледелие.

Рецензируемая работа существенным образом расширяет и углубляет существующие представления об общественном сознании крестьян. Определены условия, под влиянием которых шло его формирование, противоречия между обычным и государственным правом, отличия в сознании различных социальных групп. История пореформенного крестьянства — это прежде всего история классовой борьбы. К сожалению, данная проблема в первой части тома освещена кратко. Отсутствие статистики крестьянских выступлений за пореформенный период свидетельствует о слабой изученности этого вопроса вообще в современной литературе.

Во второй части книги рассматривается история сибирского крестьянства на рубеже XIX—XX вв., во время первой революции в России, в период столыпинской аграрной реформы и в годы первой мировой войны.

Анализ фактического материала подтвердил положение о том, что с открытием железной дороги новые явления в крестьянском хозяйстве стали проявляться более интенсивно. Под этим углом зрения вновь исследуются вопросы народонаселения и крестьянских переселений, изменения в сельскохозяйственном производстве и социальной структуре деревни. Использован интересный обобщающий материал, который убедительно свидетельствует, что в 1897—1905 гг. по всем основным направлениям развитие производительных сил и аграрного капитализма в Сибири опережало европейскую часть страны. Однако нельзя согласиться с тем, что налогообложение крестьян рассматривается вне связи с косвенными налогами, которые в России после отмены

подушной подати и снижения выкупных платежей становятся основной формой обложения населения.

Сибирская деревня приняла активное участие в первой русской революции. Эта большая тема раскрывается в широком плане: в работе выясняются предпосылки революции, деятельность социал-демократических организаций в деревне, крестьянское движение и борьба сибирского казачества, формирование союза рабочих и крестьян в Сибири в 1905—1907 гг. Обобщение ранее опубликованных данных позволило раскрыть первые шаги работы в деревне социал-демократических комитетов Сибири. В томе прослеживаются глубина и размах, формы крестьянских выступлений и требования крестьян, общее и особенное в классовой борьбе в сибирской деревне.

История сибирского крестьянства в период между первой русской революцией в России и первой мировой войной правомерно рассматривается под углом зрения столыпинской аграрной реформы и ее последствий. В книге дан обстоятельный обзор столыпинской аграрной реформы в Сибири, переселений крестьян из Европейской России и землеустроительных работ в сибирской деревне. Вывод В. И. Ленина о крахе столыпинской аграрной реформы конкретизирован сибирскими материалами: их анализ показал, что проводившееся землеустройство запутывало и обостряло аграрный вопрос и классовую борьбу в самой Сибири, а переселенческая политика царизма потерпела провал, так как вместо прочного устройства выселенных из Центра крестьян правительство получило огромную массу обратных переселенцев, окончательно разоренных и озлобленных (с. 239).

Учитывая, что монографических исследований о сибирской деревне в годы первой мировой войны нет, глава тома, посвященная этой проблеме, приобретает особое значение. Споры нет, война подорвала производительные силы крестьянского хозяйства, об этом подробно говорится в работе. Но степень их разрушения в Сибири, думается, несколько преувеличена. В сибирской деревне не так уж плохо было, например, с обеспеченностью сельскохозяйственными орудиями и машинами. Перепись 1917 г. зафиксировала ценные данные по Томской губернии, согласно которым годных к употреблению сох, сабанов и колесух было 90,4%, однолемешных

железных плугов — 97,7%, железных борон — 99%, молотилок — 93,6%, веялок и сортировок — 94,8% всего количества сельскохозяйственных орудий**. Кроме того, больше, чем в мирное время, сдавались в аренду сельскохозяйственные орудия и машины. Из приведенных данных (с. 251—258) видно, что, хотя площадь посевов и сборы зерновых, поголовье лошадей и продуктивного скота по сравнению с довоенным уровнем увеличились, положение трудящихся масс все более ухудшалось.

Изучение состояния буржуазной кооперации показало, что Сибирь занимала по этому показателю в России ведущие позиции (с. 266). Сделан важный вывод о том, что «рост кооперации в годы войны ускорил процесс созревания предпосылок социалистической революции в сибирской деревне» (с. 267).

Интересны наблюдения о постепенном освобождении крестьян в годы первой мировой войны от шовинистического угара, дана статистика антиправительственных выступлений. Анализ материала позволил выявить неуклонный рост классовой напряженности в сибирской деревне, где выступления народных масс в годы войны все более принимали характер открытой борьбы против царизма.

Немалую познавательную ценность имеет заключительная глава — она содержит интересную информацию о материальной культуре и прикладном искусстве, быте и нравах крестьян, агрономических навыках, народной медицине и просвещении. Рецензируемый том имеет два указателя — именной и географический, а также содержит интересные иллюстрации.

Обобщающий труд отразил степень изученности истории крестьянства Сибири эпохи капитализма, показал недостаточную разработанность ряда вопросов, в том числе о крестьянском движении. В целом рецензируемый труд — это капитальное исследование, заметное в исторической литературе последних лет, которое будет способствовать дальнейшей разработке спорных и нерешенных проблем.

В. И. Пронин

** Гос. архив Новосибирской обл., ф. Д-146, оп. 1, д. 388, л. 7 об. Пахали в Томской губернии главным образом железными плугами.

Е. И. СОЛОВЬЕВА. ПРОМЫСЛЫ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД. Новосибирск, «Наука», 1981, 329 с., тир. 1250

В монографии освещаются общие условия и особенности развития обрабатывающих промыслов крестьянства пореформенной Сибири, выявляется удельный вес мелкой сельской промышленности в крестьянском хозяйстве.

Представляются вполне обоснованными хронологические границы работы: начальный рубеж определяется вступлением Сибири как неотъемлемой части России в эпоху капитализма, конечный — столыпинской аграрной реформой. Территориальные рамки работы — Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, в пределах которых проживало 83% населения Сибири.

Одно из достоинств монографии состоит в изучении крестьянских промыслов на территории Сибири в тесной связи с развитием крестьянского хозяйства пореформенной России в целом.

Социально-экономические отношения в пореформенной Сибири рассматриваются в книге на основе изучения динамики и состава сельского народонаселения. Численность и размещение населения Сибири, его прирост, половозрастной, национальный и профессиональный состав автор определяет уровнем развития капитализма, с одной стороны, сохранением феодально-крепостнических пережитков — с другой, а также положением этого региона как колонии в экономическом смысле в системе российского капитализма. Действие капиталистического закона народонаселения показано в процессе освоения Сибири, развития капитализма **вширь**. Рост населения в этих условиях создавал значительные трудовые ресурсы, втягивавшиеся в ведущую отрасль экономики Сибири — сельское хозяйство. Но вместе с тем сельское население Сибири постепенно приобщалось к мелким формам обрабатывающей промышленности.

В монографии рассматривается динамика сельского народонаселения в том плане, в каком она, взаимодействуя с социально-экономическими факторами, влияла на размещение крестьянской промышленности, объем мелкого производства, появление новых промыслов, социальные процессы среди промыслового крестьянства.

Роль переселений в промышленном освоении Сибири — предмет особого внимания автора; отметим, что по этому вопро-

су нет не только монографий, но и специальной статьи, а в исследованиях, посвященных переселениям крестьян в Сибирь, эта проблема даже не ставится.

Е. И. Соловьева на основе массового, статистического материала показала, что большая часть новых промыслов, возникших в Сибири, связана с заселением.

Как видно из книги, более трети семей, поселившихся в Сибири, занимались на родине промыслами и ремеслами. На новом месте, пока шел процесс адаптации к новым условиям, переселенцы стремились максимально использовать старый опыт, сложившиеся производственные навыки. Почти все, кто обладал навыками ремесленного труда, обратились к ремеслу как источнику существования. После обзаведения собственным хозяйством удельный вес хозяйств с кустарными промыслами стал выше, чем был на родине. В этом проявилось одно из последствий процесса освоения окраин. Углубление общественного разделения труда не только сохраняло прежний контингент промышленников, но и увеличивало его.

В работе прослеживается и другой процесс — влияние переселений на развитие уже существовавших в Сибири промыслов, образование новых промыслов среди старожильческого населения, эволюцию общественно-экономических отношений, превращение однопромысловых селений в многопромысловые. Интересны страницы монографии о превращении в многопромысловые кустарные центры крупных населенных пунктов, распространении технических навыков, производственного опыта, трудовых традиций переселенцев, об освоении ими, в свою очередь, производственного опыта старожилов, что определяло тесное единство материальной культуры русских крестьян Сибири и населения европейской части страны, расширяло и углубляло все процессы, присущие экономике и социальным отношениям сибирской деревни.

Особый интерес для историка имеет обращение автора к изучению географии крестьянских промыслов, удельного веса обрабатывающих промыслов в общем промышленном производстве. Для получения экономико-географических данных, выходящих за погубернские границы и свидетельствующих о географии крестьян-

ских промыслов, автор обратился к материалам податной статистики. Это дало возможность выделить торгово-промышленные регионы Сибири вне административных рамок и проследить развитие в них крестьянских промыслов, взаимовлияние различных экономических форм городской и сельской промышленности. Показатели по самой низшей категории плательщиков, приобретавших свидетельства на мелочный торг с половинной пошлиной, дали автору возможность заглянуть в глубинные социально-экономические процессы, подготавливавшие почву для возникновения промыслов в районах, где крестьянин не соприкасался с крупным капиталистическим производством.

В монографии исследованы три большие группы крестьянских промыслов, связанные с обработкой сырья животного, растительного и минерального происхождения, охарактеризован процесс включения трудовых ресурсов Сибири в мелкие обрабатывающие промыслы, выделены этапы промышленной колонизации Сибири, соответствующие уровню развития российского капитализма.

Внимание автора сосредоточено и на социальных процессах, происходивших среди мелких промышленников, особенностях утверждения капитализма, подготовке социальной базы для возникновения капиталистической мануфактуры и фабрики. Важен сделанный в книге вывод о том, что в пореформенной Сибири разложение мелких товаропроизводителей происходило в условиях утверждения неразвитых форм капитализма в промышленности и сельском хозяйстве — и это накладывало отпечаток на формирование производителей в мелкой промышленности. Но разложение промыслового крестьянства было общей закономерностью, которая проявлялась с разной степенью интенсивности в различных регионах и отраслях крестьянского производства. Сопоставляя процесс разложения мелких товаропроизводителей в обрабатывающей промышленности в Европейской России и Сибири, автор приходит к заключению о более резко выраженных чертах «незрелого», «деревенского» капитализма в Сибири.

Кустарная промышленность служила одним из источников формирования кадров промышленного пролетариата. В исторической литературе утвердилось мнение о незначительной роли этого источника в формировании сибирского отряда рабочего класса. Автором собраны разнообразные источники: не только те, которые содержат количественные показатели, но и такие, которые хотя бы косвенно отражают социальные аспекты проблемы. В итоге показан процесс пополнения рабочих кадров мелкой промышленности за счет разложения крестьянства, переселенцев и ссыльных, обладавших навыками промышленного труда, увеличения пролетарских слоев в результате разложения промыслового крестьянства, превращения самостоятельных кустарей в рабочих рассеянных и централизованных мануфактур. В книге предпринята попытка определить численность лиц, занятых в мелкой крестьянской промышленности, а среди них — наемных рабочих, освещены положение рабочих в мелкой промышленности, степень их связи с землей.

Монографию отличает богатство источниковой базы. Впервые вводится в научный оборот значительное число документальных источников. Это — первичные ведомости промышленных заведений, алфавиты плательщиков раскладочного и процентного сбора с торгово-промышленных заведений, оценочные ведомости казенных палат, журналы заседаний и отчеты кустарных комитетов и др. Е. И. Соловьева обратилась к вещественным источникам (образцы кустарных изделий) и фотодокументам, сохранившимся в краеведческих музеях и Институте художественных промыслов, аргументированно доказала необходимость их использования для изучения мелкой сельской промышленности. В работе дан подробный критический разбор первичных статистических источников и обстоятельно изложена методика их обработки.

Тщательный и глубокий научный анализ источников, живое изложение, наличие иллюстраций придали книге особую притягательность.

В. Г. Тюмавкин

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСТВА СИБИРИ. КРЕСТЬЯНСТВО СИБИРИ В ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА (1917—1937 гг.). Новосибирск, «Наука», 1983, 389 с., тир. 1600 *

Рецензируемый труд охватывает переходный от капитализма к социализму период; предполагается издание еще двух томов по истории крестьянства Сибири советской эпохи.

Говоря о степени изученности важнейших проблем истории сибирского крестьянства, авторы с полным основанием констатируют: «Не стала предметом комплексного изучения центральная проблема истории советской деревни — процесс формирования колхозного крестьянства в ходе социалистического преобразования сельского хозяйства. Не дана в динамике всесторонняя характеристика класса колхозного крестьянства: его численность и состав, социально-экономическое положение, трудовая и политическая активность, идеология и социальная психология, материальное положение, культура, быт» (с. 9). Отмечается также, что недостаточно раскрыты и конкретно-исторически обоснованы огромное преобразующее влияние Октябрьской революции на сибирскую деревню, вклад трудящегося крестьянства в защиту завоеваний Октября, в разгром белогвардейцев и интервентов, расстановка классовых сил на различных этапах революции, соотношения и взаимодействие двух социальных войн в деревне, социальные сдвиги, происшедшие в результате аграрной революции (с. 9).

Авторский коллектив поставил перед собой задачу — всесторонне показать историю сибирского крестьянства во взаимосвязи всех основных сторон его жизнедеятельности (производительные силы деревни, производственные и социальные отношения, общественно-политическая и культурная жизнь) на всем протяжении переходной эпохи. Книга написана на основе широкого использования имеющейся литературы с привлечением нового документального материала по слабо разработанным вопросам. К сожалению, научно-справочный аппарат книги недо-

статочен: ссылки даются лишь на цитируемые источники, впервые вводимый в научный оборот документальный материал и малоизвестные издания. Почти полное отсутствие ссылок на использованную литературу обедняет издание, по сути, принижает значение исследований в разработке тех или иных проблем истории крестьянства Сибири.

Территориальные рамки изучения охватывают районы Западной и Восточной Сибири, исключая районы Дальнего Востока, и тем самым, на наш взгляд, страдают известной ограниченностью. Структурой книги предусмотрено выделение трех частей в соответствии с принятой авторами периодизацией истории крестьянства и колхозного строительства переходной эпохи: период Октябрьской революции и гражданской войны (1917—1920 гг.), годы восстановления и начало социалистической реконструкции народного хозяйства (1921—1927 гг.), непосредственной подготовки и осуществления коллективизации сельского хозяйства (1927—1937 гг.). Части делятся на главы, в основу которых положен проблемный принцип. Один из недостатков структуры, в целом удачной, в том, что в главе третьей части недостаточно четко выделен такой основополагающий этап в истории колхозного строительства и формирования класса колхозного крестьянства, как сплошная коллективизация (вторая половина 1929—1932 г.). Такие процессы, как создание материально-технической базы колхозного строя, сельскохозяйственное производство, социально-культурные изменения в деревне, общественно-политическая жизнь крестьянства характеризуются в «едином потоке» за все годы коллективизации (1929—1937 гг.).

Следует отметить и некоторую неувязку в определении исходного рубежа третьего периода истории крестьянства во введении и в названии III части: в первом случае в этой связи называется 1927 г. (с. 5), во втором — 1928 г. (с. 206). Полагаем, что следовало говорить о 1927 г., точнее, о его конце, поскольку именно в это время состоялся XV съезд ВКП(б), взявший курс на коллективиза-

* Редколлегия: Н. Я. Гушин (отв. ред.), Л. И. Боженко, Л. Г. Гарипова, Л. М. Горюшкин, В. А. Демидов, Ю. В. Журов, И. С. Кузнецов, Ю. В. Куперт, А. С. Московский, М. Е. Плотникова, Г. Л. Санжеев, В. Л. Соскин, В. И. Шишкин.

цию сельского хозяйства. Заметим ещё, что узкопроблемный характер некоторых глав приводит иногда к искусственному расчленению тесно связанных между собою процессов. Так, в главе 14 рассматриваются проблемы колхозного движения за период 1929—1937 гг. в полном отрыве от классовой борьбы и ликвидации кулачества как класса, которым посвящена следующая, 15 глава.

В целом в работе на большом конкретно-историческом материале убедительно раскрыт многогранный процесс формирования класса колхозного крестьянства Сибири на основе социалистического преобразования сельского хозяйства в переходную эпоху. Крестьянство в книге предстает и как объект исторического процесса, которому присущи свои внутренние закономерности развития, и как субъект, творец истории, создатель материальных и духовных ценностей.

В книге освещается создание объективных и субъективных предпосылок формирования класса крестьян-коллективистов: установление и упрочение Советской власти в Сибири, первые социально-экономические и культурные преобразования в деревне, зарождение и развитие социалистического уклада, деятельность Советов, сельских партийных организаций по претворению в жизнь аграрной политики Советской власти.

Обстоятельно охарактеризованы крестьянское движение в Сибири накануне Октября 1917 г., роль крестьянства региона в осуществлении первых аграрных преобразований Советской власти, в развитии партизанского движения в период временной победы контрреволюции, участие сибирского крестьянства в борьбе за отстаивание завоеваний Октября на фронтах гражданской войны. Показан нелегкий труд крестьянина-единоличника в первой половине 20-х гг. в условиях ожесточенной классовой борьбы, бедствий и разрухи, вызванных гражданской войной, его колебания и раздумья на собственном клочке земли.

Проследившая процесс формирования класса колхозного крестьянства, авторы последовательно рассматривают вопросы, связанные с развитием новых производительных сил и производственных отношений в сибирской деревне, с преобразованиями в ее социальной структуре, культуре и быте, общественно-политической жизни. Освещается роль крестьянства в

развёртывании колхозного движения, создании материально-технической базы колхозного строя, организационно-хозяйственном укреплении колхозов, повышении культуры земледелия и животноводства, производстве сельскохозяйственной продукции. Авторы показывают непосредственное участие крестьянства в ликвидации кулачества как класса, борьбе за сохранение и упрочение социалистической собственности, рост производительности труда. Анализируются и негативные явления, недостатки и ошибки в колхозном строительстве, простекавшие главным образом из-за огромных трудностей, неизвестности путей социалистического строительства, отсутствия опыта.

Сквозной проблемой книги, нашедшей отражение во всех ее разделах, является союз рабочего класса и крестьянства, помощь города коллективизирующейся деревне, а также вклад крестьянства в укрепление и развитие союза двух дружественных классов. Обстоятельно освещена роль крестьянства Сибири в снабжении страны продовольствием и сырьем, в обеспечении людскими ресурсами развивающейся промышленности, отчислении средств на индустриализацию и т. д. Как отмечается в книге, в ходе строительства совхозов и МТС формировался аграрный отряд рабочего класса, благодаря чему расширялась сфера действия союза рабочего класса с крестьянством, охватывая не только взаимоотношения города и деревни, но и внутридеревенскую сферу.

Удачно раскрыта на страницах труда тема общего и особенного в социалистическом преобразовании сибирской деревни, развитии крестьянства и сельского хозяйства региона. Характеризуются прежде всего общие закономерности социалистического строительства, неразрывная взаимосвязь и взаимовлияние исторических процессов, происходивших в европейской части страны и в восточных ее районах. Благодаря такому подходу убедительно также разоблачаются концепции буржуазной историографии, пытающейся противопоставить Сибирь Европейской России, отделить исторические судьбы народов региона от общего исторического процесса развития народов СССР.

Вместе с тем показано, что основные закономерности аграрной революции, развития крестьянства в годы нэпа, коллективизации сельского хозяйства в условиях

Сибири проявились своеобразно в силу исторических, социально-экономических, культурных, национальных, географических особенностей региона. В этой связи обращается внимание на отсутствие помещичьего землевладения, наличие более многочисленного и мощного, чем в Центральной России, кулачества, большую зажиточность, мелкобуржуазность середняков, относительную слабость промышленного развития и сравнительную малочисленность и распыленность пролетариата. Сибирское крестьянство не прошло «школы» комбедов, и его колебания весной и летом 1918 г. способствовали временной победе контрреволюции. Господство колчаковской диктатуры вело к повороту крестьянства на сторону Советской власти, к развитию партизанской борьбы как подлинно массового движения трудящихся. Наличие многочисленного и мощного кулачества, его агрессивность предопределили остроту классовой борьбы в деревне в годы массовой коллективизации. Мелкобуржуазность сибирского крестьянина-середняка затрудняла вовлечение его в социалистическое строительство.

Одна из особенностей Сибири, говорится в книге, состояла в многонациональном составе ее населения. Помимо русских, украинцев, белорусов, переселившихся с запада, на ее территории проживали многочисленные коренные народы (якуты, буряты, хакасы, тувинцы, народности Севера), находившиеся на более низком уровне социально-экономических отношений.

До Октября у коренных народов Сибири господствовали патриархально-феодалные отношения, в которые проникали капиталистические. Крестьянству национальных районов Сибири в книге уделяется большое внимание: во всех разделах выделены специальные главы (5, 12, 20), в которых анализируется положение и развитие этих районов накануне и в первые годы Октябрьской революции, восстановления народного хозяйства и коллективизации. Коренное население Сибири было разбросано на огромной территории, вело преимущественно кочевой и полукочевой образ жизни. Поэтому одновременно с коллективизацией пришлось решать задачу перевода кочевников и полукочевников на оседлый образ жизни. Специфические условия определили иные темпы, формы и методы коллективизации (с. 353—357).

К сожалению, фактические данные, относящиеся к национальным районам, не всегда в должной мере учитываются при анализе соответствующих материалов по региону в целом. В известной мере это происходит и из-за вынесения этих глав в конец хронологических разделов, когда уже рассмотрены и проанализированы все основные процессы и явления на общесибирском материале. Приведем такой пример. В главе 15, посвященной классовой борьбе и ликвидации кулачества как класса в сибирской деревне, делается вывод: «Кулачество как класс в Сибири было ликвидировано в основном уже в 1931 г., в 1932—1933 гг. этот процесс завершился полностью» (с. 269). В главе же 20, где речь идет о коллективизации сельского хозяйства в национальных районах Сибири, приводятся данные о том, что процесс ликвидации кулацко-байских хозяйств в Горном Алтае закончился в 1935 г., а в Якутии — в 1936 г.; у народов Крайнего Севера эксплуататорские хозяйства сохранялись вплоть до начала 40-х гг. (с. 360, 369). Недостаточно корректным представляется и вывод в главе 15 о том, что к концу второй пятилетки коллективизация крестьянских хозяйств в Сибири была почти полностью завершена (с. 247). К этому времени в Якутии было коллективизировано лишь 68,6% хозяйств, а у народов Севера основной формой объединения были простейшие производственные товарищества (с. 362, 368, 370).

Пожалуй, наибольшей новизной, преобладанием исследовательского начала отличаются главы, в которых анализируются изменения в численности и составе крестьянства, его общественно-политическая активность, материальное благосостояние, культура и быт за период с 1928 по 1937 г. (гл. 17, 18, 19). При этом авторы вводят в оборот материалы переписи населения 1939 г., ряд статистических данных (в том числе бюджетные обследования колхозников Сибири), извлеченных из архивов. Изменения, происходившие в социальном облике крестьян, рассматриваются в тесной связи с изменениями в составе всего сельского населения страны и Сибири. Значительное внимание уделяется формированию аграрного отряда рабочего класса, сельской интеллигенции.

Убедительно показано, что победа колхозного строя коренным образом изменила

социальный облик крестьянства. По всем главным классовообразующим признакам, определенным В. И. Лениным (место в производстве, отношение к средствам производства, роль в общественной организации труда, способ получения и размер дохода), оно стало принципиально отличаться от единоличного крестьянства, превратилось в колхозное крестьянство — класс социалистического общества. Социалистическое преобразование сельского хозяйства радикально изменило экономику, социальный строй, общественно-политическую и культурную жизнь крестьянства, его сознание.

Однако конкретный материал, приведенный в названных главах, не позволяет судить о том, в какой мере к концу рассматриваемого периода сибирское крестьянство перешло на позиции новой клас-

совой психологии и марксистско-ленинской идеологии. Четкие выводы по этому вопросу не содержит и заключение. Наш взгляд, в этих главах книги проявляется излишне широкий подход к исследуемым вопросам: характеризуются социальные и культурные изменения в сибирской деревне в целом, в приводимом конкретном материале недостаточно вычленяется крестьянство. Специфика издания не в полной мере учитывается и при освещении истории совхозного строительства.

В целом же можно констатировать, что создано многоплановое обобщающее исследование, всесторонне освещающее историю сибирского крестьянства в период социалистического строительства.

И. Е. Зеленин

Н. Г. КОРОЛЕВА. ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЦАРИЗМ [Совет министров России в 1905—1907 гг.]. М., «Наука», 1982, 183 с., тир. 4100

Одним из показателей эволюции самодержавия в начале XX в. в сторону буржуазной монархии явилась реформа Совета министров в 1905 г., в результате которой был создан орган, призванный обеспечить единство в деятельности основных звеньев бюрократического аппарата. Эта реформа Совета министров, его деятельность в период революции 1905—1907 гг. не были предметом монографического изучения. Исследование Н. Г. Королевой восполняет этот пробел в историографии.

Монография написана на основании широкого круга источников: архивных материалов, публикаций документов, мемуарной литературы. Одно из достоинств работы — обстоятельный источниковедческий обзор (с. 18—23). Значительное место в книге отведено исследованию вопросов, связанных с подготовкой реформы. Автор впервые в советской историографии подробно рассматривает обсуждение в правящих кругах реформы Совета министров, тщательно анализируя различные планы его преобразования. В итоге удалось расширить представления о настроениях внутри правительственного лагеря в

1905 г. В работе убедительно показано, что самодержавие решилось на создание подобия кабинета в первую очередь в условиях революции 1905—1907 гг., когда несогласованность в действиях ведомств становилась все более опасной для царизма. Приводимые в монографии материалы характеризуют реформу Совета как меру вынужденную и в принципе для царизма нежелательную. Вместе с тем при анализе причин, вызвавших «объединение» ведомств, по-видимому, следовало бы отметить и то, что образование «кабинета», придавшее царской администрации более «европейский» вид, само по себе являлось известной уступкой обществу.

Не совсем удачно изложена история исключения из указа 19 октября 1905 г. положения о позволении «премьеру» представлять царю рекомендации относительно назначений министров (с. 37); создается впечатление, будто изъятие этого правила из указа произошло по инициативе царя в соответствии с мнением меньшинства и вопреки точке зрения большинства Особого совещания Д. М. Сольского, обсуждавшего реформу Совета. Между тем большинство Совещания счи-

тало целесообразным не включать это свое предложение в указ «во избежание превратных его толкований»¹.

Анализируя основные пункты указа 19 октября 1905 г., автор делает важный для характеристики особенностей государственного механизма России в период империализма вывод о двойственной природе проведенной реформы. Указ 19 октября 1905 г. «носил на себе отпечаток норм буржуазного законодательства...» (с. 38). Однако он «не покончил и с остатками феодально-правовых институтов», в частности с личными «всеподданнейшими докладами» министров, что препятствовало укреплению единства в деятельности ведомств (с. 39).

Говоря о Совете министров как государственном учреждении, автор допускает некоторые неточности. В Совете министров должны были рассматриваться не все дела «высшего государственного управления» (с. 38), ибо сохранялись подчинявшиеся непосредственно царю высшие правительственные коллегии — Комитет финансов, Военный и Адмиралтейств советы. Отмечается, что Совет министров являлся только совещательным органом при царе (с. 39). Однако многие вопросы, в том числе такие важные, как отпуск ведомствам кредитов при неутверждении Думой бюджета к началу сметного года, «кабинет» мог решать своей властью в случае единодушного одобрения данной меры всеми министерствами².

Большое место в монографии отведено характеристике действовавших в 1905—1906 г. «кабинетов» С. Ю. Витте, И. Л. Горемыкина и П. А. Столыпина. Впервые в советской исторической литературе выявляются особенности сменявших друг друга в годы революции правительств Российской империи, что важно для понимания процессов, происходивших в этот период в лагере защитников самодержавия. Наблюдения автора существенны и для оценки тех или иных внутриполитических

акций правительства. Так, избранную бюрократией тактику игнорирования I Государственной думы, в результате которой обрекалась на бездействие не только Дума, но в известной мере и сам Совет министров (с. 121), нельзя до конца понять вне ситуации, сложившейся в «кабинете» И. Л. Горемыкина. Будучи «странным сборищем чиновников», объединенных только антипатией «к новому порядку вещей» (с. 114), правительство И. Л. Горемыкина, естественно, долгое время не могло занять по отношению к ненавистному «парламенту» иной позиции, кроме бойкота.

Анализируя деятельность Совета министров в 1905—1907 гг., автор показывает, что «объединение» ведомств, несмотря на некоторые «успехи», в целом достигнуто не было. Сохранение самодержавия, неизбежное в этих условиях влияние дворцовой камарильи на управление империей порождали «атмосферу интриг и разногласий в „кабинете“», что исключало создание подлинно «объединенного правительства». Раскрытая в работе закономерность провала попыток самодержавия решить актуальную для него проблему «объединения» ведомств является новым подтверждением правильности сделанного советской историографией вывода о невозможности для царизма приспособиться к новой исторической обстановке.

Понятно, что особенно важно подробное рассмотрение в книге борьбы Совета министров против революционного движения. Автор выделяет два направления в этой борьбе — «подавление революции силой» и «попытки разрешения некоторых вопросов буржуазного развития реформистским путем в целях предотвращения революции в будущем» (с. 180). В работе освещается деятельность Совета как органа, координировавшего работу всех звеньев карательного аппарата царизма. Наряду с этим раскрывается роль «кабинета» в проведении самодержавием политики известных уступок, в частности, в издании Основных законов 1906 г., в попытках решения рабочего вопроса, в подготовке столыпинского аграрного законодательства и т. п.

Характеризуя деятельность Совета министров в 1905—1907 гг., Н. Г. Королева детально исследует процесс подготовки важнейших внутриполитических акций самодержавия, что особо важно для понимания их сущности. Показ внутренней

¹ ЦГИА СССР, ф. 1544, Архив Государственного совета, т. 16, дополнительная оп. 2, д. 5, л. 405 об.

² Свод законов Российской империи. 1906 г., т. 1, ч. I. Основные государственные законы, ст. 116.

Добавим, что разрешение о замене глав ведомств их товарищами при обсуждении Советом министров вопросов, рассматривавшихся ранее Комитетом министров, было дано царем не 23 апреля 1906 г. (с. 43), а 23 мая 1906 г.

политики самодержавия через функционирование Совета министров выявляет взаимосвязи между различными правительственными мероприятиями. При освещении деятельности Совета автору удалось раскрыть сам механизм управления империей в условиях революции. Существенное значение в этом отношении имеют приведенные в монографии сводные данные о

вопросах, обсуждавшихся «кабинетом» в 1905—1907 гг., о числе посвященных им заседаний.

Рецензируемая монография — интересное исследование, которое расширяет наши представления об одном из наиболее сложных периодов отечественной истории.

М. Ф. Флоринский

ПОВЕСТЬ О ПОБЕДАХ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА. Л., «Наука», 1982, 160 с., тир. 40 000

В нашей исторической и литературоведческой литературе неоднократно уже отмечалась большая познавательная ценность исторических произведений, написанных в «Смутное время» и об этом периоде. В их числе такие памятники, как, например, «Карамзинский хронограф» — сочинение о событиях, происходивших в России в первой половине XVII в., составленное арзамасским помещиком Баимом Болтиным, или недавно обнаруженная В. И. Корецким «Бельская летопись», возникшая в среде служилых людей г. Беляя на Смоленщине, вынужденных после нашествия польско-литовских интервентов переселиться во внутренние районы Русского государства.

К такого рода памятникам примыкает недавно открытая и введенная в научный оборот ленинградским филологом Г. П. Ениным «Повесть о победах Московского государства» — рассказ о событиях, происходивших в России с 1606 по 1625 г. Рецензируемое издание, подготовленное этим исследователем, включает в себя публикацию текста по единственному известному списку середины XVIII в., перевод его на современный русский язык, статью «„Повесть о победах Московского государства“ — новонайденный памятник древнерусской литературы», археографический и исторический комментарий. Характеризуя проделанную публикатором работу, следует отметить прежде всего, что больших усилий потребовало само прочтение текста памятника из-за плохой его сохранности. Вполне оправдано заключение Г. П. Енина о том, что автором произведения был смоленский помещик, принадлежавший к числу тех смольнян, которые ушли во внутренние районы России

после занятия Смоленщины польско-литовскими интервентами, а само оно написано для прославления (в духе уже установившейся официальной концепции) заслуг смоленского дворянства в деле подавления народных движений и в борьбе с иноземными захватчиками*.

Бесспорна заслуга Г. П. Енина и в выявлении источников, использованных автором «Повести» — последний широко привлек разрядные записи, в особенности в рассказе о событиях, в которых он лично не принимал участия. Эти записи, как показано Г. П. Ениным, автор подверг определенной переработке, чтобы подчеркнуть заслуги смольнян, а также дополнил их воспоминаниями личными и своих товарищей о времени Первой крестьянской войны и польско-литовской интервенции в России. В ходе анализа источника исследователь специально останавливается на этих воспоминаниях, отмечая их ценность для изучения истории «Смуты», и в этом с ним нельзя не согласиться.

«Повесть...» представляет собой историческое повествование, которое, в отличие от других памятников аналогичного типа, на наш взгляд, можно рассматривать как памятник литературы. Дело не только в том, что ее автор включил в свой труд обширные извлечения из литературного произведения, прославлявшего военную и государственную деятельность

* Предположение Г. П. Енина о том, что автором «Повести» был гонец от М. В. Скопина к царю Василию Шуйскому Афанасий Логинович Варышкин (с. 100—101), представляется необидительным: в списке смоленских дворян этого времени — десяти 1606 г. — нет ни Афанасия Логиновича, ни фамилии Варышкиных вообще.

М. В. Скопина-Шуйского, но использовал и ряд других литературных памятников (например, «Повесть о взятии Царьграда» Нестора-Искандера) в качестве литературного образца. Существенны наблюдения Г. П. Енина и о переработке автором текстов, связанных с фольклорной традицией, — в плане их сближения со стилем и нормами языка традиционной официальной книжности. Это не только позволяет определить место «Повести» среди литературных памятников первых десятилетий XVII в., но и дает возможность судить об уровне образованности провинциального дворянства, из среды которой, вероятно, вышел автор «Повести...».

Итак, в научный оборот введен весьма интересный памятник, а в сопровождающем его исследовании ясно и определенно показано значение этого памятника для изучения как эпохи «Смуты», так и древнерусской литературы первой половины XVII в.

К сожалению, исследователь «Повести...» не привлек для сопоставления с ней упоминающуюся выше «Бельскую летопись». Между тем сравнение этих двух произведений, написанных в одно время и об одном историческом периоде, отражающих те или иные настроения и политические позиции у дворян одного и того же географического района — Смоленщины, могло бы дать многое и для реконструкции событий эпохи «Смуты» на русском Северо-Западе, и для понимания тех конкретных факторов, от которых зависели различия в поведении провинциального дворянства в ходе охватившего страну общеполитического кризиса

Особо следует остановиться на вопросе о цели создания памятника. Г. П. Енин склонен думать, что эта цель состояла в том, чтобы «напомнить» правительству о заслугах смоленских дворян (с. 106). Полагаем, что «Повесть...» была адресована не только правительству. Г. П. Енин под влиянием обнаруженного им источника определил смолян как один «из самых богатых и отличаемых царями... отрядов русского дворянства» (с. 105). Однако в действительности смоленские дворяне-помещики ни в XVI, ни в начале XVII в. не имели своего представительства в составе «двора» — сословной организации верхушки господствующего класса, и, следовательно, стояли на более низкой ступени

сословной иерархии, чем дворянские корпорации исторического центра государства — Замосковского края.

В период «Смуты», когда смоленское дворянство стало одной из главных военных опор правительства Шуйского, положение меняется. По свидетельству «Повести...», во время похода под Тулу в 1607 г. царь Василий «многим дворянам града Смоленска повеле близ себя, государя, быти», доверив им, в частности, охрану царских шатров (с. 8). По-видимому, тогда они были уравнены по сословному положению с дворянами Центра, в чем и следует, судя по всему, искать причину характерного для данного памятника и нетипичного, как показал Г. П. Енин, для сказаний о «Смутном времени» в целом последовательно апологетического отношения к Василию Шуйскому (с. 104).

Вопрос о сохранении смолянами завоеванного ими положения, несомненно, стал особенно актуальным, когда, потеряв свои земли на Смоленщине, смоленские дворяне были испомещены в ряде уездов Центра (главным образом в Вологодском и Белозерском уездах), где им пришлось постоянно сталкиваться с давно приобщившимися к деятельности «двора» местными дворянами. Как представляется, «Повесть...», рассказывающая о заслугах смолян в деле защиты и восстановления русской государственности, должна была убедить эти дворянские корпорации в справедливости требований смолян. Думается, что этой цели и служил явно выпадающий за рамки повествования о «Смуте» уникальный рассказ об образовании смоленской дворянской корпорации в правление Василия III, где специально напоминалось, что верхушка смоленского дворянства — потомки «дворян» этого правителя, который для поселения в Смоленске «изобра изо многих градов лутчих и честных людей», и они отнюдь не смешивались с местными «земцами». Не случайно здесь же подчеркивается, что «той град Смоленск исперва пред всеми грады мноюу честию почтен баше» (с. 28).

В заключение отметим, что открытый ленинградским исследователем памятник вызовет интерес широкого круга специалистов по истории России первой половины XVII в.

Б. Н. Флоря

Выход в свет очередного тома «Источниковедения отечественной истории» — заметное явление в исторической науке, ибо опубликованные в едином специальном издании работы яснее выявляют черты нового в развитии отечественного источниковедения. Продолжая традицию предшествующих сборников, рецензируемый том включает раздел общих проблем источниковедения — в нем в широких тематических и хронологических рамках отечественной истории представлены конкретные источниковедческие исследования, а также публикации уникальных источников небольшого объема.

Из различных авторских работ (их 16) удалось создать целостное произведение. От рассмотрения конкретных сюжетов авторы переходят к более общим вопросам методов источниковедения, актуальных и открытых для дальнейших исследований; отметим и стремление повысить информативную отдачу источников, а также новизну материалов. Все это свидетельствует о продуманной подготовительной работе над изданием, в результате которой оно и предстает как явление современного источниковедения, отражает его особенности.

В книге рассматриваются источниковедческие аспекты Лениннаны, проблемы истории революции 1905—1907 гг., Февральской и кануна Великой Октябрьской социалистической революций, вопросы изучения массовых источников, делопроизводства и статистики, периодической печати, источников личного происхождения, актов и других видов и комплексов источников.

Ленинская тематика в томе представлена работой Л. Л. Муравьевой «Зарубежные адреса В. И. Ленина и источники их изучения», обобщающей комплексную методику источниковедческого поиска. Выявлен и систематизирован круг источников для изучения памятных мест, связанных с пребыванием Ленина в эмиграции: в трех странах установлено и уточнено бо-

лее 300 таких адресов. Необычен круг источников, среди которых — документы местных муниципалитетов, адресные книги, старые планы и фотографии, данные непосредственных наблюдений и бесед. Методика атрибуции и анализа источников, их отыскания и интерпретации результативна для получения новой информации о фактах классовой солидарности, развития связей международного рабочего движения. Комплексная поисковая методика на стыке источниковедения, музееведения, полевой археографии, библиографии, вспомогательных исторических дисциплин заслуживает особого внимания. Интерес представляет в этом отношении статья В. В. Ложкина «К изучению источников по истории „Николаевской республики“ (1905 год)». Освещая деятельность экспедиции, проведенной под руководством автора, статья показывает, каким образом выявление круга лиц, участвовавших в революционных событиях, их судеб, адресов родственников, изучение семейных архивов открывает возможности атрибуции вещественных памятников, документов, новой интерпретации фактов, что в итоге создает новое знание о ходе и масштабах революционных событий в деревне в годы первой русской революции.

Новые данные о Приказе № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, сыгравшем важную роль в революционизировании армии в дни Февральской революции, открыл и проанализировал Г. И. Злоказов. Привлечение новых источников позволило автору конкретизировать историю создания и уточнить обстоятельства возникновения этого документа.

Актуальная тема современного источниковедения — массовые источники — рассмотрена в теоретико-методическом плане: в статье А. В. Лубского и А. П. Прохштейна. Недочеты в их использовании они справедливо связывают с недостаточной разработанностью методов исследования массовых источников. Поэтому авторы специально анализируют теоретические понятия, принципы соответствующей классификации. Характерно, что в данной ситуации (как ранее при складывании других областей источниковедения) выступает в качестве одной из существенных

* Редколлегия: В. И. Буганов (отв. редактор), Л. Г. Бескровный, В. И. Бовыкин, И. А. Булыгин, А. А. Зимин, чл.-кор. АН СССР И. Д. Ковальченко, В. Ф. Кутьев, Б. Г. Литвак, чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто.

задача определения вида источника. Однако авторская трактовка этого вопроса («не только социальные функции источников... а главным образом способ кодирования социальной информации, в котором находят свое выражение специфика происхождения, целевого назначения, содержания и внутренней формы», с. 10) не выявляет специфики видообразования и свойств вида. Определяющим фактором видообразования нам представляется назначение документа в социальной практике, влияющее на формирование устойчивой стереотипной формы массовых документов и отбор целенаправленной информации, включаемой в них соответственно этому назначению. Поэтому данная связь особенно важна для понимания процессов видообразования. Более того, она важна и для решения вопросов о достоверности. Связь практического назначения и достоверности может быть прослежена, в частности, и на материале ряда статей рассматриваемого издания, в особенности посвященных делопроизводственной документации, хотя теоретический аспект проблемы авторами не затрагивается.

За последние годы, с появлением новых монографических исследований, на новый качественный уровень вышла разработка в советском источниковедении источников XIX — начала XX в. Это хорошо прослеживается и по статьям данного тома. Большое внимание уделено в нем статистическим и, шире, делопроизводственным документам этого периода, причем важно, что курс взят на центральную проблему достоверности и повышения информативной отдачи этих источников.

В статье В. М. Кабузана поставлена проблема достоверности учета населения России в 1858—1917 гг. Автор охарактеризовал возможности использования административно-полицейских исчислений, проанализировав методы учета естественного прироста и миграционного движения населения империи. Начатая им дискуссия по проблемам достоверности демографической статистики и методов ее анализа продолжается. Трудно переоценить ее значение, учитывая территориальные, хронологические и существенные масштабы данной проблемы.

И. В. Островский анализирует материалы сельскохозяйственных переписей 1916—1917 гг., проведенных по широким программам, как источника для характеристики положения сельского хозяйства и

аграрных отношений в Западной Сибири накануне Октября. Методику анализа паспортной статистики России первой половины XIX в. рассмотрел Р. М. Введенский. Изучив вопрос об учете паспортных листов, отчетности по их расходованию, он выявляет достоверность сведений паспортной статистики и, в свою очередь, возможности использования этого источника для изучения развития вольного найма как показателя генезиса капитализма — в губернском и российском масштабах.

Б. А. Трехбратов, исследуя приговоры и указы крестьян и казаков Степного Предкавказья в I Государственную думу, обосновал возможность статистического анализа крестьянских требований этих казаков. Это позволяет более полно охватить различные аспекты содержания данного комплекса источников, рассмотреть политические, аграрные и другие экономические требования наказов и приговоров, что расширяет сведения о классовой борьбе в деревне в годы первой русской революции. Особую ценность этим источникам придает непосредственное участие в их создании самих крестьян.

Как показал Л. М. Рянский, делопроизводственные документы об опеке дворянских имений первой половины XIX в. представляют большую ценность для изучения социально-экономического развития помещичьего и крестьянского хозяйства в рамках отдельных районов. Характеристика разновидностей документов различного целевого назначения связывается автором с рассмотрением их достоверности и информативных возможностей. В то же время следовало более точно определить источниковую базу исследования (количественные данные о сплошном и выборочном изучении фондов и их хронологических рамках).

Продолжая исследование русской меуаристики Отечественной войны 1812 г. как феномена культуры и общественной мысли, А. Г. Тартаковский проанализировал историю создания и публикации «Писем русского офицера» Ф. Глинки. Детальный анализ истории создания этого сложного по составу и хронологически многослойного памятника позволил автору по-новому интерпретировать этот ценнейший источник.

В статье Н. А. Членовой характеризуется архив крупной буржуазной газеты «Русское слово». Автор детально разо-

брался в истории газеты, в ее структуре, делопроизводстве, системе учета материалов; это позволило установить судьбу материалов газеты, реконструировать недостающие части архива. Хотелось бы, однако, видеть в статье более полную характеристику результатов проведенной работы, их значения для анализа содержания и оценки источника в целом.

Оригиналы документов о внешнеполитической программе русского правительства в начале XIX в. исследовал Б. В. Арсенев.

Сохранившиеся и разысканные собираемыми экземпляры политических гравюр периода регентства Софьи рассмотрены А. П. Богдановым как исторический источник, интерпретация которого в связи с другими памятниками эпохи позволяет его использовать для анализа взглядов и действий их заказчиков, принимавших активное участие в политической борьбе за власть.

Прослеживая по архивным материалам историю описания территории Кеврольского уезда в XVI — начале XVIII в., Н. П. Воскобойникова на конкретном материале показывает специфику писцовых описаний уезда и формы крестьянской борьбы против их проведения. Анализ со-

ставных частей ст. 100 Судебника 1550 г. приводит Г. В. Семенов к выводу о ее относительно более позднем происхождении.

В советской историографии показано большое значение актовых источников для изучения социально-экономических и политических процессов периода феодализма. Не менее важны акты и для истории народов СССР. Вводя в научный оборот подлинные славяно-молдавские грамоты конца XV — первой четверти XVII в., В. И. Буганов характеризует значение этих уникальных документов, связанных с куплей-продажей, дарением и утверждением верховной властью земельных владений как ценных источников, отражающих процессы перераспределения земельных владений между феодалами.

Высокий научный уровень рассматриваемого издания привлечет к нему внимание не только специалистов-источниковедов. Поэтому в работе была бы весьма желательна вводная статья аналитического характера, знакомящая читателей с рассматриваемыми проблемами. Книга будет полезна широкому кругу историков — в научно-исследовательской, педагогической и практической работе.

О. М. Медушевская

ИСТОРИЯ СССР ЗА РУБЕЖОМ

Н. А. ВИНОГРАДОВ

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ НТР И ЕЕ БУРЖУАЗНЫЕ КРИТИКИ

В экономическом и социальном развитии советского общества на этапе зрелого социализма, росте духовной культуры народа и его благополучия исключительная роль принадлежит науке. XXVI съезд КПСС указал на новые направления развития науки и техники в стране, поставил конкретные задачи в области фундаментальных и прикладных научных исследований¹. Совершенствование организации советской науки в одиннадцатой пятилетке и в последующие годы должно содействовать решению экономических и социальных задач советского общества, ускорению перевода экономики на путь интенсивного развития, повышению эффективности производства².

В нашей стране создана мощная производственная и научно-техническая база, обеспечивающая проведение фундаментальных исследований практически по всем направлениям науки и техники. Ежегодно в народном хозяйстве осваивается около 4 тыс. новых типов машин, оборудования, аппаратов и приборов. Примерно столько же используется в производстве изобретений и рационализаторских предложений. За счет реализации мероприятий по новой технике в промышленности в 1980 г. было условно высвобождено 555 тыс. работников, что дало годовой экономический эффект около 4,8 млрд. руб.³

В начале 80-х гг. в СССР насчитывалось 1,4 млн. или четвертая часть всех научных работников мира (в 1970 г.— 927,7 тыс.). Менее чем за десять последних лет количество докторов наук в стране увеличилось на 55%, а кандидатов — на 65%. Расходы на науку составляют более 4,5% государственного бюджета⁴. За 60 лет Советской власти были созданы тысячи новых научных учреждений, включая вузы⁵.

В настоящее время в народном хозяйстве страны продолжается осуществление более 170 комплексных научно-технических программ, более сорока из них — целевые, призванные обеспечить реализацию наиболее эффективных научно-технических достижений, включая серийный вы-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 44.

² Там же, с. 134—147.

³ См.: Система управления экономикой развитого социализма. Тенденции и проблемы. М., 1982, с. 165.

⁴ Народное хозяйство СССР, 1922—1982. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1982, с. 125; Наука и актуальные проблемы развития народного хозяйства СССР. Сессия Общего собрания Академии наук СССР. 13—14 декабря 1979 года. М., 1980, с. 22. См. также: Марчук Г. И. Наука в советском обществе.— Природа, 1982, № 2, с. 4.

⁵ СССР в цифрах в 1977 году. Краткий стат. сб. М., 1978, с. 83.

пуск новой продукции, уже в текущем пятилетии. Более 120 программ направлено на решение важнейших научно-технических проблем, создание технических средств, технологических процессов и материалов, которые будут внедрены в двенадцатой пятилетке⁶.

Состояние и развитие советской науки и техники привлекает пристальное внимание современной советологии. В советской историографии уже подвергались критическому анализу буржуазные версии развития советской науки, организации научных исследований и их эффективности, представленные в трудах советологов 60-х — начала 70-х гг.⁷ В данной работе рассматриваются концепции советского опыта организации науки в условиях НТР, нашедшие отражение в новейших трудах буржуазных авторов 70-х — начала 80-х гг. При этом автор сосредоточивает внимание прежде всего на анализе буржуазных версий об уровне развития советской науки, эффективности внедрения достижений НТР в условиях плановой социалистической системы и др.

В публикациях советологов последнего десятилетия по данной теме отчетливо проявляются две основные тенденции. Во-первых, это признание советских успехов в организации науки, призыв к научно-техническому сотрудничеству с СССР и использованию советского опыта организации и управления наукой. Так, П. Пиганьоль подчеркивает, что на Западе с большим интересом изучается советская научная политика⁸. Г. Винерт, говоря об организации и планировании исследований в академической системе СССР, отмечает большое значение координации всех исследовательских работ в стране⁹. Р. Джуди в книге «Технологический уровень советской промышленности», вышедшей в 1977 г., признает наличие в СССР лучших, чем на Западе, условий в области совершенствования технологии, значительных резервов для выпуска сложной техники, компьютеров и т. д.¹⁰ Ж.-Ж. Саломон обращает внимание на то, что СССР справедливо признает важность поддержки фундаментальных исследований¹¹.

Ряд западных исследователей советской научно-технической политики в последнее время пишет об использовании в других странах опыта СССР в области науки. Например, М. С. Кэссем и Дж. С. Эфросон, анализируя сходные аспекты управления наукой в СССР и США, делают вывод, что американцы использовали советский опыт ее планирования¹².

Однако нельзя не обратить внимание и на широко распространенные на Западе попытки умалить или же прямо исказить достижения советской науки на современном этапе, исторический опыт ее организации и функционирования¹³.

Буржуазных авторов привлекает прежде всего проблема управления советской наукой и, в частности, вопросы планирования научных иссле-

⁶ См.: Об итогах выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в 1982 году. Сообщение ЦСУ СССР.— Правда, 1983, 23 января; Марчук Г. И. Комплексные целевые программы.— Экономическая газета, 1983, № 1, с. 2.

⁷ См., напр.: Беляев Е. А. Развитие науки и организация научных исследований в СССР в современной зарубежной историографии.— История СССР, 1974, № 3; Идеологические проблемы современной научно-технической революции. М., 1974; Иглицкий А. А. Советский рабочий класс в условиях научно-технической революции. Критика буржуазно-реформистских концепций. М., 1978.

⁸ Science Policy in the USSR. Paris, 1969, p. 23.

⁹ Ibid.

¹⁰ The Technological Level of Soviet Industry. Yale University Press. New Haven and L., 1977.

¹¹ Salomon J.-J. Science et Politique. Paris, 1970, p. 110—111.

¹² См.: Research Management, Vol. XIV, July 1971, № 4, p. 45.

¹³ См.: Development of Social Sciences and Science Policy. Studies in Europe. New Delhi, 1976, p. 22—29; Fleron F. J. Technology and Communist Culture. The Socio-Cultural Impact of Technology under Socialism. N. Y. and L., 1977; Science and Technology. A Five-year outlook. San-Francisco, 1979, p. 23.

дований. При этом они зачастую стремятся убедить западного читателя в невозможности планирования научно-исследовательских разработок вообще¹⁴. Подобные выводы находятся в явном противоречии с действительностью. В Советском Союзе постоянно совершенствуются формы и методы организации науки (планирование, управление научно-техническим прогрессом, повышение эффективности и производительности научно-исследовательского труда и др.). Важным мероприятием явилось создание в соответствии с решениями июльского (1979 г.) Пленума ЦК КПСС Комплексной программы научно-технического развития до 2000 года. В ее составлении участвовало более 2 тыс. ведущих ученых и специалистов, объединенных в 30 комиссиях и рабочих группах¹⁵.

Выступая на XXVI съезде КПСС, президент Академии наук СССР академик А. П. Александров подчеркнул, что советская наука дает примерно треть научной продукции всего мира. Это результат постоянного внимания нашей партии, ЦК КПСС, республиканских и многих областных партийных организаций¹⁶, правильной государственной политики в области науки, включающей комплекс мероприятий, направленных на создание и развитие научных центров, совершенствование планирования и управления, обеспечение роста эффективности и повышение производительности научно-исследовательского труда. Осуществление политики КПСС и Советского государства в области науки, таким образом, отнюдь не сводится лишь к управлению техническими новшествами, как утверждает Ж.-Ж. Саломон, оценивая под этим углом зрения деятельность ГКНТ¹⁷.

В условиях развития социализма управление научно-техническим развитием стало объективной необходимостью. В связи с этим в ст. 26 Конституции СССР сказано: «В соответствии с потребностями общества государство обеспечивает планомерное развитие науки и подготовку научных кадров, организует внедрение результатов научных исследований в народное хозяйство и другие сферы жизни»¹⁸. Система централизованного планирования и управления наукой позволяет, во-первых, проводить единую государственную научно-техническую политику; во-вторых, выделять наиболее перспективную тематику исследований и разработок и концентрировать усилия на их выполнении; в-третьих, рационально распределять выполнение работ между исполнителями в соответствии с их научными возможностями и наличием материально-технической базы; в-четвертых, избегать неоправданного дублирования и мелкотемья; в-пятых, направлять научную деятельность в интересах всего общества¹⁹.

Конкретное осуществление роли АН СССР и ГКНТ как методологического и координационного центра советской науки проявилось в составлении комплексных программ научно-технического прогресса. Первая комплексная программа научно-технического прогресса на 1976—1990 гг. была разработана к 1974 г. под руководством Президиума АН СССР и ГКНТ при участии академических и отраслевых НИИ. Вторая — разрабатывалась в 1976—1979 гг. на период до 2000 г., причем работа велась по 27 направлениям под руководством Научного совета АН СССР и ГКНТ по проблемам научно-технического и социально-экономического прогнозирования. При этом рассматривались не только перспективы

¹⁴ Science Policy in the USSR, p. 38—39.

¹⁵ См.: Котельников В. А. Разработка комплексной программы научно-технического прогресса на 20 лет. В кн.: Наука и актуальные проблемы развития народного хозяйства СССР, с. 53—56.

¹⁶ XXVI съезд КПСС. Стеногр. отчет, т. 1. М., 1981, с. 221.

¹⁷ Development of Social Sciences and Science Policy. Studies in Europe, p. 22—29.

¹⁸ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 13.

¹⁹ Подробнее см.: Управление научно-техническим развитием в условиях социализма. М., 1982, с. 16—18.

развития отдельных технологий, производств и отраслей, но и проводилась оценка социально-экономических последствий научно-технического прогресса. Большое внимание было уделено также подготовке кадров, развитию системы образования, здравоохранения, проблемам природопользования и охраны окружающей среды²⁰.

То, что планирование науки в СССР полностью себя оправдало, подтверждается его дальнейшим развитием и совершенствованием в системе Академии наук, в научных подразделениях многих министерств и ведомств. В начале десятой пятилетки в АН СССР было разработано 37 долгосрочных целевых программ комплексных исследований по узловым направлениям естественных и общественных наук, причем в каждой из них предусматривались все этапы выполнения, начиная от формирования научной идеи до использования результатов²¹. В ходе подготовки народнохозяйственного плана на 1976—1980 гг. впервые было составлено свыше 200 конкретных программ по решению важнейших научно-технических проблем. План фундаментальных научных исследований на тот же период предусматривал осуществление и координацию работ более чем по 500 крупным проблемам, сформулированным в 84 научных направлениях²².

Несомненные достижения СССР в области организации научных исследований признают и некоторые буржуазные авторы. Так, Б. О. Рабл в своей статье отмечает, что за годы Советской власти в нашей стране выросли центры науки, могущие решать самостоятельно современные научно-технические проблемы. Региональные научные учреждения способствуют развитию бывших национальных окраин страны, создают благоприятные условия для дальнейшей демократизации научной деятельности. Много внимания автор уделяет вопросам взаимодействия АН СССР и академий наук союзных республик²³.

Особым нападкам в буржуазной литературе подвергается деятельность КПСС по руководству научно-техническим развитием страны в условиях НТР²⁴. Нелепыми выглядят при этом рекомендации о некоей «либерализации» советского строя, отказе от партийного и государственного руководства развитием науки и техники в СССР²⁵.

Советская система управления наукой убедительно доказала свою эффективность. Она непрерывно совершенствуется на всех уровнях. Однако У. Хевер вопреки фактам утверждает, что ускорение технического прогресса в условиях советской плановой системы является сомнительным (?!). Ему вторит Л. Ришетник²⁶. Следует отметить, что некоторые буржуазные исследователи более осторожны в оценке советской плановой системы. Однако эта проблема рассматривается ими в своеобразном контексте. По-прежнему пропагандируется «чистая» наука, а политика экономического стимулирования научных исследований в СССР расценивается как наносящая вред последним²⁷.

²⁰ См.: Котельников В. А. Проблемы перспективного планирования научно-технического прогресса.— *Плановое хозяйство*, 1979, № 7, с. 44—49.

²¹ *Вестник Академии наук СССР*, 1981, № 1, с. 55—56.

²² Масленников В. И. Ленинские принципы организации и управления наукой.— *Природа*, 1977, № 4, с. 6.

²³ Rubble B. A. Die industrielle und geographische Expansion der Sowjetwissenschaft. Osteuropa.— *Zeitschrift für gegenwärtigen Fragen des Ostens*, März 1981, S. 214—215.

²⁴ См.: Kosin I. L. A Decade in Soviet Genetics. In: *Research Studies*, Vol. 38, December 1970, № 4, p. 257; idem. Socialist Realism: Its Past and its Present. In: *Research Studies*, Vol. 45, December 1977, № 4, p. 261.

²⁵ *The Technological Level of Soviet Industry*, p. 23.

²⁶ Hever U. Zentrale Planung und technischer Fortschritt. Probleme seiner Organisation und Durchsetzung am Beispiel der sowjetischen Industrie. Berlin, 1977, p. 24; *Soviet Studies*, Vol. XXX, October 1978, № 4, p. 581—582.

²⁷ *Soviet Studies*, Vol. XXI, February, 1979, № 2, p. 290—291. См. также: Fliegeron F. J. *Technology and Communist Culture. The Socio-Cultural Impact of Technology under Socialism*. N. Y. and L., 1977.

В действительности принцип материальной заинтересованности в науке не менее важен, чем в сфере материального производства. В условиях социалистического строительства он стимулирует досрочное выполнение исследований и разработок, создание образцов новой техники на уровне мировых стандартов, ускорение внедрения результатов исследований и разработок в материальное производство. Его реализация осуществляется через систему фондов материального стимулирования, которые образуются в научных организациях и на промышленных предприятиях за счет фактической экономии, полученной от применения новой техники в производстве на основе долевого распределения эффекта или сумм, предусмотренных договорами²⁸.

На XXVI съезде КПСС указывалось, что следует более внимательно относиться к нуждам науки, обеспечивать научные учреждения необходимым оборудованием и приборами, всячески способствовать подъему эффективности научных исследований и росту производительности труда²⁹. Так, внедрение средств автоматизации в практику проектирования и конструирования позволяет на 10—25% улучшить технико-экономические характеристики создаваемых объектов, на 5—10% экономить материалы, на 10—30% сократить расходы энергии и транспортных средств, в 2—4 раза — сроки проектирования, на 20—50% повысить производительность труда в конструкторских организациях³⁰.

Значительное место в буржуазной литературе занимают оценки технологического уровня научно-технического развития СССР. А. Сатон, Р. Амэн, Дж. Купер, К. Дэвис, Х. Дженкинс в своей книге³¹, несмотря на различные оговорки, все же признают достижения СССР в области металлургии, химической промышленности, электроэнергетики, освоения космоса. Успехи советской науки и техники вызвали подлинное потрясение среди апологетов буржуазного строя, для которых миф о его врожденном техническом превосходстве крайне живуч. Не случайно по-прежнему в трудах советологов можно встретить высказывания о постоянном технологическом разрыве между Востоком и Западом. При этом советские достижения в области «фундаментальных промышленных новшеств» объясняются лишь как своевременное использование сделанного западными фирмами³².

Буржуазные авторы стремятся доказать некую непреодолимость технического разрыва между СССР и капиталистическими странами, выдвинуть так называемую концепцию «технического трансфера»³³. Основные положения этой антинаучной версии сводятся к тому, что советская экономика развивается лишь за счет заимствования техники за рубежом.

Подобные утверждения противоречат реальным фактам. Советская наука уже в 50—60-е гг. в условиях развертывания НТР в нашей стране добилась решающих успехов в важнейших областях знаний. И именно в эти годы некоторые западные фирмы заимствовали советские изобретения и научно-технические достижения, передовой технологический опыт. За годы десятой пятилетки в СССР создано около 18,5 тыс. образ-

²⁸ Управление научно-техническим развитием в условиях социализма, с. 22.

²⁹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 42.

³⁰ Осин Н., Тюрин Ю. Автоматизированная система — «соавтор» конструктора. — Коммунист, 1981, № 3, с. 46—47.

³¹ The Technological Level of Soviet Industry, p. 63—66; Soviet Studies, Vol. XXXII, October, 1980, № 4, p. 537.

³² Ibid., p. 23—29.

³³ См.: Hanson Ph. International Technological Transfer from the West to the USSR. In: Soviet Economy in New Perspective. Wash., 1976; Hanson Ph., Hill M. Soviet Assimilation of Western Technology. In: Soviet Economy in a Time of Change. Wash., 1979.

цов новых машин и оборудования, освоено 17,5 тыс. видов новой продукции. К концу 1980 г. в промышленности насчитывалось более 170 тыс. механизированных поточных и автоматических линий³⁴.

Ряд буржуазных авторов вынуждены признать достижения СССР в научно-техническом развитии и «реальные возможности взаимного обмена техническими знаниями как на уровне фирм, так и межгосударственного обмена»³⁵.

В целом во взглядах советологов отражается тот объективный факт, что основным фактором, влияющим на рост эффективности экономики в современных условиях, стал научно-технический прогресс. Однако они пытаются убедить своих читателей в том, что только капитализм способен создать наилучшие условия для реализации достижений научно-технической революции, сознательно игнорируя то, что именно социализм впервые в истории вызывает необходимость и возможность планомерного научно-технического прогресса в масштабе всего общества, лишь при социализме складываются условия для проведения единой научно-технической политики. Так, только в 1980 г. в СССР было внедрено 773 тыс. мероприятий по новой технике в промышленности, годовой экономический эффект от реализации которой составил 4785 млн. руб.³⁶

КПСС, Советское государство постоянно заботятся о проявлении инициативы, мастерства и способностей трудящихся, выявлении всех факторов прогресса развитого социалистического общества, внутренне присущих ему ресурсов развертывания научно-технической революции. Лишь за десятую пятилетку в производство внедрено свыше 20 млн. рационализаторских предложений и изобретений с экономическим эффектом 29 млрд. руб.³⁷ XXVI съезд КПСС указал на необходимость дальнейшего развертывания массового научно-технического творчества³⁸. Активная жизненная позиция современного советского ученого, пишет академик Г. И. Марчук, это — совокупность взглядов и действий, направленных на развитие науки и социальное использование ее результатов в интересах общества, а мера активности — конкретное влияние ученого на развитие науки и материализацию ее результатов³⁹.

Ученые СССР — активные участники общественно-политической жизни нашего общества. Они неразрывно связаны с народом. Им чуждо чувство замкнутости и корпоративности, свойственное научной интеллигенции капиталистического общества. Апологеты буржуазного строя не признают этого⁴⁰.

Наращивание темпов научно-технического прогресса — решающее условие интенсификации общественного производства и улучшения качества продукции. На июньском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС указывалось на необходимость ускорить научно-технический прогресс, укрепить трудовую и государственную дисциплину, обеспечить уверенный рост производительности труда. Социалистическое планирование научно-технического прогресса использует долгосрочный научный прогноз разви-

³⁴ Народное хозяйство СССР в 1980 году, с. 100, 103.

³⁵ Campbell R. Soviet Energy. In: Doing Business with Russians. N. Y., 1979, p. 146.

³⁶ Экономическое развитие СССР. Критика буржуазных концепций. М., 1983, с. 134—136.

³⁷ Косолапов Р. И., Лаптев И. Д., Марков В. С. и др. Развитой социализм: проблемы теории и практики. Изд. 3. М., 1982, с. 127.

³⁸ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 144.

³⁹ Марчук Г. И. Наука и формирование активной жизненной позиции ученого. В кн.: Кочергин А. Н., Семенова Н. Н. Наука как вид духовного производства. Новосибирск, 1981, с. 115.

⁴⁰ Passmore J. A. The Revolt against Science. In: Search, Vol. 3, 1972, № 11—12, p. 417—418; Gouldner A. W. The Dialectic of Ideology and Technology. The Origins, Grammar and Future of Ideology. Seabury Press, 1976, p. 271.

тия. Плановые народнохозяйственные показатели опираются на конкретные мероприятия в области научно-технического прогресса. Технические экономические параметры новых машин и технологий, скорость и масштабы их внедрения в народное хозяйство служат основой для расчетов объемов производства, капитальных вложений и их эффективности. На февральском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС К. У. Черненко подчеркнул, что «интенсификация, ускоренное внедрение в производство достижений науки и техники, осуществление крупных комплексных программ — все это в конечном счете должно поднять на качественно новый уровень производительные силы нашего общества»⁴¹.

Совершенно в другом свете рассматривают проблему научно-технического прогресса в СССР советологи⁴². Так, профессор Мюнхенского университета В. Гумпель заявляет, что систему разработки и осуществления научно-технического прогресса в СССР «можно охарактеризовать в качестве тормоза» НТР⁴³. Но такое утверждение не имеет ничего общего с действительностью.

Научно-технические программы разрабатываются в нашей стране целым рядом организаций и ведомств: Госпланом СССР, ГКНТ, Госстроем совместно с министерствами и другими государственными органами. Что касается целевых программ, разработанных в настоящее время до 1990 г., то они согласовываются с финансовыми планами ведомств и предприятий и планами обеспечения сырьевыми ресурсами. Организационное единство планирования экономики и научно-технического прогресса в СССР признается рядом исследователей в нашей стране и за рубежом⁴⁴.

Значительным достижением плановой системы в области научно-технического прогресса является функционирование планоуправляемых комплексов наука — техника — производство — потребление, созданных в лице научно-производственных объединений (НПО). Из трех тысяч объединений в промышленности СССР 128 — НПО. Совместно с производственными комплексами они дают 40% реализуемой продукции⁴⁵. На XXVI съезде КПСС подчеркивалось, что «решающий, наиболее острый участок сегодня — внедрение научных открытий и изобретений. Научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы следует теснее сомкнуть — экономически и организационно — с производством»⁴⁶. Связь науки с производством также обеспечивают опытно-экспериментальные базы Академии наук СССР и академий союзных республик, НИИ в составе производственных объединений, академические НТО, специализированные лаборатории и СКБ производственных объединений, НИИ и лаборатории вузов.

Следует подчеркнуть, что в условиях НТР необходимость общегосударственной стратегии научных разработок ощущается во всем мире. Но при капитализме развитие науки в масштабах всего общества происходит стихийно, несмотря на то, что отдельные фирмы, монополии используют элементы планирования и программирования для научно-технических разработок⁴⁷. В настоящее время признано, что мощное развитие науки как общественной производительной силы на службе у

⁴¹ Правда, 1980, 24 июня; Материалы Внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 13 февраля 1984. М., 1984, с. 14.

⁴² Подробнее см.: Экономическое развитие СССР. Критика буржуазных концепций, с. 112—113.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: Krüger A., Land U., Thiede O. Erhöhung der Wirksamkeit des wissenschaftlich-technischen Fortschritts in der UdSSR-Literaturstudie. In: Wirtschaftswissenschaft, 1983, 3 März, S. 396—397.

⁴⁵ Косолапов В. В. Научно-техническая политика общества развитого социализма. Киев, 1979, с. 112—113.

⁴⁶ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 43.

⁴⁷ Подробнее см.: Социализм и наука. М., 1981, с. 209.

капитала наталкивается на явную абсурдность целей (ориентация на достижение военного превосходства, на монопольное положение в области науки и техники и на престижные моменты).

Создание техники в условиях социализма определяется с учетом таких важнейших факторов, как социальные, экономические, идеологические условия ее функционирования, учет последствий применения новых видов техники, охрана окружающей среды, социальная ответственность за использование научно-технических достижений. Характер общественного строя решающим образом влияет на выбор и реализацию стратегических направлений технического прогресса⁴⁸. Советский исследователь науки Л. А. Маркова подчеркивает, что «ни у кого не вызывает сомнения необходимость и важность изучения закономерностей развития науки, способов и форм ее функционирования, зависимости ее развития от социальных, политических, экономических, культурных и других условий эпохи»⁴⁹. Что касается буржуазных трактовок этой проблемы, то советский ученый Э. Г. Лейкин справедливо замечает, что в них закон прогресса науки предстает вне связи с ходом жизни общества — не как органическая часть всемирной истории, а как закон некоего замкнутого в себе автономного мира, как некий самобытный и спонтанный закон научного творчества (психологический, логический, биологический или математический, а то и метафизический), который, как это охотно признается, взаимодействует с социальными законами, но в основе своей им чужероден и от них независим⁵⁰. Такие буржуазные ученые, как Р. Богуслав, А. Монтег М. Кранцверг, Ч. Дешер признают все же, что наука и техника являются таким феноменом, назначение которого — служить человеку⁵¹. В капиталистическом мире растут ряды так называемых ученых-радикалов, выступающих против милитаристской ориентации науки, против ее подчинения капиталу, за изоляцию науки от военно-промышленного комплекса⁵². Хотя они не связывают научный прогресс с общественным, все же такого рода движения вносят свой вклад в дело борьбы против милитаризации науки на Западе. В капиталистическом мире, как признают и некоторые буржуазные авторы, деятельность ученого определяется политикой монополистического государства⁵³.

Коммунистическая партия и Советское государство оказывают постоянное внимание развитию интернациональных научных связей как одного из факторов, составляющих важнейшие принципы политики мирного сосуществования государств с различными общественными системами. В рамках социалистического содружества стали традиционными совместные научные программы стран социализма.

Необходимость научных связей в интернациональном масштабе диктуется жизнью. Этот факт признают и западные ученые. Так, Г. М. Лейбниц пишет о своих хороших отношениях с коллегами из СССР. Это дает возможность, по его мнению обмениваться опытом, лучше видеть новые направления в науке, способствует самостоятельной, независимой деятельности ученого⁵⁴. Ф. Бирнес в статье «Культур-

⁴⁸ Подробнее см.: Уварова Л. И. Наука как производительная сила общества. История и современность. М., 1982, с. 114—115.

⁴⁹ Маркова Л. А. Об истории естествознания как науки и ее задачах (обзор зарубежной литературы). В кн.: Очерки истории и теории развития науки. М., 1969, с. 7.

⁵⁰ Лейкин Э. Г. К критике кумулятивных концепций развития науки. Там же, с. 242.

⁵¹ Technology, Power and Social Change. Lexington Books. Lexington, Massachusetts, Toronto, L., 1972, p. 109—111.

⁵² См.: Кочергин А. Н., Семенова Н. Н. Указ. соч., с. 117.

⁵³ Giraud D. Les gisements du savoir.—Revue des deux mondes. Décembre 1979, p. 521.

⁵⁴ Leibnitz H. M. Zwischen Wissenschaft und Politik. Ausgewählte Reden und Aufsätze 1974—1979. Im Auftrag der Deutschen Forschungsgemeinschaft. Herausgegeben

ный обмен и соревнование общественных систем» пишет о важности первых шагов, предпринятых в этом плане между СССР и США еще в 1958 г., взаимной выгоде от такого сотрудничества⁵⁵. А. Бухгольд в статье «Научно-техническая революция и соревнование систем» выдвигает идею о том, что в науке обмен информацией, сотрудничество являются закономерным процессом. Автор в основном дает правильную интерпретацию основных этапов развития НТР и НТП в нашей стране, выделяя особо 60-е гг. как период, когда установился паритет СССР и США в области «большой техники»⁵⁶.

Особенно важно сотрудничество высокоразвитых в индустриальном отношении стран. Г. Штольтенберг в этой связи подчеркивает, что успехи СССР и США в исследовании космоса имеют далеко идущие хозяйственные и политические последствия. Крайне актуально сотрудничество этих стран в исследовании Мирового океана и его ресурсов, метеорологических наблюдениях, навигации, радио, телевидении и т. д.⁵⁷.

Сотрудничество в области исследования космоса, подчеркивает Н. Кальдер, может быть продолжено и в других сферах. Это может привести также к уточнению цели полетов и разработке более совершенных программ⁵⁸.

В конце 60-х — первой половине 70-х гг. в условиях наметившейся разрядки международной напряженности значительно расширились и приобрели более устойчивый и долговременный характер научно-технические связи Советского Союза с США, Францией, Италией, Австрией, Англией, Японией и некоторыми другими странами. Научно-техническое сотрудничество советских организаций с различными учреждениями капиталистических стран велось более чем по 600 проблемам. В этой работе принимали участие 430 советских организаций и более 420 фирм и учреждений капиталистических стран⁵⁹.

В 70-х — начале 80-х гг. в основном сократился объем научных связей между СССР и США в связи с тем, что американской стороной было прекращено или приостановлено выполнение целого ряда важных соглашений по международному сотрудничеству⁶⁰. Реакционные силы империализма пытаются умалить значение научных связей с СССР, чинят препятствия выполнению международных программ в области естественных наук, освоения космоса, медицины и т. д.⁶¹

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть тщетность попыток буржуазных фальсификаторов истории извратить роль, место и значение советской науки в деле коммунистического строительства. Выдающиеся достижения СССР в области научно-технического прогресса на современном этапе НТР подтверждают правильность политики КПСС и Советского государства в области организации и развития науки. Аккумуляция и использование советского опыта с учетом специфики той или иной страны открывает широкие возможности для разработки новых направлений национального научного строительства. Это в первую очередь касается социалистических стран, где формиро-

von Herman Fröhlich-Boppard. Boldt, 1979, S. 282—283. См. также отзывы о научных связях с СССР французских ученых.— *La Recherche*, 1981, Vol. 12, p. 1430.

⁵⁵ Byrnes R. F. Kultureller Austausch und Wettbewerb zwischen Gesellschaftsformen. Die Ansicht eines Amerikaners.— *Osteuropa*, 1977, H. 10, S. 834—839.

⁵⁶ Buchholz A. Wissenschaftlich-technische Revolution (WTR und Wettbewerb der Systeme).— *Osteuropa*, 1972, H. 5, S. 354—355; *id. e. m.* Das vertagte Jubiläum.— *Osteuropa*, 1974, H. 11/12, S. 809.

⁵⁷ Stoltenberg H. Staat und Wissenschaft. Zukunftsaufgaben der Wissenschaft und Bildungspolitik. Seewald Verlag, Stuttgart, 1969, S. 40—41.

⁵⁸ Calder N. Technopolis. Social Control of the Uses of Science. L., 1970, p. 195—196.

⁵⁹ Подробнее см.: Беляев Е. А. КПСС и организация науки в СССР. М., 1982, с. 135.

⁶⁰ Там же, с. 136—137.

⁶¹ См.: *La recherche*, Vol. 13, 1982, № 139, p. 830.

вание научно-технической политики идет под воздействием опыта Советского Союза. Вместе с тем в каждой из этих стран в силу исторических условий процесс формирования национальной научно-технической политики имеет свою специфику, отражающую особенности национального развития, его научно-технический и экономический уровень, зрелость социалистических общественных отношений, степень вовлечения страны в систему международного разделения труда в другие факторы⁶².

Опыт СССР в планировании экономического развития и научно-технического прогресса широко используется в развивающихся странах⁶³. Своей экономической и научно-технической помощью Советский Союз всемерно содействует укреплению самостоятельности, упрочению суверенитета развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Широкое признание выдающихся достижений советской науки, использование опыта ее организации за рубежом свидетельствуют о неисчерпаемых возможностях и преимуществах социалистической системы хозяйствования и всего общественного строя.

⁶² Подробнее см.: Научно-техническая политика стран социализма. М., 1977, с. 7.

⁶³ Подробнее см.: Попов В. Д. Экономическое сотрудничество стран СЭВ с развивающимися государствами. М., 1982, с. 93—95.

АНТОНИН ДОЛЕЙШИ. РОЖДЕНИЕ НОВОГО МИРА. ПОБЕДА ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ. Прага, 1982 *

В Чехословакии не ослабевает интерес к истории Великой Октябрьской социалистической революции¹.

Примером этого является книга А. Долейши «Рождение нового мира», вышедшая вторым изданием. Она представляет собой заключительную часть написанной им трилогии, посвященной истории трех революций в России (первые две книги — «Большевики и меньшевики в первой русской революции» и «Революция и контрреволюция в России в 1907—1917 гг.»² — были выпущены раньше).

Рецензируемая работа А. Долейши состоит из введения и трех глав. Для чехословацкого читателя безусловно будет представлять интерес глава «Россия после победы Февральской революции» (с. 9—76). В ней автор на основании тщательного изучения произведений В. И. Ленина, документальных сборников КПСС и детального знакомства с советской историографией сумел показать расстановку классовых сил в России в период двоевластия, дать четкую характеристику политических партий, вскрыть несостоятельность оппортунистических взглядов меньшевиков. Особое внимание автор в этой главе уделяет анализу Апрельских тезисов В. И. Ленина.

Приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о той большой работе, которую развернули большевистские организации в центре и на местах в борьбе за укрепление своего влияния в Советах рабочих депутатов, в заводских комитетах, в профсоюзах, военных организациях, в деревне среди беднейшего крестьянства, в массовых политических и общественных организациях в течение апреля—июня 1917 г. Вскрыты здесь и причины временной победы контрреволюции, которая наступила после

* Dolejší Antonín. Zrození nového světa. Věžežství proletářské revoluce v Rusku.— Praha, «Horizont», 1982, 321 str.

¹ См. рец. Л. П. Лаптевой на кн.: Srom František. Sociální ekonomické předpoklady Válek říjnové socialistické revoluce в ж. «История СССР» (1983, № 4, с. 182—183).

² Dolejší Antonín. Bolševici a menševici v první ruské revoluci.— Praha, Akademie, 1973; idem. Kontrevoluce a revoluce v Rusku 1907—1917.— Praha, «Horizont», 1975.

июльских событий в России. «Двоевластие,— как подчеркивает автор,— кончилось, и тем самым кончился этап мирного развития революции» (с. 76).

Во второй главе — «Революция на переломе» — А. Долейши, опираясь на ленинские работы, подчеркивает, что после июльских событий, когда меньшевики и эсеры полностью перешли на сторону контрреволюционной буржуазии, большевики приступили к выработке новой тактики, к подготовке вооруженного восстания пролетариата (с. 77—78). Много места в главе уделяется показу той роли, которую в этом коренном изменении тактики большевистской партии сыграл VI съезд РСДРП(б). Специальный параграф автор посвящает такой важной теме, как «Развитие ленинской теории социалистической революции». В монографии дается подробный анализ важнейших ленинских трудов этого времени — «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Государство и революция», «Удержат ли большевики государственную власть?»

Особенно подробно автор останавливается на анализе важнейших положений ленинского классического труда «Государство и революция». Резкой критике в этой работе, как подчеркивает А. Долейши, Ленин подверг реформистскую теорию вождей II Интернационала, проповедовавших лишь мирный путь завоевания пролетариатом власти с помощью большинства в парламенте (с. 120). Говоря об этой ленинской работе, автор монографии отмечает, что в ней глубоко проанализированы взгляды Маркса и Энгельса на революцию и государство, содержится много необычайно важных и ценных положений.

В третьей главе — «Победа пролетарской революции» — в центре внимания А. Долейши деятельность Ленина — теоретика, организатора и вождя вооруженного восстания. Автор проанализировал в этом параграфе все ленинские статьи и письма его в ЦК РСДРП(б), посвященные подготовке вооруженного восстания.

В другом параграфе этой же главы — «Великая победа. Установление диктатуры пролетариата» — детально изложена хроника первых четырех дней Октябрьской революции в Петрограде.

Значительное внимание в рецензируемой книге уделено разбору внешних и внутренних причин победы Октябрьской социалистической революции в России. Особый интерес вызывает рассмотрение автором международного значения Октябрьской социалистической революции. «Октябрь 1917 г. покончил,— как пишет А. Долейши,— с мировым господством капитализма и открыл эру социалистических, демократических, антиимпериалистических и национально-освободительных революций» (с. 229—230). Далее, подчеркивая влияние социалистической революции в России на национально-освободительное движение, в частности в Австро-Венгрии, автор, к сожалению, не приводит никакого фактического материала, подкрепляющего это важное положение (с. 230). То же самое замечание можно отнести и к совершенно правильному выводу, сделанному А. Долейши о том, что «с победой Великой Октябрьской социалистической революции тесно связано и возникновение нашего самостоятельного государства» (т. е. Чехословакии,— с. 230).

Большое внимание обращено автором на показ международного значения ленинизма. «Ленинизм,— как отмечает автор,— стал давно не только революционной теорией, но и революционным методом. Ленинизм стал мировой практикой, практикой Советского Союза, мирового социалистического, международного рабочего и национально-освободительного движения» (с. 259).

К достоинствам книги А. Долейши относится и то, что она снабжена фотографиями, списком библиографии, использованной автором, и тщательно составленными примечаниями, а также именованным указателем.

Ф. А. Молок

ИСТОРИЯ СССР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Изд. 2, доп. Прага, «Академия», 1982, 656 с.*

Живой интерес, с которым было встречено научной общественностью и широкими читательскими кругами социалистической Чехословакии появление в 1977 г. «Истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», написанной группой ведущих чехословацких историков, побудил авторский коллектив в сравнительно короткие сроки подготовить к печати второе издание этого труда¹.

Новое издание «Истории СССР...» на чешском языке не является простой перепечаткой предыдущего. Работа обогащена и дополнена за счет использования чехословацкими исследователями выводов новейшей чехословацкой и советской литературы; учтены замечания и пожелания, высказывавшиеся по выходе в свет первого издания. Так, значительной доработке подвергся раздел книги, посвященный Крестянской войне 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева, дополнены главы, рассматривающие русскую культуру XIII—XV вв., Ливонскую войну, опричнину, внешнюю политику царской России в конце XVIII в. и т. д.; более удобно для читателя расположен теперь в книге обширный картографический материал, в работу введены новые иллюстрации; значительно расширен прилагаемый список литературы.

Рецензируемый труд является самой крупной обобщающей работой по истории СССР, когда-либо издававшейся в Чехословакии. Авторы проявили себя не только большими знатоками советской литературы по истории СССР, которая, как они отмечают, особенно в последний период «значительно углубила познание отдельных явлений и закономерностей исторического развития СССР», но и внесли в работу результаты и выводы собственных изысканий по истории нашей страны, стараясь при этом изложить «эту действительно монументальную историкю» так, чтобы она была близка и понятна чешскому и словацкому читателю (с. 5).

Не вызывает сомнения не только научная, но и политическая актуальность труда чехословацких ученых. «Знание истории СССР,— подчеркивают авторы,— имеет для всего нашего общества чрезвычайное значение. Россия играла в нашей национальной истории, особенно в новое время, выдающуюся роль. К ней обращались надежды нашей национально-освободительной, а после победы Великой Октябрьской социалистической революции — и социально-освободительной борьбы. Наши сегодняшние взаимоотношения с Советским Союзом, на которые по праву опираются наши усилия в строительстве развитого социализма в нашей стране, побуждают к тому, чтобы наши трудящиеся глубже ознакомились с историческим развитием СССР и его народа».

Свой труд чехословацкие историки адресуют, прежде всего, молодому поколению Чехословакии, для которого знание исторического развития СССР особенно важно.

Проста и логична композиция труда. Состоящий из четырех частей, он охватывает все основные общественно-экономические формации, закономерно сменявшие друг друга на территории СССР. История нашей Родины излагается в своей взаимообусловленности и взаимосвязи (на каждом хронологическом отрезке рассматривается политическая, социальная, экономическая история, история внешней политики России, культура). Пристальное внимание уделяется вопросам чешско-русских и словацко-русских политических и культурных связей.

В первой части («А» — по обозначению авторов) на основании новейших археологических данных рассматривается первобытнообщинный и рабовладельческий строй на территории СССР. Дается четкая и емкая характеристика древнейших государств на территории современных Закавказья и Средней Азии. Особое внимание уделено формированию и развитию славянских племенных союзов в Восточной Европе (V—VIII вв.).

Вторая часть («В») посвящена эпохе феодализма на территории СССР. Значительное место отведено истории Киевской Руси. Касаясь внешнеполитического развития

* Dějiny SSSR od nejstarších dob do Velké říjnové socialistické revoluce. Druhé doplněné vydání. Praha, «Academia», 1982, 656 str.

¹ Авт.: К. Герман (рук. авт. кол.), Л. Е. Гавлик, Ф. Гейл, Я. Микулка, М. Сутты, Я. Вавра, А. Завадова. Науч. ред. В. Краль, рецензент А. Долейши.

Киевской Руси, чехословацкие историки приводят убедительные данные о миролюбивом характере ее внешней политики; отмечается, что киевский князь Владимир Свято-славич, по словам летописца, «жил в мире с Болеславом Храбрым (польским), Штефаном (венгерским) и Олдржихом (отцом Болеслава II) чешским» (с. 38). Важны приводимые в разделе «Русская культура 11—12 вв.» факты о тесном единстве русской и моравской традиций в области книжной культуры: первыми на русский язык были переведены моравские книги, причем на Руси сохранилось несколько десятков рукописей моравских легенд, из них самая древняя (XII в.) в сборнике Успенского собора (с. 51).

В книге дается подробная характеристика периода феодальной раздробленности (начало XII — конец XV в.), а также образования и консолидации Русского централизованного государства (конец XV — начало XVII в.).

Авторы высоко оценивают работы советских ученых, внесших свой вклад в познание экономики, политической истории, идеологии и культуры этих этапов развития истории нашей Родины (с. 91).

Чехословацкие историки подробно останавливаются и на последующих этапах развития Русского государства в эпоху феодализма — с 20-х гг. XVII в. до середины XVIII в., характеризовавшихся, с одной стороны, усилением феодально-крепостнического гнета, с другой — резким обострением классовой борьбы (ее кульминацией была Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина), а также на процессе разложения крепостнической системы (до середины XIX в.).

Однако основное внимание авторов сосредоточено на новой истории России, прежде всего, на развитии России в эпоху капитализма и империализма (этой теме посвящена часть «С»). Исходя из ленинской мысли о том, что «1861 год породил 1905»², чехословацкие историки дают общую картину развития России на рубеже XIX—XX вв., ее народного хозяйства и социальной структуры. Отмечается «небывало быстрый темп» роста российской экономики в пореформенный период (с. 445). Несмотря на наличие в ее экономике значительных крепостнических пережитков, Россия одновременно с другими развитыми странами Запада вступила в эпоху империализма (с. 445).

Подробно освещают чехословацкие историки и историю революционного рабочего движения в России, и прежде всего, его ленинский этал, создание В. И. Лениным марксистской партии рабочего класса в России и общероссийской революционной газеты «Искра». Характеризуя международное значение ленинского учения о партии нового типа, авторы пишут: «Новаторское учение о партии нового типа, содержащееся в ленинском труде „Что делать?“, имело выдающееся международное значение для всего широкого освободительного движения рабочего класса; оно нанесло твердый удар по ревизионизму и оппортунизму, который начал проникать в социал-демократические партии западных стран» (с. 459).

С неослабным интересом читаются страницы книги, посвященные российской революции 1905—1907 гг. — первой народной революции эпохи империализма, гегемоном которой выступил рабочий класс России.

В разделах, посвященных культурному развитию России в эпоху капитализма и империализма, характеризуются представители передовой интеллигенции предреволюционной России.

Часть «С» завершается изложением хода Февральской буржуазно-демократической революции. Авторы показывают, что Февральская революция имела наибольший отклик в тех странах, где существовали противоречия, подобные тем, которые разрешила или к решению которых приступила Февральская революция в России.

Заключительная, четвертая часть книги («D») посвящена событиям Великой Октябрьской социалистической революции. Как и предшествующие части, она отличается богатством фактического материала, живостью изложения, фундаментальностью выводов. Особое внимание уделяется международному значению Великой Октябрьской социалистической революции, свергнувшей капитализм и приступившей к строительству нового общественного порядка, свободного от всякой эксплуатации человека человеком (с. 584).

² Ленин В. И. ПСС, т. 20, с. 177.

Хотелось бы высказать и ряд пожеланий авторам этого капитального труда. При изложении экономического развития России конца XIX — начала XX в. подчас излишний акцент делается на специфике возникновения российских монополий (с. 452). В этом отношении Россия имела гораздо больше общего с другими странами, нежели специфического. Правоммерно ли (с. 453) говорить о «крупной монополии» Нобель-Мазут (т. е. о временном и весьма противоречивом соглашении «Бранобеля» с Ротшильдами), а не о концерне «Бранобель»? Большое внимание, по нашему мнению, следовало бы уделить международному влиянию первой российской революции на развитие Чехии и Словакии. При изложении вопроса о тайных германо-русских контактах в период первой мировой войны (с. 548) необходимо было подчеркнуть, что переговоры о сепаратном мире велись тогда практически между всеми воюющими империалистическими странами.

В целом отметим, что издание этого фундаментального труда имеет большое значение, ибо дает чехословацкому читателю яркое и глубоко научное синтетическое изложение истории СССР от ее истоков до Великого Октября.

И. А. Дьяконова

КНИГА ПО ИСТОРИИ «СМУТНОГО ВРЕМЕНИ» *

Автор книги, венгерский историк Д. Свак поставил задачу познакомить широкий круг читателей своей страны с событиями одной из самых драматических эпох в истории нашей Родины.

Последняя четверть XVI и первое десятилетие XVII в. в России — период бурных внутривластных столкновений, военной интервенции, борьбы широких народных масс против усиливающегося феодально-крепостнического гнета — привлекает внимание не только советских, но и зарубежных историков.

Небольшая по объему (250 с.), но содержательная книга Д. Свака раскрывает перед читателем предысторию и ход «Смуты», последовательно освещая события внутри страны и за рубежом. Развитие социально-экономических отношений в Русском государстве XVI в. вело к усилению феодального гнета. Стремясь укрепить власть помещиков над крестьянами, еще правительство Ивана IV ввело так называемые «заповедные лета». Эти и другие мероприятия правительства, как отмечает Д. Свак, привели к новому обострению классовой борьбы (восстание в Угличе в 1591 г. и другие).

Наряду с классовыми противоречиями развивались противоречия внутри класса феодалов. Появление на политической арене Лжедмитрия I, его успехи в достижении «отеческого престола» трактуются Д. Сваком, прежде всего, как результат острых классовых столкновений. В то же время активное вмешательство феодалов и шляхты Речи Посполитой, папской курии и иезуитов придали авантюре и характер внешнеполитической агрессии. Крушение Лжедмитрия автор связывает с утратой им поддержки как народных масс, так и принявших его сторону московских бояр и дворянства.

Крестьянская война под руководством И. И. Болотникова, появление нового самозванца рассматриваются в книге как звенья одной цепи столкновений феодально-боярской аристократии как в целом, так и отдельных ее групп, с народными массами, пытавшимися с оружием в руках облегчить свою тяжелую участь.

Истории деятельности первого и второго ополчений Д. Свак посвятил две главы с характерными названиями: «Гражданину Минину и князю Пожарскому — благодарная Россия» и «Безвестные Иваны Сусанины». Только всенародный подъем, массовый героизм простых русских людей позволил истощенной и разоренной стране восстано-

* G. Szvák. Carok és kalandgok. A «zavaros udőszak» története, Kossuth könyvkiado, 1982.

вить политическую свободу и государственное единство. Костромской крестьянин, замечает автор, типичная фигура героя своего времени. Только общенародное движение помогло выполнить невероятно трудную задачу изгнания врага из России.

Книга написана живым языком, ярко очерчены узловые эпизоды и портреты участников событий. Д. Свак хорошо знаком с современной историографией проблемы, как отечественной, так и зарубежной (список, приведенный автором на с. 215—253, практически исчерпывающий). К сожалению, в рецензируемой книге недостаточно использованы Новый летописец, многочисленные повести и сказания, памятники публицистики.

Хорошо подобран иллюстративный и картографический материал; его стоило бы снабдить более развернутыми подписями (место хранения предметов, точные «адреса» гравюр и портретов). Парные портреты Лжедмитрия I и Марины Мнишек из собрания Государственного Исторического музея (Москва) автор напрасно считает «идеализированными»: несмотря на их парадный характер, портреты сделаны современником с натуры **. (Кстати, здесь допущена досадная опечатка — перепутаны подписи под портретами Д. М. Пожарского, К. Минина и гетмана Жолкевского, с. 207, 229, 231).

В целом, Д. Свак хорошо справился с поставленной задачей — рассказать венгерскому читателю о перипетиях внутри- и внешнеполитической борьбы в России в эпоху «Смутного времени».

А. В. Лаврентьев

** См. кн.: *Malarstwo Polskie. Manierystm, Baroc. Wstep M. Walicki i Wt. Tomkiewicz.* Warszawa, 1971, p. 312.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПРОБЛЕМЫ СБЛИЖЕНИЯ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ

Всесоюзная научная конференция в Москве

В ноябре 1983 г. в Москве состоялась Всесоюзная научная конференция «Проблемы сближения города и деревни. 1917—1983 гг.», организованная Отделением истории АН СССР, Научным советом по проблеме «История социалистического и коммунистического строительства в СССР» и Институтом истории СССР АН СССР. В конференции приняло участие более 100 специалистов: историков, экономистов, социологов, этнографов АН СССР и академий наук союзных республик, научных сотрудников ИМЛ при ЦК КПСС и ведомственных научно-исследовательских институтов, преподавателей вузов, архивных работников из Москвы, Ленинграда, Киева, Баку, Риги, Минска, Воронежа, Иванова, Симферополя, Полтавы, Свердловска, Новосибирска, Рязани, Костромы и других городов страны.

Конференцию открыл председатель Оргкомитета академик М. П. Ким. Он подчеркнул, что в современных условиях продолжается сближение всех классов и социальных групп советского общества, ведущее к становлению в главном и основном бесклассовой структуры общества в исторических рамках зрелого социализма. В этой связи особую значимость приобретает проблема соотношения и взаимодействия города и деревни, особенно на этапе развитого социализма. Исследовать этот процесс — одна из первоочередных задач обществоведов.

На конференции было заслушано 23 доклада по различным аспектам многоплановой темы в широких хронологических рамках, но особое внимание было уделено периоду развитого социализма. В обсуждении докладов приняло участие около 30 человек.

В докладе В. И. Куликова и Б. И. Еремеева (Москва) «Преодоление существенных различий между городом и деревней — программная задача партии и Советского государства» были рассмотрены решения КПСС и мероприятия Советского государства по преодолению существенных различий между городом и деревней на различных этапах социалистического строительства. Как указывалось в материалах XXVI съезда КПСС, последующих Пленумов ЦК КПСС, в Продовольственной программе СССР, выступлениях руководителей партии и правительства, важнейшее условие стирания различий между городом и деревней — развитие производительных сил сельского хозяйства и превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. На освещении этой стороны проблемы и заострили свое внимание докладчики.

Большая часть докладов и выступлений была посвящена экономическим предпосылкам сближения города и деревни. В докладе С. И. Сдобнова (Москва) «Совершенствование и сближение двух форм социалистической собственности — экономическая основа сближения дружественных классов» было показано возрастание роли общенародной (государственной) собственности в народном хозяйстве на современном этапе. В то же время докладчик подчеркнул, что рост степени обобществления — это процесс, охватывающий не только колхозно-кооперативную, но и общенародную форму собственности. Важную роль в нем играют агропромышленные объединения. С. И. Сдобнов остановился также на деятельности РАПО, опыте их работы в Эстон-

ской ССР, констатировал, что в 1983 г. наметились определенные сдвиги в развитии сельского хозяйства, особенно животноводства.

Конкретному анализу работы АПК в условиях Латвийской ССР был посвящен доклад В. Ю. Каралюна (Рига) «Усиление производственно-экономического сотрудничества работников промышленности и сельского хозяйства на современном этапе и его социальные последствия».

В ряде выступлений была показана роль межхозяйственного кооперирования в повышении степени обобществления колхозно-кооперативной собственности (Е. С. Ерхан, Г. Н. Топузлу — Кишинев; А. А. Крастиньш — Рига). В сообщении Л. Е. Файна (Иваново) прослежены этапы развития кооперативно-колхозной собственности, отмечено, что некоторые организационные принципы кооперации находят применение и в промышленности. А. П. Тюрнина (Москва) и С. И. Сдобнов, анализируя активные процессы сближения двух форм собственности, указывали на ошибочность имеющейся в литературе точки зрения о том, что преобразование колхозов в совхозы — главный путь превращения колхозно-кооперативной формы собственности в общенародную.

Большой интерес вызвал доклад П. И. Симуша (Москва) «Проблемы сближения сельского и городского образа жизни». Докладчик отметил, что, хотя в условиях развитого социализма деревня качественно изменилась, специфика ее по сравнению с городом остается. Понятие «сельский образ жизни» многоплановое, включает в себя множество сторон жизнедеятельности сельского населения, имеет свои особенности: сезонность труда, зависимость от почвенно-климатических условий, трудовая взаимосвязь между поселениями, личное подсобное хозяйство и др. Различные аспекты проблемы изучены не одинаково. Если социально-экономические условия жизни сельского населения активно исследуются, то вопросы духовной жизни затрагиваются в меньшей степени. И. П. Симуш заострил внимание присутствующих на обратном влиянии села на город, на необходимости совместными усилиями специалистов смежных наук изучать взаимодействие городских и сельских стандартов, систем ценностей, образа жизни и т. д. Многие положения доклада П. И. Симуша были поддержаны и развиты другими выступающими: М. А. Вылцаном (Москва) — «Городская и сельская среда обитания в условиях развитого социализма», А. С. Сенявским (Москва) — «Роль города в социальном развитии советской деревни в 60-е—70-е годы» и т. д. В ходе обсуждения высказывалась мысль о том, что есть черты сельского образа жизни, которые нужно сохранить и развить (Н. П. Павлов, Е. И. Индова — Москва). По мнению же К. Н. Санукова, (Йошкар-Ола), есть единый социалистический образ жизни и выделение сельского неправомерно. Можно говорить о сельском укладе социалистического образа жизни.

Большая группа докладов и выступлений была посвящена сближению социальной структуры города и деревни. С. Л. Сенявский (Москва) в докладе «Сближение социальной структуры города и деревни в условиях развитого социалистического общества», отметил, что этот процесс имел место на различных этапах строительства социализма, но в условиях развитого социалистического общества социальная структура деревни меняется радикально. Деревня перестала быть только колхозной. Преобладающая часть ее населения — рабочие, служащие.

Конкретные изменения в социальной структуре деревни Белоруссии показаны в докладе Л. М. Лыча (Минск), Украины — Ю. А. Курносова (Киев), Азербайджана — Ф. С. Маниева (Баку), Туркмении — Я. Оразклычева (Ашхабад), Удмуртии — Н. П. Павлова (Ижевск). Подчеркивая общие закономерности изменения социальной структуры села, выступавшие отмечали и специфические особенности их проявления в республиках, регионах. Социально-экономические последствия реорганизации МТС и изменения в социальной структуре деревни в связи с этой реформой, индустриализацией сельскохозяйственного труда были рассмотрены в выступлениях И. И. Алексеенко (Краснодар), В. Б. Чистякова (Москва), В. А. Кузьева (Николаев), Н. И. Кульбаки (Донецк).

Динамика социальной структуры, миграция населения, сближение городского и сельского образа жизни имеют не только региональные, но и национальные особенности, которые необходимо учитывать при анализе процессов, происходящих в стране в целом — такова основная мысль доклада Ю. В. Арутюяна (Москва) «Нацио-

нально-региональное многообразие в процессах сближения города и деревни». Автор выделяет два региона: Прибалтику, где очень высока подвижность населения, и республики Средней Азии и Казахстана с более устойчивыми формами сельской жизни. В восточных районах заметнее различия с другими республиками и страной в целом по доле городского населения, классовому составу, уровню квалификации; село в большей мере влияет на город, в большей мере сказывается сила традиций. Докладчик подчеркнул необходимость учитывать национальные особенности не только в научных трудах, но и при практическом планировании экономики и трудовых ресурсов.

Основные положения доклада Ю. В. Арутюняна были подтверждены на конкретном местном материале в выступлениях К. Н. Санукова и Г. П. Белоруквой (Ижевск). В то же время С. Г. Кащенко (Симферополь) высказался против преувеличения национальных особенностей. По его мнению, на активность миграции сельского населения, его ориентацию влияют не столько традиции, сколько экономические факторы.

Важным направлением ликвидации различий между городом и деревней является сближение культурного уровня городского и сельского населения. Этой теме был посвящен доклад Т. А. Кудриной (Москва). Она отметила два основных направления сближения: взаимовлияние, интеграция позитивных черт города и деревни; дальнейший подъем культурного уровня деревни. Однако многие учреждения культуры села не отвечают возросшим требованиям населения. Подъем культурного уровня села на современном этапе требует создания комплекса учреждений культуры, увеличения их фондов, оперативности в обслуживании сельского населения. Необходимо совершенствовать воспитательную работу на селе, поддерживать в сельских тружениках стремление к улучшению культуры труда и быта, развитию творчества и т. д. При этом надо учитывать особенности психологии сельских жителей, народные традиции в образе жизни.

Один из существенных факторов сближения культурного уровня города и деревни освещен в докладе Л. Н. Денисовой (Москва), которая на материалах переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг. показала подъем образовательного уровня сельского населения в результате школьной реформы 1958 г. и введения всеобщего среднего образования.

В выступлениях Л. И. Дремовой (Новосибирск), С. В. Попова (Москва), А. М. Завальнюка (Каменец-Подольский) на конкретных фактах проанализированы различные стороны роста культурного уровня сельского населения.

Социально-инфраструктурные аспекты сближения города и деревни были раскрыты в докладе Ю. Б. Стракача (Москва).

На конференции были рассмотрены также вопросы сближения города и деревни в общественно-политической жизни. В докладе А. В. Лосева (Воронеж) прослежены основные факторы повышения уровня общественно-политической жизни деревни: рост влияния коммунистов в сельскохозяйственном производстве и в общественной жизни, увеличение числа партийных организаций и межхозяйственных предприятий, удельного веса женщин в составе депутатов сельских Советов, расширение социальной базы сельских профсоюзных организаций. Однако из-за оттока молодежи, отметил докладчик, число комсомольских организаций на селе в ряде областей растет медленно.

Повышению общественно-политической активности тружеников украинского села был посвящен доклад П. П. Панченко (Киев). А. К. Шустов (Кострома) в своем выступлении рассказал о социологических исследованиях, проведенных Костромским пединститутом, которые показали, что степень активности общественно-политической жизни города и села в области, примерно, одинакова.

Г. Б. Куликова (Москва) отметила возросшее внимание местных органов власти к проблемам комплексного развития села, повышение ответственности депутатов в этом вопросе. Н. И. Каменчук (Иваново) и другие показали рост творческой активности сельских тружеников, который находит выражение в дальнейшем совершенствовании социалистического соревнования, активизации движения рационализаторов и т. д.

Изменения в социально-правовом положении колхозников в послевоенные годы были рассмотрены в выступлении Ч. Э. Симоновича (Ленинград).

Проблемы современного села не заслонили от участников конференции исторический аспект многих вопросов обсуждаемой темы. Вопросы ликвидации противоположности между городом и деревней и роли этого фактора в укреплении союза рабочего класса и крестьянства на различных этапах социалистического строительства были рассмотрены в докладах П. С. Григорчука (Винница), В. П. Дмитренко (Москва), выступлениях И. Г. Серегинной (Калинин), Т. П. Мироновой (Москва), А. П. Ермака (Полтава). Большой интерес вызвал доклад Н. К. Фигуровской (Москва) «Проблемы преодоления противоположности между городом и деревней и их сближения в историко-экономической литературе 20—30-х годов», в котором была показана степень изученности взаимоотношений между городом и деревней в переходный период и поиска путей индустриализации сельскохозяйственного производства.

О состоянии архивных источников по обсуждаемой проблеме, подготовке и разработке документов учреждений сельскохозяйственного профиля, межколхозных объединений рассказала представитель Главного архивного управления при Совете Министров СССР К. К. Миронова (Москва). Она отметила расширение изданий справочной литературы, документальных публикаций, в частности, по кооперативно-колхозному строительству, по истории культурного строительства и др.

Критика концепций буржуазных советологов по вопросам сближения города и деревни прозвучала в докладе А. Л. Айзенштадта (Гомель) «Современная англо-американская литература о взаимоотношениях города и деревни, рабочего класса и крестьянства СССР», а также в выступлении В. П. Курюшкина (Рязань).

В отдельных выступлениях были высказаны предложения по дальнейшей организации исследовательской работы. А. П. Тюрина считает целесообразным обсуждать отдельные дискуссионные вопросы в иных, нежели конференция, формах, например, за «круглым столом». Р. П. Толмачева (Свердловск) поставила вопрос о необходимости создания в системе Академии наук единой комплексной исследовательской программы по проблеме «Город и деревня». Результатом осуществления этой программы должны, по ее мнению, явиться методологические и конкретные научные разработки, которые имели бы выход в практику управления сельским хозяйством и регулирования социально-экономических процессов в городе и деревне.

Эти и другие пожелания нашли отражение в рекомендациях, записанных в решениях конференции.

Подводя итоги конференции, И. М. Волков (Москва) отметил, что работа конференции была плодотворной. Было привлечено внимание обществоведов к дальнейшей разработке важной научной проблемы, уточнено содержание понятий — «противоположность между городом и деревней», «существенные различия между городом и деревней», скорректирована периодизация процессов сближения города и деревни, выявлены наиболее важные аспекты темы, нуждающиеся в углубленном исследовании.

Закрывая конференцию, М. П. Ким подчеркнул необходимость продолжения изучения проблем сближения города и деревни, более полного использования уже достигнутого опыта, основываясь на историческом подходе к оценке явлений прошлого и настоящего. При решении задачи преодоления существенных различий между городом и деревней на современном этапе необходимо показывать ведущую роль рабочего класса, учитывать национальные особенности общего закономерного процесса. В целом конференция внесла известный вклад в исследование актуальной в научном и практическом отношении темы.

В. В. Кабанов, Т. В. Привалова

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

(Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто)

В июне 1984 г. в Институте истории СССР АН СССР состоялись Чтения памяти выдающегося советского историка члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Ученый широкого профиля, посвятивший свою жизнь изучению генезиса и эволюции феодальных отношений у народов Восточной Европы (Древней Руси, Прибалтики, славян), В. Т. Пашуто в последние годы много занимался сравнительно-типологическим исследованием общественного строя Древнерусского государства — проблемой особого научного значения и политической актуальности. Тема «Общественный и государственный строй Древней Руси в сравнительно-типологическом аспекте» была в центре внимания первых Чтений памяти ученого. В конференции приняло участие около 100 ученых из Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Вильнюса, на ней было прослушано 28 докладов и сообщений.

Во вступительном слове, а также в своем докладе академик А. Л. Нарочницкий подчеркнул, что труды В. Т. Пашуто впервые в международной историографии показали важную роль, которую Древняя Русь как одно из ведущих европейских государств играла в средневековом мире. Академик М. В. Нечкина остановилась на организаторской деятельности В. Т. Пашуто. Неистощимый на идеи, он всегда был полон замыслов, которые со свойственной ему энергией проводил в жизнь. По его инициативе был создан сектор истории древнейших государств на территории СССР и основаны новые серийные издания, подготовлены коллективные труды, организованы научные конференции. Политико-воспитательному значению трудов ученого уделил внимание в своем выступлении академик А. М. Самсонов. Популярными монографиями и статьи, публичные лекции и доклады В. Т. Пашуто учили внимательному, бережному отношению к прошлому своей Родины. В. И. Буганов подчеркнул то значение, которое В. Т. Пашуто придавал источниковедению как древнерусским, так и зарубежным источникам. Прекрасный знаток средневековых памятников, он стремился к комплексному изучению письменных, археологических и других источников, основал первое в международной практике многотомное издание «Древнейшие источники по истории народов СССР». Писатель Ю. А. Андреев и критик В. Д. Оскоцкий (Москва) отметили заслуги В. Т. Пашуто в популяризации исторических знаний и установлении творческих контактов между литераторами и историками.

Научные доклады и сообщения концентрировались вокруг трех проблем: социально-политическая история собственно Древней Руси, сравнительно-исторический анализ государственных институтов Древней Руси и других европейских стран, некоторые аспекты общественного строя государств Европы в сравнительно-типологическом аспекте.

Первая тема была представлена двумя проблемными и рядом конкретно-исторических докладов. А. П. Новосельцев (Москва) охарактеризовал основные черты древнерусской государственности в сравнении с некоторыми другими средневековыми государствами. Он подчеркнул необходимость строго научного исследования древнерусских и иноязычных источников по истории Руси и сопредельных стран с позиций ленинского историзма. М. Б. Свердлов (Ленинград) в докладе «Критерии прогресса в изучении общественного строя Древней Руси», анализируя историографию проблемы, поставил вопрос о путях и формах изучения раннефеодального государства, Я. Н. Шапов (Москва) исследовал формирование церковной организации на Руси в конце X—XII вв. как одного из государственных институтов. Г. Г. Литаврин (Москва) в своем докладе «К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения Ольги» предложил новую интерпретацию византийских и древнерусских источников, позволяющую датировать это событие не 957 г., а 946 г. Я. Д. Исаевич (Львов) охарактеризовал особенности общественного и политического строя Галицко-Волынского княжества, свидетельствующие о его тесных связях с соседними Венгрией и Польшей. В своем докладе «Отражение государственной структуры Руси эпохи феодальной раздробленности в „Слове о полку Игореве“» Н. Ф. Котляр (Киев) обратился к анализу коллективного сюзеренитета в Киеве.

В сообщении В. А. Кучкина (Москва) «К биографии Александра Невского» предпринята попытка установить родословную матери Александра Невского, которой, по мнению автора, была Ростислава-Феодосия, дочь князя Мстислава Удалого. А. Л. Хорошкевич (Москва) высказала предположение, что Боровицкие ворота Московского Кремля получили название от г. Боровска, присоединение которого к Московскому княжеству было важным шагом на пути формирования Русского централизованного государства. С. В. Завадская (Москва) проанализировала употребленные термины «болярин» («боярин») в письменных источниках XI—XIV вв., придя к заключению, что термин появился на Руси под влиянием греческой переводной литературы.

Во второй группе докладов большое место занимало сравнительно-историческое исследование некоторых аспектов образования и развития государственного строя на Руси, в Польше и других странах. И. П. Шаскольский (Ленинград) показал типологическую и относительную хронологическую близость основных этапов зарождения и укрепления государств на Руси и в Скандинавии. Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин (Москва) на основе археологических и письменных источников осветили взаимосвязь между эволюцией раннегородских центров и становлением государственности в Древней Руси и Скандинавии. Г. В. Глазырина и Т. Н. Джаксон (Москва) в докладе «Старая Ладога в скандинавских сагах (древнерусское кормление и скандинавская вейцла)» обратили внимание на типологическое сходство этих институтов. В своем докладе «Об особенностях материального обеспечения церкви в Древней Руси и у западных славян в период раннего средневековья» Б. Н. Флоря (Москва) показал более тесную взаимосвязь церкви и государства в Древней Руси, чем у западных славян. Н. И. Щавелева (Москва) отметила влияние польской социальной терминологии на обозначение древнерусских институтов в древнепольских источниках. В. Ф. Инкин (Львов) пришел к выводу о длительном сохранении элементов древнерусских правовых норм в обычной судебной практике Галицкой земли. Доклад В. М. Бейлиса «Арабские авторы X в. о племенном строе и государственности у народов Европы» содержал новую оценку данных восточных источников по проблеме. А. В. Назаренко (Москва) обосновал существование коллективного сюзеренитета на ранних этапах становления государства на материалах Древней Руси, Франкского королевства, Норвегии. Сообщение Л. С. Чекина (Москва) содержало характеристику сведений о восточноевропейском регионе нашей страны в западноевропейских средневековых географических описаниях.

В рамках третьей проблемы — социально-политический строй стран Европы — Ю. Л. Бессмертный (Москва) в докладе «Международные отношения в Западной Европе раннего средневековья и вторжения варваров» рассмотрел взаимодействие местного романизованного населения с вторгшимися германскими племенами на территории Галлии в ходе становления раннегосударственных образований. А. А. Свиандзе (Москва) в докладе «О формах личной зависимости в Северной Европе (древность и средние века)» проследила эволюцию института рабства в Скандинавских странах в связи со становлением феодальных отношений. Говоря о чертах государственности в раннефеодальной Латвии (X—XIII вв.), Е. Л. Назарова (Москва) обратила особое внимание на зарождение феодальных отношений уже до начала немецкой агрессии в Прибалтике. Экспансия Тевтонского Ордена в Нижнее Понеманье в XIII — начале XIV в. и борьба с ней — тема доклада Р. К. Батуры (Вильнюс). И. С. Чичуров (Москва) провел типологическое сопоставление государственности в Византии и на Руси, показал возможности для такого сравнения, отметив принципиальные различия основных параметров. А. И. Сидоров (Москва) осветил византийские источники (флорилегии) «Изборника Святослава 1073 г.», в значительной степени определившие его композиционные особенности.

Научная актуальность проблематики конференции обусловила живой интерес специалистов. Регулярное (раз в три года) проведение Чтений памяти В. Т. Пашуто и публикация докладов в ежегоднике «Древнейшие государства на территории СССР» будут способствовать дальнейшему изучению истории Древней Руси в период генезиса феодальной формации и становления раннефеодальных государств.

Т. М. Калинина

К 50-ЛЕТИЮ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК СССР И ЦК ВКП(б) «О ПРЕПОДАВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ В ШКОЛАХ СССР»

11—12 мая 1984 г. в Воронеже состоялась научная конференция «Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) „О преподавании гражданской истории в школах СССР“ 15 мая 1934 года и советская историческая наука», организованная зональной секцией Научного совета Отделения истории АН СССР по проблеме «История исторической науки». Конференция стала первым в нашей историографии глубоким обсуждением проблем развития истории исторической науки в середине и второй половине 30-х гг.

Открывая конференцию, проректор Воронежского университета В. В. Гусев отметил общественно-политическую и научную актуальность постановления, ознаменовавшего начало нового этапа в развитии исторической науки и преподавании истории.

Группа докладов была посвящена предыстории постановления от 15 мая 1934 г. И. П. Попов (Рязань) раскрыл его историческую обусловленность факторами внутриполитического и внешнеполитического порядка, назревшими потребностями научного развития и преподавания исторических дисциплин в общеобразовательной и высшей школе. В докладе О. В. Волобуева (Москва) получила отражение борьба различных концепций школьного преподавания истории в 20-х — начале 30-х гг. и деятельность Методической комиссии Общества историков-марксистов. А. И. Гайворонский (Воронеж) осветил первые опыты преподавания истории советского общества в школах РСФСР в 1918—1921 гг. На основе Конституции 1918 г. Участие академика Е. В. Тарле в подготовке постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. было раскрыто Е. И. Чапкевичем (Орел).

Тематика следующей группы докладов — перестройка преподавания истории и деятельность советских ученых по созданию учебников для средней и высшей школы. И. Н. Олегина (Ленинград) сделала обзор материалов журнала «Борьба классов» о путях реализации постановления от 15 мая 1934 г.; А. К. Швыдько (Днепропетровск) проследила отражение качественных изменений в исторической науке и историческом образовании на Украине в научной периодике середины 30-х — начала 40-х гг. В докладах А. Г. Колоскова и Л. А. Чижова (Москва) рассматривалась организационно-методическая деятельность Наркомпроса РСФСР по созданию школьных программ и учебников по истории во второй половине 30-х гг., история их макетирования, апробации и массового издания. Проблемы создания первых марксистских учебников по новой истории для средней и высшей школы были подняты в докладах В. А. Дунаевского (Москва) и Л. Е. Кертмана (Пермь); при этом В. А. Дунаевский обратил особое внимание на роль учебников в оформлении марксистско-ленинской концепции новой истории, а Л. Е. Кертман остановился главным образом на сложных вопросах обратного воздействия сформированного учебника на направление, состояние, стиль и методы научных исследований в области новой истории. Роли Института истории АН СССР в создании учебников по истории для вузов и школ в 1936—1941 гг. был посвящен доклад Т. А. Игнатенко (Москва). В докладе В. А. Алленовой (Воронеж) сопоставлена реформа высшего исторического образования 1934—1940 гг. с предшествующим опытом университетской подготовки кадров историков и обществоведов. О воздействии постановления от 15 мая 1934 г. на преподавание исторических и архивоведческих дисциплин в Историко-архивном институте говорилось в докладе Л. И. Деминой и В. А. Муравьева (Москва). Роль постановления в подготовке учебников по национальной истории для школ Украинской ССР с середины 30-х гг. до настоящего времени проанализировал В. Г. Сарбей (Киев). Итоги изучения реформы высшего исторического образования в СССР в 20-х—30-х гг. в современной советской историографии были подведены Г. Д. Алексеевой.

Третья группа докладов отразила роль постановления в развитии исторических исследований. О его влиянии на совершенствование методов исторического изучения говорилось в докладе А. В. Санцевича, о значении для развития советской археологии, соотношении различных областей археологических исследований до и после выхода постановления и их воздействии на эволюцию научных школ — в докладе А. Д. Пряхина (Воронеж). О влиянии постановления на изучение истории первой

русской революции и дальнейшее освоение ленинской концепции революции сообщил В. А. Муравьев (Москва). К. Б. Виноградов (Ленинград) проанализировал разработку советскими историками проблемы возникновения первой мировой войны, остановившись на вопросах преодоления вульгарно-социологических построений историографии 20-х гг. А. С. Барсенков (Москва) рассмотрел основные факторы развития историографии советского общества в 1946—1955 гг. в свете партийно-правительственных постановлений по вопросам исторической науки 30-х гг. Л. В. Чекурин (Рязань) раскрыл роль постановления от 15 мая 1934 г. в развитии советского исторического краеведения.

В состоявшейся на конференции оживленной дискуссии были подняты вопросы о соотношении тенденций развития исторической науки в 20-е—начале 30-х гг. и в середине и второй половине 30-х гг., о характере освещения эволюции взглядов отдельных советских историков на рубеже 20-х—30-х гг., о проблемах связи постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» с современностью. По итогам конференции предполагается издание двух научных сборников.

В. А. Муравьев

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Басов Алексей Васильевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник
Института истории СССР АН СССР

Кирсанов Николай Андреевич — доктор исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Свердлов Федор Давыдович — доктор исторических наук, профессор Военной академии
им. М. В. Фрунзе

Бромлей Юлиан Владимирович — академик, директор Института этнографии АН
СССР

Ингульская Лидия Антоновна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории АН СССР

Овсянников Алексей Алексеевич — научный сотрудник Института истории СССР
АН СССР

Астрахан Ханан Маркович — доктор исторических наук, профессор Ленинградского
института инженеров железнодорожного транспорта

Копылов Алексей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий сек-
тором Института истории СССР АН СССР

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1984 ГОДУ

К 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне

- Басов А. В.— Борьба Советского Союза за изменение соотношения сил в ходе войны, № 6, с. 3—16.
Кирсанов Н. А.— Военно-мобилизационная деятельность Советского государства (1941—1945 гг.), № 6, с. 16—30.
Кирьян М. М.— 1944 год — год решающих побед Советских Вооруженных Сил, № 5, с. 3—21.
Свердлов Ф. Д.— Боевой путь Литовской дивизии в годы Великой Отечественной войны, № 6, с. 30—39.

Статьи

- Актуальные проблемы изучения истории СССР, № 2, с. 3—19.
Баковецкий О. Д.— СССР и социалистическая экономическая интеграция, № 2, с. 20—37.
Бромлей Н. Я.— Усиление социальной однородности образа жизни в обществе реального социализма, № 1, с. 28—42.
Акад. Бромлей Ю. В.— К изучению национальных процессов социалистического общества в контексте этнической истории, № 6, с. 40—56.
Брук С. И., Кабузан В. М.— Миграция населения в России в XVIII — начале XX века (Численность, структура, география), № 4, с. 41—59.
Виноградов Н. Н.— Углубление социалистической демократии и массовые организации трудящихся, № 4, с. 3—20.
Проф. Горский А. Д., чл.-кор. АН СССР Ковальченко И. Д., чл.-кор. АН СССР Кукушкин Ю. С., акад. АПН СССР Федосов И. А.— Изучение отечественной истории на историческом факультете Московского государственного университета (К 50-летию создания факультета), № 5, с. 22—48.
Загладин В. В.— Советский Союз в борьбе за прекращение гонки вооружений (70—80-е годы), № 1, с. 3—27.
Ингульская Л. А.— Договор 1948 года — хартия добрососедства СССР и Финляндии: история, особенности, значение, № 6, с. 57—70.
Кузьмин М. С., Сергеев В. А. (Ленинград) — Участие национальных республик СССР в международном культурном обмене в 20—30-е годы, № 1, с. 43—54.
Куликов В. И.— Забота о благе чело- века — высшая цель социализма, № 3, с. 3—20.
Лыч Л. М. (Минск).— Вклад рабочего класса БССР в производственное развитие агропромышленного комплекса республики, № 3, с. 21—33.
Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.— Древнерусские влия- ния в культуре Скандинавии раннего Средневековья (К постановке пробле- мы), № 3, с. 50—65.
Розенталь И. С.— О количестве, чис- ленности и составе профсоюзов в цар- ской России, № 1, с. 55—71.
Седов М. Г.— Современники и историки о русском нигилизме, № 5, с. 49—65.
Скрынников Р. Г. (Ленинград) — На- родные выступления в 1602—1603 годах, № 2, с. 57—70.
Соловьева А. М.— Прибыли крупной промышленной буржуазии в акционер- ных обществах России в конце XIX — на- чале XX века, № 3, с. 34—49.
Станиславский А. Л.— Правитель- ственная политика по отношению к «вольному» казачеству (1612—1619 гг.), № 5, с. 66—79.
Фридберг Л. Я.— Образование госу- дарственного продовольственного фонда СССР (1946—1980 гг.), № 4, с. 21—40.
Царанов В. И. (Кишинев) — Социали- стические преобразования в сельском хо- зяйстве Молдавской ССР, № 2, с. 38— 56.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

- Ананьич Б. В. (Ленинград) — История России второй половины XIX века в тру- дах П. А. Зайончковского (К 80-летию со дня рождения), № 5, с. 80—88.
Астрахан Х. М. (Ленинград) — Об ис- пользовании мемуаров об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде как исторического источника, № 6, с. 80—96.
Бородкин Л. И., Соколов А. К.— Опыт создания базы данных на основе анкетных сведений о делегатах съездов Советов, № 2, с. 84—97.
Виноградов В. М., Гельман-Ви- ноградов К. Б., Черешня А. Г.— Машиночитаемые документы (Некото- рые аспекты источниковедческого анали- за и формирования архивных комплек- сов), № 4, с. 92—104.
Горский А. А.— Экономические приме- чания к Генеральному межеванию как исторический источник по истории сельского хозяйства России во второй половине XVIII века (Опыт количест- венного анализа), № 6, с. 117—122.
Горяева Т. М.— Радиогазета 20-х — начала 30-х годов как исторический ис- точник, № 1, с. 72—86.
Жакупова Н. В. (Караганда) — Ме- муары как источник для изучения орга- низационной сплоченности революционе- ров-разночинцев 1870-х годов (Опыт ко- личественного анализа), № 1, с. 87—96.
Дробижев В. З.— Социальная полити- ка Советского государства и рабочий класс (Некоторые итоги и задачи изуче- ния проблемы), № 2, с. 71—84.

- Козлов В. П.—Полемика вокруг «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина в отечественной периодике (1818—1830 гг.), № 5, с. 88—102.
- Копылов А. Н.—О сущности культуры и роли исторической науки в изучении культурно-исторического процесса, № 6, с. 96—109.
- Крикунов В. И. (г. Грозный) — О книге П. Г. Рындинского о крестьянах и городе в капиталистической России, № 6, с. 109—116.
- Левыкин К. Г., Разгон А. М.—Экспозиция музея и историческая наука (К столетию первой экспозиции Государственного Исторического музея), № 3, с. 66—76.
- Матвеева О. В.—Агитационные сочинения декабристов — членов Южного общества и петрашевцев. Источниковедческий анализ, № 5, с. 102—109.
- Мурадалиева Э. Б. (Баку) — Акционерная статистика России конца XIX — начала XX века как источник по истории промышленного капитализма, № 3, с. 84—89.
- Назаров В. Д.—О феодальном землевладении в Новгородской республике (К выходу книги В. Л. Янина «Новгородская феодальная вотчина» /Историко-генеалогическое исследование/), № 2, с. 112—121.
- Новосельцев А. П.—Творческий путь В. Т. Пашуто, № 4, с. 80—91.
- Овсянников А. А.—Источниковедческое изучение произведений В. И. Ленина (октябрь 1917—1923 гг.), № 6, с. 71—79.
- Ортабаев В. Х. (г. Орджоникидзе) — Социально-экономические отношения у горских народов Северного Кавказа в конце XIX — начале XX века в советской историографии, № 2, с. 98—112.
- Павленко Н. И.—О некоторых спорных вопросах социально-экономического развития России в XVII — первой половине XIX века (По поводу книги «Эволюция феодализма в России»), № 3, с. 94—101.
- Преображенский А. А.—Некоторые итоги и спорные вопросы изучения начала присоединения Сибири к России (По поводу книги Р. Г. Скрынникова «Сибирская экспедиция Ермака»), № 1, с. 101—118.
- Рафи-заде И. Р. (Баку) — Статистические приложения к «Материалам для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края» как исторический источник, № 3, с. 89—94.
- Советские историки — к 60-летию образования СССР (Обзор литературы за 1981—1983 гг.), № 4, с. 60—80.
- Стрельский В. И.** (Киев) — К вопросу о произведениях изобразительного искусства как историческом источнике, № 1, с. 96—101.
- Швагуляк М. Н. (Львов) — Советские историки об антинаучном характере нацистского «остфоршунга», № 3, с. 76—83.
- Сообщения**
- Алафаев А. А.—Русско-турецкая война 1877—1878 годов на страницах журнала «Вестник Европы», № 4, с. 143—150.
- Анисимов М. Г.—Экспедиция уполномоченного ВЦИК, № 6, с. 132—138.
- Асфандияров А. З. (Уфа) — Башкирская семья в конце XVIII — первой половине XIX века, № 4, с. 150—161.
- Беспятых Ю. Н. (Ленинград) — Сочинение Л. Ю. Эренальма «Состояние России при Петре I» (1714 г.), № 5, с. 141—150.
- Гараев Г. Г. (Тюмень) — Борьба за обществование промышленности на Урале в первые годы Советской власти, № 2, с. 122—129.
- Герасименко Г. А.—Противодействие крестьян стольпинской аграрной политике, № 3, с. 128—140.
- Горев В. А. (Минск) — Культурная работа на общественных началах в условиях развитого социализма (На опыте Белорусской ССР), № 1, с. 119—127.
- Елисеев С. А.—О времени создания А. М. Курбским «Истории о великом князе Московском», № 3, с. 151—154.
- Зайнетдинов Ш. Р. (Уфа) — Социально-классовая структура Башкирской АССР в 60—70-е годы, № 6, с. 123—132.
- Зайцев А. Д. Люди бессмертного подвига, № 1, с. 128—149.
- Кабанов В. В.—Самые первые (О возникновении и численности сельскохозяйственных коммун и артелей в 1917 г.), № 2, с. 129—137.
- Кобрин В. Б.—Из истории правительственной политики в области княжеского и вотчинного землевладения в XV—XVI веках (Законы 1551, 1562 и 1572 гг.), № 1, с. 172—184.
- Копытский Б. З. (Минск) — Хозяйство белорусского крестьянина в конце XVI — первой половине XVII века, № 2, с. 148—157.
- Костина Р. В.—Московский городской совнархоз в решении вопросов управления промышленностью столицы (1918—1920 гг.), № 3, с. 116—128.
- Кулакова И. Ф. (Владивосток) — Некоторые вопросы развития рабочего класса Дальнего Востока СССР в условиях зрелого социализма, № 5, с. 110—120.
- Куц А. М. (Харьков), Рихтер К. (Прага, ЧССР) — У истоков советско-чехословацкого боевого содружества (О подвиге советских и чехословацких воинов в боях против гитлеровских захватчиков под Соколовом на Харьковщине), № 3, с. 110—116.
- Кучеренко М. М. (Таганрог) — К вопросу о создании советской системы подготовки рабочих кадров (1917—1920 гг.), № 4, с. 111—122.
- Кучкин В. А.—К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.), № 6, с. 149—161.
- Кушнирук С. В.—О некоторых формах конкурентной борьбы внутри синди-

- ката «Продуголь», № 4, с. 129—143.
- Левит И. Э. (Кишинев) — Политика фашистской диктатуры Антонеску на временно оккупированной территории СССР, № 5, с. 126—141.
- Любаров П. Е. (Одесса) — Государственная дума и вопросы положения рабочих и служащих торговых заведений (Из истории борьбы большевиков против кадетской политики по рабочему вопросу), № 1, с. 162—172.
- Райг И. Х. (Таллин) — Развитие личного подсобного хозяйства в советской деревне, № 5, с. 120—126.
- Рахматуллин М. А. — Возрастной состав вожаков крестьянского движения в России (1826—1857 гг.), № 6, с. 139—149.
- Сизоненко А. И. — Шесть десятилетий дружбы и взаимопонимания (К 60-летию советско-мексиканских отношений), № 4, с. 105—111.
- Стродс Х. (Рига) — Социальная структура латышского крестьянства в Курляндии (1734—1813 гг.), № 3, с. 140—151.
- Фомин А. И. (Ворошиловград) — Организация руководства просвещением национальных меньшинств в первые годы Советской власти, № 4, с. 123—129.
- Хевролина В. М. — Русская революционно-демократическая мысль 70-х годов XIX века о проблемах войны и мира, № 2, с. 137—148.
- Чернышов Г. И. — Опыт интеграции науки и производства на современном этапе (На материалах Сибирского отделения АН СССР), № 3, с. 102—109.
- Шестак Ю. И. (г. Куйбышев) — Банкротство мелкобуржуазного сионизма в Советской России, № 1, с. 149—162.
- Критика и библиография**
- Книги по истории народов СССР*
- Бикбаев Р. А. (Уфа), Егоров В. М. — Г. Ш. Илишев. Деятельность Башкирской партийной организации по развитию сельского хозяйства (1946—1970 гг.), № 3, с. 163.
- Буга И. И. (Кишинев) — Г. А. Искендеров. История совхозного строительства в Дагестане (1920—1980 гг.), № 3, с. 162—163.
- Чл.-кор. АН СССР Каракеев К.-Г. К. (г. Фрунзе) — И. А. Соктоев, Е. Т. Усубалиев. Высшая школа Советского Киргизстана, № 3, с. 159—161.
- Куманев Г. А. (Москва), Убушаев В. Б. (Элиста) — К. Н. Максимов. Развитие советской национальной государственности (На материалах Калмыцкой АССР), № 3, с. 161.
- Полетаев В. Е., Сануков К. Н. (Йошкар-Ола) — Исследование о национальных отрядах рабочего класса СССР. Обзор, № 3, с. 155—159.
- Книги по истории крестьянства Сибири*
- Горская Н. А., Никитин Н. И. — История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, № 6, с. 171—175.
- Зеленин И. Е. — История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.), № 6, с. 181—184.
- Пронин В. И. (Новосибирск) — История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма, № 6, с. 175—179.
- Тюкавкин В. Г. — Е. И. Соловьева. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период, № 6, с. 179—180.
- Книги по истории культуры и быта феодального периода*
- Бардина П. Е., Бояршинова З. Я., Львова Э. Л. (Томск), Ратушняк В. Н. (Краснодар) — Этнография русского крестьянства Сибири. XVII — середина XIX в., № 4, с. 179—182.
- Громыко М. М. — Русские письменные и устные традиции и духовная культура (По материалам археографических экспедиций МГУ 1966—1980 гг.), № 4, с. 185—187.
- Тоценко Л. Т. (Ростов н/Д) — Л. Н. Семенова. Очерк истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в., № 4, с. 182—184.
- Книги о буржуазной историографии*
- Игрицкий Ю. И. — М. Абдуллин. Борьба без компромиссов (Критика буржуазных концепций разрешения национального вопроса в республиках Поволжья и Урала), № 2, с. 168—171.
- Русинов И. В. — В. Д. Полищук. Критика буржуазной фальсификации аграрной политики КПСС на современном этапе, № 2, с. 164—168.
- Степанов А. В. — З. С. Чертина. Национальные отношения при социализме в буржуазной историографии США, № 2, с. 166—168.
- Аврех А. Я. — Ю. Б. Соловьев. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг., № 2, с. 174—177.
- Аврус А. И. (Саратов) — Е. А. Мельников. В едином строю интернационалистов. Из истории советских секций международных организаций рабочего класса (1919—1939 гг.), № 5, с. 158—159.
- Алуф И. А. — К. Н. Гарновский. Революционная мысль, революционное дело (Ленинская «Искра» в борьбе за создание марксистской партии в России), № 3, с. 166—168.
- Ананьич Б. В. (Ленинград) — И. В. Оржеховский. Самодержавие против революционной России (1826—1880 гг.), № 3, с. 171—174.
- Антонова С. И. — А. М. Панкратова. Рабочий класс России. Избранные труды, № 5, с. 155—157.
- Бич М. О. (Минск) — Рабочий класс России от зарождения до начала XX в., № 2, с. 171—174.

- Бокиев О. Б. (Душанбе) — Д. Ю. Арапов. Бухарское ханство в русской восточноведческой историографии, № 1, с. 198—200.
- Виноградов К. Б., Семенов Л. С. (Ленинград) — Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография, № 3, с. 168—171.
- Гончаров С. М. — Л. М. Гаврилов. Солдатские комитеты в Октябрьской революции, № 6, с. 170—171.
- Гусев К. В. — Историография истории СССР. Эпоха социализма, № 6, с. 164—167.
- Днепров Э. Д. — М. Г. Вандалковская. История изучения русского революционного движения середины XIX века (1890—1917), № 1, с. 193—195.
- Думова Н. Г. — М. И. Светачев. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.), № 6, с. 167—169.
- Илизаров С. С. — Проблемы истории русского города, № 3, с. 176—180.
- Ирошников М. П. (Ленинград) — Е. Н. Городецкий. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930—1960-е годы, № 5, с. 153—155.
- Кизилов Ю. А. (Ульяновск) — А. Н. Сахаров. Дипломатия Святослава, № 2, с. 181—183.
- Чл.-кор. АН СССР Ким Г. Ф. — Ю. В. Бромлей. Очерки теории этноса, № 2, с. 161—164.
- Кирьянов Ю. И. — Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период, № 1, с. 190—193.
- Колычев В. Г. — А. Н. Ацаркин. Пролетарская революция и молодежь. Рожденные комсомола, № 1, с. 187—188.
- Чл.-кор. АН СССР Крушанов А. И., Кулакова И. Ф. (Владивосток) — С. Л. Сеиныйский. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961—1980 гг.), № 1, с. 185—186.
- Лагуткин В. К. — Войсковые комитеты Действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г., № 1, с. 188—190.
- Медушевская О. М. — Источниковедение отечественной истории. Сборник статей, № 6, с. 188—190.
- Мещерский Н. А. (Ленинград), Селиванов Ф. М., Пушкарев Л. Н. — С. Н. Азбелев. Историзм былин и специфика фольклора, № 2, с. 183—185.
- Мироненко С. В. — Мемуары декабристов. Южное общество, № 5, с. 159—162.
- Могильницкий Б. Г. (Томск) — А. М. Сахаров. Методология истории и историография (Статьи и выступления), № 1, с. 204—207.
- Носов Н. Е. (Ленинград) — А. А. Зимин. Россия на рубеже XV—XVI столетий (Очерки социально-политической истории), № 2, с. 177—181.
- Остапенко И. П. — Очерки истории профессиональных союзов Украинской ССР, № 4, с. 162—163.
- Переудина Н. В. — М. Аннанепесов. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII—XIX вв., № 5, с. 168—170.
- Пивовар Е. И. — Е. Г. Гимпельсон. Рабочий класс в управлении Советским государством. Ноябрь 1917—1920 г., № 4, с. 172—174.
- Покровский А. С. — Э. Б. Генкина. Протоколы Совнаркома РСФСР как исторический источник для изучения государственной деятельности В. И. Ленина, № 4, с. 169—171.
- Польский М. П. — В. И. Касьяненко. Советский образ жизни. Проблемы исследования, № 2, с. 158—161.
- Пронштейн А. П. (Ростов н/Д) — Р. Г. Скрынников. Сибирская экспедиция Ермака, № 1, с. 195—198.
- Репида А. В., Мурачу Е. И. (Кишинев) — А. Т. Роман. Участие трудящихся Молдавской АССР в деятельности Советов (1924—1940 гг.), № 4, с. 165—166.
- Робинсон А. Н. — Л. Н. Пушкарев. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века. Очерки истории, № 1, с. 202—204.
- Родионов В. А. — Ю. А. Поляков, В. П. Дмитренко, Н. В. Щербань. Новая экономическая политика. Разработка и осуществление, № 4, с. 167—169.
- Рухманова Э. Д. (Ленинград) — И. С. Шаркова. Россия и Италия: торговые отношения XV — первой четверти XVIII в., № 1, с. 200—202.
- Акад. Самсонов А. М., Корзун Л. И. — Е. Н. Кульков, О. А. Ржешевский, И. А. Чельшев. Правда и ложь о второй мировой войне, № 6, с. 162—163.
- Суринов В. М. — Н. Д. Зольникова. Словесные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства Сибири (XVIII в.), № 4, с. 176—178.
- Сусоколов А. А. — Ю. П. Бокарев. Бюджетные исследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник, № 3, с. 164—165.
- Тартаковский А. Г. — М. А. Фонвин. Сочинения и письма. Том II. Сочинения, № 5, с. 162—166.
- Тельпуховский Б. С. — Б. В. Левшин. Советская наука в годы Великой Отечественной войны, № 5, с. 151—152.
- Ушаков А. В. — В. В. Шелохаев. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг., № 4, с. 174—176.
- Флоринский М. Ф. (Ленинград) — Н. Г. Королева. Первая российская революция и царизм (Совет министров России в 1905—1907 гг.), № 6, с. 184—186.
- Флора Б. Н. — Повесть о победах Московского государства, № 6, с. 186—187.
- Хорошев А. С. — Новгородский исторический сборник. I (II), № 5, с. 170—173.
- Хорошкевич А. Л. — Словарь русского языка XI—XVII веков, № 5, с. 173—177.

- Хромов С. С.—Ташкент в период развитого социализма, № 4, с. 164—165.
- Цамутали А. Н. (Ленинград) — В. О. Ключевский. Неопубликованные произведения, № 3, с. 174—175.
- Чернуха В. Г. (Ленинград) — История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. III. 1857—1894. Ч. 1—4, № 5, с. 166—168.
- История СССР за рубежом**
- Айзенштадт А. Л. (Гомель) — Социально-экономическое развитие современной советской деревни в освещении буржуазной историографии, № 3, с. 181—194.
- Алексеев В. В., Зубков К. И. (Новосибирск) — Проблемы индустриального освоения Сибири в современной буржуазной историографии, № 2, с. 186—198.
- Буганов В. И. — Важный вклад в изучение славянских культур (О деятельности и изданиях Международной ассоциации и Советского комитета по изучению и распространению славянских культур), № 2, с. 198—205.
- Виноградов Н. А. (Ленинград) — Развитие советской науки в условиях НТР и ее буржуазные критики, № 6, с. 191—200.
- Даниелянц К. Г. — Современная англо-американская буржуазная историография о победе и упрочении Советской власти в Закавказье, № 1, с. 208—216.
- Дьяконова И. А. — История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, № 6, с. 202—204.
- Киселев С. А. — Борьба СССР за прекращение гонки вооружений и разоружение в 70-е годы и буржуазная историография, № 4, с. 188—200.
- Лаврентьев А. В. — Книга по истории «Смутного времени», № 6, с. 204—205.
- Манусевич А. Я. — Новая книга о деятельности Ванды Василевской в СССР в годы второй мировой войны, № 5, с. 192—194.
- Мельникова Е. А. — Историзация мифа или мифологизация истории? По поводу книги О. Прицака «Происхождение Руси», № 4, с. 201—209.
- Мионов Б. Н. (Ленинград) — История холопства в России в освещении американского историка, № 3, с. 194—206.
- Молок Ф. А. — Антонин Долейши. Рождение нового мира. Победа пролетарской революции в России, № 6, с. 200—201.
- Муравьев Ю. П. — Историк-марксисты ФРГ о всемирно-историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции и советско-германских отношениях в 20-х — начале 30-х годов, № 5, с. 188—192.
- Романовский Н. В. — История и идеологическая борьба. Великий Октябрь в новейшей буржуазной литературе, № 5, с. 178—188.
- Научная жизнь**
- Андреев В. М., Бычков Г. И. — В Коломенском пединституте, № 5, с. 199—200.
- Аринин А. Н. (Ленинград) — Межвузовская научная конференция «Рабочий класс и культурное строительство в СССР в период развитого социализма», № 1, с. 217—219.
- Бородавкин А. П., Скубневский В. А. (Барнаул) — Региональное совещание преподавателей историографии в Барнауле, № 3, с. 209—210.
- Бугай Н. Ф. — В Институте истории СССР АН СССР, № 3, с. 207.
- Валентинова Р. К. — Конференция в Баку, № 3, с. 210—215.
- Душенко К. В., Либерман А. А. — Совещание историков и библиографов в Государственной библиотеке СССР им. Ленина, № 3, с. 208—209.
- Кабанов В. В., Привалова Т. В. — Проблемы сближения города и деревни. Всесоюзная научная конференция в Москве, № 6, с. 206—209.
- Калинина Т. М. — Общественный и государственный строй Древней Руси в сравнительно-типологическом аспекте (Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто), № 6, с. 209—211.
- Козлов В. П. — В Отделении истории АН СССР, № 2, с. 206—210.
- Крень И. П., Мараш Я. Н. (Гродно) — Историческому факультету Гродненского государственного университета 30 лет, № 4, с. 218—219.
- Муравьев В. А. — К 50-летию постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», № 6, с. 212—213.
- Назарова Е. Л. — Чтения памяти академиков С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина, № 4, с. 212—216.
- Орлик О. В. — IX коллоквиум историков СССР и Франции, № 4, с. 210—212.
- Прохоров В. П., Скворцова А. Ю. — Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. Научный симпозиум в Тамбове, № 2, с. 213—216.
- Репида Л. Е., Роман А. Т. (Кишинев) — IV Всесоюзный семинар по исторической демографии, № 2, с. 210—213.
- Сергеев Т. С. (Чебоксары) — Вопросы интернационального воспитания в курсах истории СССР педагогических институтов (Всесоюзная научно-практическая конференция в Алма-Ате), № 1, с. 219—221.
- Вице-президент Международного комитета славистов академ. АН УССР Тронько П. Т. (Киев) — К итогам IX Международного съезда славистов, № 5, с. 195—198.
- Чальян М. Э. (Ереван) — Всесоюзная научная конференция «Октябрьская революция и молодежь», № 4, с. 216—218.
- Акай Нусупбекович Нусупбеков**, № 3, с. 216—217.
- Памяти Бориса Ильича Краснобаева, № 2, с. 217—218.

СОДЕРЖАНИЕ

К 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне

Басов А. В. — Борьба Советского Союза за изменение соотношения сил в ходе войны	3
Кирсанов Н. А. — Военно-мобилизационная деятельность Советского государства (1941—1945 гг.)	16
Свердлов Ф. Д. — Боевой путь Литовской дивизии в годы Великой Отечественной войны	30

Статьи

Академик Бромлей Ю. В. — К изучению национальных процессов социалистического общества в контексте этнической истории	40
Ингульская Л. А. — Договор 1948 года — хартия добрососедства СССР и Финляндии: история, особенности, значение	57

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Овсянников А. А. — Источниковедческое изучение произведений В. И. Ленина (Октябрь 1917—1923 гг.)	71
Астрахан Х. М. (Ленинград) — Об использовании мемуаров об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде как исторического источника	80
Копылов А. Н. — О сущности культуры и роли исторической науки в изучении культурно-исторического процесса	96
Крикунов В. П. (Грозный) — О книге П. Г. Рындыонского о крестьянах и городе в капиталистической России	109
Горский А. А. — Экономические примечания к Генеральному межеванию как источник по истории сельского хозяйства России во второй половине XVIII века (Опыт количественного анализа)	117

Сообщения

Зайнетдинов Ш. Р. (Уфа) — Социально-классовая структура Башкирской АССР в 60—70-е годы	123
Анисимов М. Г. — Экспедиция уполномоченного ВЦИК	132
Рахматуллин М. А. — Возрастной состав вожakov крестьянского движения в России, (1826—1857 гг.)	139
Кучкин В. А. — К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.)	149

Критика и библиография

Академик Самсонов А. М., Корзун Л. И. — Е. Н. Кульков, О. А. Ржешевский, И. А. Челышев. Правда и ложь о второй мировой войне	162
Гусев К. В. — Историография истории СССР. Эпоха социализма	164
Думова Н. Г. — М. И. Светачев. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.)	167
Гончаров С. М. — Л. М. Гаврилов. Солдатские комитеты в Октябрьской революции	170

Книги по истории крестьянства Сибири

Горская Н. А., Никитин Н. И. — История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма	171
Пронин В. И. (Новосибирск) — История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма	175
Токавкин В. Г. — Е. И. Соловьева. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период	179

Зеленин И. Е. — История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.)	181
Флоринский М. Ф. (Ленинград) — Н. Г. Королева. Первая российская революция и царизм (Совет министров России в 1905—1907 гг.)	184
Флоря Б. Н. — Повесть о победах Московского государства	186
Медушевская О. М. — Источниковедение отечественной истории. Сборник статей	188

История СССР за рубежом

Виноградов Н. А. (Ленинград) — Развитие советской науки в условиях НТР и ее буржуазные критики	191
Молок Ф. А. — Антонии Долейши. Рождение нового мира. Победа пролетарской революции в России	200
Дьяконова И. А. — История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции	202
Лаврентьев А. В. — Книга по истории «Смутного времени»	204

Научная жизнь

Кабанов В. В., Привалова Т. В. — Проблемы сближения города и деревни. Всесоюзная научная конференция в Москве	206
Калинина Т. М. — Общественный и государственный строй Древней Руси в сравнительно-типологическом аспекте. (Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто)	210
Муравьев В. А. — К 50-летию постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР»	212
Сведения об авторах	214
Указатель опубликованных материалов за 1984 год	215

CONTENTS

Toward the 40th Anniversary of the Soviet People's Victory in the Great Patriotic War

Basov A. V. — The Soviet Union's Struggle for the Change in Balance of Forces in the Course of War	3
Kirsanov N. A. — War Mobilization Activities of the Soviet State (1941—1945)	16
Sverdlov F. D. — Combat Road of the Lithuanian Division in the Great Patriotic War	30

Articles

Acad. Bromley Yu. V. — On the Study of National Processes Within Socialist Society in the Context of Ethnic History	40
Ingulskaya L. A. — The Treaty of 1948 — A Charter of Good Neighborship of the USSR and Finland: History, Peculiarities, Significance	57

Historiography, Study of Sources, Methods of Historical Research

Ovsyannikov A. A. — Source Study of V. I. Lenin's Works (October 1917—1923)	71
Astrakhan Kh. M. (Leningrad) — On the Use of Memoirs on the October Armed Uprising in Petrograd as an Historical Source	80
Kopylov A. N. — On the Essence of Culture and Role of Historical Science in the Study of Cultural and Historical Process	96
Krikunov V. P. (Groznyi) — On P. G. Ryndziunsky's Book about Peasants and Town in Capitalist Russia	109
Gorsky A. D. — Economic Notes to the General Land Surveying as a Source in Russian Agricultural History in the Second Half of the 18th Century (an experience in quantitative analysis)	117

Communications

Zainetdinov Sh. R. (Ufa) — Social and Class Structure of the Bashkir ASSR in the 1960's and 1970's	123
Anisimov M. G. — A Cheka Special Agent's Expedition	132
Rakhmatullin M. A. — Age of Peasant Movement Leaders in Russia (1826—1857)	139
Kuchkin V. A. — On the Study of Centralization Processes in Eastern Europe (Rzheva and its <i>volosty</i> in the 14th and 15th centuries)	149

Book Reviews and Bibliography

Acad. Samsonov A. M., Korzun L. I. — Ye. N. Kulkov, O. A. Rzheshhevsky, I. A. Chelyshev. Truth and Lies about the Second World War	162
Gusev K. V. — Historiography of History of the USSR. Socialist Epoch	164
Dumova N. G. — Imperialist Intervention in Siberia and the Far East (1918—1922)	167
Goncharov S. M. — L. M. Gavrilov. Soldier Committees in the October Revolution	170

Books on History of Siberian Peasantry

Gorskaya N. A., Nikitin N. I. — History of Peasantry in Siberia. Siberian Peasantry in the Feudal Epoch	171
Pronin V. I. (Novosibirsk) — History of Peasantry in Siberia. Siberian Peasantry in the Capitalist Epoch	175
Tyukavkin V. G. — Ye. I. Solovyeva. Trades of Siberian Peasantry in the Post-Reform Period	179

Zelenin I. Ye. — History of Peasantry in Siberia. Siberian Peasantry in the Period of Socialist Construction (1917—1937)	181
Florinsky M. F. (Leningrad) — N. G. Koroleva. The First Russian Revolution and Autocracy (Russian Council of Ministers in 1905—1907)	184
Florya B. N. — The Tale of Victories of the Moscow State	186
Medushevskaya O. M. — Source Study of Our Motherland's History. A Collection of Essays	188

History of the USSR in Foreign Studies

Vinogradov N. A. (Leningrad) — Development of Soviet Science under Conditions of Scientific and Technological Revolution and Its Bourgeois Critics	191
Molok F. A. Antonin Dolejsi. The Birth of a New World. The Victory of Proletarian Revolution in Russia	200
Dyakonova I. A. — History of the USSR from Ancient Times to the Great October Socialist Revolution	202
Lavrentyev A. V. — A Book on the History of the «Time of Troubles»	204

Academic Life

Kabanov V. V., Privalova T. V. — Problems of Likening of Town and Village. An All-Union Scientific Conference in Moscow	206
Kalmina T. M. — Social and State System of Ancient Russia in Comparative and Typological Aspects (readings dedicated to the memory of V. T. Pashuto)	210
Muravjev V. A. — Toward 50-Years of Decree of the CPSU Central Committee and the USSR Council of People's Commissariats «About Teaching of Civil History in Schools of the USSR»	212
Authors of This Issue	214
Index of Materials Published in 1984	215

Технический редактор Глинкина Л. И.

Сдано в набор 06.08.84 Подписано к печати 10.11.84 Т-13387 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
 Высокая печать Усл. печ. л. 19,6 Усл. кр.-отт. 189,5 тыс. Уч.-изд. л. 22,2 Бум. л. 7,0
 Тираж 9500 экз. Зак. 4143

Издательство «Наука», 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ НАШЕГО ЖУРНАЛА

**К 40-летию Победы
советского народа в
Великой Отечественной
войне**

КПСС в период военных испытаний
Массовый героизм советских воинов на фронтах
войны

Деятельность ученых-геологов по развитию ми-
нерально-сырьевой базы страны. 1941—1945 гг.

Статьи

Сельское хозяйство Туркменистана на современ-
ном этапе развития и его вклад в выполнение
Продовольственной программы СССР

Страна Советов во время образования СССР:
национальный состав населения

Начало нового этапа рабочего движения в Рос-
сии (К 100-летию Морозовской стачки)

Нормы обычного права поземельных отношений
у крестьян русского Севера в XVII в.

**К 80-летию первой
народной революции
в России**

Всеобщая стачка и вооруженное восстание (из
истории и опыта трех российских революций)

Фабрикант-революционер Николай Павлович
Шмит

**Историография,
источниковедение,
методы исторического
исследования**

Вопросы национально-культурного строительства
народов Северного Кавказа в историографии 60—
70-х годов

Протоколы съездов РСДРП как исторический
источник

Перепись служащих Москвы 1918 г. как источник
по истории интеллигенции

**История СССР
за рубежом**

Борьба большевиков за массы в годы первой
русской революции и буржуазная историография

Советский Союз и страны Африки. Критика но-
вейших буржуазных концепций

Публикуются также различные материалы в разделах «Критика и библиография», «Научная жизнь».